

И Д І О Т Ъ.

И Д Л О Т Ъ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Федора Достоевскаго.

ТОМЪ I.

ЧАСТИ I и II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія К. Замысловскаго. Казанская ул., д. № 33.

1874.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ концѣ ноября, въ оттепель, часовъ въ девять утра, поѣздъ Петербургско-Варшавской желѣзной дороги на всѣхъ парахъ подходилъ къ Петербургу. Было такъ сыро и туманно, что насилу разсвѣло; въ десяти шагахъ, вправо и влѣво отъ дороги, трудно было разглядѣть хоть что-нибудь изъ оконъ вагона. Изъ пассажировъ были и возвращавшіеся изъ-за границы; но болѣе были наполнены отдѣленія для третьяго класса, и все людомъ мелкимъ и дѣловымъ, не изъ очень далека. Всѣ, какъ водится, устали, у всѣхъ отяжелѣли за ночь глаза, всѣ назяблись, всѣ лица были блѣдножелтыя, подъ цвѣтъ тумана.

Въ одномъ изъ вагоновъ третьяго класса, съ разсвѣта, очутились другъ противъ друга, у самаго окна, два пассажира, — оба люди молодые, оба почти на-легкѣ, оба не щегольски одѣтые, оба съ довольно замѣчательными фізіономіями, и оба пожелавшіе, наконецъ, войдти другъ съ другомъ въ разговоръ. Еслибъ они оба знали одинъ про другаго чѣмъ они особенно въ эту минуту замѣчательны, то, конечно, подивились бы, что случай такъ странно посадилъ ихъ другъ противъ друга въ третьекласномъ вагонѣ Петербургско-Варшавскаго поѣзда. Одинъ изъ нихъ былъ небольшого роста, лѣтъ двадцати семи, курчавый и почти черноволосый, съ сѣрыми, маленькими, но огненными глазами. Носъ его былъ широкъ и сплюснутъ, лицо скулистое; тонкія губы безпрерывно складывались въ какую-то наглую, насмѣшливую и даже злую улыбку; но лобъ его былъ высокъ и хорошо сформированъ и скрашивалъ неблагогородно развитую нижнюю часть лица. Особенно примѣтна была въ этомъ лицѣ его мертвая

блѣдность, придававшая всей фізіономіи молодаго человѣка изможденный видъ, несмотря на довольно крѣпкое сложеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то страстное, до страданія, не гармонировавшее съ нахальной и грубою улыбкой и съ рѣзкимъ, самодовольнымъ его взглядомъ. Онъ былъ тепло одѣтъ, въ широкій, мерлушечій, черный, крытый тулупъ, и за ночь не зябъ, тогда какъ сосѣдъ его принужденъ былъ вынести на своей издрогшей спинѣ всю сладость сырой, ноябрьской русской ночи, къ которой, очевидно, былъ не приготовленъ. На немъ былъ довольно широкій и толстый плащъ безъ рукавовъ и съ огромнымъ капюшономъ, точь-въ-точь какъ употребляютъ часто дорожные, по зимамъ, гдѣ-нибудь далеко за границей, въ Швейцаріи, или, на примѣръ, въ Сѣверной Италіи, не считывая, конечно, при этомъ и на такіе концы по дорогѣ, какъ отъ Эйдкунена до Петербурга. Но что годилось и вполне удовлетворяло въ Италіи, то оказалось не совсемъ пригоднымъ въ Россіи. Владелецъ плаща съ капюшономъ былъ молодой человѣкъ, тоже лѣтъ двадцати шести или двадцати семи, роста немного выше средняго, очень бѣлокуръ, густоволосъ, со впалыми щеками и съ легонькою, востренькою, почти совершенно бѣлою бородкой. Глаза его были большіе, голубые и пристальные; во взглядѣ ихъ было что-то тихое, но тяжелое, что-то полное того страннаго выраженія, по которому нѣкоторые угадываютъ съ перваго взгляда въ субъектѣ надучую болѣзнь. Лицо молодаго человѣка было, впрочемъ, пріятное, тонкое и сухое, но безцвѣтное, а теперь даже дѣ-синя иззябшее. Въ рукахъ его болтался тощій узелокъ изъ стараго, полинялаго фуляра, заключавшій, кажется, все его дорожное достояніе. На ногахъ его были толстопошвенные башмаки съ штиблетами, — все не по-русски. Черноволосый сосѣдъ въ крытомъ тулупѣ все это разглядѣлъ, частію отъ нечего дѣлать, и, наконецъ, спросилъ съ тою неделикатною усмѣшкой, въ которой такъ безцеремонно и небрежно выражается иногда людское удовольствіе при неудачахъ ближняго:

— Зябко?

И повелъ плечами.

— Очень, отвѣтилъ сосѣдъ съ чрезвычайною готовностью, — и замѣтите, это еще оттепель. Что жь, еслибы морозъ? Я даже не думалъ, что у насъ такъ холодно. Отвыкъ.

— Изъ-за границы что-ль?

— Да, изъ Швейцаріи.

— Фью! Экъ вѣдь васъ!...

Черноволосый присвистнулъ и захохоталъ.

Завязался разговоръ. Готовность бѣлокураго молодого человека въ швейцарскомъ плащѣ отвѣчать на всѣ вопросы своего черномазаго сосѣда была удивительная и безъ всякаго подозрѣнія совершенной небрежности, неумѣстности и праздности иныхъ вопросовъ. Отвѣчая, онъ объявилъ, между прочимъ, что дѣйствительно долго не былъ въ Россіи, слишкомъ четыре года, что отправленъ былъ за границу по болѣзни, по какой-то странной нервной болѣзни, въ родѣ падучей или Виттовой пляски, какихъ-то дрожаній и судорогъ. Слушая его, черномазый нѣсколько разъ усмѣхался; особенно засмѣялся онъ, когда на вопросъ: „что же, вылѣчили?“ — бѣлокурый отвѣчалъ, что „нѣтъ, не вылѣчили“.

— Хе! Денегъ что, должно-быть, даромъ переплатили, а мы-то имъ здѣсь вѣримъ, язвительно замѣтилъ черномазый.

— Истинная правда! ввязался въ разговоръ одинъ сидѣвшій рядомъ и дурно одѣтый господинъ, нѣчто въ родѣ закурузлаго въ подъячествѣ чиновника, лѣтъ сорока, сильнаго сложенія, съ краснымъ носомъ и угреватымъ лицомъ: — истинная правда-съ, только всѣ русскія силы даромъ къ себѣ переводятъ!

— О, какъ вы въ моемъ случаѣ ошибаетесь, подхватилъ швейцарскій паціентъ, тихимъ и примиряющимъ голосомъ; — конечно, я спорить не могу, потому что всего не знаю, но мой докторъ мнѣ изъ своихъ послѣднихъ еще на дорогу сюда далъ, да два почти года тамъ на свой счетъ содержалъ.

— Что жь, некому платить что ли было? спросилъ черномазый.

— Да, господинъ Павлищевъ, который меня тамъ содержалъ, два года назадъ померъ; я писалъ потомъ сюда те-

неральшѣ Епанчиной, моей дальней родственницѣ, но отвѣта не получилъ. Такъ съ тѣмъ и пріѣхалъ.

— Куда же пріѣхали-то?

— То-есть, гдѣ остановлюсь?... Да не знаю еще, право... такъ....

— Не рѣшились еще?

И оба слушателя снова захохотали.

— И небось въ этомъ узелкѣ вся ваша суть заключается? спросилъ черномазый.

— Объ закладѣ готовъ биться, что такъ, подхватилъ съ чрезвычайно довольнымъ видомъ красноносый чиновникъ, — и что дальнѣйшей поклажи въ багажныхъ вагонахъ не имѣется, хотя бѣдность и не порокъ, чего опять-таки нельзя не замѣтить.

Оказалось, что и это было такъ: бѣлокурый молодой человекъ тотчасъ же и съ необыкновенною посѣшностью въ этомъ признался.

— Узелокъ вашъ все-таки имѣетъ нѣкоторое значеніе, продолжалъ чиновникъ, когда захохотались до сыта (замѣчательно, что и самъ обладатель узелка началъ, наконецъ, смѣяться, глядя на нихъ, что увеличило ихъ веселость), — и хотя можно побиться, что въ немъ не заключается золотыхъ, заграничныхъ свертковъ съ наполеондорами и фридрихдорами, ниже съ голландскими арабчиками, о чемъ можно еще заключить, хотя бы только по штиблетамъ, одекающимъ иностранные башмаки ваши, но.... если къ вашему узелку прибавить въ придачу такую будто бы родственницу, какъ, примѣрно, генеральша Епанчина, то и узелокъ приметъ нѣкоторое иное значеніе, разумѣется, въ томъ только случаѣ, если генеральша Епанчина вамъ дѣйствительно родственница, и вы не ошибаетесь, по разсѣянности.... что очень и очень свойственно человеку, ну хоть.... отъ излишка воображенія.

— О, вы угадали опять, подхватилъ бѣлокурый молодой человекъ, — вѣдь дѣйствительно почти ошибаюсь, то-есть, почти что не родственница; до того даже, что я, право,нисколько и не удивился тогда, что мнѣ туда не отвѣтили. Я такъ и ждалъ.

— Даромъ деньги на франкировку письма истратили. Гм... по крайней мѣрѣ простодушны и искренны, а сіе похвально! Гм... генерала же Епанчина знаемъ-съ, собственно потому, что человѣкъ общеизвѣстный; да и покойнаго господина Павлицева, который васъ въ Швейцаріи содержалъ, тоже знавали-съ, если только это былъ Николай Андреевичъ Павлицевъ, потому что ихъ два двоюродные брата. Другой доселѣ въ Крыму, а Николай Андреевичъ, покойникъ. былъ человѣкъ почтенный и при связяхъ, и четыре тысячи душъ въ свое время имѣли-съ....

— Точно такъ, его звали Николай Андреевичъ Павлицевъ, — и отвѣтивъ, молодой человѣкъ пристально и пытливо оглядѣлъ господина всезнайку.

Эти господа всезнайки встрѣчаются иногда, даже довольно часто, въ извѣстномъ общественномъ слоѣ. Они все знаютъ, вся безпокойная пытливость ихъ ума и способности устремляются неудержимо въ одну сторону, конечно, за отсутствіемъ болѣе важныхъ жизненныхъ интересовъ и взглядовъ, какъ сказалъ бы современный мыслитель. Подъ словомъ: „все знаютъ“ нужно разумѣть, впрочемъ, область довольно ограниченную: гдѣ служить такой-то? съ кѣмъ онъ знакомъ, сколько у него состоянія, гдѣ былъ губернаторомъ, на комъ женатъ, сколько взялъ за женой, кто ему двоюроднымъ братомъ приходится, кто троюроднымъ и т. д., и т. д., и все въ этомъ родѣ. Большею частію эти всезнайки ходятъ съ ободранными локтями и получаютъ по семнадцати рублей въ мѣсяцъ жалованья. Люди, о которыхъ они знаютъ всю подноготную, конечно, не придумали бы какіе интересы руководствуютъ ими, а между тѣмъ многіе изъ нихъ этимъ знаніемъ, равняющимся цѣлой наукѣ, положительно утѣшены, достигаютъ самоуваженія и даже высшаго духовнаго довольства. Да и наука соблазнительная. Я видалъ ученыхъ, литераторовъ, поэтовъ, политическихъ дѣятелей, обрѣтавшихъ и обрѣтшихъ въ этой же наукѣ свои высшія примиренія и цѣли, даже положительно только этимъ сдѣлавшихъ барьеру. Въ продолженіе всего этого разговора черномазый молодой человѣкъ зѣвалъ, смотрѣлъ безъ цѣли въ окно и съ нетерпѣніемъ ждалъ конца путешествія. Онъ былъ какъ-

то разсѣянъ, что-то очень разсѣянъ, чуть-ли не встревоженъ, даже становился какъ-то странно: иной разъ слушалъ и не слушалъ, глядѣлъ и не глядѣлъ, смѣялся и подчасъ самъ не зналъ и не понималъ чему смѣялся.

— А позвольте, съ кѣмъ имѣю честь.... обратился вдругъ угреватый господинъ къ бѣлокурому молодому человѣку съ узелкомъ.

— Князь Левъ Николаевичъ Мышкинъ, отвѣчалъ тотъ съ полною и немедленною готовностью.

— Князь Мышкинъ? Левъ Николаевичъ? Не знаю-съ. Такъ что даже и не слыхивалъ-съ, отвѣчалъ въ раздумьи чиновникъ, — то-есть, я не объ имени, имя историческое, въ Карамзина исторіи найти можно и должно, я объ лицѣ-съ, да и князей Мышкиныхъ ужь что-то нигдѣ не встрѣчается, даже и слухъ затихъ-съ.

— О, еще-бы! тотчасъ же отвѣтилъ князь: — князей Мышкиныхъ теперь и совсѣмъ нѣтъ, кромѣ меня; мнѣ кажется, я послѣдній. А что касается до отцовъ и дѣдовъ, то они у насъ и однодворцами бывали. Отецъ мой былъ, впрочемъ, арміи подпоручикъ, изъ юнкеровъ. Да вотъ не знаю какимъ образомъ и генеральша Епанчина очутилась тоже изъ княженъ Мышкиныхъ, тоже послѣдняя въ своемъ родѣ....

— Хе-хе-хе! Послѣдняя въ своемъ родѣ! Хе-хе! Какъ это вы оборотили, захихикалъ чиновникъ.

Усмѣхнулся тоже и черномазый. Бѣлокурый нѣсколько удивился, что ему удалось сказать довольно, впрочемъ, плохой баламбуръ.

— А представьте, я совсѣмъ не думая сказалъ, пояснилъ онъ, наконецъ, въ удивленіи.

— Да ужь понятно-съ, понятно-съ, весело поддакнулъ чиновникъ.

— А что вы, князь, и наукамъ тамъ обучались, у профессора-то? спросилъ вдругъ черномазый.

— Да.... учился....

— А я вотъ ничему никогда не обучался.

— Да вѣдь и я такъ кой-чему только, прибавилъ князь, чуть не въ извиненіе. — Меня по болѣзни не находили возможнымъ систематически учить.

— Рогожиныхъ знаете? быстро спросилъ черномазый.

— Нѣтъ, не знаю, совсѣмъ. Я вѣдь въ Россіи очень мало кого знаю. Это вы-то Рогожинъ?

— Да, я, Рогожинъ, Пароенъ.

— Пароенъ? Да ужь это не тѣхъ ли самыхъ Рогожиныхъ... началь-было съ усиленною важностью чиновникъ.

— Да, тѣхъ, тѣхъ самыхъ, быстро и съ невѣжливымъ нетерпѣніемъ перебилъ его черномазый, который вовсе, впрочемъ, и не обращался ни разу къ угреватому чиновнику, а съ самаго начала говорилъ только одному князю.

— Да... какже это? удивился до столбняка и чуть не выщучилъ глаза чиновникъ, у котораго все лицо тотчасъ же стало складываться во что-то благоговѣйное и подобострастное, даже испуганное:—это того самаго Семена Пароеновича Рогожина, потомственного почетнаго гражданина, что съ мѣсяць назадъ тому помре и два съ половиной милліона капиталу оставилъ?

— А ты откуда узналъ, что онъ два съ половиной милліона чистаго капиталу оставилъ? перебилъ черномазый, не удостоивая и въ этотъ разъ взглянуть на чиновника:—ишь вѣдь! (мигнулъ онъ на него князю) и что только имъ отъ этого толку, что они прихвостнями тотчасъ-же лѣзутъ? А это правда, что вотъ родитель мой померъ, а я изъ Пскова черезъ мѣсяць чуть не безъ сапогъ домой ѣду. Ни братъ подлець, ни мать, ни денегъ, ни увѣдомленія, — ничего не прислали! Какъ собакѣ! Въ горячкѣ въ Псковѣ весь мѣсяць пролежалъ.

— А теперь милліончикъ слишкомъ разомъ получить приходится, и это по крайней мѣрѣ, о, Господи! всплеснулъ руками чиновникъ.

— Ну чего ему, скажите пожалуйста! раздражительно и злобно кивнулъ на него опять Рогожинъ:—вѣдь я тебѣ ни копѣйки не дамъ, хотъ ты тутъ вверхъ ногами предо мной ходи.

— И буду, и буду ходить.

— Вишь! Да вѣдь не дамъ, не дамъ, хошь цѣлую недѣлю пляши!

— И не давай! Такъ мнѣ и надо; не давай! А я буду плясать. Жену, дѣтей малыхъ брошу, а предъ тобой буду плясать. Польсти, польсти!

— Тьфу тебя! сплюнулъ черномазый. — Пять недѣль назадъ я вотъ какъ и вы, обратился онъ къ князю, — съ однимъ узелкомъ отъ родителя во Псковъ убѣгъ, къ теткѣ; да въ горячкѣ тамъ и слегъ, а онъ безъ меня и помер. Кондрашка пришибъ. Вѣчная память покойнику, а чуть меня тогда до смерти не убилъ! Вѣрите ли, князь, вотъ ей-Богу! Не убѣги я тогда, какъ разъ бы убилъ.

— Вы его чѣмъ-нибудь разсердили? отозвался князь, съ нѣкоторымъ особеннымъ любопытствомъ разсматривая милліонера въ тулупѣ. Но хотя и могло быть нѣчто достопримѣчательное собственно въ милліонѣ и въ полученіи наслѣдства, князя удивило и заинтересовало и еще что-то другое; да и Рогожинъ самъ почему-то особенно охотно взялъ князя въ свои собесѣдники, хотя въ собесѣдничествѣ нуждался, казалось, болѣе механически, чѣмъ нравственно; какъ-то болѣе отъ разсѣянности, чѣмъ отъ простосердечія; отъ тревоги, отъ волненія, чтобы только глядѣть на кого-нибудь и о чемъ-нибудь языкомъ колотить. Казалось, что онъ до сихъ поръ въ горячкѣ, и ужь, по крайней мѣрѣ, въ лихорадкѣ. Что же касается до чиновника, такъ тотъ такъ и повисъ надъ Рогожинымъ, дыхнуть не смѣлъ, ловилъ и взвѣшивалъ каждое слово, точно брилліанта искалъ.

— Разсердился-то онъ разсердился, да можетъ и стоило, отвѣчалъ Рогожинъ, — но меня пуще всего братъ доѣхалъ. Про матушку нечего сказать, женщина старая, Четьи-Миней читаетъ, со старухами сидитъ, и что Сенька-братъ порѣшитъ, такъ тому и быть. А онъ что-же мнѣ знать-то въ свое время не далъ? Понимаемъ-съ! Оно правда, я тогда безъ памяти былъ. Тоже, говорятъ, телеграмма была пущена. Да телеграмма-то къ теткѣ и приди. А она тамъ тридцатый годъ вдовствуетъ и все съ юродивыми сидитъ съ утра до ночи. Монашенка не монашенка, а еще пуще того. Телеграммы-то она испужалась, да не распечатывая въ часть и представила, такъ она тамъ и залегла до сихъ поръ. Только Ко-

невъ, Василій Васильичъ, выручилъ, все отписалъ. Съ покровъ парчеваго на гробъ родителя, ночью, братъ кисти литыя, золотыя, обрѣзалъ: „онѣ дескать эвона какихъ денегъ стоятъ“. Да вѣдь онѣ за это одно въ Сибирь пойдти можетъ, если я захочу, потому оно есть святотатство. Эй ты, пугало гороховое! обратился онѣ къ чиновнику. — Какъ по закону: святотатство?

— Святотатство! Святотатство! тотчасъ-же поддавнуль чиновникъ.

— За это въ Сибирь?

— Въ Сибирь, въ Сибирь! Тотчасъ въ Сибирь!

— Они все думаютъ, что я еще боленъ, продолжалъ Рогожинъ князю, — а я, ни слова не говоря, потихоньку, еще больной, сѣлъ въ вагонъ, да и ѣду; отворяй ворота, братецъ Семенъ Семенычъ! Онѣ родителю покойному на меня наговаривалъ, я знаю. А что я дѣйствительно чрезъ Настасью Филипповну тогда родителя раздражилъ, такъ это правда. Тутъ ужъ я одинъ. Попуталъ грѣхъ.

— Чрезъ Настасью Филипповну? подобострастно промолвилъ чиновникъ, какъ-бы что-то соображая.

— Да вѣдь не знаешь! крикнуль на него въ нетерпѣннн Рогожинъ.

— Анъ и знаю! побѣдоносно отвѣчалъ чиновникъ.

— Эвона! Да мало-ль Настасій Филипповнъ! И какая ты наглая, я тебѣ скажу, тварь! Ну, вотъ такъ и зналъ, что какая-нибудь вотъ этакая тварь такъ тотчасъ-же и повиснетъ! продолжалъ онѣ князю.

— Анъ, можетъ и знаю-съ! тормошилса чиновникъ: — Лебедевъ знаетъ! Вы, ваша свѣтлость, меня укорять изволите, а что коли я докажу? Анъ, та самая Настасья Филипповна и есть, чрезъ которую вашъ родитель вамъ внушить пожелалъ калиновымъ посохомъ, а Настасья Филипповна есть Барашкова, такъ сказать, даже знатная барыня, и тоже въ своемъ родѣ княжна, а знаетса съ нѣкимъ Тодкимъ, съ Аѳанасіемъ Ивановичемъ, съ однимъ исключительно, помѣщикомъ и расканиталистомъ, членомъ компаній и обществъ, и большую дружбу наэтотъ счетъ съ генераломъ Епанчинымъ ведуще...

— Эге, да ты вотъ что! дѣйствительно удивился, наконецъ, Рогожинъ;—тьфу чортъ, да вѣдь онъ и впрямь знаетъ.

— Все знаетъ! Лебедевъ все знаетъ! Я, ваша свѣтлость, и съ Лихачевымъ Алексашкой два мѣсяца ѣздилъ, и тоже послѣ смерти родителя, и всѣ, то-есть, всѣ углы и проулки знаю, и безъ Лебедева, дошло до того, что ни шагу. Нынѣ онъ въ долговомъ отдѣленіи присутствуетъ, а тогда и Армансъ, и Коралию, и княгиню Пацкую, и Настасью Филипповну имѣлъ случай узнать, да и много чего имѣлъ случай узнать.

— Настасью Филипповну? А развѣ она съ Лихачевымъ... злобно посмотрѣлъ на него Рогожинъ, даже губы его поблѣднѣли и задрожали.

— Н-ничего! Н-н-ничего! Какъ есть ничего! спохватился и заторопился поскорѣе чиновникъ:—н-никакими, то-есть, деньгами Лихачевъ доѣхать не могъ! Нѣтъ, это не то что Армансъ. Тутъ одинъ Тоцкій. Да вечеромъ въ Большомъ али во французскомъ театрѣ въ своей собственной ложѣ сидитъ. Офицеры тамъ мало-ли что промежь себя говорятъ, а и тѣ ничего не могутъ доказать: „вотъ, дескать, это есть та самая Настасья Филипповна“, да и только; а насчетъ дальнѣйшаго—ничего! Потому что и нѣтъ ничего.

— Это вотъ все такъ и есть, мрачно и насунувшись подтвердилъ Рогожинъ,—тоже мнѣ и Залѣжевъ тогда говорилъ. Я тогда, князь, въ третьегодняяшней отцовской бекешѣ черезъ Невскій перебѣгалъ, а она изъ магазина выходитъ, въ карету садится. Такъ меня тутъ и прожгло. Встрѣчаю Залѣжева, тотъ не мнѣ чета, ходитъ какъ прикащикъ отъ парикмахера, и лорнетъ въ глазу, а мы у родителя въ смазныхъ сапогахъ, да на постныхъ щахъ отличались. Это, говоритъ, не тебѣ чета, это, говоритъ, княгиня, а зовутъ ее Настасьей Филипповной, фамиліей Баранкова, и живетъ съ Тоцкимъ, а Тоцкій отъ нея какъ отвязаться теперь не знаетъ, потому совсѣмъ, то-есть, лѣтъ достигъ настоящихъ, пятидесяти пяти, и жениться на первѣйшей красавицѣ во всемъ Петербургѣ хочетъ. Тутъ онъ мнѣ и внушилъ, что сегодня же можешь Настасью Филипповну въ Большомъ театрѣ видѣть, въ балетѣ, въ ложѣ своей, въ бенуарѣ, бу-

детъ сидѣть. У насъ, у родителя, попробуй-ка въ балетъ сходить.—одна расправа, убьетъ! Я однакоже на часъ втихомолку сбѣгалъ и Настасью Филипповну опять видѣлъ; всю ту ночь не спалъ. На утро покойникъ даетъ мнѣ два пятипроцентные билета, по пяти тысячъ каждый, сходи дескать да продай, да семь тысячъ пятьсотъ къ Андреевымъ на контору снеси, уплати, а остальную сдачу съ десяти тысячъ, не заходя никуда, мнѣ представь; буду тебя дожидаться. Билеты-то я продалъ, деньги взялъ, а къ Андреевымъ въ контору не заходилъ, а пошелъ никуда не глядя въ англійскій магазинъ, да на всѣ пару подвѣсокъ и выбралъ, по одному бриллиантику въ каждой, эдакъ почти какъ по орѣху будутъ, четыреста рублей долженъ остался, имя сказалъ, повѣрили. Съ подвѣсками я къ Залежеву: такъ и такъ, идемъ братъ къ Настасьѣ Филипповнѣ. Отправились. Чтò у меня тогда подъ ногами, чтò предо мною, чтò по бокамъ, ничего я этого не знаю и не помню. Прямо къ ней въ залу вошли, сама вышла къ намъ. Я, то-есть, тогда не сказался, что это я самый и есть; а „отъ Паррена дескать Рогожина“, говоритъ Залежевъ, „вамъ въ память встрѣчи вчерашняго дня; соблаговолите принять“. Раскрыла, взглянула, усмѣхнулась: „благодарите, говоритъ, вашего друга господина Рогожина за его любезное вниманіе“, откланялась и ушла. Ну, вотъ зачѣмъ я тутъ не померъ тогда же! Да если и пошелъ, такъ потому что думалъ: „все равно, живой не вернусь!“ А обиднѣе всего мнѣ то показалось, что этотъ бестія Залежевъ все на себя присвоилъ. Я и ростомъ малъ, и одѣтъ какъ холуй, и стою, молчу, на нее глаза пялю, потому стыдно, а онъ по всей модѣ, въ помадѣ и завитой, румяный, галстухъ клѣтчатый, — такъ и разсыпается, такъ и расшаркивается, и ужъ навѣрно она его тутъ вмѣсто меня приняла! „Ну, говорю, какъ мы вышли, ты у меня теперь тутъ не смѣй и подумать, понимаешь!“ Смѣется: „а вотъ какъ-то ты теперь Семену Парренычу отчетъ отдавать будешь?“ Я, правда, хотѣлъ было тогда-же въ воду, домой не заходя, да думаю: „вѣдь ужъ все равно“, и какъ ока-янный воротился домой.

— Эхъ! Ухъ! кривился чиновникъ, и даже дрожь его пробирала:—а вѣдь покойникъ не то что за десять тысячъ, а за десять цѣлковыхъ на тотъ свѣтъ сживывалъ, кивнулъ онъ князю. Князь съ любопытствомъ разсматривалъ Рогожина; казалось, тотъ былъ еще блѣднѣе въ эту минуту.

— Сживывалъ! переговорилъ Рогожинъ:—ты что знаешь? Тотчасъ, продолжалъ онъ князю,—про все узналъ, да и Залежевъ каждому встрѣчному пошелъ болтать. Взялъ меня родитель, и наверху заперъ, и цѣлый часъ поучалъ. „Это я только, говоритъ, предуготовляю тебя, а вотъ я съ тобой еще на ночь попрощаться зайду“. Что жъ ты думаешь? Поѣхалъ съдой къ Настасьѣ Филипповнѣ, земно ей кланялся, умолялъ и плакалъ; вынесла она ему наконецъ коробку, шваркнула: „Вотъ, говоритъ, тебѣ, старая борода, твои серьги, а онѣ мнѣ теперь въ десять разъ дороже цѣной, коли изъ-подъ такой грозы ихъ Пароень добывалъ. Кланяйся, говоритъ, и благодари Пароена Семеныча“. Ну, а я этой порой, по матушкину благословенію, у Сережки Протушина двадцать рублей досталъ, да во Псковъ по машинѣ и отправился, да приѣхалъ-то въ лихорадкѣ; меня тамъ свѣтцами зачитывать старухи принялись, а я пьянъ сижу, да пошелъ потомъ по кабакамъ на послѣднія, да въ безчувствіи всю ночь на улицѣ и провалялся, анъ къ утру горячка, а тѣмъ временемъ за ночь еще собаки обгрызли. На силу очнулся.

— Ну-съ, ну-съ, теперь запоешь у насъ Настасья Филипповна! потирая руки хихикалъ чиновникъ:—теперь, сударь, что подвѣски! Теперь мы такія подвѣски вознаградимъ....

— А то, что если ты хоть разъ про Настасью Филипповну какое слово молвишь, то вотъ тебѣ Богъ, тебя высѣку, даромъ что ты съ Лихачевымъ ѣздилъ, вскрикнулъ Рогожинъ, крѣпко схвативъ его за руку.

— А коли высѣчешь, значить и не отвергнешь! Сѣки! Высѣкъ, и тѣмъ самымъ запечатлѣлъ.... А вотъ и приѣхали!

Дѣйствительно, вѣзжали въ воксаль. Хотя Рогожинъ и говорилъ, что онъ уѣхалъ тихонько, но его уже поджидали нѣсколько человекъ. Они кричали и махали ему шапками.

— Ишь, и Залезевъ тутъ! пробормоталь Рогожинъ, смотря на нихъ съ торжествующею и даже какъ бы злобною улыбкой, и вдругъ оборотился къ князю: — Князь, неизвѣстно мнѣ за что я тебя полюбилъ. Можетъ, оттого, что въ эдакую минуту встрѣтилъ, да вотъ вѣдь и его встрѣтилъ (онъ указаль на Лебедева), а вѣдь не полюбилъ же его. Приходи ко мнѣ, князь. Мы эти штиблетишки-то съ тебя снимаемъ, одѣну тебя въ кунью шубу въ первѣйшую; фракъ тебѣ сошью первѣйшій, жилетку бѣлую, али какую хошь, денегъ полны карманы набью и... поѣдемъ къ Настасьѣ Филипповнѣ! Придешь, али нѣтъ?

— Внимайте, князь Левъ Николаевичъ! внушительно и торжественно подхватилъ Лебедевъ. — Ой, не упускайте! Ой, не упускайте!...

Князь Мышкинъ привсталъ, вѣжливо протянулъ Рогожину руку и любезно сказалъ ему:

— Съ величайшимъ удовольствіемъ приду и очень васъ благодарю за то, что вы меня полюбили. Даже, можетъ-быть, сегодня же приду, если успѣю. Потому, я вамъ скажу откровенно, вы мнѣ сами очень понравились и особенно, когда про подвѣски брилліантовыя рассказывали. Даже и прежде подвѣсокъ понравились, хотя у васъ и сумрачное лицо. Благодарю васъ тоже за обѣщанныя мнѣ платья и за шубу, потому мнѣ дѣйствительно платье и шуба скоро понадобятся. Денегъ же у меня въ настоящую минуту почти ни копѣйки нѣтъ.

— Деньги будутъ, къ вечеру будутъ, приходи!

— Будутъ, будутъ, подхватилъ чиновникъ, — къ вечеру до зари еще будутъ!

— А до женскаго пола вы, князь, охотникъ большой? Сказывайте раньше!

— Я н-н-нѣтъ! Я вѣдь... Вы, можетъ-быть, не знаете, я вѣдь по прирожденной болѣзни моей даже совсѣмъ женщинъ не знаю.

— Ну, коли такъ, воскликнулъ Рогожинъ, — совсѣмъ ты, князь, выходишь юродивый, и такихъ какъ ты Богъ любитъ!

— И такихъ Господь Богъ любитъ, подхватилъ чиновникъ.

— А ты ступай за мной, строка, сказалъ Рогожинъ Лебедеву, и всѣ вышли изъ вагона.

Лебедевъ кончилъ тѣмъ, что достигъ своего. Скоро шумная ватага удалилась по направленію къ Вознесенскому проспекту. Князю надо было повернуть къ Литейной. Было сыро и мокро; князь разспросилъ прохожихъ, — до конца предстоявшаго ему пути выходило версты три, и онъ рѣшился взять извозчика.

II.

Генералъ Епанчинъ жилъ въ собственномъ своемъ домѣ, нѣсколько въ сторонѣ отъ Литейной, къ Спасу Преображенія. Кромѣ этого (превосходнаго) дома, пять шестыхъ котораго отдавались въ наемъ, генералъ Епанчинъ имѣлъ еще огромный домъ на Садовой, приносившій тоже чрезвычайный доходъ. Кромѣ этихъ двухъ домовъ, у него было подъ самымъ Петербургомъ весьма выгодное и значительное помѣстье; была еще въ Петербургскомъ уѣздѣ какая-то фабрика. Въ старину генералъ Епанчинъ, какъ всѣмъ извѣстно было, участвовалъ въ откупахъ. Нынѣ онъ участвовалъ и имѣлъ весьма значительный голосъ въ нѣкоторыхъ солидныхъ акціонерныхъ компаніяхъ. Слылъ онъ человѣкомъ съ большими деньгами, съ большими занятіями и съ большими связями. Въ иныхъ мѣстахъ онъ сумѣлъ сдѣлаться совершенно необходимымъ, между прочимъ и на своей службѣ. А между тѣмъ извѣстно тоже было, что Иванъ Ѳедоровичъ Епанчинъ — человѣкъ безъ образованія и происходитъ изъ солдатскихъ дѣтей; послѣднее, безъ сомнѣнія, только къ чести его могло относиться, но генералъ, хоть и умный былъ человѣкъ, былъ тоже не безъ маленькихъ, весьма простительныхъ слабостей и не любилъ иныхъ намековъ. Но умный и ловкій человѣкъ онъ былъ безспорно. Онъ, на примѣръ, имѣлъ систему не выставляться, гдѣ надо ступшевываться, и его многіе цѣнили именно за его простоту, именно за то, что онъ зналъ всегда свое мѣсто. А между тѣмъ, еслибы только вѣдали эти судьи, что происходило иногда на душѣ у Ивана Ѳедоровича, такъ

хорошо знавшаго свое мѣсто! Хоть и дѣйствительно онъ имѣлъ и практику, и опытъ въ житейскихъ дѣлахъ, и нѣкоторыя, очень замѣчательныя способности, но онъ любилъ, выставляя себя болѣе исполнителемъ чужой идеи чѣмъ съ своимъ царемъ въ головѣ, человекомъ „безъ лести преданнымъ“, и—куда пойдетъ вѣкъ?—даже русскимъ и сердечнымъ. Въ послѣднемъ отношеніи съ нимъ приключилось даже нѣсколько забавныхъ анекдотовъ; но генераль никогда не унывалъ, даже и при самыхъ забавныхъ анекдотахъ; къ тому же и везло ему, даже въ картахъ, а онъ игралъ по чрезвычайной большой и даже съ намѣреніемъ не только не хотѣлъ скрывать эту свою маленькую будто бы слабость къ карточкамъ, такъ существенно и во многихъ случаяхъ ему приходявшуюся, но и выставлялъ ее. Общества онъ былъ смѣшаннаго, разумѣется, во всякомъ случаѣ „тузоваго“. Но все было впереди, время терпѣло, время все терпѣло, и все должно было придти современемъ и своимъ чередомъ. Да и лѣтами генераль Епанчинъ былъ еще, какъ говорится, въ самомъ соку, то-есть пятидесяти шести лѣтъ и нивакъ не болѣе, что во всякомъ случаѣ составляетъ возрастъ цвѣтущій, возрастъ, съ котораго, по-настоящему, начинается истинная жизнь. Здоровье, цвѣтъ лица, крѣпкіе, хотя и черные зубы, боренастое, плотное сложеніе, озабоченное выраженіе физиономіи по утру на службѣ, веселое въ вечеру за картами или у его сіятельства,—все способствовало настоящимъ и грядущимъ успѣхамъ и устигало жизнь его превосходительства розами.

Генераль обладалъ цвѣтушимъ семействомъ. Правда, тутъ уже не все были розы, но было за то и много такого, на чемъ давно уже начали серьезно и сердечно сосредоточиваться главнѣйшія надежды и цѣли его превосходительства. Да и что, какая цѣль въ жизни важнѣе и святѣе цѣлей родительскихъ? Къ чему прикрѣпиться, какъ не къ семейству? Семейство генерала состояло изъ супруги и трехъ взрослыхъ дочерей. Женился генераль еще очень давно, еще будучи въ чинѣ поручика, на дѣвицѣ почти одного съ нимъ возраста, не обладавшей ни красотой, ни образованіемъ, за которою

онъ взялъ всего только пятьдесятъ душъ, — правда и послужившихъ къ основанію его дальнѣйшей фортуны. Но генераль никогда не ропталъ въ послѣдствіи на свой ранній бракъ, никогда не третировалъ его какъ увлеченіе нерасчетливой юности и супругу свою до того уважалъ и до того иногда боялся ея, что даже любилъ. Генеральша была изъ княжескаго рода Мышкиныхъ, рода хотя и не блестящаго, но весьма древняго, и за свое происхожденіе весьма уважала себя. Нѣкто изъ тогдашнихъ вліятельныхъ лицъ, одинъ изъ тѣхъ покровителей, которымъ покровительство, впрочемъ, ничего не стоитъ, согласился заинтересоваться бракомъ молодой княжны. Онъ отворилъ калитку молодому офицеру и толкнулъ его въ ходъ, а тому даже и не толчка, а только развѣ одного взгляда надо было — не пропалъ бы даромъ! За немногими исключеніями, супруги прожили все время своего долгаго юбилея согласно. Еще въ очень молодыхъ лѣтахъ своихъ, генеральша умѣла найти себѣ, какъ урожденная княжна и послѣдняя въ родѣ, а можетъ-быть и по личнымъ качествамъ, нѣкоторыхъ очень высокихъ покровительницъ. Въ послѣдствіи, при богатствѣ и служебномъ значеніи своего супруга, она начала въ этомъ высшемъ кругу даже нѣсколько и осваиваться.

Въ эти послѣдніе годы подросли и созрѣли всѣ три генеральскія дочери, Александра, Аделаида и Аглая. Правда, всѣ три были только Еланчины, но по матери роду княжескаго, съ приданнымъ не малымъ, съ родителемъ, претендующимъ въ послѣдствіи, можетъ-быть, и на очень высокое мѣсто и, что тоже довольно важно, — всѣ три были замѣчательно хороши собой, не исключая и старшей, Александры, которой уже минуло двадцать пять лѣтъ. Средней было двадцать три года, а младшей, Аглаѣ, только-что исполнилось двадцать. Эта младшая была даже совсѣмъ красавица и начинала въ свѣтѣ обращать на себя большое вниманіе. Но и это было еще не все: всѣ три отличались образованіемъ, умомъ и талантами. Извѣстно было, что онѣ замѣчательно любили другъ друга и одна другую поддерживали. Упоминалось даже о какихъ-то будто бы пожертвованіяхъ двухъ

старшихъ въ пользу общаго домашняго идола — младшей. Въ обществѣ онѣ не только не любили выставляться, но даже были слишкомъ скромны. Никто не могъ ихъ упрекнуть въ высокомеріи и заносчивости, а между тѣмъ знали, что онѣ горды и цѣну себѣ понимаютъ. Старшая была музыкантша, средняя была замѣчательный живописецъ; но объ этомъ почти никто не зналъ многие годы, и обнаружилось это только въ самое послѣднее время, да и то нечаянно. Однимъ словомъ, про нихъ говорилось чрезвычайно много похвальнаго. Но были и недоброжелатели. Съ ужасомъ говорилось о томъ, сколько книгъ онѣ прочитали. Замужъ онѣ не торопились; извѣстнымъ кругомъ общества хотя и дорожили, но все же не очень. Это тѣмъ болѣе было замѣчательно, что всѣ знали направленіе, характеръ, цѣли и желанія ихъ родителя.

Было уже около одиннадцати часовъ, когда князь позвонилъ въ квартиру генерала. Генераль жилъ во второмъ этажѣ и занималъ помещеніе по возможности скромное, хотя и пропорціональное своему значенію. Князю отворилъ ливрейный слуга, и ему долго нужно было объясняться съ этимъ человѣкомъ, съ самаго начала посмотрѣвшимъ на него и на его узелокъ подозрительно. Наконецъ, на неоднократное и точное заявленіе, что онъ дѣйствительно князь Мышкинъ, и что ему непременно надо видѣть генерала по дѣлу необходимому, недоумѣвающій человѣкъ препроводилъ его, рядомъ, въ маленькую переднюю, передъ самою пріемной, у кабинета, и сдалъ его съ рукъ на руки другому человѣку, дежурившему по утрамъ въ этой передней и докладывавшему генералу о посѣтителяхъ. Этотъ другой человѣкъ былъ во фракѣ, имѣлъ за сорокъ лѣтъ и озабоченную фізіономію и былъ спеціальнымъ, кабинетный прислужникъ и докладчикъ его превосходительства, вслѣдствіе чего и зналъ себѣ цѣну.

— Подождите въ пріемной, а узелокъ здѣсь оставьте, проговорилъ онъ, неторопливо и важно усаживаясь въ свое кресло и съ строгимъ удивленіемъ посматривая на князя, расположившагося тутъ же рядомъ подлѣ него на стулѣ, съ своимъ узелкомъ въ рукахъ.

— Если позволите, сказалъ князь, — я бы подождать лучше здѣсь съ вами, а тамъ что жь мнѣ одному?

— Въ передней вамъ не стать, потому вы посѣтитель, иначе гость. Вамъ къ самому генералу?

Лакей, видимо, не могъ примириться съ мыслью впустить такого посѣтителя и еще разъ рѣшился спросить его.

— Да, у меня дѣло.... началъ было князь.

— Я васъ не спрашиваю какое именно дѣло, — мое дѣло только объ васъ доложить. А безъ секретаря, я сказалъ, докладывать о васъ не пойду.

Подозрительность этого человѣка, казалось, все болѣе и болѣе увеличивалась; слишкомъ ужь князь не подходилъ подъ разрядъ вседневныхъ посѣтителей, и хотя генералу довольно часто, чуть не ежедневно, въ извѣстный часъ приходилось принимать, особенно по *отламъ*, иногда даже очень разнообразныхъ гостей, но несмотря на привычку и инструкцію, довольно широкую, камердинеръ былъ въ большомъ сомнѣніи; посредничество секретаря для доклада было необходимо.

— Да вы точно.... изъ-за границы? какъ-то невольно спросилъ онъ наконецъ — и сбился; онъ хотѣлъ, можетъ-быть, спросить: «Да вы точно князь Мышкинъ?»

— Да, сейчасъ только изъ вагона. Мнѣ кажется, вы хотѣли спросить: точно ли я князь Мышкинъ? да не спросили изъ вѣжливости.

— Гмъ.... промычалъ удивленный лакей.

— Увѣряю васъ, что я не солгалъ вамъ, и вы отвѣчать за меня не будете. А что я въ такомъ видѣ и съ узелкомъ, то тутъ удивляться нечего; въ настоящее время мои обстоятельства не казисты.

— Гмъ. Я опасаясь не того, видите ли. Доложить я обязанъ, и къ вамъ выйдетъ секретарь, окромя если вы.... Вотъ то-то вотъ и есть что окромя. Вы не по бѣдности просить къ генералу, осмѣлюсь, если можно узнать?

— О нѣтъ, въ этомъ будьте совершенно удостовѣрены. У меня другое дѣло.

— Вы меня извините, а я на васъ глядя спросилъ. По-

дождите секретаря; самъ теперь занять съ полковникомъ, а затѣмъ придетъ и секретарь.... компанейскій.

— Стало-быть, если долго ждать, то я бы васъ попросилъ: нельзя ли здѣсь гдѣ-нибудь покурить? У меня трубка и табакъ съ собой.

— По-ку-рить? съ презрительнымъ недоумѣніемъ вскинулъ на него глаза камердинеръ, какъ бы все еще не вѣра ушамъ;— покурить? Нѣтъ, здѣсь вамъ нельзя покурить, а къ тому же вамъ стыдно и въ мысляхъ это содержать. Хе.... чудно-съ!

— О, я вѣдь не въ этой комнатѣ просилъ; я вѣдь знаю; а я бы вышелъ куда-нибудь, гдѣ бы вы указали, потому я привыкъ, а вотъ ужъ часа три не курилъ. Впрочемъ, какъ вамъ угодно и, знаете, есть пословица въ чужой монастырь....

— Ну какъ я объ васъ объ такомъ доложу? пробормоталъ почти невольно камердинеръ.—Первое то, что вамъ здѣсь и находится не слѣдуетъ, а въ пріемной сидѣть, потому вы сами на линіи посѣтителя, иначе гость, и съ меня спросится.... Да вы что же у насъ жить что ли намѣрены? прибавилъ онъ, еще разъ наклонившись на узелокъ князя, очевидно не дававшій ему покоя.

— Нѣтъ, не думаю. Даже еслибъ и пригласили, такъ не останусь. Я просто познакомиться только пріѣхалъ и больше ничего.

— Какъ? Познакомиться? съ удивленіемъ и съ утроенною подозрительностью спросилъ камердинеръ: - какъ же вы сказали сперва, что по дѣлу?

— О, почти не по дѣлу! То-есть, если хотите, и есть одно дѣло, такъ только совѣта спросить, но я, главное, чтобъ отрекомендоваться, потому я князь Мышкинъ, а генеральша Епанчина тоже послѣдняя изъ княженъ Мышкиныхъ, и бромъ меня съ нею Мышкиныхъ больше и нѣтъ.

— Такъ вы еще и родственникъ? встрепенулся уже почти совсѣмъ испуганный лакей.

— И это почти что нѣтъ. Впрочемъ, если натягивать, конечно родственники, но до того отдаленные, что, по-настоящему, и считаться даже нельзя. Я разъ обращался къ ге-

генеральшѣ изъ-за границы съ письмомъ, но она мнѣ не отвѣтила. Я все-таки почелъ нужнымъ завязать сношенія по возвращеніи. Вамъ же все это теперь объясняю, чтобы вы не сомнѣвались, потому вижу, вы все еще беспокоитесь: доложите, что князь Мышкинъ, и ужь въ самомъ докладѣ причина моего посѣщенія видна будетъ. Примутъ — хорошо, не примутъ — тоже, можетъ-быть, очень хорошо. Только не могутъ, кажется, не принять: генеральша ужь конечно захочетъ видѣть старшаго и единственнаго представителя своего рода, а она породу свою очень цѣнитъ, какъ я объ ней въ точности слышалъ.

Казалось бы, разговоръ князя былъ самый простой; но чѣмъ онъ былъ проще, тѣмъ и становился въ настоящемъ случаѣ нелѣпѣе, и опытный камердинеръ не могъ не почувствовать что-то, что совершенно прилично человѣку съ человекомъ и совершенно неприлично гостю съ *человѣкомъ*. А такъ какъ *люди* гораздо умнѣе чѣмъ обыкновенно думаютъ про нихъ ихъ господа, то и камердинеру зашло въ голову, что тутъ два дѣла: или князь такъ какой-нибудь потаскунъ и непременно пришелъ на бѣдность просить, или князь просто дурачокъ и амбиціи не имѣетъ, потому что умный князь и съ амбиціей не сталъ бы въ передней сидѣть и съ лакеемъ про свои дѣла говорить, а стало-быть, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, не пришлось бы за него отвѣчать?

— А все-таки вамъ въ пріемную бы пожаловать, замѣтилъ онъ по возможности настойчивѣе.

— Да вотъ сидѣлъ бы тамъ, такъ вамъ бы всего и не объяснилъ, весело засмѣялся князь, — а стало-быть вы все еще беспокоились бы, глядя на мой плащъ и узелокъ. А теперь вамъ, можетъ, и секретаря ждать нечего, а пойдти бы и доложить самимъ.

— Я посѣтителя такого какъ вы безъ секретаря доложить не могу, а къ тому же и сами, особливо давеча, заказали ихъ не тревожить ни для кого, пока тамъ полковникъ, а Гаврила Ардаліонычъ безъ доклада идетъ.

— Чиновникъ-то?

— Гаврила-то Ардаліонычъ? Нѣтъ. Онъ въ Компа-

вѣи отъ себя служить. Узелокъ-то постановьте хоть вонъ сюда.

— Я ужь объ этомъ думалъ; если позволите. И знаете, сниму я и плащъ?

— Конечно, не въ плащѣ же входить къ нему.

Князь всталъ, поспѣшно снялъ съ себя плащъ и остался въ довольно приличномъ и ловко сшитомъ, хотя и поношенномъ уже пиджакѣ. По жилету шла стальная цѣпочка. На цѣпочкѣ оказались женевскіе серебряные часы.

Хотя князь былъ и дурачокъ, — лакей ужь это рѣшилъ, — но все-таки генеральскому камердинеру показалось, наконецъ, неприличнымъ продолжать долѣе разговоръ отъ себя съ посетителемъ, несмотря на то что князь ему почему-то нравился, въ своемъ родѣ, конечно. Но съ другой точки зрѣнія онъ возбуждалъ въ немъ рѣшительное и грубое негодованіе.

— А генеральша когда принимаетъ? спросилъ князь, усаживаясь опять на прежнее мѣсто.

— Это ужь не мое дѣло-съ. Принимаютъ розно, судя по лицу. Модистку и въ одиннадцать допустить. Гаврилу Ардалионыча тоже раньше другихъ допускаютъ, даже къ раннему завтраку допускаютъ.

— Здѣсь у васъ въ комнатахъ теплѣе чѣмъ за границей зимой, замѣтилъ князь, — а вотъ тамъ зато на улицахъ теплѣе нашего, а въ домахъ зимой — такъ русскому человѣку и жить съ непривычки нельзя.

— Не топятъ?

— Да, да и дома устроены иначе, то-есть печи и окна.

— Гм! А долго вы изволили ѣздить?

— Да четыре года. Впрочемъ, я все на одномъ почти мѣстѣ сидѣлъ, въ деревнѣ.

— Отвыкли отъ нашего-то?

— И это правда. Вѣрите ли, дивлюсь на себя какъ говорить по-русски не забылъ. Вотъ съ вами говорю теперь, а самъ думаю: „а вѣдь я хорошо говорю“. Я, можетъ, потому такъ много и говорю. Право, со вчерашняго дня все говорить по-русски хочется.

— Гм! Хе! Въ Петербургѣ-то прежде живали? (Какъ не

връшился лакей, а невозможно было не поддержать такой учтивый и вѣжливый разговоръ).

— Въ Петербургѣ? Совсѣмъ почти нѣтъ, такъ только проѣздомъ. И прежде ничего здѣсь не зналъ, а теперь столько, слышно, новаго, что, говорятъ, кто и зналъ-то, такъ сызнова узнавать переучивается. Здѣсь про суды теперь много говорятъ.

— Гм!... Суды. Суды-то оно правда, что суды. А что, какъ тамъ, справедливѣе въ судѣ или нѣтъ?

— Не знаю. Я про наши много хорошаго слышалъ. Вотъ опять у насъ смертной казни нѣтъ.

— А тамъ казнятъ?

— Да. Я во Франціи видѣлъ, въ Ліонѣ. Меня туда Шнейдеръ съ собою бралъ.

— Вѣшаютъ?

— Нѣтъ, во Франціи все головы рубятъ.

— Что же, кричить?

— Куды! Въ одно мгновеніе. Человѣка владутъ, и падаетъ этакій широкій ножъ, по машинѣ, гильйотиной называется, тяжело, сильно... Голова отскочитъ такъ, что и глазомъ не успѣешь мигнуть. Приготовленія тяжелы. Вотъ когда объявляютъ приговоръ, снаряжаютъ, вяжутъ, на эшафотъ взводятъ, вотъ тутъ ужасно! Народъ сбѣгается, даже женщины, хоть тамъ и не любятъ, чтобы женщины глядѣли.

— Не ихъ дѣло.

— Конечно! Конечно! Этакую муку!... Преступникъ былъ человѣкъ умный, безстрашный, сильный, въ лѣтахъ, Легро по фамиліи. Ну вотъ, я вамъ говорю, вѣрьте не вѣрьте, на эшафотъ всходилъ — плакалъ, бѣлый какъ бумага. Развѣ это возможно? Развѣ не ужасъ? Ну кто же со страху плачетъ? Я и не думалъ, чтобъ отъ страху можно было заплакать не ребенку, человѣку, который никогда не плакалъ, человѣку въ сорокъ пять лѣтъ. Что же съ душой въ эту минуту дѣлается, до какихъ судорогъ ее доводятъ? Надругательство надъ душой, больше ничего! Сказано: „не убій“, такъ за то, что онъ убилъ, и его убивать? Нѣтъ, это нельзя. Вотъ я

уль мѣсяцъ назадъ это видѣль, а до сихъ поръ у меня какъ предъ глазами. Разъ пять снилось.

Князь даже одушевился говоря, легкая краска проступила въ его блѣдное лицо, хотя рѣчь его попрежнему была тихая. Камердинеръ съ сочувствующимъ интересомъ слѣдилъ за нимъ, такъ что оторваться, кажется, не хотѣлось; можетъ-быть, тоже былъ человѣкъ съ воображеніемъ и попыткой на мысль.

— Хорошо еще вотъ, что муки не много, замѣтилъ онъ, — когда голова отлетаетъ.

— Знаете ли что? горячо подхватилъ князь: — вотъ вы это замѣтили, и это всѣ точно такъ же замѣчаютъ, какъ вы, и машина для того выдумана гильйотина. А мнѣ тогда же пришла въ голову одна мысль: а что, если это даже и хуже? Вамъ это смѣшно, вамъ это дико кажется, а при нѣкоторомъ воображеніи даже и такая мысль въ голову вскочить. Подумайте: если, напримѣръ, пытка; при этомъ страданіи и раны, мука тѣлесная, и стало-быть, все это отъ душевнаго страданія отвлекаетъ, такъ что однѣми только ранами и мучаешься, вплоть пока умрешь. А вѣдь главная, самая сильная боль, можетъ, не въ ранахъ, а вотъ, что вотъ знаешь навѣрно, что вотъ черезъ часъ, потомъ черезъ десять минутъ, потомъ черезъ полминуты, потомъ теперь, вотъ сейчасъ — душа изъ тѣла вылетитъ, и что человѣкомъ ужъ больше не будешь, и что это ужъ навѣрно; главное то, что *навѣрно*. Вотъ какъ голову кладешь подъ самый ножъ и слышишь, какъ онъ склизнетъ надъ головой, вотъ эти-то четверть секунды всего и страшнѣе. Знаете ли, что это не моя фантазія, а что такъ многіе говорили? Я до того этому вѣрю, что прямо вамъ скажу мое мнѣніе. Убивать за убійство несообразно большее наказаніе чѣмъ самое преступленіе. Убійство по приговору несообразно ужаснѣе чѣмъ убійство разбойничье. Тотъ, кого убиваютъ разбойники, рѣжутъ ночью, въ лѣсу или какъ-нибудь, непременно еще надѣется, что спасется, до самаго послѣдняго мгновенія. Примѣры бывали, что ужъ горло перерѣзано, а онъ еще надѣется, или бѣжитъ, или проситъ. А тутъ, всю эту послѣднюю надежду, съ ко-

торую умирать въ десять разъ легче, отнимаютъ *навѣрно*; тутъ приговоръ, и въ томъ, что навѣрно не избѣгнешь, вся ужасная-то мука и сидитъ, и сильнѣе этой муки нѣтъ на свѣтѣ. Приведите и поставьте солдата противъ самой пушки на сраженіи и стрѣляйте въ него, онъ еще все будетъ надѣяться, но прочтите этому самому солдату приговоръ *навѣрно*. и онъ съ ума сойдетъ или заплачетъ. Кто сказалъ, что человѣческая природа въ состояніи вынести это безъ сумашествія? Зачѣмъ такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное? Можетъ-быть, и есть такой человѣкъ, которому прочли приговоръ, дали помучиться, а потомъ сказали: „ступай, тебя прощаютъ“. Вотъ этакой человѣкъ, можетъ-быть, могъ бы рассказать. Объ этой мукѣ и объ этомъ ужасѣ и Христосъ говорилъ. Нѣтъ, съ человѣкомъ такъ нельзя поступать!

Камердинеръ, хотя и не могъ бы такъ выразить все это, какъ князь, но конечно, хотя не все, но главное понялъ, что видно было даже по умилившемуся лицу его.

— Если ужъ такъ вамъ желательно, промолвилъ онъ, — покурить, то оно, пожалуй, и можно, коли только поскорѣе. Потому вдругъ спросить, а васъ и нѣтъ. Вотъ тутъ подъ лѣсенкой, видите, дверь. Въ дверь войдете, направо каморка: тамъ можно, только форточку растворите, потому оно не порядокъ....

Но князь не успѣлъ сходить покурить. Въ переднюю вдругъ вошелъ молодой человѣкъ, съ бумагами въ рукахъ. Камердинеръ сталъ снимать съ него шубу. Молодой человѣкъ скосилъ глаза на князя.

— Это, Гаврила Ардалионычъ, началъ конфиденціально и почти фамиліарно камердинеръ, — докладываются, что князь Мышкинъ и барыни родственникъ, пріѣхалъ съ поѣздомъ изъ-за границы, и узелокъ въ рукѣ, только....

Дальнѣйшаго князь не услышалъ, потому что камердинеръ началъ шептать. Гаврила Ардалионовичъ слушалъ внимательно и поглядывалъ на князя съ большимъ любопытствомъ, наконецъ пересталъ слушать и нетерпѣливо приблизился къ нему.

— Вы князь Мышкинъ? спросилъ онъ чрезвычайно любезно и вѣжливо. Это былъ очень красивый молодой человекъ, тоже лѣтъ двадцати восьми, стройный блондинъ, средневысокаго роста, съ маленькою наполеоновскою бородкою съ умнымъ и очень красивымъ лицомъ. Только улыбка его, при всей ея любезности, была что-то ужъ слишкомъ тонка; зубы выставлялись при этомъ что-то у в слишкомъ жемчужно-ровно; взглядъ, несмотря на всю веселость и видимое простодушіе его, былъ что-то ужъ слишкомъ присталенъ и испытующъ.

„Онъ, должно-быть, когда одинъ, совсѣмъ не такъ смотритъ и, можетъ-быть, никогда не смѣется“, почувствовалось какъ-то князю.

Князь объяснилъ все что могъ, на-скоро, почти то же самое, что уже прежде объяснялъ камердинеру и еще прежде Рогожину. Гаврила Ардаліоновичъ межъ тѣмъ какъ будто что-то припоминалъ.

— Не вы ли, спросилъ онъ, — изволили съ годъ назадъ или даже ближе прислать письмо, кажется изъ Швейцаріи, къ Елизаветѣ Прокофьевнѣ?

— Точно такъ,

— Такъ васъ здѣсь знаютъ и навѣрно помнятъ. Вы къ его превосходительству? Сейчасъ я доложу... Онъ сейчасъ будетъ свободенъ. Только вы бы... вамъ бы пожаловать пока въ пріемную... Зачѣмъ они здѣсь? строго обратился онъ къ камердинеру.

— Говорю, сами не захотѣли...

Въ это время вдругъ отворилась дверь изъ кабинета, и какой-то военный, съ портфелемъ въ рукѣ, громко говоря и откланиваясь, вышелъ оттуда.

— Ты здѣсь, Ганя? крикнулъ голосъ изъ кабинета: — а пожалуй-ка сюда!

Гаврила Ардаліоновичъ кивнулъ головой князю и поспѣшно прошелъ въ кабинетъ.

Минуты черезъ двѣ дверь отворилась снова, и слышался звонкій и привѣтливый голосъ Гаврилы Ардаліоновича:

— Князь, пожалуйста!

III.

Генераль, Иванъ Ѳедоровичъ Епанчинъ, стоялъ посреди своего кабинета и съ чрезвычайнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на входящаго князя, даже шагнулъ къ нему два шага. Князь подошелъ и отрекомендовался.

— Такъ-съ, отвѣчалъ генераль, — чѣмъ же могу служить?

— Дѣла неотлагательнаго я никакого не имѣю; цѣль моя была просто познакомиться съ вами. Не желалъ бы беспокоить, такъ какъ я не знаю ни вашего дня, ни вашихъ распоряженій... Но я только-что самъ изъ вагона... пріѣхалъ изъ Швейцаріи...

Генераль чуть-чуть было усмѣхнулся, но подумалъ и пріостановился; потомъ еще подумалъ, прищурился, оглядѣлъ еще разъ своего гостя съ ногъ до головы, затѣмъ быстро указалъ ему стулъ, самъ сѣлъ нѣсколько наискось и въ нетерпѣливомъ ожиданіи повернулся къ князю. Ганя стоялъ въ углу кабинета, у бюро, и разбиралъ бумаги.

— Для знакомствъ вообще я мало времени имѣю, сказалъ генераль, — но такъ какъ вы, конечно, имѣете свою цѣль, то...

— Я такъ и предчувствовалъ, перебилъ князь, — что вы непременно увидите въ посѣщеніи моемъ какую-нибудь особенную цѣль. Но ей-Богу, кромѣ удовольствія познакомиться, у меня нѣтъ никакой частной цѣли.

— Удовольствіе, конечно, и для меня чрезвычайное, но не все же забавы, иногда, знаете, случаются и дѣла... Притомъ же я никакъ не могу, до сихъ поръ, разглядѣть между нами общаго.... такъ-сказать причины....

— Причины нѣтъ, безспорно, и общаго, конечно, мало. Потому что, если я князь Мышкинъ и ваша супруга изъ нашего рода, то это, разумѣется, не причина. Я это очень понимаю. Но однакожь весь-то мой поводъ въ этомъ только и заключается. Я года четыре въ Россіи не былъ, слишкомъ; да и что я выѣхалъ: почти не въ своемъ умѣ! И тогда ничего не зналъ, а теперь еще пуще. Въ людяхъ хорошихъ нуждаюсь; даже вотъ и дѣло одно имѣю и не знаю куда су-

нуться. Еще въ Берлинѣ подумалъ: „это почти родственники, начну съ нихъ; можетъ-быть, мы другъ другу и пригодимся, они мнѣ, я имъ,—если они люди хорошіе“. А я слышалъ что вы люди хорошіе.

— Очень благодаренъ-съ, удивлялся генераль;—позвольте узнать, гдѣ остановились?

— Я еще нигдѣ не остановился.

— Значить, прямо изъ вагона ко мнѣ? И... съ поклажей?

— Да со мной поклажи всего одинъ маленькій узелокъ съ бѣльемъ, и больше ничего; я его въ рукѣ обыкновенно несу. Я номеръ успѣю и вечеромъ занять.

— Такъ вы все еще имѣете намѣреніе номеръ занять?

— О да, конечно.

— Судя по вашимъ словамъ, я было подумалъ, что вы ужъ такъ прямо ко мнѣ.

— Это могло быть, но не иначе какъ по вашему приглашенію. Я же, признаюсь, не остался бы и по приглашенію, не почему либо, а такъ... по характеру.

— Ну, стало-быть и кстати, что я васъ не пригласилъ и не приглашаю. Позвольте еще, князь, чтобъ ужъ разомъ все разъяснить: такъ какъ вотъ мы сейчасъ договорились, что насчетъ родственности между нами и слова не можетъ быть,—хотя мнѣ, разумѣется, весьма было бы лестно,—то, стало-быть....

— То, стало-быть, вставать и уходить? приподнялся князь, какъ-то даже весело разсмѣявшись, несмотря на всю видимую затруднительность своихъ обстоятельствъ.—И вотъ, ей-Богу же, генераль, хоть я ровно ничего не знаю практически ни въ здѣшнихъ обычаяхъ, ни вообще какъ здѣсь люди живутъ, но такъ я и думалъ, что у насъ непременно именно это и выйдетъ, какъ теперь вышло. Что жъ, можетъ-быть, оно такъ и надо.... Да и тогда мнѣ тоже на письмо не отвѣтили... Ну, прощайте и извините, что обезпокоилъ.

Взглядъ князя былъ до того ласковъ въ эту минуту, а улыбка его до того безъ всякаго оттѣнка хотя бы какого-нибудь затаеннаго непріязненнаго ощущенія, что генераль вдругъ остановился и какъ-то вдругъ другимъ образомъ пос-

мотрѣлъ на своего гостя; вся перемѣна взгляда совершилась въ одно мгновеніе.

— А знаете, князь, сказалъ онъ совсѣмъ почти другимъ голосомъ, — вѣдь я васъ все-таки не знаю, да и Елизавета Прокофьевна, можетъ-быть, захочетъ посмотрѣть на однофамильца... Подождите, если хотите, коли у васъ время терпитъ.

— О, у меня время терпитъ; у меня время совершенно мое (и князь тотчасъ же поставилъ свою мягкую, круглополюю шляпу на столъ). Я, признаюсь, такъ и разчитывалъ, что, можетъ-быть, Елизавета Прокофьевна вспомнитъ, что я ей писалъ. Давеча вашъ слуга, когда я у васъ тамъ дожидался, подозрѣвалъ, что я на бѣдность пришелъ къ вамъ просить; я это замѣтилъ, а у васъ, должно-быть, на этотъ счетъ строгія инструкціи; но я, право, не за этимъ, а право для того только, чтобы съ людьми сойдтись. Вотъ только думаю немного, что я вамъ помѣшалъ, и это меня беспокоитъ.

— Вотъ что, князь, сказалъ генералъ съ веселою улыбкой, — если вы въ самомъ дѣлѣ такой какимъ кажетесь, то съ вами, пожалуй, и пріятно будетъ познакомиться; только видите, я человекъ занятой, и вотъ тотчасъ же опять сяду кой-что просмотрѣть и подписать, а потомъ отправлюсь къ его сіятельству, а потомъ на службу, такъ и выходитъ, что я хоть и радъ людямъ... хорошимъ то-есть... но... Впрочемъ, я такъ убѣжденъ, что вы превосходно воспитаны, что... А сколько вамъ лѣтъ, князь?

— Двадцать шесть.

— Ухъ! А я думалъ гораздо меньше.

— Да, говорятъ, у меня лицо молодежавое. А не мѣшать вамъ я научусь и скоро пойму, потому что самъ очень не люблю мѣшать.... И наконецъ, мнѣ кажется, мы такіе разные люди на видъ... по многимъ обстоятельствамъ, что у насъ, пожалуй, и не можетъ быть много точекъ общихъ, но, знаете, я въ эту послѣднюю идею самъ не вѣрю, потому очень часто только такъ кажется, что нѣтъ точекъ общихъ, а онѣ очень есть.... это отъ лѣности людской происходитъ, что люди такъ промежъ собой на глазъ сортируются и ничего не могутъ най-

ти.... А впрочемъ, я, можетъ-быть, скучно нач лъ? вы, какъ будто....

-- Два слова-съ: имѣете вы хотя бы нѣкоторое состояніе? Или, можетъ-быть, какія-ни удь занятія намѣрены предпринять? Извините, что я такъ....

— Помилуйте, я вашъ вопросъ очень цѣню и понимаю. Никакаго состоянія покамѣстъ я не имѣю и никакихъ занятій, тоже покамѣстъ, а надо бы-съ. А деньги теперь у меня были чужія, мнѣ далъ Шнейдеръ, мой профессоръ, у котораго я лѣчился и учился въ Швейцаріи, на дорогу, и далъ ровно вполоть, такъ что теперь, на примѣръ, у меня всего денегъ нѣсколько копѣекъ осталось. Дѣло у меня, правда, есть одно, и я нуждаюсь въ совѣтѣ, но...

— Скажите, чѣмъ же вы намѣреваетесь покамѣстъ прожить, и какія были ваши намѣренія? перебилъ генераль.

— Трудиться какъ-нибудь хотѣлъ.

— О, да вы философъ; а впрочемъ... знаете за собой таланты, способности, хотя бы нѣкоторыя, то-есть, изъ тѣхъ. которыя насущный хлѣбъ даютъ? Извините опять...

— О, не извиняйтесь. Нѣтъ-съ, я думаю, что не имѣю ни талантовъ, ни особыхъ способностей; даже напротивъ, потому что я больной человѣкъ и правильно не учился. Что же касается до хлѣба, то мнѣ кажется...

Генераль опять перебилъ и опять сталъ спрашивать. Князь снова рассказалъ все, что было уже рассказано. Оказалось, что генераль слышалъ о покойномъ Павлицевѣ и даже знавалъ лично. Почему Павлицевъ интересовался его воспитаніемъ, князь и самъ не могъ объяснить, — впрочемъ, просто, можетъ-быть, по старой дружбѣ съ покойнымъ отцомъ его. Остался князь послѣ родителей еще малымъ ребенкомъ, всю жизнь проживалъ и росъ по деревнямъ, такъ какъ и здоровье его требовало сельскаго воздуха. Павлицевъ довѣрилъ его какому-то старымъ помѣщицамъ, своимъ родственницамъ; для него нанималась сначала гувернантка, потомъ гувернеръ; онъ объявилъ впрочемъ, что хотя и все помнить, но мало можетъ удовлетворительно объяснить, потому что во многомъ не давалъ себѣ отчета. Частые припадки его болѣзни сдѣлали

изъ него совсѣмъ почти идіота (князь такъ и сказалъ: идіота). Онъ разсказалъ наконецъ, что Павлищевъ встрѣтился однажды въ Берлинѣ съ профессоромъ Шнейдеромъ, Швейцарцемъ, который занимается именно этими болѣзнями, имѣетъ заведеніе въ Швейцаріи, въ кантонѣ Валлійскомъ, лѣчитъ по своей методѣ холодною водою, гимнастикой, лѣчитъ и отъ идіотизма, и отъ сумашествія, при этомъ обучаетъ и берется вообще за духовное развитіе; что Павлищевъ отправилъ его къ нему въ Швейцарію, лѣтъ назадъ около пяти, а самъ два года тому назадъ умеръ, внезапно, не сдѣлавъ распоряженій; что Шнейдеръ держалъ и долѣчивалъ его еще года два; что онъ его не вылѣчилъ, но очень много помогъ; и что наконецъ, по его собственному желанію и по одному встрѣтившемуся обстоятельству, отправилъ его теперь въ Россію.

Генераль очень удивился.

— И у васъ въ Россіи никого, рѣшительно никого? спросилъ онъ.

Теперь никого, но я надѣюсь... притомъ я получилъ письмо....

— По крайней мѣрѣ, перебилъ генераль, не разслышавъ о письмѣ, — вы чему-нибудь обучались, и ваша болѣзнь не помѣшаетъ вамъ занять какое-нибудь, на примѣръ, не трудное мѣсто, въ какой-нибудь службѣ?

— О, навѣрно не помѣшаетъ. И насчетъ мѣста я бы очень даже желалъ, потому что самому хочется посмотрѣть къ чему я способенъ. Учился же я всѣ четыре года постоянно, хотя и не совсѣмъ правильно, а такъ, по особой его системѣ, и при этомъ очень много русскихъ книгъ удалось прочесть.

— Русскихъ книгъ? Стало-быть, грамоту знаете и писать безъ ошибокъ можете?

— О, очень могу.

— Прекрасно-съ; а почеркъ?

— А почеркъ превосходный. Вотъ въ этомъ у меня, пожалуй, и талантъ; въ этомъ я просто каллиграфъ. Дайте мнѣ, я вамъ сейчасъ напишу что-нибудь для пробы, съ жаромъ сказалъ князь.

— Сдѣлайте одолженіе. И это даже надо... И люблю я эту вашу готовность, князь, вы очень, право, милы.

— У васъ же такія славныя письменныя принадлежности, и сколько у васъ карандашей, сколько перьевъ, какая плотная, славная бумага... И какой славный у васъ кабинетъ! Вотъ этотъ пейзажъ я знаю; это видъ швейцарскій. Я увѣренъ, что живописецъ съ натуры писалъ, и я увѣренъ, что это мѣсто я видѣлъ; это въ кантонѣ Ури....

— Очень можетъ быть, хотя это и здѣсь куплено. Ганя, дайте князю бумагу; вотъ перья и бумага, вотъ на этотъ столикъ пожалуйста. Чтò это? обратился генераль къ Ганѣ, который тѣмъ временемъ вынулъ изъ своего портфеля и подалъ ему фотографическій портретъ большаго формата:— ба! Настасья Филипповна! Это сама, сама тебѣ прислала, сама? оживленно и съ большимъ любопытствомъ спрашивалъ онъ Ганю.

— Сейчасъ, когда я былъ съ поздравленіемъ, дала. Я давно уже просилъ. Не знаю, ужь не намекъ ли это съ ея стороны, что я самъ пріѣхалъ съ пустыми руками, безъ подарка, въ такой день, прибавилъ Ганя, непріятно улыбаясь.

— Ну, нѣтъ, съ убѣжденіемъ перебилъ генераль, — и какой, право, у тебя складъ мыслей! Станетъ она намекать... да и не интересанка совсѣмъ. И притомъ чѣмъ ты станешь дарить: вѣдь тутъ надо тысячи! Развѣ портретомъ? А чтò, кстати, не просила еще она у тебя портрета?

— Нѣтъ, еще не просила; да, можетъ-быть, и никогда не попросить. Вы, Иванъ Ѳедоровичъ, помните, конечно, про сегодняшній вечеръ? Вы вѣдь изъ нарочито приглашенныхъ.

— Помню, помню, конечно, и буду. Еще бы, день рожденія, двадцать пять лѣтъ! Гмъ... А знаешь, Ганя, я ужь такъ и быть тебѣ открою, приготовься. Анастасію Ивановичу и мнѣ она обѣщала, что сегодня у себя вечеромъ скажетъ послѣднее слово: быть или не быть! Такъ смотри же, знай.

Ганя вдругъ смутился, до того, что даже поблѣднѣлъ немного.

— Она это навѣрно сказала? спросилъ онъ, и голосъ его какъ бы дрогнулъ.

— Третьяго дня слово дала. Мы такъ приставали оба, что вынудили. Только тебѣ просила до времени не передавать.

Генераль пристально разсматриваль Ганю; смущеніе Гани ему видимо не нравилось.

— Вспомните, Иванъ Федоровичъ, сказалъ тревожливо и колеблясь Ганя, — что вѣдь она дала мнѣ полную свободу рѣшенья до тѣхъ самыхъ поръ, пока не рѣшитъ сама дѣла, да и тогда все еще мое слово за мной....

— Такъ развѣ ты... такъ развѣ ты... испугался вдругъ генераль.

— Я ничего.

— Помилуй, что же ты съ нами-то хочешь дѣлать?

— Я вѣдь не отказываюсь. Я, можетъ-быть, не такъ выразился....

— Еще бы ты-то отказывался! съ досадой проговорилъ генераль, не желая даже и сдерживать досады. — Тутъ, братъ, дѣло ужь не въ томъ, что ты не отказываешься, а дѣло въ твоей готовности, въ удовольствіи, въ радости, съ которою примешь ея слова... Что у тебя дома дѣлается?

— Да что дома? Дома все состоитъ въ моей волѣ, только отецъ по обыкновенію дурачится, но вѣдь это совершенный безобразникъ сдѣлался; я съ нимъ ужь и не говорю, но одна-божь въ тискахъ держу, и, право, еслибы не мать, такъ указаль бы дверь. Мать все, конечно, плачетъ; сестра злится, а я имъ прямо сказалъ, наконецъ, что я господинъ своей судьбы, и въ домѣ, желаю, чтобы меня.... слушались. Сестрѣ по крайней мѣрѣ все это отчеканилъ, при матери.

— А я, братъ, продолжаю не постигать, задумчиво замѣтилъ генераль, нѣсколько вскинувъ плечами и немного разставивъ руки. — Нина Александровна тоже намедни, вотъ когда приходила-то, помнишь? стонетъ и охаетъ: „чего вы?“ спрашиваю. Выходить, что имъ будто бы тутъ *безчестье*. Какое же тутъ безчестье, позвольте спросить? Кто въ чемъ можетъ Настасью Филипповну укорить, или что нибудь про нее указать? Неужели то, что она съ Тоцкимъ была? Но вѣдь это такой уже вздоръ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ особенно! „Вы, говоритъ, не пустите ее къ вашимъ дочерямъ?“ Ну! Эвона! Ай да Нина Александровна! То-есть, какъ это не понимать, какъ это не понимать....

— Своего положенія? подсказаль Ганя затруднившемуся генералу:—она понимаетъ; вы на нее не сердитесь. Я, впрочемъ, тогда же намылилъ голову, чтобы въ чужія дѣла не совались. И однако до сихъ поръ все тѣмъ только у насъ въ домѣ и держится, что послѣдняго слова еще не сказано, а гроза грянетъ. Если сегодня скажется послѣднее слово, стадо-быть, и все скажется.

Князь слышалъ весь этотъ разговоръ, сидя въ уголкѣ за своею каллиграфскою пробой. Онъ кончилъ, подошелъ къ столу и подалъ свой листокъ.

— Такъ это Настасья Филипповна? промолвилъ онъ, внимательно и любопытно поглядѣвъ на портретъ:—удивительно хороша! прибавилъ онъ тотчасъ же съ жаромъ. На портретѣ была изображена дѣйствительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована въ черномъ шелковомъ платьѣ, чрезвычайно простаго и изящнаго фасона; волосы, по видимому темнорусые, были убраны просто, по-домашнему; глаза темные, глубокиѣ, лобъ задумчивый; выраженіе лица страстное и какъ бы высокомерное. Она была нѣсколько худа лицомъ, можетъ быть, и блѣдна.... Ганя и генераль съ изумленіемъ посмотрѣли на князя....

— Какъ, Настасья Филипповна! Развѣ вы ужь знаете и Настасью Филипповну? спросилъ генераль.

— Да; всего только сутки въ Россіи, а ужь такую красавицу знаю, отвѣтилъ князь, и тутъ же рассказалъ про свою встрѣчу съ Рогожинымъ и передалъ весь рассказъ его.

— Вотъ еще новости! опять затревожился генераль, чрезвычайно внимательно выслушавшій рассказъ, и пытливо поглядѣлъ на Ганю.

— Вѣроятно, одно только безобразіе, пробормоталъ тоже нѣсколько замѣшавшійся Ганя,—купеческій сынокъ гуляетъ. Я про него что-то уже слышалъ.

— Да и я, братъ, слышалъ, подхватилъ генераль.—Тогда же, послѣ серегъ, Настасья Филипповна весь анекдотъ пересказывала. Да вѣдь дѣло-то теперь уже другое. Тутъ, можетъ-быть, дѣйствительно милліонъ сидитъ и.... страсть, безобразная страсть, положимъ, но все-таки страстью пахнетъ,

а вѣдь извѣстно, на что эти господа способны, во всемъ хмѣлю!... Гм!... Не вышло бы анекдота какого-нибудь! заключилъ генераль задумчиво.

— Вы милліона опасаетесь? осклабился Ганя.

— А ты нѣтъ, конечно?

— Какъ вамъ показалось, князь, обратился вдругъ къ нему Ганя, — что это, серьезный какой-нибудь человекъ, или только такъ, безобразникъ? Собственно ваше мнѣніе?

Въ Ганѣ что-то происходило особенное, когда онъ задавалъ этотъ вопросъ. Точно новая и особенная какая-то идея загорѣлась у него въ мозгу и нетерпѣливо засверкала въ глазахъ его. Генераль же, который искренно и простосердечно беспокоился, тоже покосился на князя, но какъ бы не ожидая много отъ его отвѣта.

— Не знаю какъ вамъ сказать, отвѣтилъ князь, — только мнѣ показалось, что въ немъ много страсти и даже какой-то больной страсти. Да онъ и самъ еще совсѣмъ какъ будто больной. Очень можетъ быть, что съ первыхъ же дней въ Петербургѣ и опять сляжетъ, особенно если закутитъ.

— Такъ? Вамъ такъ показалось? уцѣпился генераль за эту идею.

— Да, показалось.

— И однакожь этого рода анекдоты могутъ происходить и не въ нѣсколько дней, а еще до вечера, сегодня же, можетъ что-нибудь обернется, усмѣхнулся генералу Ганя.

— Гм!... Конечно.... Пожалуй, а ужъ тогда все дѣло въ томъ, какъ у ней въ головѣ мелькнетъ, сказалъ генераль.

— А вѣдь вы знаете какова она иногда?

— То-есть какова же? вскинулся опять генераль, достигшій чрезвычайнаго разстройства. — Послушай, Ганя, ты пожалуйста сегодня ей много не противорѣчь и постарайся эдакъ, знаешь, быть.... однимъ словомъ, быть по душѣ.... Гм!... Что ты такъ ротъ-то кривишь? Слушай, Гаврила Ардалионычъ, кстати, очень даже кстати будетъ теперь сказать: изъ-за чего мы хлопочемъ? Понимаешь, что я относительно моей собственной выгоды, которая тутъ сидитъ, уже давно обезнеченъ; я, такъ или иначе, а въ свою пользу дѣло

рѣшу. Тоцкій рѣшеніе свое принялъ непоколебимо, стало-быть, и я совершенно увѣренъ. И потому, если я теперь желаю чего, такъ это единственно твоей пользы. Самъ посуди; не довѣряешь ты что ли мнѣ? Притомъ же ты человекъ.... человекъ.... однимъ словомъ, человекъ умный, и я на тебя понадѣялся.... а это, въ настоящемъ случаѣ, это.... это....

— Это главное, договорилъ Ганя, опять помогая затруднившемуся генералу и скорчивъ свои губы въ ядовитѣйшую улыбку, которую уже не хотѣлъ скрывать. Онъ глядѣлъ своимъ воспаленнымъ взглядомъ прямо въ глаза генералу, какъ бы даже желая, чтобы тотъ прочелъ въ его взглядѣ всю его мысль. Генераль побагровѣлъ и вспыхнулъ.

— Ну да, умъ главное! поддакнулъ онъ, рѣзко смотря на Ганю:—и смѣшной же ты человекъ, Гаврила Ардаліонычъ! Ты вѣдь точно радъ, я замѣчаю, этому купчику, какъ выходу для себя. Да тутъ именно чрезъ умъ надо бы съ самаго начала дойти; тутъ именно надо понять и.... и поступить съ обѣихъ сторонъ честно и прямо, не то.... предупредить заранѣе, чтобы не компрометтировать другихъ, тѣмъ паче, что и времени къ тому было довольно, и даже еще и теперь его остается довольно (генераль значительно поднялъ брови), несмотря на то что остается всего только нѣсколько часовъ.... Ты понялъ? Понялъ? Хочешь ты или не хочешь, въ самомъ дѣлѣ? Если не хочешь, скажи, и—милости просимъ. Никто васъ, Гаврила Ардаліонычъ, не удерживаетъ, никто насильно въ капканъ не тащитъ, если вы только видите тутъ капканъ.

— Я хочу, вполголоса, но твердо промолвилъ Ганя, потупилъ глаза и мрачно замолкъ.

Генераль былъ удовлетворенъ. Генераль погорячился, но ужь видимо раскаявался, что далеко зашелъ. Онъ вдругъ оборотился къ князю, и казалось, по лицу его вдругъ прошла безпокойная мысль, что вѣдь князь былъ тутъ и все-таки слышалъ. Но онъ мгновенно успокоился: при одномъ взглядѣ на князя можно было вполне успокоиться.

— Ого! вскричалъ генераль, смотря на обращикъ калли-

графіи, представленный князем:—да вѣдь это пропись! Да и пропись-то рѣдкая! Посмотри-ка, Ганя, каковъ талантъ!

На толстомъ веленовомъ листѣ князь написалъ средневѣковымъ русскимъ шрифтомъ фразу.

„Смиранный игумень Пафнутій руку приложилъ“.

— Вотъ это, разъяснялъ князь съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ и одушевленіемъ,—это собственная подпись игумена Пафнутія, со снимка четырнадцатаго столѣтія. Они превосходно подписывались, всѣ эти наши старые игумены и митрополиты, и съ какимъ иногда вкусомъ, съ какимъ стараніемъ! Неужели у васъ нѣтъ хоть Погодинскаго изданія, генераль? Потомъ я вотъ тутъ написалъ другимъ шрифтомъ: это круглый, крупный французскій шрифтъ, прошлаго столѣтія, инныя буквы даже иначе писались, шрифтъ площадной, шрифтъ публичныхъ писцовъ, заимствованный съ ихъ обрашковъ (у меня былъ одинъ),—согласитесь сами, что онъ не безъ достоинствъ. Взгляните на эти круглыя *d*, *a*. Я перевелъ французскій характеръ въ русскія буквы, что очень трудно, а вышло удачно. Вотъ и еще прекрасный и оригинальный шрифтъ, вотъ эта фраза; „усердіе все превозмогаетъ“. Это шрифтъ русскій, писарскій или, если хотите, военно-писарскій. Такъ пишется казенная бумага къ важному лицу, тоже круглый шрифтъ, славный, *черный* шрифтъ, черно написано, но съ замѣчательнымъ вкусомъ. Каллиграфъ не допустилъ бы этихъ росчерковъ или, лучше сказать, этихъ попытокъ расчеркнуться, вотъ этихъ недоконченныхъ полухвостиковъ,—замѣчаете,—а въ цѣломъ, посмотрите, оно составляетъ вѣдь характеръ, и, право, вся тутъ военно-писарская душа проглянула: разгуляться бы и хотѣлось, и талантъ просится, да воротникъ военный туго на крючекъ стянуть, дисциплина и въ почеркѣ вышла, прелесть! Это недавно меня одинъ обрашокъ такой поразилъ, случайно нашелъ, да еще гдѣ? въ Швейцаріи! Ну, вотъ это простой, обыкновенный и чистѣйшій англійскій шрифтъ: дальше ужъ изящество не можетъ идти, тутъ все прелесть, бисеръ, жемчугъ; это закончено; но вотъ и варіація, и опять французская, я ее у одного французскаго путешественнаго комми заимствовалъ: тотъ же

англійскій прифтъ, но черная линія капельку почернѣе и потолще чѣмъ въ англійскомъ, а нъ—пропорція свѣта и нарушена; и замѣтите то же: овалъ измѣненъ, капельку круглѣе и вдобавокъ позволенъ росчеркъ, а росчеркъ это наипаснѣйшая вещь! Росчеркъ требуетъ необыкновеннаго вкуса; но если только онъ удался, если только найдена пропорція, то эдакой прифтъ ни съ чѣмъ не сравнимъ, такъ даже, что можно влюбиться въ него.

— Ого! да въ какія вы тонкости заходите, смѣялся генераль, — да вы, батюшка, не просто каллиграфъ, вы артистъ, а? Ганя?

— Удивительно, сказалъ Ганя, — и даже съ сознаниемъ своего назначенія, прибавилъ онъ, смѣясь насмѣшливо.

— Смѣйся, смѣйся, а вѣдь тутъ карьера, сказалъ генераль. — Вы знаете, князь, къ какому лицу мы теперь вамъ бумаги писать дадимъ? Да вамъ прямо можно тридцать пять рублей въ мѣсяцъ положить, съ перваго шагу. Однако ужъ половина перваго, заключилъ онъ, взглянувъ на часы; — къ дѣлу, князь, потому мнѣ надо поспѣшить, а сегодня, можетъ, мы съ вами не встрѣтимся! Присядьте-ка на минутку; я вамъ уже изъяснилъ, что принимать васъ очень часто не въ состояніи; но помочь вамъ капельку искренно желаю, капельку, разумѣется, то-есть въ видѣ необходимѣйшаго, а тамъ какъ ужъ вамъ самимъ будетъ угодно. Мѣстечко въ канцеляріи я вамъ прищу, не тугое, но потребуетъ аккуратности. Теперь-съ насчетъ дальнѣйшаго: въ домѣ, то-есть въ семействѣ Гаврилы Ардалионыча Иволгина, вотъ этого самаго молодого моего друга, съ которымъ прошу познакомиться, маменька его и сестрица очистили въ своей квартирѣ двѣтри меблированныя комнаты и отдаютъ ихъ отлично рекомендованнымъ жильцамъ, со столомъ и прислугой. Мою рекомендацію, я увѣренъ, Нина Александровна приметъ. Для васъ же, князь, это даже больше чѣмъ кладъ, во первыхъ, потому что вы будете не одинъ, а такъ-сказать, въ нѣдрахъ семейства, а по моему взгляду, вамъ нельзя съ перваго шагу очутиться однимъ въ такой столицѣ, какъ Петербургъ. Нина Александровна, маменька и Варвара Ардалионовна, се-

стрица Гаврилы Ардалионыча, — дамы, которыхъ я уважаю чрезмѣрно. Нина Александровна, супруга Ардалиона Александровича, оставленнаго генерала, моего бывшаго товарища по первоначальной службѣ, но съ которымъ я, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, прекратилъ сношенія, что, впрочемъ, не мѣшаетъ мнѣ въ своемъ родѣ уважать его. Все это я вамъ изъясняю, князь, съ тѣмъ, чтобы вы поняли, что я васъ, такъ сказать, лично рекомендую, слѣдственно за васъ какъ бы тѣмъ ручаюсь. Плата самая умѣренная, и я надѣюсь, жалованье ваше въ скорости будетъ совершенно къ тому достаточно. Правда, человѣку необходимы и карманные деньги, хотя бы нѣкоторыя, но вы не разсердитесь, князь, если я вамъ замѣчу, что вамъ лучше бы избѣгать карманныхъ денегъ; да и вообще денегъ въ карманѣ. Такъ по взгляду моему на васъ говорю. Но такъ какъ теперь у васъ кошелекъ совсѣмъ пустъ, то, для первоначалу, позвольте вамъ предложить вотъ эти двадцать пять рублей. Мы, конечно, сочтемся, и если вы такой искренній и задушевный человѣкъ, какимъ кажетесь на словахъ, то затрудненій и тутъ между нами выйдти не можетъ. Если же я вами такъ интересуюсь, то у меня, на вашъ счетъ, есть даже нѣкоторая цѣль; въ послѣдствіи вы ее узнаете. Видите, я съ вами совершенно просто; надѣюсь, Ганя, ты ничего не имѣешь противъ помѣщенія князя въ вашей квартирѣ?

— О, напротивъ! И мамаша будетъ очень рада... вѣжливо и предупредительно подтвердилъ Ганя.

— У васъ вѣдь, кажется, только еще одна комната и занята. Этотъ, какъ его, Ферд.... Фер...

— Фердыщенко.

— Ну да; не нравится мнѣ этотъ вашъ Фердыщенко: сальный шутъ какой-то. И не понимаю, почему его такъ поощряетъ Настасья Филипповна? Да онъ взаправду что ли ей родственникъ?

— О нѣтъ, все это шутка! И не пахнетъ родственникомъ.

— Ну, чортъ съ нимъ! Ну, такъ какъ же вы, князь, довольны или нѣтъ?

— Благодарю васъ, генераль, вы поступили со мной какъ

чрезвычайно добрый человекъ, тѣмъ болѣе, что я даже и не просилъ; я не изъ гордости это говорю; я и дѣйствительно не зналъ куда голову преклонить. Меня, правда, давеча позвалъ Рогожинъ.

— Рогожинъ? Ну, нѣтъ; я бы вамъ посоветовалъ отечески, или, если больше любите, дружески, и забыть о господинѣ Рогожинѣ. Да и вообще, советовалъ бы вамъ придерживаться семейства, въ которое вы поступите.

— Если ужъ вы такъ добры, началъ было князь, — то вотъ у меня одно дѣло. Я получилъ увѣдомленіе....

— Ну, извините, перебилъ генералъ, — теперь ни минуты болѣе не имѣю. Сейчасъ я скажу о васъ Лизаветѣ Прокофьевнѣ: если она пожелаетъ принять васъ теперь же (я ужъ въ такомъ видѣ постараюсь васъ отрекомендовать), то советую воспользоваться случаемъ и понравиться, потому Лизавета Прокофьевна очень можетъ вамъ пригодиться; вы же однофамилецъ. Если не пожелаетъ, то не взыщите, когда-нибудь въ другое время. А ты, Ганя, взгляни-ка покаместъ на эти счеты, мы давеча съ Федосѣевымъ бились. Ихъ надо бы не забыть включить....

Генералъ вышелъ, и князь такъ и не успѣлъ рассказать о своемъ дѣлѣ, о которомъ начиналъ было чуть ли не въ четвертый разъ. Ганя закурилъ папиросу и предложилъ другую князю; князь принялъ, но не заговаривалъ, не желая помѣшать, и сталъ разсматривать кабинетъ; но Ганя едва взглянулъ на листъ бумаги, исписанный цифрами, указанный ему генераломъ. Онъ былъ разсѣянъ: улыбка, взглядъ, задумчивость Гани стали еще болѣе тяжелы на взглядъ князя, когда они оба остались наединѣ. Вдругъ онъ подошелъ къ князю; тотъ въ эту минуту стоялъ опять надъ портретомъ Настасьи Филипповны и разсматривалъ его.

— Такъ вамъ нравится такая женщина, князь? спросилъ онъ его вдругъ, пронзительно смотря на него. И точно будто бы у него было какое чрезвычайное намѣреніе.

— Удивительное лицо! отвѣтилъ князь, и я увѣренъ, что судьба ея не изъ обыкновенныхъ. — Лицо веселое, а она вѣдь ужасно страдала, а? Объ этомъ глаза говорятъ, вотъ эти

двѣ бѣточки, двѣ точки подѣ глазами въ началѣ шокѣ. Это гордое лицо, ужасно гордое, и вотъ не знаю, добра ли она? Ахъ, кабы добра! Все было бы спасено!

— А женились бы вы на такой женщинѣ? продолжалъ Ганя, не сдвигая съ него своего воспаленнаго взгляда.

— Я не могу жениться ни на комѣ, я нездоровъ, сказалъ князь.

— А Рогожинъ женился бы? Какъ вы думаете?

— Да что же, жениться, я думаю, и завтра же можно; женился бы, а чрезъ недѣлю, пожалуй, и зарѣзалъ бы ее.

Только что выговорилъ это князь, Ганя вдругъ такъ вздрогнулъ, что князь чуть не вскрикнулъ.

— Что съ вами? проговорилъ онъ, хватая его за руку.

— Ваше сіятельство! Его превосходительство просятъ васъ пожаловать къ ея превосходительству, возвѣстилъ лакей, появляясь въ дверяхъ. Князь отправился вслѣдъ за лакеемъ.

IV.

Всѣ три дѣвицы Епанчины были барышни здоровыя, цвѣтушія, рослыя, съ удивительными плечами, съ мощною грудью, съ сильными, почти какъ у мужчинъ, руками, и конечно вслѣдствіе своей силы и здоровья, любили иногда хорошо покушать, чего вовсе и не желали скрывать. Маменька ихъ, генеральша Лизавета Прокофьевна, иногда косилась на откровенность ихъ аппетита, но такъ какъ иныя мнѣнія ея, несмотря на всю наружную почтительность, съ которою принимались дочерьми, въ сущности давно уже потеряли первоначальный и безспорный авторитетъ между ними, и до такой даже степени, что установившійся согласный конклавъ трехъ дѣвицъ сплошь да рядомъ начиналъ пересиливать, то и генеральша, въ видахъ собственнаго достоинства, нашла удобнѣе не спорить и уступать. Правда, характеръ весьма часто не слушался и не подчинялся рѣшеніямъ благоразумія; Лизавета Прокофьевна становилась съ каждымъ годомъ все капризнѣе и нетерпѣливѣе, стала даже какая-то чудачка, но такъ какъ подѣ рукой все-таки оставался весьма покор-

ный и приученный мужъ, то излишнее и накопившееся изливалось обыкновенно на его голову, и затѣмъ гармонія въ семействѣ возстановлялась опять, и все шло какъ не надо лучше.

Генеральша, впрочемъ, и сама не теряла аппетита, и обыкновенно, въ половинѣ перваго, принимала участіе въ обильномъ завтракѣ, похожемъ почти на обѣдъ, вмѣстѣ съ дочерьми. По чашкѣ кофею выпивалось барышнями еще раньше, ровно въ десять часовъ, въ постеляхъ, въ минуту пробужденія. Такъ имъ полюбилось и установилось разъ навсегда. Въ половинѣ же перваго накрывался столъ въ маленькой столовой, близъ мамашиныхъ комнатъ, и къ этому семейному и интимному завтраку являлся иногда и самъ генераль, если позволяло время. Кромѣ чаю, кофею, сыру, меду, масла, особыхъ аладій, излюбленныхъ самою генеральшей, котлетъ и пр., подавался даже крѣпкій, горячій бульйонъ. Въ то утро, въ которое начался нашъ разговоръ, все семейство собралось въ столовой въ ожиданіи генерала, обѣщавшаго явиться къ половинѣ перваго. Еслибъ онъ опоздалъ хоть минуту, за нимъ тотчасъ же послали бы; но онъ явился аккуратно. Подойдя поздороваться съ супругой и поцѣловать у ней ручку, онъ замѣтилъ въ лицѣ ея на этотъ разъ что-то слишкомъ особенное. И хотя онъ еще наканунѣ предчувствовалъ, что такъ именно и будетъ сегодня по одному „анекдоту“ (какъ онъ самъ по привычкѣ своей выражался), и уже засыпая вчера, объ этомъ беспокоился, но все-таки теперь опять струсилъ. Дочери подошли съ нимъ поцѣловаться; тутъ хотя и не сердились на него, но все-таки и тутъ было тоже какъ бы что-то особенное. Правда, генераль, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, сталъ излишне подозрителенъ; но такъ какъ онъ былъ отецъ и супругъ опытный и ловкій, то тотчасъ же и взялъ свои мѣры.

Можетъ-быть, мы не очень повредимъ выпуклости нашего разсказа, если остановимся здѣсь и прибѣгнемъ къ помощи нѣкоторыхъ поясненій для прямой и точнѣйшей постановки тѣхъ отношеній и обстоятельствъ, въ которыхъ мы находимъ семейство генерала Епанчина въ началѣ нашей повѣсти.

Мы уже сказали сейчасъ, что самъ генераль, хотя былъ человекъ и не очень образованный, а напротивъ, какъ онъ самъ выражался о себѣ, „человѣкъ самоучный“, но былъ однакоже опытнымъ супругомъ и ловкимъ отцомъ. Между прочимъ, онъ принялъ систему не торопить дочерей своихъ замужъ, то-есть, не „висѣть у нихъ надъ душой“ и не беспокоить ихъ слишкомъ томленіемъ своей родительской любви объ ихъ счастья, какъ невольно и естественно происходитъ сплошь да рядомъ даже въ самыхъ умныхъ семействахъ, въ которыхъ накопляются взрослые дочери. Онъ даже достигъ того, что склонилъ и Лизавету Прокофьевну къ своей системѣ, хотя дѣло вообще было трудное, — трудное потому, что и неестественное; но аргументы генерала были чрезвычайно значительны, основывались на осязаемыхъ фактахъ. Да и предоставленныя вполне своей волѣ и своимъ рѣшеніямъ невесты натурально принуждены же будутъ, наконецъ, взяться сами за умъ, и тогда дѣло загорится, потому что возмутся за дѣло охотой, отложивъ капризы и излишнюю разборчивость; родителямъ оставалось бы только неусыпнѣе и какъ можно непримѣтнѣе наблюдать, чтобы не произошло какого-нибудь страннаго выбора или неестественнаго уклоненія, а затѣмъ, улучивъ надлежащій моментъ, разомъ помочь всѣми силами и направить дѣло всѣми вліяніями. Наконецъ, ужь одно то, что съ каждымъ годомъ, на примѣръ, росло въ геометрической прогрессіи ихъ состояніе и общественное значеніе; слѣдственно, чѣмъ болѣе уходило время, тѣмъ болѣе выигрывали и дочери, даже какъ невесты. Но среди всѣхъ этихъ неотразимыхъ фактовъ, наступилъ и еще одинъ фактъ: старшей дочери, Александрѣ, вдругъ и совсѣмъ почти неожиданно (какъ и всегда это такъ бываетъ), минуло двадцать пять лѣтъ. Почти въ то же самое время и Аѳанасій Ивановичъ Тоцкій, человекъ высшаго свѣта, съ высшими связями и необыкновеннаго богатства, опять обнаружилъ свое старинное желаніе жениться. Это былъ человекъ лѣтъ пятидесяти пяти, изящнаго характера, съ необыкновенною утонченностію вкуса. Ему хотѣлось жениться хорошо; цѣнитель красоты онъ былъ чрезвычайный. Такъ какъ съ

нѣкотораго времени онъ съ генераломъ Епанчинымъ состоялъ въ необыкновенной дружбѣ, особенно усиленной взаимнымъ участіемъ въ нѣкоторыхъ финансовыхъ предпріятіяхъ, то и сообщилъ ему, такъ сказать, прося дружескаго совѣта и руководства: возможно или нѣтъ предположеніе о его бракѣ съ одною изъ его дочерей? Въ тихомъ и прекрасномъ теченіи семейной жизни генерала Епанчина наступалъ очевидный переворотъ.

Безспорною красавицей въ семействѣ, какъ уже сказано было, была младшая, Аглая. Но даже самъ Тоцкій, человѣкъ чрезвычайнаго эгоизма, понялъ, что не тутъ ему надо искать, и что Аглая не ему предназначена. Можетъ-быть, нѣсколько слѣпая любовь и слишкомъ горячая дружба сестеръ и преувеличивали дѣло, но судьба Аглаи предназначалась между ними, самымъ искреннимъ образомъ, быть не просто судьбой, а возможнымъ идеаломъ земнаго рая. Будущій мужъ Аглаи долженъ былъ быть обладателемъ всѣхъ совершенствъ и успѣховъ, не говоря уже о богатствѣ. Сестры даже положили между собой, и какъ-то безъ особенныхъ лишнихъ словъ, о возможности, если надо, пожертвованія съ ихъ стороны въ пользу Аглаи: приданое для Аглаи предназначалось колоссальное и изъ ряду вонъ. Родители знали объ этомъ соглашеніи двухъ старшихъ сестеръ, и потому, когда Тоцкій попросилъ совѣта, между ними почти и сомнѣній не было, что одна изъ старшихъ сестеръ навѣрно не откажется увѣнчать ихъ желанія, тѣмъ болѣе, что Аванасій Ивановичъ не могъ затрудниться насчетъ приданаго. Предложеніе же Тоцкаго самъ генералъ оцѣнилъ тотчасъ же, съ свойственнымъ ему знаніемъ жизни, чрезвычайно высоко. Такъ какъ и самъ Тоцкій наблюдалъ покамѣстъ, по нѣкоторымъ особымъ обстоятельствамъ, чрезвычайную осторожность въ своихъ шагахъ, и только еще сондировалъ дѣло, то и родители предложили дочерямъ на видъ только еще самыя отдаленныя предположенія. Въ отвѣтъ на это было получено отъ нихъ, тоже хоть не совсѣмъ опредѣленное, но по крайней мѣрѣ успокоительное заявленіе, что старшая, Александра, пожалуй и не откажется. Это была дѣвушка, хотя и съ твердымъ харак-

теромъ, но добрая, разумная и чрезвычайно уживчивая; могла выйти за Тоцкого даже охотно, и еслибы дала слово, то исполнила бы его честно. Блеска она не любила, не только не грозила хлопотами и крутымъ переворотомъ, но могла даже усладить и успокоить жизнь. Собою она была очень хороша, хотя и не такъ эффектна. Что могло быть лучше для Тоцкого?

И однако же дѣло продолжало идти все ощупью. Взаимно и дружески, между Тоцкимъ и генераломъ положено было до времени избѣгать всякаго формальнаго и безвозвратнаго шага. Даже родители все еще не начинали говорить съ дочерью совершенно открыто; начинался какъ будто и диссонансъ: генеральша Епанчина, мать семейства, становилась почему-то недовольною, а это было очень важно. Тутъ было одно мѣшавшее всему обстоятельство, одинъ мудреный и хлопотливый случай, изъ-за котораго все дѣло могло разстроиться безвозвратно.

Этотъ мудреный и хлопотливый „случай“ (какъ выражался самъ Тоцкій) начался еще очень давно, лѣтъ восемнадцать такъ назадъ. Рядомъ съ однимъ изъ богатѣйшихъ помѣстій Аванасія Ивановича, въ одной изъ срединныхъ губерній, бѣдствовалъ одинъ мелкопомѣстный и бѣднѣйшій помѣщикъ. Это былъ человѣкъ замѣчательный по своимъ непрерывнымъ и анекдотическимъ неудачамъ, — одинъ отставной офицеръ, хорошей дворянской фамиліи, и даже въ этомъ отношеніи почище Тоцкого, нѣкто Филиппъ Александровичъ Барашковъ. Весь задолжавшійся и заложившійся, онъ успѣлъ уже наконецъ послѣ каторжныхъ, почти мужичьихъ трудовъ, устроить кое-какъ свое маленькое хозяйство удовлетворительно. При малѣйшей удачѣ онъ необыкновенно ободрялся. Ободренный и просіявшій надеждами, онъ отлучился на нѣскольکو дней въ свой уѣздный городокъ, чтобы повидаться и, буде возможно, столковаться окончательно съ однимъ изъ главнѣйшихъ своихъ кредиторовъ. На третій день по прибытіи его въ городъ, явился къ нему изъ его деревеньки его староста, верхомъ, съ обожженною щекой и обгорѣвшею бородой, и возвѣстилъ ему, что „вотчина сгорѣла“, вчера,

въ самый полдень, причемъ „изволили сгорѣть и супруга, а дѣточки цѣлы остались“. Этому сюрприза даже и Барашковъ, пріученный къ „синякамъ фортуны“, не могъ вынести; онъ сошелъ съ ума и чрезъ мѣсяць померъ въ горячкѣ. Сгорѣвшее имѣніе, съ разбредшимися по міру мужиками, было продано за долги; двухъ же маленькихъ дѣвочекъ, шести и семи лѣтъ, дѣтей Барашкова, по великодушію своему, принялъ на свое иждивеніе и воспитаніе Аѳанасій Ивановичъ Тоцкій. Онѣ стали воспитываться вмѣстѣ съ дѣтьми управляющаго Аѳанасія Ивановича, одного отставнаго и многосемейнаго чиновника и притомъ Нѣмца. Вскорѣ осталась одна только дѣвочка, Настя, а младшая умерла отъ коклюша; Тоцкій же вскорѣ совсѣмъ и забылъ о нихъ обѣихъ, проживая за границей. Лѣтъ пять спустя, однажды, Аѳанасій Ивановичъ, проѣздомъ, вздумалъ заглянуть въ свое помѣстье и вдругъ замѣтилъ въ деревенскомъ своемъ домѣ, въ семействѣ своего Нѣмца, прелестнаго ребенка, дѣвочку лѣтъ двѣнадцати, рѣзвую, милую, умненькую и обѣщавшую необыкновенную красоту; въ этомъ отношеніи Аѳанасій Ивановичъ былъ знатокъ безошибочный. Въ этотъ разъ онъ пробылъ въ помѣстьи всего нѣсколько дней, но успѣлъ распорядиться; въ воспитаніи дѣвочки произошла значительная перемѣна: приглашена была почтенная и пожилая гувернантка, опытная въ высшемъ воспитаніи дѣвиць, Швейцарка, образованная и преподававшая, кромѣ французскаго языка, и разныя науки. Она поселилась въ деревенскомъ домѣ, и воспитаніе маленькой Настасьи приняло чрезвычайныя размѣры. Ровно чрезъ четыре года это воспитаніе кончилось; гувернантка уѣхала, а за Настей пріѣхала одна барыня, тоже какая-то помѣщица и тоже сосѣдка г-на Тоцкаго по имѣнію, но уже въ другой, далекой губерніи, и взяла Настю съ собой, вслѣдствіе инструкціи и полномочія отъ Аѳанасія Ивановича. Въ этомъ небольшомъ помѣстьи оказался тоже, хотя и небольшой, только что отстроенный деревянный домъ; убранъ онъ былъ особенно изящно, да и деревенька, какъ нарочно, называлась сельцо „Отрадное“. Помѣщица привезла Настю прямо въ этотъ тихій домикъ, и такъ какъ сама

она, бездѣтная вдова, жила всего въ одной верстѣ, то и сама поселилась вмѣстѣ съ Настей. Около Насти явилась старуха ключница и молодая, опытная горничная. Въ домѣ нашлись музыкальные инструменты, изящная дѣвичья библіотека, картины, эстампы, карандаши, кисти, краски, удивительная левретка, а чрезъ двѣ недѣли пожаловалъ и самъ Аѳанасій Ивановичъ... Съ тѣхъ поръ онъ какъ-то особенно полюбилъ эту глухую, степную свою деревеньку, заѣзжалъ каждое лѣто, гостилъ по два, даже по три мѣсяца, и такъ прошло довольно долгое время, года четыре, спокойно и счастливо, со вкусомъ и изящно.

Однажды случилось, что какъ-то въ началѣ зимы, мѣсяца четыре спустя послѣ одного изъ лѣтнихъ пріѣздовъ Аѳанасія Ивановича въ „Отрадное“, заѣзжавшаго на этотъ разъ всего только на двѣ недѣли, пронесся слухъ, или, лучше сказать, дошелъ какъ-то слухъ до Настасьи Филипповны, что Аѳанасій Ивановичъ въ Петербургѣ женится на красавицѣ, на богатой, на знатной, — однимъ словомъ, дѣлаетъ солидную и блестящую партію. Слухъ этотъ оказался потомъ не во всѣхъ подробностяхъ вѣрнымъ: свадьба и тогда была еще только въ проектѣ, и все еще было очень неопредѣленно, но въ судьбѣ Настасьи Филипповны все-таки произошло съ этого времени чрезвычайный переворотъ. Она вдругъ выказала необыкновенную рѣшимость и обнаружила самый неожиданный характеръ. Долго не думая, она бросила свой деревенскій домикъ и вдругъ явилась въ Петербургъ, прямо къ Тоцкому, одна-одинехонька. Тотъ изумился, началъ было говорить; но вдругъ оказалось, почти съ перваго слова, что надобно совершенно измѣнить слогъ, діапозонъ голоса, прежнія темы пріятныхъ и изящныхъ разговоровъ, употреблявшіяся доселѣ съ такимъ успѣхомъ, логику, — все, все, все! Предъ нимъ сидѣла совершенно другая женщина, несколько не похожая на ту, которую онъ зналъ доселѣ и оставилъ всего только въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ сельцѣ „Отрадномъ“.

Эта новая женщина, оказалось, во-первыхъ, необыкновенно много знала и понимала, — такъ много, что надо было глу-

боко удивляться, откуда могла она приобрести такія свѣдѣнія, выработать въ себѣ такія точныя понятія. (Неужели изъ своей дѣвичьей бібліотеки?) Мало того, она даже юридически чрезвычайно много понимала и имѣла положительное знаніе, если не свѣта, то о томъ по крайней мѣрѣ, какъ нѣкоторыя дѣла текутъ на свѣтѣ; во-вторыхъ, это былъ совершенно не тотъ характеръ какъ прежде, то-есть не что-то робкое, пансіонски неопредѣленное, иногда очаровательное по своей оригинальной рѣзвости и наивности, иногда грустное и задумчивое, удивленное, недовѣрчивое, плачущее и безпокойное.

Нѣтъ: тутъ хохотало предъ нимъ и кололо его ядовитѣйшими сарказмами необыкновенное и неожиданное существо, прямо заявившее ему, что никогда оно не имѣло къ нему въ своемъ сердцѣ ничего, кромѣ глубочайшаго презрѣнія, презрѣнія до тошноты, наступившаго тотчасъ-же послѣ перваго удивленія. Эта новая женщина объявляла, что ей въ полномъ смыслѣ все равно будетъ, если онъ сейчасъ-же и на комъ угодно женится, но что она пріѣхала не позволить ему этотъ бракъ, и не позволить по злости, единственно потому, что ей такъ хочется, и что слѣдственно такъ и быть должно, — „ну хоть для того, чтобы мнѣ только посмѣяться надъ тобой въ волю, потому что теперь и я наконецъ смѣяться хочу“.

Такъ по крайней мѣрѣ она выражалась; всего, что было у ней на умѣ, она, можетъ быть, и не высказала. Но покаместъ новая Настасья Филипповна хохотала и все это излагала, Аѳанасій Ивановичъ обдумывалъ про себя это дѣло и по возможности приводилъ въ порядокъ нѣсколько разбитыя свои мысли. Это обдумываніе продолжалось не мало времени; онъ вникалъ и рѣшался окончательно почти двѣ недѣли: но чрезъ двѣ недѣли его рѣшеніе было принято. Дѣло въ томъ, что Аѳанасію Ивановичу въ то время было уже около пятидесяти лѣтъ, и человѣкъ онъ былъ въ высшей степени солидный и установившійся. Постановка его въ свѣтѣ и въ обществѣ давнымъ-давно совершилась на самыхъ прочныхъ основаніяхъ. Себя, свой покой и комфортъ онъ

любилъ и цѣнилъ болѣе всего на свѣтѣ, какъ и слѣдовало въ высшей степени порядочному человѣку. Ни малѣйшаго нарушенія, ни малѣйшаго колебанія не могло быть допущено въ томъ, что всею жизнью устанавливалось и приняло такую прекрасную форму. Съ другой стороны, опытность и глубокой взглядъ на вещи подсказали Тоцкому очень скоро и необыкновенно вѣрно, что онъ имѣетъ теперь дѣло съ существомъ совершенно изъ ряду вонъ, что это именно такое существо, которое не только грозитъ, но и непременно сдѣлаетъ, и главное, ни предъ чѣмъ рѣшительно не остановится, тѣмъ болѣе что рѣшительно ничѣмъ въ свѣтѣ не дорожить, такъ что даже и соблазнить его невозможно. Тутъ, очевидно, было что-то другое, подразумевалась какая-то душевная и сердечная бурда, — что-то въ родѣ какого-то романческаго негодованія Богъ знаетъ на кого и за что, какого-то ненасытимаго чувства презрѣнія, совершенно выскокившаго изъ мѣрки, — однимъ словомъ что-то въ высшей степени смѣшное и недозволенное въ порядочномъ обществѣ и съ чѣмъ встрѣтиться для всякаго порядочнаго человѣка составляетъ чистѣйшее Божіе наказаніе. Разумѣется, съ богатствомъ и со связями Тоцкаго можно было тотчасъ-же сдѣлать какое-нибудь маленькое и совершенно невинное злодѣйство, чтобъ избавиться отъ непріятности. Съ другой стороны, было очевидно, что и сама Настасья Филипповна почти ничего не въ состояніи сдѣлать вреднаго, въ смыслѣ, на примѣръ, хоть юридическомъ; даже и скандала не могла-бы сдѣлать значительнаго, потому что такъ легко ее можно было всегда ограничить. Но все это въ такомъ только случаѣ, еслибы Настасья Филипповна рѣшилась дѣйствовать какъ всѣ, и какъ вообще въ подобныхъ случаяхъ дѣйствуютъ, не выскакивая слишкомъ эксцентрично изъ мѣрки. Но тутъ-то и пригодилась Тоцкому его вѣрность взгляда: онъ сумѣлъ разгадать, что Настасья Филипповна и сама отлично понимаетъ, какъ безвредна она въ смыслѣ юридическомъ, но что у ней совсѣмъ другое на умѣ и... въ сверкавшихъ глазахъ ея. Ничѣмъ не дорожа, а пуще всего собой (нужно было очень много ума и проникновенія, чтобы догадаться въ эту

минуту, что она давно уже перестала дорожить собой, и чтобъ ему, скептику и свѣтскому цинику, повѣрить серьезности этого чувства), Настасья Филипповна въ состояніи была самое себя погубить, безвозвратно и безобразно, Сибирью и каторгой, лишь-бы надругаться надъ человѣкомъ, къ которому она питала такое безчеловѣчное отвращеніе. Аѳанасій Ивановичъ никогда не скрывалъ, что онъ былъ нѣсколько трусоватъ или, лучше сказать, въ высшей степени консервативенъ. Еслибъ онъ зналъ, на примѣръ, что его убьютъ подъ вѣнцомъ, или произойдетъ что-нибудь въ этомъ родѣ, чрезвычайно неприличное, смѣшное и непринятое въ обществѣ, то онъ конечно-бы испугался, но при этомъ не столько того, что его убьютъ и ранятъ до крови, или плюнутъ всепублично въ лицо и пр. и пр., а того, что это произойдетъ съ нимъ въ такой неестественной и непринятой формѣ. А вѣдь Настасья Филипповна именно это и пророчила, хотя еще и молчала объ этомъ; онъ зналъ, что она въ высшей степени его понимала и изучила, а слѣдственно знала, чѣмъ въ него и ударить. А такъ какъ свадьба дѣйствительно была еще только въ намѣреніи, то Аѳанасій Ивановичъ смирился и уступилъ Настасьѣ Филипповнѣ.

Рѣшенію его помогло и еще одно обстоятельство: трудно было вообразить себѣ до какой степени не походила эта новая Настасья Филипповна на прежнюю лицомъ. Прежде это была только очень хорошенькая дѣвочка, а теперь.... Тоцкій долго не могъ простить себѣ, что онъ четыре года глядѣлъ и не разглядѣлъ. Правда, много значить и то, когда съ обѣихъ сторонъ, внутренно и внезапно, происходитъ переворотъ. Онъ припоминалъ впрочемъ и прежде мгновенія, когда иногда странныя мысли приходили ему при взглядѣ, на примѣръ, на эти глаза: какъ бы предчувствовался въ нихъ какой-то глубокой и таинственный мракъ. Этотъ взглядъ глядѣлъ — точно задавалъ загадку. Въ послѣдніе два года онъ часто удивлялся измѣненію цвѣта лица Настасьи Филипповны; она становилась ужасно блѣдна и — странно — даже хорошѣла отъ этого. Тоцкій, который, какъ всѣ погулявшіе на своемъ вѣку джентльмены, съ презрѣніемъ смо-

трѣль вначалѣ какъ дешево досталась ему эта не жившая душа, въ послѣднее время нѣсколько усумнился въ своемъ взглядѣ. Во всякомъ случаѣ, у него положено было еще прошлою весной, въ скоромъ времени, отлично и съ достаткомъ выдать Настасью Филипповну замужъ за какого-нибудь благоразумнаго и порядочнаго господина, служащаго въ другой губерніи. (О, какъ ужасно и какъ зло смѣялась надъ этимъ теперь Настасья Филипповна!). Но теперь Афанасій Ивановичъ, прельщенный новизной, подумалъ даже, что онъ могъ бы вновь эксплуатировать эту женщину. Онъ рѣшился поселить Настасью Филипповну въ Петербургѣ и окружить роскошнымъ комфортомъ. Если не то, такъ другое: Настасьей Филипповной можно было щегольнуть и даже потщеславиться въ извѣстномъ кружкѣ. Афанасій же Ивановичъ такъ дорожилъ своею славой по этой части.

Прошло уже пять лѣтъ петербургской жизни и, разумѣется, въ такой срокъ многое опредѣлилось. Положеніе Афанасія Ивановича было неутѣшительное; всего хуже было то, что онъ, струсивъ разъ, уже никакъ потомъ не могъ успокоиться. Онъ боялся — и даже самъ не зналъ чего, — просто боялся Настасьи Филипповны. Нѣкоторое время, въ первые два года, онъ сталъ было подозрѣвать, что Настасья Филипповна сама желаетъ вступить съ нимъ въ бракъ, но молчитъ изъ необыкновеннаго тщеславія и ждетъ настойчиво его предложенія. Претензія была бы странная; Афанасій Ивановичъ морщился и тяжело задумывался. Въ большому и (таково сердце человѣка!) къ нѣсколько неприятному своему изумленію, онъ вдругъ, по одному случаю, убѣдился, что еслибы даже онъ и сдѣлалъ предложеніе, то его бы не приняли. Долгое время онъ не понималъ этого. Ему показалось возможнымъ одно только объясненіе, что гордость „оскорбленной и фантастической женщины“ доходитъ уже до такого изступленія, что ей скорѣе пріятнѣе выказать разъ свое презрѣніе въ отказѣ, чѣмъ навсегда опредѣлить свое положеніе и достигнуть недосытаемаго величія. Хуже всего было то, что Настасья Филипповна, ужасно много взяла верху. На интересъ тоже не под-

давалась, даже на очень крупный, и хотя приняла предложенный ей комфорт, но жила очень скромно и почти ничего въ эти пять лѣтъ не скопила. Аѳанасій Ивановичъ рискнулъ было на очень хитрое средство, чтобы разбить свои цѣпи: непримѣтно и искусно онъ сталъ соблазнять ее, чрезъ ловкую помощь, разными идеальнѣйшими соблазнами; но олицетворенные идеалы: князья, гусары, секретари посольствъ, поэты, романисты, социалисты даже, ничто не произвело никакого впечатлѣнія на Настасью Филипповну, какъ будто у ней вмѣсто сердца былъ камень, а чувства изсохли и вымерли разъ на всегда. Жила она больше уединенно, читала, даже училась, любила музыку. Знакомствъ имѣла мало; она все зналась съ какими-то бѣдными и смѣшными чиновниками, знала двухъ какихъ-то актрисъ, какихъ-то старухъ, очень любила многочисленное семейство одного почтеннаго учителя, и въ семействѣ этомъ и ее очень любили и съ удовольствіемъ принимали. Довольно часто по вечерамъ сходились къ ней пять-шесть человѣкъ знакомыхъ, не болѣе. Тоцкій являлся очень часто и аккуратно. Въ послѣднее время не безъ труда познакомился съ Настасьей Филипповной генераль Епанчинъ. Въ то же время совершенно легко и безъ всякаго труда познакомился съ ней и одинъ молодой чиновникъ, по фамиліи Фердыщенко, очень неприличный и сальный шутъ, съ претензіями на веселость, и вышивающій. Былъ знакомъ одинъ молодой и странный человѣкъ, по фамиліи Птицынъ, скромный, аккуратный и вылощенный, происшедшій изъ нищеты и сдѣлавшійся ростовщикомъ. Познакомился, наконецъ, и Гаврила Ардалионовичъ.... Кончилось тѣмъ, что про Настасью Филипповну установилась странная слава: о красотѣ ея знали всѣ, но и только; никто не могъ ничѣмъ похвалиться, никто не могъ ничего рассказать. Такая репутація, ея образованіе, изящная манера, остроуміе, все это утвердило Аѳанасія Ивановича окончательно на известномъ планѣ. Тутъ-то и начинается тотъ моментъ, съ котораго принялъ въ этой исторіи такое дѣятельное и чрезвычайное участіе самъ генераль Епанчинъ.

Когда Тоцкій такъ любезно обратился къ нему за друже-

скимъ совѣтомъ насчетъ одной изъ его дочерей, то тутъ же, самымъ благороднѣйшимъ образомъ, сдѣлалъ полнѣйшія и откровенныя признанія. Онъ открылъ, что рѣшился уже не останавливаться *ни предъ какими* средствами, чтобы получить свою свободу; что онъ не успокоился бы, еслибы Настасья Филипповна даже сама объявила ему, что впредь оставить его въ полномъ покоѣ; что ему мало словъ, что ему нужны самыя полныя гарантіи. Столковались и рѣшились дѣйствовать сообща. Первоначально положено было испытать средства самыя мягкія и затронуть такъ-сказать одни „благородныя струны сердца“. Оба пріѣхали къ Настасьѣ Филипповнѣ, и Тоцкій прямехонько началъ съ того, что объявилъ ей о невыносимомъ ужасѣ своего положенія; обвинилъ онъ себя во всемъ; откровенно сказалъ, что не можетъ раскаяться въ первоначальномъ поступкѣ съ нею, потому что онъ сластолюбецъ закоренѣлый и въ себѣ не властенъ, но что теперь онъ хочетъ жениться, и что вся судьба этого въ высшей степени приличнаго и свѣтскаго брака въ ея рукахъ; однимъ словомъ, что онъ ждетъ всего отъ ея благороднаго сердца. Затѣмъ сталъ говорить генералъ Епанчинъ, въ своемъ качествѣ отца, и говорилъ резонно, избѣгнувъ трогательнаго, упомянулъ только, что вполне признаетъ ея право на рѣшеніе судьбы Аѳанасія Ивановича, ловко щегольнулъ собственнымъ смиреніемъ, представивъ на видъ, что судьба его дочери, а можетъ-быть и двухъ другихъ дочерей, зависитъ теперь отъ ея же рѣшенія. На вопросъ Настасьи Филипповны: „Чего именно отъ нея хотятъ?“ Тоцкій съ прежнею, совершенно обнаженною прямою, признался ей, что онъ такъ напуганъ еще пять лѣтъ назадъ, что не можетъ даже и теперь совѣмъ успокоиться, до тѣхъ поръ, пока Настасья Филипповна сама не выйдетъ за кого-нибудь замужъ. Онъ тотчасъ же прибавилъ, что просьба эта была бы, конечно, съ его стороны нелѣпа, еслибъ онъ не имѣлъ насчетъ ея нѣкоторыхъ основаній. Онъ очень хорошо замѣтилъ и положительно узналъ, что молодой человекъ, очень хорошей фамиліи, живущій въ самомъ достойномъ семействѣ, а именно Гаврила Ардаліоновичъ Иволгинъ, кото-

раго она знаетъ и у себя принимаетъ, давно уже любить ее всею силой страсти, и конечно отдать бы половину жизни за одну надежду приобрести ея симпатію. Признанія эти Гаврила Ардалионовичъ сдѣлалъ ему, Аѳанасію Ивановичу, самъ, и давно уже, по-дружески и отъ чистаго молодца сердца, и что объ этомъ давно уже знаетъ и Иванъ Федоровичъ, благодѣтельствующій молодому человѣку. Наконецъ, если только онъ, Аѳанасій Ивановичъ, не ошибается, любовь молодого человѣка давно уже извѣстна самой Настасьѣ Филипповнѣ, и ему показалось даже, что она смотритъ на эту любовь снисходительно. Конечно, ему всѣхъ труднѣе говорить объ этомъ. Но если Настасья Филипповна захотѣла бы допустить въ немъ, въ Тоцкомъ кромѣ эгоизма и желанія устроить свою собственную участь, хотя нѣсколько желанія добра и ей, то поняла бы, что ему давно странно и даже тяжело смотрѣть на ея одиночество: что тутъ одинъ только неопредѣленный мракъ, полное невѣріе въ обновленіе жизни, которая такъ прекрасно могла бы воскреснуть въ любви и въ семействѣ и принять такимъ образомъ новую цѣль; что тутъ гибель способностей, можетъ-быть, блестящихъ, добровольное любованіе своею тоской, однимъ словомъ, даже нѣкоторый романтизмъ, недостойный ни здраваго ума, ни благороднаго сердца Настасьи Филипповны. Повторивъ еще разъ, что ему труднѣе другихъ говорить, онъ заключилъ, что не можетъ отказаться отъ надежды, что Настасья Филипповна не отвѣтитъ ему презрѣніемъ, если онъ выразитъ свое искреннее желаніе обезпечить ея участь въ будущемъ и предложить ей сумму въ семьдесятъ пять тысячъ рублей. Онъ прибавилъ въ поясненіе, что эта сумма, все равно, назначена уже ей въ его завѣщаніи; однимъ словомъ, что тутъ вовсе не вознагражденіе какое нибудь.... и что наконецъ почему же не допустить и не извинить въ немъ человѣческаго желанія хоть чѣмъ-нибудь облегчить свою совѣсть и т. д., и т. д., все что говорится въ подобныхъ случаяхъ на эту тему. Аѳанасій Ивановичъ говорилъ долго и краснорѣчиво, присовокупивъ, такъ-сказать мимоходомъ, очень любопытное свѣдѣніе, что объ

этихъ семидесяти пяти тысячахъ онъ заикнулся теперь въ первый разъ, и что о нихъ не зналъ даже и самъ Иванъ Ѳедоровичъ, который вотъ тутъ сидитъ; однимъ словомъ не знаетъ *никто*.

Отвѣтъ Настасьи Филипповны изумилъ обоихъ друзей.

Не только не было замѣтно въ ней хотя бы малѣйшаго появленія прежней насмѣшки, прежней вражды и ненависти, прежняго хохоту, отъ котораго, при одномъ воспоминаніи, до сихъ поръ проходилъ холодъ по спинѣ Гоцкаго, но напротивъ, она какъ будто обрадовалась тому, что можетъ наконецъ поговорить съ кѣмъ нибудь откровенно и по дружески. Она призналась, что сама давно желала спросить дружескаго совѣта, что мѣшала только гордость, но что теперь, когда ледъ разбитъ, ничего и не могло быть лучше. Сначала съ грустною улыбкой, а потомъ весело и рѣзво разсмѣявшись, она призналась, что прежней бури во всякомъ случаѣ и быть не могло; что она давно уже измѣнила отчасти свой взглядъ на вещи, и что хотя и не измѣнилась въ сердцѣ, но все-таки принуждена была очень много допустить въ видѣ совершившихся фактовъ; что сдѣлано, то сдѣлано, что прошло, то прошло, такъ что ей даже странно, что Аѳанасій Ивановичъ все еще продолжаетъ быть такъ напуганнымъ. Тутъ она обратилась къ Ивану Ѳедоровичу и съ видомъ глубочайшаго уваженія объявила, что она давно уже слышала очень многое объ его дочеряхъ, и давно уже привыкла глубоко и искренно уважать ихъ. Одна мысль о томъ, что она могла бы быть для нихъ хоть чѣмъ-нибудь полезною, была бы, кажется, для нея счастьемъ и гордостью. Это правда, что ей теперь тяжело и скучно, очень скучно; Аѳанасій Ивановичъ угадалъ мечты ея; она желала бы воскреснуть, хоть не въ любви, такъ въ семействѣ, сознавъ новую цѣль; но что о Гаврилѣ Ардалионовичѣ она почти ничего не можетъ сказать. Кажется, правда, что онъ ее любитъ; она чувствуетъ, что могла бы и сама его полюбить, еслибы могла повѣрить въ твердость его привязанности; но онъ очень молодъ, если даже и искрененъ; тутъ рѣшеніе трудно. Ей, впрочемъ, нравится больше всего то, что онъ работаетъ, трудится и одинъ под-

держиваетъ все семейство. Она слышала, что онъ человѣкъ съ энергіей, съ гордостью, хочетъ карьеры, хочетъ пробиться. Слышала тоже, что Нина Александровна Иволгина, мать Гаврилы Ардалионовича, превосходная и въ высшей степени уважаемая женщина; что сестра его Варвара Ардалионовна очень замѣчательная и энергичная дѣвушка; она много слышала о ней отъ Штицына. Она слышала, что онъ бодро переносятъ свои несчастія; она очень бы желала съ ними познакомиться, но еще вопросъ, радушно ли онъ примутъ ее въ ихъ семью? Вообще она ничего не говоритъ противъ возможности этого брака, но объ этомъ еще слишкомъ надо подумать; она желала бы, чтобъ ее не торопили. Насчетъ же семидесяти пяти тысячъ, —напрасно Аѳанасій Ивановичъ такъ затруднялся говорить о нихъ. Она понимаетъ сама цѣну деньгамъ и конечно ихъ возьметъ. Она благодаритъ Аѳанасія Ивановича за его деликатность, за то, что онъ даже и генералу объ этомъ не говорилъ, не только Гаврилѣ Ардалионовичу, но однакожь, почему же и ему не знать объ этомъ заранѣе? Ей нечего стыдиться за эти деньги, входя въ ихъ семью. Во всякомъ случаѣ она ни у кого не намѣрена просить прощенія ни въ чемъ и желаетъ чтобъ это знали. Она не выйдетъ за Гаврилу Ардалионовича, пока не убѣдится, что ни въ немъ, ни въ семействѣ его, нѣтъ какой-нибудь затаенной мысли на ея счетъ. Во всякомъ случаѣ, она ни въ чемъ не считаетъ себя виновною, и пусть бы лучше Гаврила Ардалионовичъ узналъ, на какихъ основаніяхъ она прожила всѣ эти пять лѣтъ въ Петербургѣ, въ какихъ отношеніяхъ къ Аѳанасію Ивановичу, и много ли скопила состоянія. Наконецъ если она и принимаетъ теперь капиталъ, то вовсе не какъ плату за свой дѣвичій позоръ, въ которомъ она не виновата, а просто какъ вознагражденіе за исковерканную судьбу.

Подъ-конецъ она даже такъ разгорячилась и раздражилась, излагая все это (что, впрочемъ, было такъ естественно), что генераль Епанчинъ былъ очень доволенъ и считалъ дѣло оконченнымъ; но разъ напуганный Тоцкій и теперь не совсѣмъ повѣрилъ, и долго боялся, нѣтъ ли и тутъ змѣи подъ цвѣтами. Переговоры однако начались; пунктъ, на которомъ былъ основанъ

весь маневръ обоихъ друзей, а именно, возможность увлеченія Настасьи Филипповны къ Ганѣ, началъ мало-по-малу выясняться и оправдываться, такъ что даже Тоцкій начиналъ иногда вѣрить въ возможность успѣха. Тѣмъ временемъ Настасья Филипповна объяснилась съ Ганей: словъ было сказано очень мало, точно ея цѣломудріе страдало при этомъ. Она допускала однакожь и позволяла ему любовь его, но настойчиво объявила, что ничѣмъ не хочетъ стѣснять себя; что она до самой свадьбы (если свадьба состоится) оставляетъ за собой право сказать: „нѣтъ“, хотя бы въ самый послѣдній часъ; совершенно такое же право предоставляетъ и Ганѣ. Вскорѣ Ганя узналъ положительно, чрезъ услужливый случай, что недоброжелательство всей его семьи къ этому браку и къ Настасьѣ Филипповнѣ лично, обнаруживавшееся домашними сценами, уже извѣстно Настасьѣ Филипповнѣ въ большой подробности; сама она съ нимъ объ этомъ не заговаривала, хотя онъ и ждалъ ежедневно. Впрочемъ, можно было бы и еще много рассказать изъ всѣхъ исторій и обстоятельствъ, обнаружившихся по поводу этого сватовства и переговоровъ; но мы и такъ забѣжали впередъ, тѣмъ болѣе, что инныя изъ обстоятельствъ являлись еще въ видѣ слишкомъ неопредѣленныхъ слуховъ. Напримѣръ, будто бы Тоцкій откуда-то узналъ, что Настасья Филипповна вошла въ какія-то неопредѣленныя и секретныя отъ всѣхъ сношенія съ дѣвицами Епанчинными, — слухъ совершенно невѣроятный. Зато другому слуху онъ невольно вѣрилъ и боялся его до кошмара: онъ слышалъ за вѣрное, что Настасья Филипповна будто бы въ высшей степени знаетъ, что Ганя женится только на деньгахъ, что у Гани душа черная, алчная, нетерпѣливая, завистливая и необъятно, непропорціонально ни съ чѣмъ самолюбивая; что Ганя хотя и дѣйствительно страстно добивался побѣды надъ Настасьей Филипповной прежде, но когда оба друга рѣшились эксплуатировать эту страсть, начинающуюся съ обѣихъ сторонъ, въ свою пользу, и купить Ганю продажей ему Настасьи Филипповны въ законныя жены, то онъ возненавидѣлъ ее какъ свой кошмаръ. Въ его душѣ будто бы странно сошлись страсть и ненависть, и онъ хотя и далъ наконецъ, послѣ

мучительныхъ колебаній, согласіе жениться на „скверной женщинѣ“, но самъ поклялся въ душѣ горько отмстить ей за это и „доѣхать“ ее потомъ, какъ онъ будто бы самъ выразился. Все это Настасья Филипповна будто бы знала и что-то втайнѣ готовила. Тоцкій до того было уже струсилъ, что даже и Епанчину пересталъ сообщать о своихъ безпокойствахъ; но бывали мгновенія, что онъ, какъ слабый человѣкъ, рѣшительно вновь ободрялся и быстро воскресалъ духомъ: онъ ободрился, напримѣръ, чрезвычайно, когда Настасья Филипповна дала наконецъ слово обоимъ друзьямъ, что вечеромъ, въ день своего рожденія, скажетъ послѣднее слово. Зато самый странный и самый невѣроятный слухъ, касавшійся самого уважаемаго Ивана Федоровича, увы! все болѣе и болѣе оказывался вѣрнымъ.

Тутъ съ перваго взгляда все казалось чистѣйшею дичью. Трудно было повѣрить, что будто бы Иванъ Федоровичъ, на старости своихъ почтенныхъ лѣтъ, при своемъ превосходномъ умѣ и положительномъ знаніи жизни и пр. и пр., соблазнился самъ Настасьею Филипповной, но такъ будто бы, до такой будто бы степени, что этотъ капризъ почти походилъ на страсть. На что онъ надѣялся въ этомъ случаѣ—трудно себѣ и представить; можетъ-быть, даже на содѣйствіе самого Гани. Тоцкому подозрѣвалось по крайней мѣрѣ что-то въ этомъ родѣ, подозрѣвалось существованіе какого-то почти безмолвнаго договора, основаннаго на взаимномъ проникновеніи, между генераломъ и Ганей. Впрочемъ, извѣстно, что человѣкъ, слишкомъ увлекшійся страстью, особенно если онъ въ лѣтахъ, совершенно слѣпнетъ и готовъ подозрѣвать надежду тамъ, гдѣ вовсе ея и нѣтъ; мало того, теряетъ рассудокъ и дѣйствуетъ какъ глупый ребенокъ, хотя бы и былъ семи пядей во лбу. Извѣстно было, что генералъ приготовилъ ко дню рожденія Настасьи Филипповны отъ себя въ подарокъ удивительный жемчугъ, стоившій огромной суммы, и подаркомъ этимъ очень интересовался, хотя и зналъ, что Настасья Филипповна женщина безкорыстная. Наканунѣ дня рожденія Настасьи Филипповны онъ былъ какъ въ лихорадкѣ, хотя и ловко скрывалъ себя. Объ этомъ-то именно жемчугѣ и прослышала ге-

неральша Епанчина. Правда, Елизавета Прокофьевна, уже съ давнихъ поръ начала испытывать вѣтренность своего супруга, даже отчасти привыкла къ ней; но вѣдь невозможно же было пропустить такой случай: слухъ о жемчугѣ чрезвычайно интересовалъ ее. Генераль выслѣдилъ это заблаговременно; еще наканунѣ были сказаны иныя словечки; онъ почувствовалъ объясненіе капитальное и боялся его. Вотъ почему ему ужасно не хотѣлось въ то утро, съ котораго мы начали разговоръ, идти завтракать въ нѣдра семейства. Еще до князя онъ положилъ отговориться дѣлами и избѣжать. Избѣжать у генерала иногда значило просто-за-просто убѣжать. Ему хотъ одинъ этотъ день и, главное, сегодняшній вечеръ хотѣлось выиграть безъ непріятностей. И вдругъ такъ кстати пришелся князь. „Точно Богъ послалъ!“ подумалъ генераль про себя, входя къ своей супругѣ.

V.

Генеральша была ревнива къ своему происхожденію. Каково же ей было, прямо и безъ приготовленія, услышать, что этотъ послѣдній въ родѣ князь Мышкинъ, о которомъ она уже что-то слышала, не больше какъ жалкій идіотъ и почти-что нищій, и принимаетъ подаваніе на бѣдность. Генераль именно билъ на эффектъ, чтобы разомъ заинтересовать, отвлечь все какъ-нибудь въ другую сторону.

Въ крайнихъ случаяхъ генеральша обыкновенно чрезвычайно выкатывала глаза, и нѣсколько откинувшись назадъ корпусомъ, неопредѣленно смотрѣла передъ собой, не говоря ни слова. Это была рослая женщина, однихъ лѣтъ съ своимъ мужемъ, съ темными, съ большою просѣдью, но еще густыми волосами, съ нѣсколько горбатымъ носомъ, сухощавая, съ желтыми, ввалившимися щеками и тонкими впалыми губами. Лобъ ея былъ высокъ, но узокъ; сѣрые, довольно большіе глаза имѣли самое неожиданное иногда выраженіе. Когда-то у ней была слабость повѣрить, что взглядъ ея необыкновенно эффектенъ; это убѣжденіе осталось въ ней неизгладимо.

— Принять? Вы говорите его принять, теперь, сейчас?— и генеральша изо всѣхъ силъ выкатила свои глаза на суетившагося предъ ней Ивана Федоровича.

— О, на этотъ счетъ можно безъ всякой церемоніи, если только тебѣ, мой другъ, угодно его видѣть, спѣшилъ разъяснить генераль.— Совершенный ребенокъ и даже такой жалкій; припадки у него какіе-то болѣзненные; онъ сейчасъ изъ Швейцаріи, только-что изъ вагона, одѣтъ странно, какъ-то по-нѣмецкому, и въ добавокъ ни копѣйки, буквально; чуть не плачетъ. Я ему двадцать пять рублей подарилъ и хочу ему въ канцеляріи писарское мѣстечко какое-нибудь у насъ добыть. А васъ mesdames, прошу его попотчивать, потому что онъ, кажется, и голоденъ....

— Вы меня удивляете, продолжала попрежнему генеральша;— голоденъ и припадки! Какіе припадки?

— О, они не повторяются такъ часто, и притомъ онъ почти какъ ребенокъ, впрочемъ образованный. Я было васъ, mesdames, обратился онъ опять къ дочерямъ,— хотѣлъ попросить проэкзаменовать его, все-таки хорошо бы узнать къ чему онъ способенъ.

— Про-эк-за-ме-но-вать? протянула генеральша и въ глубочайшемъ изумленіи стала опять перекатывать глаза съ дочерей на мужа и обратно.

— Ахъ, другъ мой, не придавай такого смыслу... впрочемъ, вѣдь какъ тебѣ угодно; я имѣлъ въ виду обласкать его и ввести къ намъ, потому что это почти доброе дѣло.

— Ввести къ намъ? Изъ Швейцаріи?!

— Швейцарія тутъ не помѣшаетъ; а впрочемъ, повторяю, какъ хочешь. Я вѣдь потому что, вопервыхъ, однофамилецъ и, можетъ-быть, даже родственникъ, а вовторыхъ, не знаетъ гдѣ главу преклонить. Я даже подумалъ, что тебѣ нѣсколько интересно будетъ, такъ какъ все-таки изъ нашей фамиліи.

— Разумѣется, тамап, если съ нимъ можно безъ церемоніи; къ тому же онъ съ дороги ѣсть хочетъ, почему не накормить, если онъ не знаетъ куда дѣваться? сказала старшая Александра.

— И въ добавокъ дитя совершенное, съ нимъ можно еще въ жмурки играть.

— Въ жмурки играть? Какимъ образомъ?

— Ахъ, ташап, перестаньте представляться, пожалуйста, съ досадою перебила Аглая.

Средняя, Аделаида, смѣшливая, не выдержала и разсмѣялась.

— Позовите его, рара, ташап позволяетъ, рѣшила Аглая. Генераль позвонилъ и велѣлъ звать князя.

— Но съ тѣмъ, чтобы непременно завязать ему салфетку на шею, когда онъ сядетъ за столъ, рѣшила генеральша, — позвать Федора, или пусть Мавра... чтобы стоять за нимъ и смотрѣть за нимъ, когда онъ будетъ ѣсть. Спокоенъ ли онъ по крайней мѣрѣ въ принадлежкахъ? Не дѣлаетъ ли жестовъ?

— Напротивъ, даже очень мило воспитанъ и съ прекрасными манерами. Немного слишкомъ простоватъ иногда... Да вотъ онъ и самъ! Вотъ-съ, рекомендую, послѣдній въ родѣ князь Мышкинъ, однофамилецъ и, можетъ-быть, даже родственникъ, примите, обласкайте. Сейчасъ пойдутъ завтракать, князь, такъ сдѣлайте честь... А я ужь, извините, опоздалъ, спѣшу....

— Извѣстно, куда вы спѣшите, важно проговорила генеральша.

— Спѣшу, спѣшу, мой другъ, опоздалъ! Да дайте ему ваши альбомы, mesdames, пусть онъ вамъ тамъ напишетъ, какой онъ каллиграфъ, такъ на рѣдкость! Талантъ; тамъ онъ такъ у меня расчеркнулся стариннымъ почеркомъ: „Игумень Пафнутій руку приложилъ“... Ну, до свиданія.

— Пафнутій? Игумень? Да постоитъ, постоитъ, куда вы, и какой тамъ Пафнутій? съ настойчивою досадою и чуть не въ тревогѣ прокричала генеральша убѣгавшему супругу.

— Да, да, другъ мой, это такой въ старину былъ игумень... а я къ графу, ждетъ, давно, и главное, самъ назначилъ... Князь, до свиданія!

Генераль быстрыми шагами удалился.

— Знаю я къ какому онъ графу! рѣзко проговорила Ели-

завета Прокофьевна и раздражительно перевела глаза на князя. — Что бишь! начала она брезгливо и досадливо припоминая: — ну, что тамъ! Ахъ, да: ну, какой тамъ игумень?

— Матап, начала было Александра, а Аглая даже топнула ножкой.

— Не мѣшайте мнѣ, Александра Ивановна, отчеканила ей генеральша, — я тоже хочу знать. Садитесь вотъ тутъ, князь, вотъ на этомъ креслѣ, напротивъ, нѣтъ, сюда, къ солнцу, къ свѣту ближе подвиньтесь, чтобъ я могла видѣть. Ну, какой тамъ игумень?

— Игумень Пафнутій, отвѣчалъ князь внимательно и серьезно.

— Пафнутій? Это интересно; ну, что же онъ?

Генеральша спрашивала нетерпѣливо, быстро, рѣзко, не сводя глазъ съ князя, а когда князь отвѣчалъ, она кивала головой вслѣдъ за каждымъ его словомъ.

— Игумень Пафнутій, четырнадцатаго столѣтія, началъ князь, — онъ правилъ пустыню на Волгѣ, въ нынѣшней нашей Костромской губерніи. Извѣстенъ былъ святою жизнью, ѣздилъ въ Орду, помогалъ устраивать тогдашнія дѣла и подписался подъ одною грамотой, а снимокъ съ этой подписи я видѣлъ. Мнѣ понравился почеркъ, и я его заучилъ. Когда давеча генераль захотѣлъ посмотрѣть какъ я вишу, чтобъ опредѣлить меня къ мѣсту, то я написалъ нѣсколько фразъ разными шрифтами, и между прочимъ „Игумень Пафнутій руку приложилъ“ собственнымъ почеркомъ игумена Пафнутія. Генералу очень понравилось, вотъ онъ теперь и вспомнилъ.

— Аглая, сказала генеральша, — запомни: Пафнутій, или лучше запиши, а то я всегда забываю. Впрочемъ, я думала будетъ интереснѣе. Гдѣ же эта подпись?

— Осталась, кажется, въ кабинетѣ у генерала, на столѣ.

— Сейчасъ же послать и принести.

— Да я вамъ лучше другой разъ напишу, если вамъ угодно.

— Конечно, матап, сказала Александра, — а теперь лучше бы завтракать; мы ѣсть хотимъ.

— И то, рѣшила генеральша. — Пойдемте князь; вы очень хотите кушать?

— Да, теперь захотѣлъ очень, и очень вамъ благодаренъ.

— Это очень хорошо, что вы вѣжливы, и я замѣчаю, что вы вовсе не такой... чужакъ, какимъ васъ изволили от-рекомендовать. Пойдемте. Садитесь вотъ здѣсь, напротивъ меня, хлопотала она, усаживая князя, когда пришли въ столовую, — я хочу на васъ смотрѣть. Александра, Аделаида, потчуйте князя. Не правда ли, что онъ вовсе не такой... больной? Можетъ, и салфетку не надо... Вамъ, князь, подвязывали салфетку за кушаньемъ?

— Прежде, когда я лѣтъ семи былъ, кажется, подвязывали, а теперь я обыкновенно къ себѣ на колѣни салфетку кладу, когда ѣмъ.

— Такъ и надо. А припадки?

— Припадки? удивился немного князь: — припадки теперь у меня довольно рѣдко бываютъ. Впрочемъ, не знаю; говорить, здѣшній климатъ мнѣ будетъ вреденъ.

— Онъ хорошо говоритъ, замѣтила генеральша, обращаясь къ дочерямъ и продолжая кивать головой вслѣдъ за каждымъ словомъ князя, — я даже не ожидала. Стало-быть, все пустяки и неправда; по обыкновенію. Кушайте, князь, и рассказывайте: гдѣ вы родились, гдѣ воспитывались? Я хочу все знать; вы чрезвычайно меня интересуете.

Князь поблагодарилъ, и кушая съ большимъ аппетитомъ, сталъ снова передавать все то, о чемъ ему уже неоднократно приходилось говорить въ это утро. Генеральша становилась все довольнѣе и довольнѣе. Дѣвицы тоже довольно внимательно слушали. Сочлись родней; оказалось, что князь зналъ свою родословную довольно хорошо; но какъ ни подводили, а между нимъ и генеральшей не оказалось почти никакого родства. Между дѣдами и бабками можно бы было еще счестся отдаленнымъ родствомъ. Эта сухая матерія особенно понравилась генеральшѣ, которой почти никогда не удавалось говорить о своей родословной, при всемъ желаніи, такъ что она встала изъ-за стола въ возбужденномъ состояніи духа.

— Пойдемте все въ нашу сборную, сказала она, — и кофе туда принесутъ. У насъ такая общая комната есть, обратилась она къ князю, уводя его, — по-просту, моя маленькая гостиная, гдѣ мы, когда однѣ сидимъ, собираемся, и каждая своимъ дѣломъ занимается: Александра, вотъ эта, моя старшая дочь, на фортепіано играетъ, или читаетъ, или шьетъ; Аделаида — пейзажи и портреты пишетъ (и ничего кончить не можетъ), а Аглая сидитъ, ничего не дѣлаетъ. У меня тоже дѣло изъ рукъ валится: ничего не выходитъ. Ну, вотъ и пришли; садитесь, князь, сюда, къ камину, и рассказывайте. Я хочу знать какъ вы рассказываете что-нибудь. Я хочу вполне убѣдиться, и когда съ княгиней Бѣлоконской увижусь, со старухой, ей про васъ все расскажу. Я хочу, чтобы вы ихъ всехъ тоже заинтересовали. Ну, говорите же.

— Матап, да вѣдь этакъ очень странно рассказывать, замѣтила Аделаида, которая тѣмъ временемъ поправила свой мольбертъ, взяла кисти, палитру и принялась было копировать давно уже начатый пейзажъ съ эстампа. Александра и Аглая сѣли вмѣстѣ на маленькомъ диванѣ, и, сложивъ руки, приготовились слушать разговоръ. Князь замѣтилъ, что на него со всехъ сторонъ устремлено особенное вниманіе.

— Я бы ничего не рассказала, еслибы мнѣ такъ велѣли, замѣтила Аглая.

— Почему? Чтò тутъ страннаго? Отчего ему не рассказывать? Языкъ есть. Я хочу знать, какъ онъ умѣетъ говорить. Ну, о чемъ-нибудь. Расскажите, какъ вамъ понравилась Швейцарія, первое впечатлѣніе. Вотъ вы увидите, вотъ онъ сейчасъ начнетъ и прекрасно начнетъ.

— Впечатлѣніе было сильное... началъ-было князь.

— Вотъ-вотъ, подхватила нетерпѣливая Лизавета Прокофьевна, обращаясь къ дочерямъ, — началъ же.

— Дайте же ему по крайней мѣрѣ, матап, говорить, остановила ее Александра. — Этотъ князь, можетъ-быть, большой плутъ, а вовсе не идіотъ, шеннула она Аглаѣ.

— Навѣрно такъ, я давно это вижу, отвѣтила Аглая. —

И подло съ его стороны роль разыгрывать. Что онъ, выиграть что ли этимъ хочетъ?

— Первое впечатлѣніе было очень сильное, повторилъ князь. — Когда меня везли изъ Россіи, чрезъ разные нѣмецкіе города, я только молча смотрѣлъ и, помню, даже ни о чемъ не спрашивалъ. Это было послѣ ряда сильныхъ и мучительныхъ припадковъ моей болѣзни, а я всегда, если болѣзнь усиливалась, и припадки повторялись нѣсколько разъ сряду, впадалъ въ полное оупѣніе, терялъ совершенно память, а умъ хотя и работалъ, но логическое теченіе мысли какъ бы обрывалось. Больше двухъ или трехъ идей послѣдовательно я не могъ связать сряду. Такъ мнѣ кажется. Когда же припадки утихали, я опять становился и здоровъ и силенъ, вотъ какъ теперь. Помню: грусть во мнѣ была нестерпимая; мнѣ даже хотѣлось плакать; я все удивлялся и беспокоился: ужасно на меня подѣйствовало, что все это чужое; это я понималъ. Чужое меня убивало. Совершенно пробудился я отъ этого мрака, помню я, вечеромъ, въ Базелѣ, при вѣздѣ въ Швейцарію, и меня разбудилъ крикъ осла на городскомъ рынкѣ. Осель ужасно поразилъ меня и необыкновенно почему-то мнѣ понравился, а съ тѣмъ вмѣстѣ вдругъ въ моей головѣ какъ бы все прояснѣло.

— Осель? Это странно, замѣтила генеральша. — А впрочемъ, ничего нѣтъ страннаго, иная изъ насъ въ осла еще влюбится, замѣтила она, гнѣвливо посмотрѣвъ на смѣявшихся дѣвицъ. — Это еще въ миѳологіи было. Продолжайте, князь.

— Съ тѣхъ поръ я ужасно люблю ослевъ. Это даже какая-то во мнѣ симпатія. Я сталъ о нихъ спрашивать, потому что прежде ихъ не видывалъ, и тотчасъ же самъ убѣдился, что это преобладающее животное, рабочее, сильное, терпѣливое, дешевое, переносливое; и чрезъ этого осла мнѣ вдругъ вся Швейцарія стала нравиться, такъ что совершенно прошла прежняя грусть.

— Все это очень странно, но объ ослѣ можно и пропустить; перейдемте на другую тему. Чего ты все смѣешься, Аглая? И ты, Аделаида? Князь прекрасно рассказалъ объ

оселъ. Онъ самъ его видѣлъ, а ты что видѣла? Ты не была за границей?

— Я осла видѣла, шатап, сказала Аделаида.

— А я и слышала, подхватила Аглая. Всѣ три опять засмѣялись. Князь засмѣялся вмѣстѣ съ ними.

— Это очень дурно съ вашей стороны, замѣтила генеральша;—вы ихъ извините, князь, а онѣ добрыя. Я съ ними вѣчно бранюсь, но я ихъ люблю. Онѣ вѣтренны, легкомысленны, сумашедшія.

— Почему же? смѣялся князь:—и я бы не упустилъ на ихъ мѣстѣ случай. А я все-таки стою за осла: оселъ добрый и полезный человекъ.

— А вы добрый, князь? Я изъ любопытства спрашиваю, спросила генеральша.

Всѣ опять засмѣялись.

— Опять этотъ проклятый оселъ подвернулся; я о немъ и не думала! вскрикнула генеральша.—Повѣрьте мнѣ, пожалуйста, князь, я безъ всякаго....

— Намека? О, вѣрю безъ сомнѣнія!

И князь смѣялся не переставая.

— Это очень хорошо, что вы смѣетесь. Я вижу, что вы добрѣйшій молодой человекъ, сказала генеральша.

— Иногда недобрый, отвѣчалъ князь.

— А я добрая, неожиданно вставила генеральша,—и если хотите, я всегда добрая, и это мой единственный недостатокъ, потому что не надо быть всегда доброю. Я злюсь очень часто, вотъ на нихъ, на Ивана Федоровича особенно, но скверно то, что я всего добрѣе, когда злюсь. Я давеча, предъ вашимъ приходомъ, разсердилась и представилась, что ничего не понимаю и понять не могу. Это со мной бываетъ; точно ребенокъ. Аглая мнѣ урокъ дала; спасибо тебѣ, Аглая. Впрочемъ, все вздоръ. Я еще не такъ глупа какъ кажусь, и какъ меня дочки представить хотятъ. Я съ характеромъ и не очень стыдлива. Я, впрочемъ, это безъ злобы говорю. Поди сюда, Аглая, поцѣлуй меня, ну... и довольно нѣжностей, замѣтила она, когда Аглая съ чувствомъ поцѣловала

ее въ губы и въ руку.—Продолжайте, князь. Можетъ-быть, что-нибудь и поинтереснѣе осла вспомните.

— Я опять-таки не понимаю, какъ это можно такъ прямо рассказывать, замѣтила опять Аделаида,—я бы никакъ не нашлась.

— А князь найдется, потому что князь чрезвычайно уменъ и умнѣе тебя по крайней мѣрѣ въ десять разъ, а можетъ и въ двѣнадцать. Надѣюсь, ты почувствуешь послѣ этого. Докажите имъ это, князь; продолжайте. Осла и въ самомъ дѣлѣ можно наконецъ мимо. Ну, что вы, кромѣ осла, за границей видѣли?

— Да и объ ослѣ было умно, замѣтила Александра:— князь рассказалъ очень интересно свой болѣзненный случай и какъ все ему понравилось чрезъ одинъ виѣшній толчокъ. Мнѣ всегда было интересно, какъ люди сходятъ съ ума и потомъ опять выздоравливаютъ. Особенно, если это вдругъ сдѣлается.

— Не правда ли? Не правда ли? вскинулась генеральша;— я вижу, что и ты иногда бываешь умна; ну, довольно смѣяться! Вы остановились, кажется, на швейцарской природѣ, князь, ну!

— Мы пріѣхали въ Люцернъ, и меня повезли по озеру. Я чувствовалъ какъ оно хорошо, но мнѣ ужасно было тяжело при этомъ, сказалъ князь.

— Почему? спросила Александра.

— Не понимаю. Мнѣ всегда тяжело и безпокойно смотрѣть на такую природу въ первый разъ; и хорошо, и безпокойно; впрочемъ, все это еще въ болѣзни было.

— Ну, нѣтъ, я бы очень хотѣла посмотрѣть, сказала Аделаида.—И не понимаю, когда мы за границу соберемся. Я, вотъ, сюжета для картины два года найти не могу:

«Востокъ и Югъ давно описанъ»...

Найдите мнѣ, князь, сюжетъ для картины.

— Я въ этомъ ничего не понимаю. Мнѣ кажется: взглянуть и писать.

— Взглянуть не умѣю.

— Да что вы загадки-то говорите? ничего не понимаю!—

перебила генеральша: — какъ это взглянуть не умѣю? Есть глаза, и гляди. Не умѣешь здѣсь взглянуть, такъ и за-гра-ницей не выучишься. Лучше расскажите-ка какъ вы сами-то глядѣли, князь.

— Вотъ это лучше будетъ, прибавила Аделаида. — Князь, вѣдь, за границей выучился глядѣть.

— Не знаю; я тамъ только здоровье поправилъ; не знаю, научился ли я глядѣть. Я, впрочемъ, почти все время былъ очень счастливъ.

— Счастливъ! Вы умѣете быть счастливымъ? вскричала Аглая: — такъ какъ же вы говорите, что не научились глядѣть? Еще насъ поучите.

— Научите пожалуйста, смѣялась Аделаида.

— Ничему не могу научить, смѣялся и князь, — я все почти время за границей прожилъ въ этой швейцарской деревнѣ; рѣдко выѣзжалъ куда-нибудь не далеко; чему же я васъ научу? Сначала мнѣ было только не скучно; я сталъ скоро выздоравливать; потомъ мнѣ каждый день становился дорогъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ дороже, такъ что я сталъ это замѣчать. Ложился спать я очень довольный, а вставалъ еще счастливѣе. А почему это все — довольно трудно рассказать.

— Такъ что вамъ ужъ никуда и не хотѣлось, никуда васъ не позывало? спросила Александра.

— Сначала, съ самаго начала, да, позывало, и я впадалъ въ большое безпокойство. Все думалъ, какъ я буду жить; свою судьбу хотѣлъ испытать, особенно въ инныя минуты бывалъ безпокоень. Вы знаете, такія минуты есть, особенно въ уединеніи. У насъ тамъ водопадъ былъ, небольшой, высоко съ горы падалъ и такою тонкою ниткой, почти перпендикулярно, — бѣлый, шумливый, пѣнистый; падалъ высоко, а казалось довольно низко, былъ въ полверстѣ, а казалось, что до него пятьдесятъ шаговъ. Я по ночамъ любилъ слушать его шумъ; вотъ въ эти минуты доходилъ иногда до большаго безпокойства. Тоже иногда въ полдень, когда зайдешь куда-нибудь въ горы, станешь одинъ по срединѣ горы, кругомъ сосны, старыя, большія, смолистыя; вверху на скалѣ

старый замокъ средневѣковой, развалины; наша деревенька далеко внизу, чуть видна; солнце яркое, небо голубое, тишина страшная. Вотъ тутъ-то, бывало, и зоветь все куда-то, и мнѣ все казалось, что если пойдти все прямо, идти долго, долго, и зайдти вотъ за эту линію, за ту самую, гдѣ небо съ землей встрѣчается, то тамъ вся и разгадка, и тотчасъ же новую жизнь увидишь, въ тысячу разъ сильнѣй и шумнѣй чѣмъ у насъ; такой большой городъ мнѣ все мечтался, какъ Неаполь, въ немъ все дворцы, шумъ, громъ, жизнь.... Да, мало ли что мечталось! А потомъ мнѣ показалось, что и въ тюрьмѣ можно огромную жизнь найдти.

— Последнюю похвальную мысль я еще въ моей *Христомати*, когда мнѣ двѣнадцать лѣтъ было, читала, сказала Аглая.

— Это все философія, замѣтила Аделаида, — вы философъ и насъ пріѣхали поучать.

— Вы, можетъ, и правы, улыбнулся князь, — я дѣйствительно, пожалуй, философъ, и кто знаетъ, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ мысль имѣю поучать.... Это можетъ быть; право, можетъ быть.

— И философія ваша точно такая же какъ у Евлампіи Николавны, подхватила опять Аглая, — такая чиновница, вдова, въ намъ ходитъ, въ родѣ приживалки. У ней вся задача въ жизни — дешевизна; только чтобъ было дешевле прожить, только о копѣйкахъ и говорить, и замѣтите, у ней деньги есть, она плутовка. Такъ точно и ваша огромная жизнь въ тюрьмѣ, а можетъ-быть, и ваше четырехлѣтнее счастье въ деревнѣ, за которое вы вашъ городъ Неаполь продали, и кажется съ барышомъ, несмотря на то что на копѣйки.

— Насчетъ жизни въ тюрьмѣ можно еще и несогласиться, сказалъ князь: — я слышалъ одинъ разсказъ человека, который просидѣлъ въ тюрьмѣ лѣтъ двѣнадцать; это былъ одинъ изъ больныхъ у моего профессора и лѣчился. У него были припадки, онъ былъ иногда безпокоенъ, плакалъ и даже пытался разъ убить себя. Жизнь его въ тюрьмѣ была очень грустная, увѣряю васъ, но ужь конечно не копѣчная. А

все знакомство-то у него было съ паукомъ, да съ деревцомъ, что подь окномъ выросло.... Но, я вамъ лучше расскажу про другую мою встрѣчу прошлаго года съ однимъ человѣкомъ. Тутъ одно обстоятельство очень странное было, — странное тѣмъ собственно, что случай очень рѣдко бываетъ. Этотъ человѣкъ былъ разъ взведенъ, вмѣстѣ съ другими, на эшафотъ, и ему прочтанъ былъ приговоръ смертной казни разстрѣляніемъ, за политическое преступленіе. Минуть черезъ двадцать прочтено было и помилованіе, и назначена другая степень наказанія; но однакоже въ промежуткѣ между двумя приговорами, двадцать минутъ, или по крайней мѣрѣ четверть часа, онъ прожилъ подь несомнѣннымъ убѣжденіемъ, что черезъ нѣсколько минутъ онъ вдругъ умретъ. Мнѣ ужасно хотѣлось слушать, когда онъ иногда припоминалъ свои тогдашнія впечатлѣнія, и я нѣсколько разъ начиналъ его вновь спрашивать. Онъ помнилъ все съ необыкновенною ясностью и говорилъ, что никогда ничего изъ этихъ минутъ не забудетъ. Шагахъ въ двадцати отъ эшафота, около котораго стоялъ народъ и солдаты, были врыты три столба, такъ какъ преступниковъ было нѣсколько человѣкъ. Троику первыхъ повели къ столбамъ, привязали, надѣли на нихъ смертный костюмъ (бѣлые, длинные балахоны), а на глаза надвинули имъ бѣлые колпаки, чтобы не видно было ружей; затѣмъ противъ каждаго столба выстроилась команда изъ нѣсколькихъ человѣкъ солдатъ. Мой знакомый стоялъ восьмымъ по очереди, стало-быть, ему приходилось идти къ столбамъ въ третью очередь. Священникъ обошелъ всѣхъ съ крестомъ. Выходило, что остается жить минутъ пять, не больше. Онъ говорилъ, что эти пять минутъ казались ему безконечнымъ срокомъ, огромнымъ богатствомъ; ему казалось, что въ эти пять минутъ онъ проживетъ столько жизней, что еще сейчасъ нечего и думать о послѣднемъ мгновеніи, такъ что онъ еще распоряженія разныя сдѣлалъ: рассчиталъ время, чтобы проститься съ товарищами, на это положилъ минуты двѣ, потомъ двѣ минуты еще положилъ, чтобы подумать въ послѣдній разъ про себя, а потомъ, чтобы въ послѣдній разъ крутомъ поглядѣть. Онъ очень хорошо пом-

вилъ, что сдѣлалъ именно эти три распоряженія и именно такъ разсчиталъ. Онъ умираетъ двадцати семи лѣтъ, здоровый и сильный; прощаясь съ товарищами, онъ помнилъ, что одному изъ нихъ задалъ довольно посторонній вопросъ и даже очень заинтересовался отвѣтомъ. Потомъ, когда онъ простился съ товарищами, настали тѣ двѣ минуты, которыя онъ отсчиталъ, чтобы думать про себя; онъ зналъ заранее о чемъ онъ будетъ думать: ему все хотѣлось представить себѣ, какъ можно скорѣе и ярче, что вотъ какъ же это такъ: онъ теперь есть и живетъ, а черезъ три минуты будетъ уже *ничто*, кто-то или что-то, — такъ кто же? Гдѣ же? Все это онъ думалъ въ эти двѣ минуты рѣшить! Невдалекѣ была церковь, и вершина собора съ позолоченною крышей сверкала на яркомъ солнцѣ. Онъ помнилъ, что ужасно упорно смотрѣлъ на эту крышу и на лучи, отъ нея сверкавшіе; оторваться не могъ отъ лучей: ему казалось, что эти лучи его новая природа, что онъ чрезъ три минуты какъ-нибудь сольется съ ними... Неизвѣстность и отвращеніе отъ этого новаго, которое будетъ и сейчасъ наступить, были ужасны; но онъ говоритъ, что ничего не было для него въ это время тяжеле, какъ непрерывная мысль: „Что еслибы не умирать! Что еслибы воротить жизнь, — какая безконечность! И все это было-бы мое! Я бы тогда каждую минуту въ цѣлый вѣкъ обратилъ, ничего бы не потерялъ, каждую бы минуту счетомъ отсчитывалъ, ужь ничего бы даромъ не истратилъ!“ Онъ говорилъ, что эта мысль у него наконецъ въ такую злобу переродилась, что ему ужь хотѣлось, чтобы его поскорѣй застрѣлили.

Князь вдругъ замолчалъ: всѣ ждали, что онъ будетъ продолжать и выведетъ заключеніе.

— Вы кончили? спросила Аглая.

— Что? кончилъ, сказалъ князь, выходя изъ минутной задумчивости.

— Да, для чего же вы про это рассказали?

— Такъ... мнѣ припомнилось... я къ разговору...

— Вы очень обрывисты, замѣтила Александра, — вы, князь, вѣрно хотѣли вывести, что ни одного мгновенія на копѣйки

цѣнить нельзя, и иногда пять минут дороже сокровища. Все это похвально, но позвольте однакоже, какъ же этотъ пріятель, который вамъ такія страсти рассказывалъ.... вѣдь ему перемѣнили же наказаніе, стало-быть, подарили же эту „безконечную жизнь“. Ну, что же онъ съ этимъ богатствомъ сдѣлалъ потомъ? Жилъ ли каждую минуту „счетомъ?“

— О, нѣтъ, онъ мнѣ самъ говорилъ, — я его уже про это спрашивалъ, — вовсе не такъ жилъ и много, много минутъ потерялъ.

— Ну, стало быть, вотъ вамъ и опытъ, стало-быть, и нельзя жить взаправду «отсчитывая счетомъ». Почему-нибудь да нельзя же.

— Да, почему-нибудь да нельзя же, повторилъ князь, — мнѣ самому это казалось... А все-таки какъ-то не вѣрится...

— То-есть вы думаете, что умнѣе всѣхъ проживете? сказала Аглая.

— Да, мнѣ и это иногда думалось.

— И думается?

— И.... думается, отвѣчалъ князь, по прежнему съ тихою и даже робкою улыбкой смотря на Аглаю; но тотчасъ же разсмѣялся опять и весело посмотрѣлъ на нее.

— Скромно! сказала Аглая, почти раздражаясь.

— А какія однакоже вы храбрыя. вотъ вы смѣтаетесь, а меня такъ все это поразило въ его рассказѣ, что я потомъ во снѣ видѣлъ, именно эти пять минутъ видѣлъ...

Онъ пытливо и серьезно еще разъ обвелъ глазами своихъ слушательницъ.

— Вы не сердитесь на меня за что-нибудь? спросилъ онъ вдругъ, какъ бы въ замѣшательствѣ, но однакоже прямо смотря всѣмъ въ глаза.

— За что? вскричали всѣ три дѣвицы въ удивленіи.

— Да вотъ, что я все какъ будто учу....

Всѣ засмѣялись.

— Если сердитесь, то не сердитесь, сказалъ онъ, — я вѣдь самъ знаю, что меньше другихъ жилъ и меньше всѣхъ понимаю въ жизни. Я, можетъ-быть, иногда очень странно говорю....

И онъ рѣшительно сконфузился.

— Коли говорите, что были счастливы, стало-быть, жили не меньше, а больше; зачѣмъ же вы кривите и извиняетесь? строго и привязчиво начала Аглая: — и не безпокойтесь пожалуйста, что вы насъ поучаете, тутъ никакого нѣтъ торжества съ вашей стороны. Съ вашимъ квіетизмомъ можно и сто лѣтъ жизни счастьемъ наполнить. Вамъ покажи смертную казнь и покажи вамъ пальчикъ, вы изъ того и изъ другаго одинаково похвальную мысль выведете, да еще довольны останетесь. Этакъ можно прожить.

— За что ты все злишься, не понимаю, подхватила генеральша, давно наблюдавшая лица говорившихъ, — и о чемъ вы говорите тоже не могу понять. Какой пальчикъ и что за вздоръ? Князь прекрасно говоритъ, только немного грустно. Зачѣмъ ты его обезкураживаешь? Онъ когда началъ, то смѣялся, а теперь совсѣмъ осовѣлъ.

— Ничего, шатап. — А жаль, князь, что вы смертной казни не видѣли, я бы васъ объ одномъ спросила.

— Я видѣлъ смертную казнь, отвѣчалъ князь.

— Видѣли? вскричала Аглая: — я бы должна была догадаться! Это вѣнчаетъ все дѣло. Если видѣли, какъ же вы говорите, что все время счастливо прожили? Ну, не правду ли я вамъ сказала?

— А развѣ въ вашей деревнѣ казнятъ? спросила Аделаида.

— Я въ Лионѣ видѣлъ, я туда съ Шнейдеромъ ѣздилъ, онъ меня бралъ. Какъ пріѣхалъ, такъ и поналъ.

— Что же, вамъ очень понравилось? Много назидательнаго? Полезнаго? спрашивала Аглая.

— Мнѣ это вовсе не понравилось, и я послѣ того немного боленъ былъ, но признаюсь, что смотрѣлъ какъ прикованный, глазъ оторвать не могъ.

— Я бы тоже глазъ оторвать не могла, сказала Аглая.

— Тамъ очень не любятъ, когда женщины ходятъ смотрѣть, даже въ газетахъ потомъ пишутъ объ этихъ женщинахъ.

— Значитъ, коль находятъ, что это не женское дѣло, такъ тѣмъ самымъ хотятъ сказать (а, стало-быть, оправдать),

что это дѣло мужское. Поздравляю за логику. И вы также, конечно, думаете?

— Расскажите про смертную казнь, перебила Аделаида.

— Мнѣ бы очень не хотѣлось теперь... смѣшался и какъ бы нахмурился князь.

— Вамъ точно жалко намъ рассказывать, кольнула Аглая.

— Нѣтъ, я потому, что я уже про эту самую смертную казнь давеча рассказывалъ.

— Кому рассказывали?

— Вашему камердинеру, когда дожидался....

— Какому камердинеру? раздалось со всѣхъ сторонъ.

— А вотъ что въ передней сидитъ, такой съ просѣдью, красноватое лицо; я въ передней сидѣлъ, чтобы къ Ивану Федоровичу войти.

— Это странно, замѣтила генеральша.

— Князь—демократъ, отрѣзала Аглая,—ну, если Алексѣю рассказывали, намъ ужъ не можете отказать.

— Я непременно хочу слышать, повторила Аделаида.

— Давеча, дѣйствительно, обратился къ ней князь, нѣсколько опять одушевляясь (онъ, казалось, очень скоро и довѣрчиво одушевлялся), дѣйствительно у меня мысль была, когда вы у меня сюжетъ для картины спрашивали, дать вамъ сюжетъ: нарисовать лицо приговореннаго за минуту до удара гильотины, когда еще онъ на эшафотѣ стоитъ, предъ тѣмъ какъ ложиться на эту доску.

— Какъ лицо? Одно лицо? спросила Аделаида;—странный будетъ сюжетъ, и какая же тутъ картина?

— Не знаю, почему же? съ жаромъ настаивалъ князь:—я въ Базелѣ недавно одну такую картину видѣлъ. Мнѣ очень хочется вамъ рассказать.... Я когда-нибудь расскажу.... очень меня поразила.

— О базельской картинѣ вы непременно расскажете послѣ, сказала Аделаида,—а теперь растолкуйте мнѣ картину изъ этой казни. Можете передать такъ, какъ вы это себѣ представляете? Какъ же это лицо нарисовать? Такъ, одно лицо? Какое же это лицо?

— Это ровно за минуту до смерти, съ полною готовно-

стію началъ князь, увлекаясь воспоминаніемъ, и повидимому, тотчасъ же забывъ о всемъ остальномъ, — тотъ самый моментъ, когда онъ поднялся на лѣсенку и только что ступилъ на эшафотъ. Тутъ онъ взглянулъ въ мою сторону; я поглядѣлъ на его лицо и все понялъ.... Впрочемъ, вѣдь какъ это рассказать! Мнѣ ужасно бы, ужасно бы хотѣлось, чтобы вы или кто-нибудь это нарисовалъ! Лучше бы, еслибы вы! Я тогда же подумалъ, что картина будетъ полезная. Знаете, тутъ нужно все представить, что было заранѣе, все, все. Онъ жилъ въ тюрьмѣ и ждалъ казни по крайней мѣрѣ еще чрезъ недѣлю; онъ какъ-то рассчитывалъ на обыкновенную формалистику, что бумага еще должна куда-то пойти и только чрезъ недѣлю выйдетъ. А тутъ вдругъ по какому-то случаю дѣло было сокращено. Въ пять часовъ утра онъ спалъ. Это было въ концѣ октября; въ пять часовъ еще холодно и темно. Вошелъ тюремный приставъ, тихонько, со стражей, и осторожно тронулъ его за плечо; тотъ приподнялся, облокотился, — видитъ свѣтъ: „Что такое?“ — „Въ десятомъ часу смертная казнь“. Онъ со сна не повѣрилъ, началъ-было спорить, что бумага выйдетъ чрезъ недѣлю, но когда совсѣмъ очнулся, пересталъ спорить и замолчалъ, — такъ рассказывали, — потомъ сказалъ: „Все-таки тяжело такъ вдругъ“.... и опять замолкъ, и уже ничего не хотѣлъ говорить. Тутъ часа три-четыре проходятъ на извѣстныя вещи: на священника, на завтракъ, къ которому ему вино, кофей и говядину даютъ (ну, не насмѣшка ли это? Вѣдь, подумаешь, какъ это жестоко, а съ другой стороны, ей Богу, эти невинные люди отъ чистаго сердца дѣлаютъ и увѣрены, что это человѣколюбіе), потомъ туалетъ (вы знаете что такое туалетъ преступника?), наконецъ везуть по городу до эшафота.... Я думаю, что вотъ тутъ тоже кажется, что еще бесконечно жить остается, пока везуть. Мнѣ кажется, онъ навѣрно думалъ дорогой: „Еще долго, еще жить три улицы остается; вотъ эту проѣду, потомъ еще та останется, потомъ еще та, гдѣ булочникъ направо.... еще когда-то доѣдемъ до булочника!“ Кругомъ народъ, крикъ, шумъ, десять тысячъ лицъ, десять тысячъ глазъ, — все это надо перенести, а глав-

ное, мысль: „вотъ ихъ десять тысячъ, а ихъ никого не казнятъ, а меня-то казнятъ!“ Ну, вотъ это все предвари-тельно. На эшафотъ ведетъ лѣсенка; тутъ онъ предъ лѣсенкой вдругъ заплакалъ, а это былъ сильный и мужественный человѣкъ, большой злодѣй, говорятъ, былъ. Съ нимъ все время неотлучно былъ священникъ, и въ телѣжкѣ съ нимъ ѣхалъ, и все говорилъ, — врядъ ли тотъ слышалъ: и начнетъ слушать, а съ третьяго слова ужъ не понимаетъ. Такъ должно быть. Наконецъ сталъ всходить на лѣсенку; тутъ ноги перевязаны и потому движутся шагами мелкими. Священникъ, должно-быть человѣкъ умный, пересталъ говорить, а все ему крестъ давалъ цѣловать. Внизу лѣсенки онъ былъ очень блѣденъ, а какъ поднялся и сталъ на эшафотъ, сталъ вдругъ бѣлый какъ бумага, совершенно какъ бѣлая, писчая бумага. Навѣрно у него ноги слабѣли и деревенѣли, и тошнота была, — какъ будто что его давить въ горлѣ, и отъ этого точно щежотно, — чувствовали вы это когда-нибудь въ испугѣ или въ очень страшныя минуты, когда и весь разумъ остается, но никакой уже власти не имѣетъ? Миѣ кажется, если, наприимѣръ, неминуемая гибель, домъ на васъ валится, то тутъ вдругъ ужасно захочется сѣсть и закрыть глаза и ждать — будь что будетъ!... Вотъ тутъ-то, когда начиналась эта слабость, священникъ поскорѣй, скорымъ такимъ жестомъ и молча, ему крестъ къ самымъ губамъ вдругъ подставлялъ, маленькій такой крестъ, серебряный, четырехконечный, — часто подставлялъ, поминутно. И какъ только крестъ касался губъ, онъ глаза открывалъ, и опять на нѣсколько секундъ какъ бы оживлялся, и ноги шли. Крестъ онъ съ жадностію цѣловалъ, спѣшилъ цѣловать, точно спѣшилъ не забыть захватить что-то про запасъ, на всякій случай, но врядъ ли въ эту минуту что-нибудь религіозное сознавалъ. И такъ было до самой доски.... Странно, что рѣдко въ эти самыя послѣднія секунды въ обморокъ падаютъ! Напротивъ, голова ужасно живетъ и работаетъ, должно-быть, сильно, сильно, сильно, какъ машина въ ходу; я воображаю, такъ и стучать разныя мысли, все неоконченныя и, можетъ-быть, и смѣшныя, постороннія такія мысли: „вотъ

этотъ глядитъ — у него бородавка на лбу, вотъ у палача одна нижняя пуговица заржавѣла“.... а между тѣмъ все знаешь и все помнишь; одна такая точка есть, которой никакъ нельзя забыть, и въ обморокъ упасть нельзя, и все около нея, около этой точки, ходитъ и вертится. И подумать, что это такъ до самой послѣдней четверти секунды, когда уже голова на плахѣ лежитъ, и ждетъ, и.... *знаетъ*, и вдругъ услышитъ надъ собой какъ желѣзо склизнуло! Это непременно услышишь! Я бы, еслибы лежалъ, я бы нарочно слушалъ и слышалъ! Тутъ, можетъ-быть, только одна десятая доля мгновенія, но непременно услышишь! И представьте же, до сихъ поръ еще спорять, что, можетъ-быть, голова когда и отлетитъ, то еще съ секунду, можетъ-быть, *знаетъ*, что она отлетѣла, — каково понятіе! А что если пять секундъ!... Нарисуйте эшафотъ такъ, чтобы видна была ясно и близко одна только послѣдняя ступень; преступникъ ступилъ на нее: голова, лицо блѣдное какъ бумага, священникъ протягиваетъ крестъ, тотъ съ жадностію протягиваетъ свои синія губы и глядитъ, и — *все знаетъ*. Крестъ и голова, — вотъ картина, лицо священника, палача, его двухъ служителей и нѣсколько головъ и глазъ снизу, — все это можно нарисовать какъ бы на третьемъ планѣ, въ туманѣ, для аксессуара... Вотъ такая картина.

Князь замолкъ и поглядѣлъ на всѣхъ.

— Это, конечно, не похоже на квіетизмъ, проговорила про себя Александра.

— Ну, теперь расскажите, какъ вы были влюблены, сказала Аделаида.

Князь съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Слушайте, какъ бы торопилаъ Аделаида, — за вами рассказъ о базельской картинѣ, но теперь я хочу слышать о томъ, какъ вы были влюблены; не отшிரайтесь, вы были. Къ тому же, вы сейчасъ какъ начнете рассказывать, перестаете быть философомъ.

— Вы какъ кончите рассказывать, тотчасъ же и застыдитесь того что рассказали, замѣтила вдругъ Аглая. — Отчего это?

— Какъ это наконецъ глупо, отрѣзала генеральша, съ негодованіемъ смотря на Аглаю.

— Не умно, подтвердила Александра.

— Не вѣрьте ей, князь, обратилась къ нему генеральша, — она это нарочно съ какой-то злости дѣлаетъ; она вовсе не такъ глупо воспитана; не подумайте чего-нибудь, что онѣ васъ такъ тормозятъ. Онѣ, вѣрно, что-нибудь затѣяли, но онѣ уже васъ любятъ. Я ихъ лица знаю.

— И я ихъ лица знаю, сказалъ князь, особенно ударяя на свои слова.

— Это какъ? спросила Аделаида съ любопытствомъ.

— Что вы знаете про наши лица? залюбопытствовало и двѣ другія.

Но князь молчалъ и былъ серіозенъ; всѣ ждали его отвѣта.

— Я вамъ послѣ скажу, сказалъ онъ тихо и серіозно.

— Вы рѣшительно хотите заинтересовать насъ, вскричала Аглая: — и какая торжественность!

— Ну, хорошо, заторопилась опять Аделаида, — но если ужъ вы такой знатокъ лицъ, то навѣрно были и влюблены; я, стало-быть, угадала. Рассказывайте же.

— Я не былъ влюбленъ, отвѣчалъ князь также тихо и серіозно, — я... былъ счастливъ иначе.

— Какъ же, чѣмъ же?

— Хорошо, я вамъ расскажу, проговорилъ князь какъ бы въ глубокомъ раздумьи.

VI.

— Вотъ вы всѣ теперь, началъ князь, — смотрите на меня съ такимъ любопытствомъ, что не удовлетвори я его, вы на меня, пожалуй, и разсердитесь. Нѣтъ, я шучу, прибавилъ онъ поскорѣе съ улыбкой. — Тамъ... тамъ были все дѣти, и я все время былъ тамъ съ дѣтьми, съ одними дѣтьми. Это были дѣти той деревни, вся ватага, которая въ шволѣ училась. Я не то чтобъ училъ ихъ; о, нѣтъ, тамъ для этого былъ швольный учитель, Жюль Тибо; я, пожалуй, и училъ

ихъ, но я больше такъ былъ съ ними, и всѣ мои четыре года такъ и прошли. Мнѣ ничего другаго не надобно было. Я имъ все говорилъ, ничего отъ нихъ не утаивалъ. Ихъ отцы и родственники на меня разсердились все, потому что дѣти, наконецъ, безъ меня обойдтись не могли и все вокругъ меня толпились, а школьный учитель даже сталъ мнѣ, наконецъ, первымъ врагомъ. У меня много стало тамъ враговъ, и все изъ-за дѣтей. Даже Шнейдеръ стыдилъ меня. И чего они такъ боялись? Ребенку можно все говорить, — все; меня всегда поражала мысль, какъ плохо знаютъ большіе дѣтей, отцы и матери даже своихъ дѣтей? Отъ дѣтей ничего не надо утаивать, подъ предлогомъ, что они маленькіе и что имъ рано знать. Какая грустная и несчастная мысль! И какъ хорошо сами дѣти подмѣчаютъ, что отцы считаютъ ихъ слишкомъ маленькими и ничего не понимающими, тогда какъ они все понимаютъ. Большіе не знаютъ, что ребенокъ даже въ самомъ трудномъ дѣлѣ можетъ дать чрезвычайно важный совѣтъ. О, Боже! когда на васъ глядитъ эта хорошенькая птичка, доврчиво и счастливо, вамъ вѣдь стыдно ее обмануть! Я потому ихъ птичками зову, что лучше птички нѣтъ ничего на свѣтѣ. Впрочемъ, на меня всѣ въ деревнѣ разсердились больше по одному случаю.... а Тибо просто мнѣ завидовалъ; онъ сначала все качалъ головой и дивился, какъ это дѣти у меня все понимаютъ, а у него почти ничего, а потомъ сталъ надо мной смѣяться, когда я ему сказалъ, что мы оба ихъ ничему не научимъ, а они еще насъ научатъ. И какъ онъ могъ мнѣ завидовать и клеветать на меня, когда самъ жилъ съ дѣтьми! Черезъ дѣтей душа лѣчится.... Тамъ былъ одинъ больной въ заведеніи Шнейдера, одинъ очень несчастный человекъ. Это было такое ужасное несчастіе, что подобное врядъ ли и можетъ быть. Онъ былъ отданъ на излѣченіе отъ помѣшательства; по моему, онъ былъ не помѣшанный, онъ только ужасно страдалъ, — вотъ и вся его болѣзнь была. И еслибы вы знали, чѣмъ стали подконецъ для него наши дѣти... Но я вамъ про этого больнаго потомъ лучше расскажу; я расскажу теперь какъ это все началось. Дѣти сначала меня не полю-

били. Я былъ такой большой, я всегда такой мѣшковатый; я знаю, что я и собой дурень... наконецъ и то, что я былъ иностранецъ. Дѣти надо мной сначала смѣялись, а потомъ даже камнями въ меня стали кидать, когда подглядѣли, что я поцѣловалъ Мари. А я всего одинъ разъ поцѣловалъ ее... Нѣтъ, не смѣйтесь, поспѣшилъ остановить князь усмѣшку своихъ слушательницъ, — тутъ вовсе не было любви. Еслибы вы знали, какое это было несчастное созданіе, то вамъ бы самимъ стало ее очень жаль, какъ и мнѣ. Она была изъ нашей деревни. Мать ея была старая старуха, и у ней, въ ихъ маленькомъ, совсѣмъ ветхомъ домишкѣ, въ два окна, было отгорожено одно окно, по дозволенію деревенскаго начальства; изъ этого окна ей позволяли торговать снурками, нитками, табакомъ, мыломъ, все на самые мелкіе гроши, тѣмъ она и пропитывалась. Она была больная, и у ней все ноги пухли, такъ что все сидѣла на мѣстѣ. Мари была ея дочь, лѣтъ двадцати, слабая и худенькая; у ней давно начиналась чахотка, но она все ходила по домамъ въ тяжелую работу наниматься поденно, — полы мыла, бѣлье, дворы обметала, скотъ убирала. Одинъ проѣзжій французскій комми соблазнилъ ее и увезъ, а черезъ недѣлю на дорогѣ бросилъ одну и тихонько уѣхалъ. Она пришла домой, побираясь, вся испачканная, вся въ лохмотьяхъ, съ ободранными башмаками; шла она пѣшкомъ всю недѣлю, ночевала въ полѣ и очень простудилась; ноги были въ ранахъ, руки опухли и растрескались. Она, впрочемъ, и прежде была собой не хороша; глаза только были тихіе, добрые, невинные. Молчалива была ужасно. Разъ, прежде еще, она за работой вдругъ запѣла, и я помню, что всѣ удивились и стали смѣяться: „Мари запѣла! Какъ? Мари запѣла!“ и она ужасно законфузилась, и ужъ навѣкъ потомъ замолчала. Тогда еще ее ласкали, но когда она воротилась больная и истерзанная, никакого-то въ ней состраданія не было ни въ комъ! Какіе они на это жестоки! Какія у нихъ тяжелыя на это понятія! Мать, первая, приняла ее со злобой и съ презрѣньемъ: „ты меня теперь обезчестила“. Она первая ее и выдала на позоръ: когда въ деревнѣ слышали, что Мари воротилась,

то всё побѣжали смотрѣть Мари, и чуть не вся деревня сбѣжалась въ избу къ старухѣ: старики, дѣти, женщины, дѣвушки, всё, такую торопливою, жадною толпой. Мари лежала на полу, у ногъ старухи, голодная, оборванная и плакала. Когда всё набѣжали, она закрылась своими разбившимися волосами и такъ и прикила ничкомъ къ полу. Всё крутомъ смотрѣли на нее какъ на гадину; старики осуждали и бранили, молодые даже смѣялись, женщины бранили ее, осуждали, смотрѣли съ презрѣньемъ такимъ какъ на паука кабого. Мать все это позволила, сама тутъ сидѣла, кивала головой и одобряла. Мать въ то время ужъ очень больна была и почти умирала; чрезъ два мѣсяца она и въ самомъ дѣлѣ померла; она знала, что она умираетъ, но все-таки съ дочерью помириться не подумала до самой смерти, даже не говорила съ ней ни слова; гнала спать въ сѣни, даже почти не кормила. Ей нужно было часто ставить свои больныя ноги въ теплую воду; Мари каждый день обмывала ей ноги и ходила за ней; она принимала всё ея услуги молча и ни одного слова не сказала ей ласково. Мари все переносила, и я потомъ, когда познакомился съ нею, замѣтилъ, что она и сама все это одобряла, и сама считала себя за какую-то самую послѣднюю тварь. Когда старуха слегла совсѣмъ, то за ней пришли ухаживать деревенскія старухи, поочереди, такъ тамъ устроено. Тогда Мари совсѣмъ уже перестали кормить; а въ деревнѣ всё ее гнали, и никто даже ей работы не хотѣлъ дать какъ прежде. Всё точно плевали на нее, а мушны даже за женщину перестали ее считать, все такія скверности ей говорили. Иногда, очень рѣдко, когда пьяные напивались въ воскресенье, для смѣху бросали ей гроши, такъ, прямо на землю; Мари молча поднимала. Она уже тогда начала кашлять кровью. Наконецъ ея отребья стали ужъ совсѣмъ лохмотьями, такъ что стыдно было показаться въ деревнѣ; ходила же она съ самаго возвращенія босая. Вотъ тутъ-то, особенно дѣти, всею ватагой, — ихъ было человѣкъ сорокъ слишкомъ школьничковъ, — стали дразнить ее и даже грязью, въ нее кидали. Она попросилась къ пастуху, чтобы пустилъ ее коровъ стеречь, но

пастухъ прогналъ. Тогда она сама, безъ позволенія, стала со стадомъ уходить на цѣлый день изъ дому. Такъ какъ она очень много пользы приносила пастуху, и онъ замѣтилъ это, то ужь и не прогонялъ ея, и иногда даже ей остатки отъ своего обѣда давалъ, сыру и хлѣба. Онъ это за великую милость съ своей стороны почиталъ. Когда же мать померла, то пасторъ въ церкви не постыдился всенародно опозорить Мари. Мари стояла за гробомъ, какъ была, въ своихъ лохмотьяхъ, и плакала. Сошлось много народу смотрѣть какъ она будетъ плакать и за гробомъ идти; тогда пасторъ, — онъ еще былъ молодой человѣкъ, и вся его амбиція была сдѣлаться большимъ проповѣдникомъ, — обратился ко всѣмъ и указалъ на Мари. „Вотъ кто была причиной смерти этой почтенной женщины“ (и неправда, потому что та уже два года была больна), „вотъ она стоитъ предъ вами и не смѣетъ взглянуть, потому что она отмѣчена перстомъ Божиимъ; вотъ она босая и въ лохмотьяхъ, — примѣръ тѣмъ, которыя теряютъ добродѣтель! Кто же она? Это дочь ея!“, и все въ этомъ родѣ. И представьте, эта низость почти всѣмъ имъ понравилась, но..... тутъ вышла особенная исторія; тутъ вступились дѣти, потому что въ это время дѣти были всѣ уже на моей сторонѣ и стали любить Мари. Это вотъ какъ вышло. Мнѣ захотѣлось что-нибудь сдѣлать Мари; ей очень надо было денегъ дать, но денегъ тамъ у меня никогда не было ни копѣйки. У меня была маленькая бриллиантовая булавка, и я ее продалъ одному перекупщику; онъ по деревнямъ ѣздилъ и старымъ платьемъ торговалъ. Онъ мнѣ далъ восемь франковъ, а она стоила вѣрныхъ сорокъ. Я долго старался встрѣтить Мари одну: наконецъ, мы встрѣтились за деревней, у изгородки, на боковой тропинкѣ въ гору, за деревомъ. Тутъ я ей далъ восемь франковъ и сказалъ ей, чтобъ она берегла, потому что у меня больше ужь не будетъ, а потомъ поцѣловалъ ее и сказалъ, чтобъ она не думала, что у меня какое-нибудь нехорошее намѣреніе, и что цѣлую я ее не потому, что влюбленъ въ нее, а потому, что мнѣ ее очень жаль и что я съ самаго начала ее нисколько за виноватую не почиталъ, а только за несчастную. Мнѣ

очень хотѣлось тутъ же и утѣшить, и увѣрить ее, что она не должна себя такою низкою считать предъ всѣми, но она, кажется, не поняла. Я это сейчасъ замѣтилъ, хотя она все время почти молчала и стояла предо мной, потушивъ глаза и ужасно стыдясь. Когда я кончилъ, она мнѣ руку поцѣловала, и я тотчасъ же взялъ ея руку и хотѣлъ поцѣловать, но она поскорѣй отдернула. Вдругъ въ это время насъ подглядели дѣти, цѣлая толпа; я потомъ узналъ, что они давно за мной подсматривали. Они начали свистать, хлопать въ ладошки и смѣяться, а Мари бросилась бѣжать. Я хотѣлъ было говорить, но они въ меня стали камнями кидать. Въ тотъ же день всѣ узнали, вся деревня; все обрушилось опять на Мари: ее еще пуще стали не любить. Я слыхалъ даже, что ее хотѣли присудить къ наказанію, но, слава Богу, прошло такъ; за то ужъ дѣти ей проходу не стали давать, дразнили пуще прежняго, грязью кидались; гонять ее, она бѣжить отъ нихъ съ своею слабою грудью, задохнется, они за ней, кричатъ, бранятся. Одинъ разъ я даже бросился съ ними драться. Потомъ я сталъ имъ говорить, говорилъ каждый день, когда только могъ. Они иногда останавливались и слушали, хотя все еще бранились. Я имъ рассказалъ, какая Мари несчастная; скоро они перестали браниться и стали отходить молча. Мало-по-малу мы стали разговаривать, я отъ нихъ ничего не тайлъ; я имъ все рассказалъ. Они очень любознательно слушали и скоро стали жалѣть Мари. Иные, встрѣчаясь съ нею, стали ласково съ нею здороваться; тамъ въ обычаѣ, встрѣчая другъ друга, — знакомые или нѣтъ, — кланяться и говорить: „здравствуйте“. Воображаю, какъ Мари удивлялась. Однажды двѣ дѣвочки достали кушанья и снесли къ ней, отдали, пришли и мнѣ сказали. Они говорили, что Мари расплакалась, и что они теперь ее очень любятъ. Скоро и всѣ стали любить ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и меня вдругъ стали любить. Они стали часто приходять ко мнѣ и все просили, чтобъ я имъ рассказывалъ; мнѣ кажется, что я хорошо рассказывалъ, потому что они очень любили меня слушать. А въ послѣдствіи я и учился, и читалъ все только для того, чтобъ имъ потомъ рассказать, и всѣ три года

потомъ я имъ рассказывалъ. Когда потомъ всё меня обвиняли, — Шнейдеръ тоже, — зачѣмъ я съ ними говорю какъ съ большими и ничего отъ нихъ не скрываю, то я имъ отвѣчалъ, что лгать имъ стыдно, что они и безъ того все знаютъ, какъ ни тай отъ нихъ, и узнаютъ, пожалуй, скверно, а отъ меня не скверно узнаютъ. Стоило только всякому вспомнить, какъ самъ былъ ребенкомъ. Они не согласны были.... Я поцѣловалъ Мари еще за двѣ недѣли до того, какъ ея мать умерла; когда же пасторъ проповѣдь говорилъ, то всё дѣти были уже на моей сторонѣ. Я имъ тотчасъ же рассказалъ и растолковалъ поступокъ пастора; всё на него разсердились, а нѣкоторые до того, что ему камнями стекла въ окнахъ разбили. Я ихъ остановилъ, потому что ужь это было дурно; но тотчасъ же въ деревнѣ всё все узнали, и вотъ тутъ и начали обвинять меня, что я испортилъ дѣтей. Потомъ всё узнали, что дѣти любятъ Мари, и ужасно перепугались; но Мари уже была счастлива. Дѣтямъ запретили даже и встрѣчаться съ нею, но они бѣгали потихоньку къ ней въ стадо, довольно далеко, почти въ полверстѣ отъ деревни; они носили ей гостинцевъ, а иные просто прибѣгали для того, что бы обнять ее, поцѣловать, сказать: „Je vous aime Marie!“ и потомъ стремглавъ бѣжать назадъ. Мари чуть съ ума не сошла отъ такого внезапнаго счастья; ей это даже и не грезилось; она стыдилась и радовалась, а главное, дѣтямъ хотѣлось, особенно дѣвочкамъ, бѣгать къ ней, чтобы передавать ей, что я ее люблю и очень много о ней имъ говорю. Они ей рассказали, что это я имъ все пересказалъ, и что они теперь ее любятъ и жалѣютъ, и всегда такъ будутъ. Потомъ забѣгали ко мнѣ и съ такими радостными, хлопотливыми личиками передавали, что они сейчасъ видѣли Мари, и что Мари мнѣ кланяется. По вечерамъ я ходилъ къ водопаду; тамъ было одно совсѣмъ закрытое со стороны деревни мѣсто, и кругомъ росли тополи; туда-то они ко мнѣ по вечерамъ и сбѣгались, иные даже украдкой. Мнѣ кажется, для нихъ было ужаснымъ наслажденіемъ моя любовь къ Мари, и вотъ въ этомъ одномъ, во всю тамошнюю жизнь мою, я и обманулъ ихъ. Я не разувѣрялъ ихъ,

что я вовсе не люблю Мари, то-есть не влюбленъ въ нее, что мнѣ ее только очень жаль было; я по всему видѣлъ, что имъ такъ больше хотѣлось, какъ они сами вообразили и положили промежь себя, и потому молчалъ и показывалъ видъ, что они угадали. И до какой степени были деликатны и нѣжны эти маленькія сердца: имъ между прочимъ показалось невозможнымъ, что ихъ добрый Леоп такъ любитъ Мари, а Мари такъ дурно одѣта и безъ башмаковъ. Представьте себѣ, они достали ей и башмаки, и чулки, и бѣлье, и даже какое-то платье; какъ это они ухитрились, не понимаю; всею ватагой работали. Когда я ихъ спрашивалъ, они только весело смѣялись, а дѣвочки били въ ладошки и цѣловали меня. Я иногда ходилъ тоже потихоньку повидаться съ Мари. Она ужь становилась очень больна и едва ходила; наконецъ перестала совсѣмъ служить пастуху, но все-таки каждое утро уходила со стадомъ. Она садилась въ сторонѣ; тамъ у одной, почти прямой, отвѣсной скалы, былъ выступъ; она садилась въ самый уголь, отъ всѣхъ закрытый, на камень и сидѣла почти безъ движенія весь день, съ самаго утра до того часа, когда стадо уходило. Она уже была такъ слаба отъ чахотки, что все больше сидѣла съ закрытыми глазами, прислонивъ голову къ скалѣ, и дремала, тяжело дыша; лицо ея похудѣло какъ у скелета, и потъ проступалъ на лбу и на вискахъ. Такъ я всегда заставалъ ее. Я приходилъ на минуту, и мнѣ тоже не хотѣлось, чтобы меня видѣли. Какъ я только показывался, Мари тотчасъ же вздрагивала, открывала глаза и бросалась цѣловать мнѣ руки. Я уже не отнималъ, потому что для нея это было счастьемъ; она все время, какъ я сидѣлъ, дрожала и плакала; правда, нѣсколько разъ она принималась было говорить, но ее трудно было и понять. Она бывала какъ безумная, въ ужасномъ волненіи и восторгѣ. Иногда дѣти приходили со мной. Въ такомъ случаѣ они обыкновенно становились неподалеку и начинали насъ стережъ отъ чего-то и отъ кого-то, и это было для нихъ необыкновенно пріятно. Когда мы уходили, Мари опять оставалась одна, попрежнему безъ движенія, закрывъ глаза и прислоняясь головой къ скалѣ; она, можетъ-быть,

о чемъ-нибудь грезила. Однажды по утру она уже не могла выйти къ стаду и осталась у себя въ пустомъ своемъ домѣ. Дѣти тотчасъ же узнали и почти всѣ перебивали у ней въ этотъ день навѣстить ее; она лежала въ своей постели одна-одинохонька. Два дня ухаживали за ней одни дѣти, забѣгая по очереди, но потомъ, когда въ деревнѣ прослышали, что Мари уже въ самомъ дѣлѣ умираетъ, то къ ней стали ходить изъ деревни старухи, сидѣть и дежурить. Въ деревнѣ, кажется, стали жалѣть Мари, по крайней мѣрѣ дѣтей уже не останавливали и не бранили, какъ прежде. Мари все время была въ дремотѣ, сонъ у ней былъ безпокойный: она ужасно кашляла. Старухи отгоняли дѣтей, но тѣ подбѣгали подъ окно, иногда только на одну минуту, чтобы только сказать: „Bonjour, notre bonne Marie“. А та, только завидитъ или заслышитъ ихъ, вся оживлялась и тотчасъ же, не слушая старухъ, силилась приподняться на локоть, кивала имъ головой, благодарила. Они, по прежнему, приносили ей гостинцевъ, но она почти ничего не ѣла. Черезъ нихъ, увѣряю васъ, она умерла почти счастливая. Черезъ нихъ она забыла свою черную бѣду, какъ бы прошеніе отъ нихъ приняла, потому что до самаго конца считала себя великою преступницею. Они, какъ птички, блись крылышками въ ея окна и кричали ей каждое утро: „Nous t'aimons Marie“. Она очень скоро умерла. Я думалъ, она гораздо дольше проживетъ. Наканунѣ ея смерти, предъ закатомъ солнца, я къ ней заходилъ; кажется, она меня узнала, и я въ послѣдній разъ пожалъ ея руку; какъ изсохла у ней рука! А тутъ вдругъ на утро приходятъ и говорятъ мнѣ, что Мари умерла. Тутъ дѣтей и удержатъ нельзя было: они убрали ей весь гробъ цвѣтами и надѣли ей вѣнокъ на голову. Пасторъ въ церкви уже не срамилъ мертвую, да и на похоронахъ очень мало было, такъ только изъ любопытства зашли нѣкоторые; но когда надо было нести гробъ, то дѣти бросились всѣ разомъ, чтобы самимъ нести. Такъ какъ они не могли снести, то помогали, всѣ бѣжали за гробомъ и всѣ плакали. Съ тѣхъ поръ могилка Мари постоянно почиталась дѣтьми: они убираютъ ее каждый годъ цвѣтами, посадили кругомъ розами. Но съ

этихъ похоронъ и началось на меня главное гоненіе всей деревни изъ-за дѣтей. Главные зачинщики были пасторъ и школьный учитель. Дѣтямъ рѣшительно запретили даже встрѣчаться со мной, а Шнейдеръ обязался даже смотрѣть за этимъ. Но мы все-таки видѣлись, издалека объяснялись знаками. Они присылали мнѣ свои маленькія записочки. Въ послѣдствіи это все уладилось, но тогда было очень хорошо: я даже еще ближе сошелся съ дѣтьми черезъ это гоненіе. Въ послѣдній годъ я даже почти помирился съ Тибо и съ пасторомъ. А Шнейдеръ много мнѣ говорилъ и спорилъ со мной о моей вредной „системѣ“ съ дѣтьми. Какая у меня система! Наконецъ, Шнейдеръ мнѣ высказалъ одну очень странную свою мысль, это ужъ было предъ самымъ моимъ отъѣздомъ, онъ сказалъ мнѣ, что онъ вполне убѣдился, что я самъ совершенный ребенокъ, то-есть вполне ребенокъ, что я только ростомъ и лицомъ похожъ на взрослога, но что развитіемъ, душой, характеромъ и, можетъ-быть, даже умомъ я не взрослый, и такъ и останусь, хотя бы я до шестидесяти лѣтъ прожилъ. Я очень смѣялся: онъ, конечно, не правъ: потому что какой-же я маленькій? Но одно только правда, я и въ самомъ дѣлѣ не люблю быть со взрослыми, съ людьми, съ большими, — и это я давно замѣтилъ, — не люблю, потому что не умѣю. Чтобы они ни говорили со мной, какъ бы добры ко мнѣ ни были, все-таки съ ними мнѣ всегда тяжело почему-то, и я ужасно радъ, когда могу уйдти поскорѣе къ товарищамъ, а товарищи мои всегда были дѣти, но не потому что я самъ былъ ребенокъ, а потому что меня, просто, тянуло къ дѣтямъ. Когда я, еще въ началѣ моего житья въ деревнѣ, — вотъ когда я уходилъ тосковать одинъ въ горы, — когда я, бродя одинъ, сталъ встрѣчать иногда, особенно въ полдень, когда выпускали изъ школы, всю эту ватагу шумную, бѣгущую съ ихъ мѣшочками и грифельными досками, съ крикомъ, со смѣхомъ, съ играми, то всѣ душа моя начинала вдругъ стремиться къ нимъ. Не знаю, но я сталъ ощущать какое-то чрезвычайно сильное и счастливое ощущеніе при каждой встрѣчѣ съ ними. Я останавливался и смѣялся отъ счастья, глядя на ихъ маленькія,

мелькающія и вѣчно бѣгущія ножки, на мальчиковъ и дѣвочекъ, бѣгущихъ вмѣстѣ, на смѣхъ и слезы (потому что многіе уже успѣвали подрататься, расплакаться, опять помириться и поиграть, покамѣстъ изъ школы до дому добѣгали), и я забывалъ тогда всю мою тоску. Потомъ же, во всѣ эти три года, я и понять не могъ, какъ тоскуютъ и зачѣмъ тоскуютъ люди? Вся судьба моя пошла изъ нихъ. Я никогда и не рассчитывалъ покидать деревню, и на умъ мнѣ не приходило, что я поѣду когда-нибудь сюда, въ Россію. Мнѣ казалось, что я все буду тамъ, но я увидалъ наконецъ, что Шнейдеру нельзя-же было содержать меня, а тутъ подвернулось дѣло до того, кажется, важное, что Шнейдеръ самъ заторопилъ меня ѣхать и за меня отвѣчалъ сюда. Я вотъ посмотрю что это такое и съ кѣмъ-нибудь посоветуюсь. Можетъ, моя участь совсѣмъ переменится, но это все не то и не главное. Главное въ томъ, что уже переменялась вся моя жизнь. Я тамъ много оставилъ, слишкомъ много. Все исчезло. Я сидѣлъ въ вагонѣ и думалъ: „Теперь я къ людямъ иду; я, можетъ быть, ничего не знаю, но наступила новая жизнь.“ Я положилъ исполнить свое дѣло честно и твердо. Съ людьми мнѣ будетъ, можетъ быть, скучно и тяжело. На первый случай я положилъ быть со всѣми вѣжливымъ и откровеннымъ; больше отъ меня вѣдь никто не потребуеть. Можетъ быть, и здѣсь меня сочтутъ за ребенка, — такъ пусть! Меня тоже за идіота считаютъ всѣ почему-то, я дѣйствительно былъ такъ боленъ когда-то, что тогда и похожъ былъ на идіота; но какой-же я идіотъ теперь, когда я самъ понимаю, что меня считаютъ за идіота? Я захожу и думаю: „Вотъ меня считаютъ за идіота, а я все-таки умный, а они и не догадываются...“ У меня часто эта мысль. Когда я въ Берлинѣ получилъ оттуда нѣсколько маленькихъ писемъ, которыя они уже успѣли мнѣ написать, то тутъ только я и понялъ какъ ихъ любилъ. Очень тяжело получить первое письмо! Какъ они тосковали, провожая меня! Еще за мѣсяць начали провожать: „Léon s'en va, Léon s'en va pour toujours!“ Мы каждый вечеръ собирались попрежнему у водопада и все говорили о томъ,

какъ мы разстанемся. Иногда бывало такъ-же весело, какъ и прежде; только, расходясь на ночь, они стали крѣпко и горячо обнимать меня, чего не было прежде. Иные забѣгали ко мнѣ потихоньку отъ всѣхъ, по одному, для того только, чтобъ обнять и поцѣловать меня наединѣ, не при всѣхъ. Когда я уже отправлялся на дорогу, всѣ, всею гурьбой, провожали меня до станціи. Станція желѣзной дороги была, примѣрно, отъ нашей деревни въ верстѣ. Они удерживались, чтобы не плакать, но многіе не могли и плакали въ голосъ, особенно дѣвочки. Мы спѣшили, чтобы не опоздать, но иной вдругъ изъ толпы бросался ко мнѣ среди дороги, обнималъ меня своими маленькими ручонками и цѣловалъ, только для того и останавливалъ всю толпу; а мы хоть и спѣшили, но всѣ останавливались и ждали пока онъ простится. Когда я сѣлъ въ вагонъ, и вагонъ тронулся, они всѣ мнѣ прокричали „ура!“ и долго стояли на мѣстѣ, пока совсѣмъ не ушелъ вагонъ. И я тоже смотрѣлъ... Послушайте, когда я давеча вошелъ сюда и посмотрѣлъ на ваши милыя лица, — я теперь очень всматриваюсь въ лица, — и услышалъ ваши первыя слова, то у меня, въ первый разъ съ того времени, стало на душѣ легко. Я давеча уже подумалъ, что, можетъ быть, я и впрямь изъ счастливыхъ: я вѣдь знаю, что такихъ, которыхъ тотчасъ полюбишь, не скоро встрѣтишь, а я васъ, только что изъ вагона вышелъ, тотчасъ встрѣтилъ. Я очень хорошо знаю, что про свои чувства говорить всѣмъ стыдно, а вотъ вамъ я говорю, и съ вами мнѣ не стыдно. Я нелюдимъ и, можетъ быть, долго къ вамъ не приду. Не примите только этого за дурную мысль: я не изъ того сказалъ, что вами не дорожу, и не подумайте тоже, что я чѣмъ-нибудь обидѣлся. Вы спрашивали меня про ваши лица и что я замѣтилъ въ нихъ? Я вамъ съ большимъ удовольствіемъ это скажу. У васъ, Аделаида Ивановна, счастливое лицо, изъ всѣхъ трехъ лицъ самое симпатичное. Кроме того, что вы очень хороши собой, на васъ смотришь и говоришь: „У ней лицо, какъ у доброй сестры“. Вы подходите просто и весело, но и сердце умѣете скоро узнать. Вотъ такъ мнѣ кажется про ваше лицо. У васъ, Александръ-

ра Ивановна, лицо тоже прекрасное и очень милое, но, можетъ быть, у васъ есть какая-нибудь тайная грусть; душа у васъ, безъ сомнѣнія, добрѣйшая, но вы не веселы. У васъ какой-то особенный оттѣнокъ въ лицѣ, похоже какъ у Гольбейновой Мадонны въ Дрезденѣ. Ну, вотъ и про ваше лицо; хорошъ я угадчикъ? Сами-же вы меня за угадчика считаете. Но про ваше лицо, Лизавета Прокофьевна, обратился онъ вдругъ къ генеральшѣ, — про ваше лицо ужъ мнѣ не только кажется, а я просто увѣренъ, что вы совершенный ребенокъ, во всемъ, во всемъ, во всемъ хорошемъ и во всемъ дурномъ, несмотря на то, что вы въ такихъ лѣтахъ. Вы вѣдь на меня не сердитесь, что я это такъ говорю? Вѣдь вы знаете за кого я дѣтей почитаю? И не подумайте, что я съ простоты такъ откровенно все это говорилъ сейчасъ вамъ про ваши лица; о, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Можетъ быть, и я свою мысль имѣлъ.

VII.

Когда князь замолчалъ, всѣ на него смотрѣли весело, даже и Аглая, но особенно Лизавета Прокофьевна.

— Вотъ и проэкзаменовали! вскричала она. — Что, милостивыя государыни, вы думали, что вы же его будете протежировать, какъ бѣдненькаго, а онъ васъ самъ едва избрать удостоилъ, да еще съ оговоркой, что приходитъ будетъ только изрѣдка. Вотъ мы и въ дурахъ, и я рада; а пуще всего Иванъ Федоровичъ. Bravo, князь, васъ давеча проэкзаменовать велѣли. А то, что вы про мое лицо сказали, то все совершенная правда: я ребенокъ и знаю это. Я еще прежде вашего знала про это; вы именно выразили мою мысль, въ одномъ словѣ. Вашъ характеръ я считаю совершенно сходнымъ съ моимъ и очень рада; какъ двѣ капли воды. Только вы мужчина, а я женщина и въ Швейцаріи не была; вотъ и вся разница.

— Не торопитесь, тамап, вскричала Аглая, — князь говоритъ, что онъ во всѣхъ своихъ признаніяхъ особую мысль имѣлъ и не спроста говорилъ.

— Да, да, смѣялись другія.

— Не труните, милья, еще онъ, можетъ быть, похитрѣе всѣхъ васъ трехъ вмѣстѣ. Увидите. Но только что жь вы, князь, про Аглаю ничего не сказали? Аглая ждетъ, и я жду.

— Я ничего не могу сейчасъ сказать; я скажу потомъ.

— Почему? Кажется, замѣтна?

— О да, замѣтна; вы чрезвычайная красавица, Аглая Ивановна. Вы такъ хороши, что на васъ боишься смотрѣть.

— И только? А свойства? настаивала генеральша.

— Красоту трудно судить; я еще не приготовился. Красота — загадка.

— Это значить, что вы Аглаѣ загадали загадку, сказала Аделаида; разгадай-ка, Аглая. А хороша она, князь, хороша?

— Чрезвычайно! съ жаромъ отвѣтилъ князь, съ увлеченіемъ взглянувъ на Аглаю;—почти какъ Настасья Филипповна, хотя лицо совсѣмъ другое!...

Всѣ переглянулись въ удивленіи.

— Какъ кто-о-о? протянула генеральша:—какъ Настасья Филипповна? Гдѣ вы видѣли Настасью Филипповну? Какая Настасья Филипповна?

— Давеча Гаврила Ардаліоновичъ Ивану Ѳедоровичу портретъ показывалъ.

— Какъ, Ивану Ѳедоровичу портретъ принесъ?

— Показать. Настасья Филипповна подарила сегодня Гаврилѣ Ардаліоновичу свой портретъ, а тотъ принесъ показать.

— Я хочу видѣть! вскинулась генеральша:— гдѣ этотъ портретъ? Если ему подарила, такъ и долженъ быть у него, а онъ, конечно, еще въ кабинетѣ. По средамъ онъ всегда приходитъ работать и никогда раньше чегырехъ не уходитъ. Позвать сейчасъ Гаврилу Ардаліоновича! Нѣтъ, я не слишкомъ-то умираю отъ желанія его видѣть. Сдѣлайте одолженіе, князь, голубчикъ, сходите въ кабинетъ, возьмите у него портретъ и принесите сюда. Скажите что посмотрѣть. Пожалуйста.

— Хорошъ, да ужъ простоватъ слишкомъ, сказала Аделаида, когда вышелъ князь.

— Да, ужъ что-то слишкомъ, подтвердила Александра, — такъ что даже и смѣшонъ немножко.

И та, и другая какъ будто не выговаривали всю свою мысль.

— Онъ, впрочемъ, хорошо съ нашими лицами вывернулся, сказала Аглая, — всѣмъ польстиль, даже и татап.

— Не остри, пожалуйста, вскричала генеральша. — Не онъ польстиль, а я польщена.

— Ты думаешь, онъ вывертывался? спросила Аделаида.

— Мнѣ кажется, онъ не такъ простоватъ.

— Ну, пошла! разсердилась генеральша: — а по-моему, вы еще его смѣшнѣе. Простоватъ да себѣ на умѣ, въ самомъ благородномъ отношеніи, разумѣется. Совершенно какъ я.

„Конечно скверно, что я про портретъ проговорился, ображалъ князь про себя, проходя въ кабинетъ и чувствуя нѣкоторое угрызеніе.... Но.... можетъ-быть, я и хорошо сдѣлалъ, что проговорился....“ У него начинала мелькать одна странная идея, впрочемъ, еще не совсѣмъ ясная.

Гаврила Ардалионовичъ еще сидѣлъ въ кабинетѣ и былъ погруженъ въ свои бумаги. Должно-быть, онъ дѣйствительно не даромъ бралъ жалованье изъ акціонернаго общества. Онъ страшно смутился, когда князь спросилъ портретъ и рассказалъ какимъ образомъ про портретъ тамъ узнали.

— Э-э-эхъ! И зачѣмъ вамъ было болтать! вскричалъ онъ въ злобной досадѣ. — не знаете вы ничего.... Идіотъ! пробормоталъ онъ про себя.

— Виноватъ, я совершенно не думавши; къ слову пришлось. Я сказалъ, что Аглая почти такъ же хороша, какъ Настасья Филипповна.

Ганя попросилъ рассказать подробнѣе; князь рассказалъ. Ганя вновь насмѣшливо посмотрѣлъ на него.

— Далась же вамъ, Настасья Филипповна.... пробормоталъ онъ, но не докончивъ, задумался. Онъ былъ въ видимой тревогѣ. Князь напомнилъ о портретѣ. — Послушайте, князь, сказалъ вдругъ Ганя, какъ будто внезапная мысль осѣнила

его:—у меня до васъ есть огромная просьба.... Но я, право, не знаю....

Онъ смутился и не договорилъ; онъ на что-то рѣшался и какъ бы боролся самъ съ собой. Князь ожидалъ молча. Ганя еще разъ испытующимъ, пристальнымъ взглядомъ оглядѣлъ его.

— Князь, началъ онъ опять, — тамъ на меня теперь.... по одному совершенно странному обстоятельству.... и смѣшному.... и въ которомъ я не виноватъ.... ну, однимъ словомъ, это лишнее, — тамъ на меня. кажется, немножко сердятся, такъ что я нѣкоторое время не хочу входить туда безъ зова. Мнѣ ужасно нужно бы поговорить теперь съ Аглаей Ивановной. Я на всякій случай написалъ нѣсколько словъ (въ рукахъ его очутилась маленькая сложенная бумажка)— и вотъ не знаю какъ передать. Не возьметесь ли вы, князь, передать Аглаѣ Ивановнѣ, сейчасъ, но только одной Аглаѣ Ивановнѣ, такъ, то-есть, чтобъ никто не увидалъ, понимаете? Это не Богъ знаетъ какой секретъ, тутъ нѣтъ ничего такого.... но... сдѣлаете?

— Мнѣ это не совсѣмъ пріятно, отвѣчалъ князь.

— Ахъ, князь, мнѣ крайняя надобность! сталъ просить Ганя:—она, можетъ-быть, отвѣтитъ.... Повѣрьте, что я только въ крайнемъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ могъ обратиться.... Съ кѣмъ же мнѣ послать?... Это очень важно.... Ужасно для меня важно....

Ганя ужасно робѣлъ, что князь не согласится, и съ трусливою просьбой заглядывалъ ему въ глаза.

— Пожалуй, я передамъ.

— Но только такъ, чтобы никто не замѣтилъ, умолялъ обрадованный Ганя,—и вотъ что, князь, я надѣюсь, вѣдь, на ваше честное слово, а?

— Я никому не покажу, сказалъ князь.

— Записка не запечатана, но.... проговорился было слишкомъ суетившійся Ганя, и остановился въ смущеніи.

—О, я не прочту, совершенно просто отвѣчалъ князь, взялъ портретъ и пошелъ изъ кабинета.

Ганя, оставшись одинъ, схватилъ себя за голову.

— Одно ея слово, и я.... и я, право можетъ-быть, порву!..

Онъ уже не могъ снова сѣсть за бумаги отъ волненія и ожиданія и сталъ бродить по кабинету, изъ угла въ уголъ.

Князь шелъ, задумавшись: его неприятно поразило порученіе, неприятно поразила и мысль о запискѣ Гани къ Аглаѣ. Но не доходя двухъ комнатъ до гостиной, онъ вдругъ остановился, какъ будто вспомнилъ о чемъ, осмотрѣлся кругомъ, подошелъ къ окну, ближе къ свѣту, и сталъ глядѣть на портретъ Настасьи Филипповны.

Ему какъ бы хотѣлось разгадать что-то, скрывавшееся въ этомъ лицѣ и поразившее его давеча. Давешнее впечатлѣніе почти не оставляло его, и теперь онъ спѣшилъ какъ бы что-то вновь провѣрить. Это необыкновенное по своей красотѣ и еще по чему-то лицо сильнѣе еще поразило его теперь. Какъ будто необъятная гордость и презрѣніе, почти ненависть, были въ этомъ лицѣ, и въ тоже самое время что-то довѣрчивое, что-то удивительно простодушное; эти два контраста возбуждали какъ будто даже какое-то состраданіе при взглядѣ на эти черты. Эта ослѣпляющая красота была даже невыносима, красота блѣднаго лица, чуть не впалыхъ щекъ и горѣвшихъ глазъ; странная красота! Князь смотрѣлъ съ минуту, потомъ вдругъ спохватился, оглядѣлся кругомъ, поспѣшно приблизилъ портретъ къ губамъ и поцѣловалъ его. Когда черезъ минуту онъ вошелъ въ гостиную, лицо его было совершенно спокойно.

Но только-что онъ вступилъ въ столовую (еще черезъ одну комнату отъ гостиной), съ нимъ въ дверяхъ почти столкнулась выходящая Аглая. Она была одна.

— Гаврила Ардалионовичъ просилъ меня вамъ передать, сказалъ князь, подавая ей записку.

Аглая остановилась, взяла записку и какъ-то странно поглядѣла на князя. Ни малѣйшаго смущенія не было въ ея взглядѣ, развѣ только проглянуло нѣкоторое удивленіе, да и то, казалось, относившееся къ одному только князю. Аглая своимъ взглядомъ точно требовала отъ него отчета, — какимъ образомъ онъ очутился въ этомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ Ганей? — и требовала спокойно и свысока. Они простояли два-три

мгновения другъ противъ друга; наконецъ что-то насмѣшливое чуть-чуть обозначалось въ лицѣ ея; она слегка улыбнулась и прошла мимо.

Генеральша нѣсколько времени, молча и съ нѣкоторымъ отѣвкомъ пренебреженія, разсматривала портретъ Настасьи Филипповны, который она держала предъ собой въ протянутой рукѣ, чрезвычайно и эффектно отдаливъ отъ глазъ.

— Да, хороша, проговорила она наконецъ, — очень даже. Я два раза ее видѣла, только издали. Такъ вы такую-то красоту цѣните? обратилась она вдругъ къ князю.

— Да.... такую.... отвѣчалъ князь съ нѣкоторымъ усиленіемъ.

— То-есть именно такую?

— Именно такую.

— За что?

— Въ этомъ лицѣ.... страданія много.... проговорилъ князь, какъ бы невольно, какъ бы самъ съ собою говоря, а не на вопросъ отвѣчая.

— Вы впрочемъ, можетъ-быть, бредите, рѣшила генеральша и надменнымъ жестомъ откинула отъ себя портретъ на столъ. Александра взяла его, къ ней подошла Аделаида, обѣ стали разсматривать. Въ эту минуту Аглая возвратилась опять въ гостиную.

— Этакая сила! вскричала вдругъ Аделаида, жадно всматриваясь въ портретъ изъ-за плеча сестры.

— Гдѣ? Какая сила? рѣзко спросила Лизавета Прокофьевна.

— Такая красота—сила, горячо сказала Аделаида, — съ такою красотою можно міръ перевернуть!

Она задумчиво отошла къ своему мольберту. Аглая взглянула на портретъ только мелькомъ, прищурилась, выдвинула нижнюю губку, отошла и сѣла къ сторонѣ, сложивъ руки.

Генеральша позвонила.

— Позвать сюда Гаврилу Ардалионовича, онъ въ кабинетѣ, приказала она вошедшему слугѣ.

— Маман! значительно воскликнула Александра.

— Я хочу ему два слова сказать—и довольно! быстро отрѣзала генеральша, останавливая возраженіе. Она была видимо раздражена.—У насъ, видите ли, князь здѣсь теперь

все секреты. Все секреты! Такъ требуется, этикетъ какой-то, глупо. И это въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ требуется наиболѣе откровенности, ясности, честности. Начинаются браки, не нравятся мнѣ эти браки....

— Маман, что вы это? опять поспѣшила остановить ее Александра.

— Чего тебѣ, милая дочка! Тебѣ самой развѣ нравятся? А что князь слушаетъ, такъ мы друзья. Я съ нимъ, по крайней мѣрѣ. Богъ ищетъ людей, хорошихъ конечно, а злыхъ и капризныхъ ему не надо; капризныхъ особенно, которые сего ня рѣшаютъ одно, а завтра говорятъ другое. Понимаете, Александра Ивановна? Онѣ, князь, говорятъ, что я чудачка, а я умѣю различать. Потому сердце главное, а остальное вздоръ. Умъ тоже нуженъ, конечно.... можетъ-быть, умъ-то и самое главное. Не усмѣхайся, Аглая, я себѣ не противорѣчу: дура съ сердцемъ и безъ ума такая же несчастная дура, какъ и дура съ умомъ безъ сердца. Старая истина. Я вотъ дура съ сердцемъ безъ ума, а ты дура съ умомъ безъ сердца; обѣ мы и несчастны, обѣ и страдаемъ.

— Чѣмъ же вы ужь такъ несчастны, маман? не утерпѣла Аделаида, которая одна, кажется, изъ всей компаніи не утратила веселаго расположенія духа.

— Во первыхъ, отъ ученыхъ дочекъ, отрѣзала генеральша,—а такъ какъ этого и одного довольно, то обѣ остальномъ нечего и распространяться. Довольно многословія было. Посмотримъ какъ-то вы обѣ (я Аглаю не считаю) съ вашимъ умомъ и многословіемъ вывернетесь, и будете ли вы, многоуважаемая Александра Ивановна, счастливы съ вашимъ почтеннымъ господиномъ?... А!... воскликнула она, увидѣвъ входящаго Ганю:—вотъ еще идетъ одинъ брачный союзъ. Здравствуйте! отвѣтила она на поклонъ Гани, не пригласивъ его садиться.—Вы вступаете въ бракъ?

— Въ бракъ?... Какъ?... Въ какой бракъ?... бормоталъ ошеломленный Гаврила Ардалионовичъ. Онъ ужасно смѣшался.

— Вы женитесь? спрашиваю я, если вы только лучше любите такое выраженіе?

— Н-нѣтъ.... я.... н-нѣтъ, солгалъ Гаврила Ардалионо-

вичь, и краска стыда залила ему лицо. Онъ бѣгло взглянулъ на сидѣвшую въ сторонѣ Аглаю и быстро отвелъ глаза. Аглая холодно, пристально, спокойно глядѣла на него не отрывая глазъ, и наблюдала его смущеніе.

— Нѣтъ? Вы сказали: нѣтъ? настойчиво допрашивала не умолимая Лизавета Прокофьевна; — довольно, я буду помнить, что вы сегодня, въ среду утромъ, на мой вопросъ сказали мнѣ: „нѣтъ“. Что у насъ сегодня, среда?

— Кажется, среда, шашан, отвѣтила Аделаида.

— Никогда дней не знаютъ. Которое число?

— Двадцать седьмое, отвѣтилъ Ганя.

— Двадцать седьмое? Это хорошо по нѣкоторому расчету. Прощайте, у васъ, кажется, много занятій, а мнѣ пора одѣваться и ѣхать; возьмите вашъ портретъ. Передайте мой поклонъ несчастной Нинѣ Александровнѣ. До свиданія, князь-голубчикъ! Заходи почаще, а я къ старухѣ Бѣлоконской нарочно заѣду о тебѣ сказать. И послушайте, милый: я вѣрю, что васъ именно для меня Богъ привелъ въ Петербургъ изъ Швейцаріи. Можетъ-быть, будутъ у васъ и другія дѣла, но главное для меня. Богъ именно такъ рассчиталъ. До свиданія, милая. Александра, зайди ко мнѣ, другъ мой.

Генеральша вышла. Ганя, опрокинутый, потерявшійся, злобный, взялъ со стола портретъ и съ искривленною улыбкой обратился къ князю.

— Князь, я сейчасъ домой. Если вы не перемѣнили намеренія жить у насъ, то я васъ доведу, а то вы и адреса не знаете.

— Постоите, князь, сказала Аглая, вдругъ подымаясь съ своего кресла. — вы мнѣ еще въ альбомѣ напишете. Пала сказалъ, что вы каллиграфъ. Я вамъ сейчасъ принесу...

И она вышла.

— До свиданія, князь, и я ухожу, сказала Аделаида. Она крѣпко пожала руку князю, привѣтливо и ласково улыбнулась ему и вышла. На Ганю она не посмотрѣла.

— Это вы, заскрежеталъ Ганя, вдругъ набрасываясь на князя, только-что всѣ вышли, — это вы разболтали имъ, что

я женюсь! бормоталъ онъ скорымъ полушопотомъ, съ бѣшеннымъ лицомъ и злобно сверкая глазами; — безстыдный вы болтунишка!

— Увѣряю васъ, что вы ошибаетесь, спокойно и вѣжливо отвѣчалъ князь, — я и не зналъ, что вы женитесь.

— Вы слышали давеча какъ Иванъ Федоровичъ говорилъ, что сегодня вечеромъ все рѣшится у Настасьи Филиповны, вы это и передали! Лжете вы! Откуда онъ могли узнать? Кто-же, чертъ возьми, могъ имъ передать, кромѣ васъ? Развѣ старуха не намекала мнѣ?

Вамъ лучше знать кто передалъ, если вамъ только кажется, что вамъ намекали, я ни слова про это не говорилъ.

— Передали записку? Отвѣтъ? съ горячечнымъ нетерпѣніемъ перебилъ его Ганя. Но въ самую эту минуту воротилась Аглая, и князь ничего не успѣлъ отвѣтить.

— Вотъ, князь, сказала Аглая, положивъ на столикъ свой альбомъ, — выберите страницу и напишите мнѣ что-нибудь. Вотъ перо и еще новое. Ничего что стальное? Каллиграфы, я слышала, стальными не пишутъ.

Разговаривая съ княземъ, она какъ бы и не замѣчала, что Ганя тутъ же. Но покамѣстъ князь поправлялъ перо, отыскивалъ страницу и изготовлялся, Ганя подошелъ къ камину, гдѣ стояла Аглая, сейчасъ справа подлѣ князя, и дрожащимъ, прерывающимся голосомъ проговорилъ ей чуть не на ухо:

— Одно слово, одно только слово отъ васъ, — и я спасенъ.

Князь быстро повернулся и посмотрѣлъ на обоихъ. Въ лицѣ Гани было настоящее отчаяніе; казалось, онъ выговорилъ эт слова какъ-то не думая, сломя голову. Аглая смотрѣла на него нѣсколько секундъ совершенно съ тѣмъ же самымъ спокойнымъ удивленіемъ, какъ давеча на князя, и казалось, это спокойное удивленіе ея, это недоумѣніе, какъ бы отъ полного непониманія того, что ей говорятъ, было въ эту минуту для Гани ужаснѣе самаго сильнѣйшаго презрѣнія.

— Что же мнѣ написать? спросилъ князь.

— А я вамъ сейчасъ продиктую, сказала Аглая, повернувшись къ нему; — готовы? Пишите же: „Я въ торги не вступаю“. — Теперь подпишите число и мѣсяць. Покажите.

Князь подалъ ей альбомъ.

— Превосходно! Вы удивительно написали; у васъ чудесный почеркъ! Благодарю васъ. До свиданія, князь... Пойдите, прибавила она, какъ бы что-то вдругъ припомнивъ, — пойдемте, я хочу вамъ подарить кой-что на память.

Князь пошелъ за нею; но войдя въ столовую, Аглая остановилась.

— Прочтите это, сказала она, подавая ему записку Гани.

Князь взялъ записку и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Аглаю.

— Вѣдь я знаю же, что вы ея не читали и не можете быть повѣреннымъ этого человѣка. Читайте, я хочу чтобы вы прочли.

Записка была очевидно написана наскоро:

«Сегодня рѣшится моя судьба, вы знаете какимъ образомъ. Сегодня я долженъ буду дать свое слово безвозвратно. Я не имѣю никакихъ правъ на ваше участіе, не смѣю имѣть никакихъ надеждъ; но когда-то вы выговорили одно слово, одно только слово, и это слово озарило всю черную ночь моей жизни и стало для меня маякомъ. Скажите теперь еще одно такое же слово — и спасете меня отъ гибели! Скажите мнѣ только: *разорви все*, и я все порву сегодня же. О, что вамъ стоитъ сказать это! Въ этомъ словѣ я испрашиваю только признакъ вашего участія и сожалѣнія ко мнѣ, — и только, *только!* И ничего больше, *ничего!* Я не смѣю задумать какую нибудь надежду, потому что я недостойнъ ея. Но послѣ вашего слова я приму вновь мою бѣдность, я съ радостью стану переносить отчаянное положеніе мое. Я встрѣчу борьбу, я радъ буду ей, я воскресну въ ней съ новыми силами!

«Пришлите же мнѣ это слово состраданія (только *одного* состраданія, клянусь вамъ)! Не разсердитесь на дерзость отчаяннаго, на утопающаго, за то, что онъ осмѣлился сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы спасти себя отъ гибели.

«Г. И.»

— Этотъ человѣкъ увѣряетъ, рѣзко сказала Аглая, когда князь кончилъ читать, — что слово: *„разорвите все“* меня не скомпрометируетъ и не обяжетъ ничѣмъ, и самъ

даетъ мнѣ въ этомъ, какъ видите, письменную гарантію, этою самою запиской. Замѣтите, какъ наивно поспѣшилъ онъ подчеркнуть нѣкоторыя словечки, и какъ грубо проглядываетъ его тайная мысль. Онъ, впрочемъ, знаетъ, что еслибъ онъ разорвалъ все, но самъ, одинъ, не ожидая моего слова и даже не говоря мнѣ объ этомъ, безъ всякой надежды на меня, то я бы тогда перемѣнила мои чувства къ нему и, можетъ быть, стала бы его другомъ. Онъ это знаетъ навѣрно! Но у него душа грязная: онъ знаетъ и не рѣшается; онъ знаетъ и все-таки гарантіи просить. Онъ на вѣру рѣшиться не въ состояніи. Онъ хочетъ, чтобъ я ему, взамѣнъ ста тысячъ, на себя надежду дала. Насчетъ же прежняго слова, про которое онъ говоритъ въ запискѣ и которое будто бы озарило его жизнь, то онъ нагло лжетъ. Я просто разъ пожалѣла его. Но онъ дерзокъ и безстыденъ: у него тотчасъ же мелькнула тогда мысль о возможности надежды; я это тотчасъ же поняла. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ меня улавливать; ловить и теперь. Но довольно; возьмите и отдайте ему записку назадъ, сейчасъ же, какъ выйдете изъ нашего дома, разумѣется, не раньше.

— А что сказать ему въ отвѣтъ?

— Ничего, разумѣется. Это самый лучший отвѣтъ. Да вы, стало-быть, хотите жить въ его домѣ?

— Мнѣ давеча самъ Иванъ Федоровичъ отрекомендовалъ, сказалъ князь.

— Такъ берегитесь его, я васъ предупреждаю; онъ теперь вамъ не проститъ, что вы ему возвратите назадъ записку.

Аглая слегка пожала руку князю и вышла. Лицо ея было серьезно и нахмурено, она даже не улыбнулась, когда кивнула князю головой на прощаніе.

— Я сейчасъ, только мой узелокъ возьму, сказалъ князь Ганъ,—и мы выйдемъ.

Ганя топнулъ ногой отъ нетерпѣнія. Лицо его даже почернѣло отъ бѣшенства. Наконецъ оба вышли на улицу, князь съ своимъ узелкомъ въ рукахъ.

— Отвѣтъ? Отвѣтъ? накинулся на него Ганя:—что она вамъ сказала? Вы передали письмо?

Князь молча подалъ ему его записку. Ганя остолбенѣлъ.

— Какъ? Моя записка! вскричалъ онъ:—онъ и не передавалъ ея! О, я долженъ былъ догадаться! О, пр-р-ро-клят... Понятно, что она ничего не поняла давеча! Да какъ же, какъ же, какъ же вы не передали, о, пр-р-ро-клят...

— Извините меня, напротивъ, мнѣ тотчасъ же удалось передать вашу записку, въ ту же минуту какъ вы дали, и точно такъ, какъ вы просили. Она очутилась у меня опять, потому что Аглая Ивановна сейчасъ передала мнѣ ее обратно.

— Когда? Когда?

— Только что я кончилъ писать въ альбомѣ, и когда она пригласила меня съ собой. (Вы слышали?) Мы вошли въ столовую, она подала мнѣ записку, велѣла прочесть и велѣла передать вамъ обратно.

— Про-че-е-сть! закричалъ Ганя чуть не во все горло:— прочесть! Вы читали?

И онъ снова сталъ въ оцѣпенѣніи среди тротуара, но до того изумленный, что даже разинулъ ротъ.

— Да, читалъ, сейчасъ.

— И она сама, сама вамъ дала прочесть? Сама?

— Сама, и повѣрьте, что я бы не сталъ читать безъ ея приглашенія.

Ганя съ минуту молчалъ и съ мучительными усиліями что-то соображалъ, но вдругъ воскликнулъ:

— Быть не можетъ! Она не могла вамъ велѣть прочесть. Вы лжете! Вы сами прочли!

— Я говорю правду, отвѣчалъ князь прежнимъ, совершенно невозмутимымъ тономъ,—и повѣрьте: мнѣ очень жаль, что это производитъ на васъ такое непріятное впечатлѣніе.

— Но, несчастный, по крайней мѣрѣ, она вамъ сказала же чтонибудь при этомъ? Чтонибудь отвѣтила же?

— Да, конечно.

— Да говорите же, говорите, о, чортъ!...

И Ганя два раза топнулъ правою ногой, обутою въ колошу, о тротуаръ.

— Какъ только я прочелъ, она сказала мнѣ, что вы ее

ловите; что вы желали бы ее компрометтировать такъ, чтобы получить отъ нея надежду, для того чтобы, опираясь на эту надежду, разорвать безъ убытку съ другою надеждой на сто тысячъ. Что если бы вы сдѣлали это, не торгуясь съ нею, разорвали бы все сами, не прося у ней впередъ гарантіи, то она, можетъ быть, и стала бы вашимъ другомъ. Вотъ и все, кажется. Да, еще: когда я спросилъ, уже взявъ записку, какой же отвѣтъ? Тогда она сказала, что безъ отвѣта будетъ самый лучший отвѣтъ, — кажется, такъ; извините, если я забылъ ея точное выраженіе, а передаю какъ самъ понялъ.

Неизмѣримая злоба овладѣла Ганей и бѣшенство его прорвалось безъ всякаго удержа:

— А! Такъ вотъ какъ! скрежеталъ онъ: — такъ мои записки въ окно швырять! А! Она въ торги не вступаетъ, — такъ я вступлю! И увидимъ! За мной еще много... увидимъ!... Въ бараній рогъ сверну!...

Онъ кривился, блѣднѣлъ, пѣнился; онъ грозилъ кулакомъ. Такъ шли они нѣсколько шаговъ. Князя онъ не церемонился ни мало, точно былъ одинъ въ своей комнатѣ, потому что въ высшей степени считалъ его за ничто. Но вдругъ онъ что-то сообразилъ и опомнился.

— Да какимъ же образомъ, вдругъ обратился онъ къ князю, — какимъ же образомъ вы (идіотъ! прибавилъ онъ про себя), вы вдругъ въ такой довѣренности, два часа послѣ перваго знакомства? Какъ такъ?

Ко всѣмъ мученіямъ его не доставало зависти. Она вдругъ укусила его въ самое сердце.

— Этого ужъ я вамъ не сумѣю объяснить, отвѣтилъ князь.

Ганя злобно посмотрѣлъ на него:

— Это ужъ не довѣренность ли свою подарить вамъ позволяла она васъ въ столовую? Вѣдь она вамъ что-то подарить собиралась?

— Иначе я и не понимаю, какъ именно такъ.

— Да за что же, чортъ возьми! Что вы тамъ такое сдѣлали? Чѣмъ понравились? Послушайте, суетился онъ изо

всѣхъ силъ (все въ немъ въ эту минуту было какъ-то разбросано и кипѣло въ безпорядкѣ, такъ что онъ и съ мыслями собраться не могъ), — послушайте, не можете ли вы хоть какъ нибудь припомнить и сообразить въ порядкѣ, о чемъ вы именно тамъ говорили, всѣ слова, съ самаго начала? Не замѣтили ли вы чего, не упомяните ли?

— О, очень могу, отвѣчалъ князь, — съ самаго начала, когда я вошелъ и познакомился, мы стали говорить о Швейцаріи.

— Ну, къ чорту Швейцарію!

— Потомъ о смертной казни...

— О смертной казни?

— Да; по одному поводу... потомъ я имъ рассказывалъ о томъ, какъ прожилъ тамъ три года и одну исторію съ одною бѣдною поселянкой...

— Ну, къ чорту бѣдную поселянку! Дальше! рвался въ нетерпѣніи Ганя.

— Потомъ, какъ Шнейдеръ высказалъ мнѣ свое мнѣніе о моемъ характерѣ и понудилъ меня...

— Провалиться Шнейдеру и наплевать на его мнѣніи! Дальше!

— Дальше, по одному поводу, я сталъ говорить о лицахъ, то-есть о выраженіяхъ лицъ и сказалъ, что Аглая Ивановна почти такъ же хороша, какъ Настасья Филипповна. Вотъ тутъ-то я и проговорился про портретъ....

— Но вы не пересказали, вы вѣдь не пересказали того, что слышали давеча въ кабинетѣ? Нѣтъ? Нѣтъ?

— Повторяю же вамъ, что нѣтъ.

— Да откуда же, чортъ.... Ба! Не показала ли Аглая записку старухѣ?

— Въ этомъ я могу васъ вполне гарантировать, что не показала. Я все время тутъ былъ; да и времени она не имѣла.

— Да, можетъ быть, вы сами не замѣтили чего нибудь... О! идіотъ пр-ро-клятый! воскликнулъ онъ уже совершенно вѣвъ себя: — и рассказать ничего не умѣетъ!

Ганя, разъ начавъ ругаться и не встрѣчая отпора, мало-

по-малу потерялъ всякую сдержанность, какъ это всегда водится съ иными людьми. Еще немного, и онъ, можетъ быть, сталъ бы плевать, до того ужъ онъ былъ взбѣшенъ. Но именно чрезъ это бѣшенство онъ и ослѣпъ; иначе онъ давно бы обратилъ вниманіе на то, что этотъ „идіотъ“, котораго онъ такъ третируетъ, что-то ужъ слишкомъ скоро и тонко умѣетъ иногда все понять и чрезвычайно удовлетворительно передать. Но вдругъ произошло нѣчто неожиданное.

— Я долженъ вамъ замѣтить, Гаврила Ардалионовичъ, сказалъ вдругъ князь, — что я прежде дѣйствительно былъ такъ нездоровъ, что и въ самомъ дѣлѣ былъ почти идіотъ; но теперь я давно уже выздоровѣлъ, и потому мнѣ нѣсколько непріятно, когда меня называютъ идіотомъ въ глаза. Хоть васъ и можно извинить, взявъ во вниманіе ваши неудачи, но вы въ досадѣ вашей даже два раза меня выбрали. Мнѣ это очень не хочется, особенно такъ. вдругъ, какъ вы, съ перваго раза; и такъ какъ мы теперь стоимъ на перекресткѣ, то не лучше ли намъ разойтись: вы пойдете направо къ себѣ, а я налево. У меня есть двадцать пять рублей, и я навѣрно найду какой нибудь отель-гарни.

Ганя ужасно смутился и даже покраснѣлъ отъ стыда.

— Извините, князь, горячо вскричалъ онъ, вдругъ перемѣняя свой ругательный тонъ на чрезвычайную вѣжливость: — ради Бога, извините! Вы видите, въ какой я бѣдѣ! Вы еще почти ничего не знаете, но еслибы вы знали все, то навѣрно бы хоть немного извинили меня; хотя, разумѣется, я неизвинимъ....

— О, мнѣ и не нужно такихъ большихъ извиненій, послѣшилъ отвѣтить князь. — Я вѣдь понимаю, что вамъ очень непріятно, и потому-то вы и бранитесь. Ну, пойдете къ вамъ. Я съ удовольствіемъ....

„Нѣтъ, его теперь такъ отпустить невозможно, думалъ про себя Ганя, злобно посматривая дорогой на князя, — этотъ плутъ выштыталъ изъ меня все, а потомъ вдругъ снялъ

маску... Это что-то значить. А вотъ мы увидимъ! Все разрѣшится, все, все! Сегодня же!“

Они уже стояли у самаго дома.

VIII.

Ганечкина квартира находилась въ третьемъ этажѣ, по весьма чистой, свѣтлой и просторной лѣстницѣ, и состояла изъ шести или семи комнатъ и комнатокъ, самыхъ впрочемъ обыкновенныхъ, но во всякомъ случаѣ не совсѣмъ по карману семейному чиновнику, получающему даже и двѣ тысячи рублей жалованья. Но она предназначалась для содержанія жильцовъ со столомъ и прислугой и занята была Ганей и его семействомъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ тому назадъ, къ величайшей непріятности самого Гани, по настоянію и просьбамъ Нины Александровны и Варвары Ардалионовны, пожелавшихъ въ свою очередь быть полезными и хотѣ нѣсколько увеличить доходы семейства. Ганя хмурился и называлъ содержаніе жильцовъ безобразіемъ; ему стало какъ будто стыдно послѣ этого въ обществѣ, гдѣ онъ привыкъ являться, какъ молодой человѣкъ съ нѣкоторымъ блескомъ и будущностью. Всѣ эти уступки судьбѣ и вся эта досадная тѣснота, — все это были глубокія душевныя раны его. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ раздражаться всякою мелочью безмѣрно и непропорціонально, и если еще соглашался на время уступать и терпѣть, то потому только, что ужъ имъ рѣшено было все это измѣнить и передѣлать въ самомъ непродолжительномъ времени. А между тѣмъ самое это измѣненіе, самый выходъ, на которомъ онъ остановился, составляли задачу не малую, — такую задачу, предстоявшее разрѣшеніе которой грозило быть хлопотливѣе и мучительнѣе всего предыдущаго.

Квартиру раздѣлялъ корридоръ, начинавшійся прямо изъ прихожей. По одной сторонѣ корридора находились тѣ три комнаты, которые назначались въ наемъ, для „особенно рекомендованныхъ“ жильцовъ; кромѣ того, по той же сторонѣ корридора, въ самомъ концѣ его, у кухни, находилась

четвертая комнатка, потѣснѣе всѣхъ прочихъ, въ которой помѣщался самъ отставной генералъ Иволгинъ, отецъ семейства, и спалъ на широкомъ диванѣ, а ходить и выходить изъ квартиры обязанъ былъ чрезъ кухню и по черной лѣстницѣ. Въ этой же комнатѣ помѣщался и тринадцатилѣтній братъ Гаврилы Ардаліоновича, гимназистъ Коля; ему тоже предназначалось здѣсь тѣсниться, учиться, спать на другомъ, весьма старомъ, узкомъ и короткомъ диванчикѣ, на дыравой простынѣ и, главное, ходить и *смотреть* за отцомъ, который все болѣе и болѣе не могъ безъ этого обойтись. Князю назначили среднюю изъ трехъ комнатъ; въ первой направо помѣщался Фердыщенко, а третья налѣво стояла еще пустая. Но Ганя прежде всего свелъ князя на семейную половину. Эта семейная половина состояла изъ залы, обращавшейся, когда надо, въ столовую, изъ гостиной, которая была, впрочемъ, гостиною только поутру, а вечеромъ обращалась въ кабинетъ Гани и въ его спальню, и наконецъ изъ третьей комнаты, тѣсной и всегда затворенной: это была спальня Нины Александровны и Варвары Ардаліоновны. Однимъ словомъ, все въ этой квартирѣ тѣснилось и жалось; Ганя только скрипѣлъ про себя зубами; онъ хотя былъ и желалъ быть почтительнымъ къ матери, но съ перваго шагу у нихъ можно было замѣтить, что это большой деспотъ въ семействѣ.

Нина Александровна была въ гостиной не одна, съ нею сидѣла Варвара Ардаліоновна; обѣ онѣ занимались какимъ-то вязаньемъ и разговаривали съ гостемъ, Иваномъ Петровичемъ Птицынымъ. Нина Александровна казалась лѣтъ пятидесяти, съ худымъ, осунувшимся лицомъ и съ сильною чернотой подъ глазами. Видъ ея былъ болѣзненный и нѣсколько скорбный, но лицо и взглядъ ея были довольно пріятны; съ первыхъ словъ заявлялся характеръ серіозный и полный истиннаго достоинства. Несмотря на прискорбный видъ, въ ней предчувствовалась твердость и даже рѣшимость. Одѣта она была чрезвычайно скромно, въ чемъ-то темномъ, и совсѣмъ по-старушечьи, но пріемы ея, разговоръ, вся манера, изобличали женщину, выдавшую и лучшее общество.

Варвара Ардаліоновна была дѣвица лѣтъ двадцати трехъ, средняго роста, довольно худощавая, съ лицомъ, не то чтобы очень красивымъ, но заключавшимъ въ себѣ тайну нравиться безъ красоты и до страсти привлекать къ себѣ. Она была очень похожа на мать, даже одѣта была почти также какъ мать, отъ полнаго нежеланія наряжаться. Взглядъ ея сѣрыхъ глазъ подчасъ могъ быть очень веселъ и ласковъ, еслибы не бывалъ всего чаще серіозенъ и задумчивъ, иногда слишкомъ даже, особенно въ послѣднее время. Твердость и рѣшимость виднѣлись и въ ея лицѣ, но предчувствовалось, что твердость эта даже могла быть энергичнѣе и предпримчивѣе чѣмъ у матери. Варвара Ардаліоновна была довольно вспыльчива, и братецъ иногда даже побаивался этой вспыльчивости. Побоялся ея и сидѣвшій теперь у нихъ гость, Иванъ Петровичъ Птицынъ. Это былъ еще довольно молодой человекъ, лѣтъ подъ тридцать, скромно, но изящно одѣтый, съ пріятными, но какъ-то слишкомъ ужъ солидными манерами. Темнорусая бородка обозначала въ немъ человека не съ служебными занятіями. Онъ умѣлъ разговаривать умно и интересно, но чаще бывалъ молчаливъ. Вообще онъ производилъ впечатлѣніе даже пріятное. Онъ былъ видимо неравнодушенъ къ Варварѣ Ардаліоновнѣ и не скрывалъ своихъ чувствъ. Варвара Ардаліоновна обращалась съ нимъ дружески, но на иные вопросы его отвѣчать еще медлила, даже ихъ не любила; Птицынъ впрочемъ далеко не былъ обезкураженъ. Нина Александровна была къ нему ласкова, а въ послѣднее время стала даже много ему довѣрять. Извѣстно впрочемъ было, что онъ спеціально занимается наживаніемъ денегъ отдачей ихъ въ быстрый ростъ подъ болѣе или менѣе вѣрные залоги. Съ Ганей онъ былъ чрезвычайнымъ пріателемъ.

На обстоятельную, но отрывистую рекомендацію Гани (который весьма сухо поздоровался съ матерью, совсѣмъ не поздоровался съ сестрой и тотчасъ же куда-то увелъ изъ комнаты Птицына), Нина Александровна сказала князю нѣсколько ласковыхъ словъ и велѣла выглянувшему въ дверь Колю свести его въ среднюю комнату. Коля былъ мальчикъ

съ веселымъ и довольно милымъ лицомъ, съ довѣрчивою и простодушною манерой.

— Гдѣ же ваша поклажа? спросилъ онъ, вводя князя въ комнату.

— У меня узелокъ; я его въ передней оставилъ.

— Я вамъ сейчасъ принесу. У насъ всей прислуги кухарка да Матрена, такъ что и я помогаю. Варя надъ всѣмъ надсматриваетъ и сердится. Ганя говоритъ, вы сегодня изъ Швейцаріи?

— Да.

— А хорошо въ Швейцаріи?

— Очень.

— Горы?

— Да.

— Я вамъ сейчасъ ваши узлы притащу.

Вошла Варвара Ардалионовна.

— Вамъ Матрена сейчасъ бѣлье постелить. У васъ чемоданъ?

— Нѣтъ, узелокъ. За нимъ вашъ братъ пошелъ; онъ въ передней.

— Никакого тамъ узла нѣтъ, кромѣ этого узелочка; вы куда положили? спросилъ Коля, возвращаясь опять въ комнату.

— Да кромѣ этого и нѣтъ никакого, возвѣстилъ князь, принимая свой узелокъ.

— А-а! А я думалъ не утащилъ ли Фердыщенко.

— Не ври пустяковъ, строго сказала Варя, которая и съ княземъ говорила весьма сухо и только что развѣ вѣжливо.

— *Chère Babette*, со мной можно обращаться и повѣжливѣе, вѣдь я не Штицынъ.

— Тебя еще сѣчь можно, Коля, до того ты еще глупъ. За всѣмъ, что потребуется, можете обращаться къ Матренѣ; обѣдаютъ въ половинѣ пятого. Можете обѣдать вмѣстѣ съ нами, можете и у себя въ комнатѣ, какъ вамъ угодно. Пойдемъ, Коля, не мѣшай имъ.

— Пойдемте, рѣшительный характеръ!

Выходя, они столкнулись съ Ганей.

— Отецъ дома? спросилъ Ганя Колю, и на утвердительный отвѣтъ Коли, пошепталъ ему что-то на ухо.

Коля кивнулъ головой и вышелъ велѣдъ за Варварой Ардалионовной.

— Два слова, князь, я и забылъ вамъ сказать за этими... дѣлами. Нѣкоторая просьба: сдѣлайте одолженіе, — если только вамъ это не въ большую натугу будетъ, — не болтайте, ни здѣсь, о томъ что у меня съ Аглаей сейчасъ было, ни тамъ, о томъ что вы здѣсь найдете; потому что и здѣсь тоже безобразія довольно. Къ чорту, впрочемъ.... Хоть сегодня-то, по крайней мѣрѣ, удержитесь.

— Увѣряю же васъ, что я гораздо меньше болталъ чѣмъ вы думаете, сказалъ князь съ нѣкоторымъ раздраженіемъ на укоры Гани. Отношенія между ними становились видимо хуже и хуже.

— Ну, да ужъ я довольно перенесъ чрезъ васъ сегодня. Однимъ словомъ, я васъ прошу.

— Еще и то замѣтите, Гаврила Ардалионовичъ, чѣмъ же я былъ давеча связанъ, и почему я не могъ упомянуть о портретѣ? Вѣдь вы меня не просили.

— Фу, какая скверная комната, замѣтилъ Ганя, презрительно осматриваясь, — темно и окна на дворъ. Во всѣхъ отношеніяхъ вы къ намъ не въ время... Ну, да это не мое дѣло; не я квартиры содержу.

Заглянулъ Птицынъ и кликнулъ Ганю; тотъ торопливо бросилъ князя и вышелъ, несмотря на то что онъ еще что-то хотѣлъ сказать, но видимо мялся и точно стыдился начать; да и комнату обругалъ тоже какъ будто сконфузившись.

Только что князь умылся и успѣлъ сколько-нибудь исправить свой туалетъ, отворилась дверь снова, и выглянула новая фигура.

Это былъ господинъ лѣтъ тридцати, не малаго роста, плечистый, съ огромною, курчавою, рыжеватою головой. Лицо у него было мясистое и румяное, губы толстыя; носъ широкій и сплюснутый, глаза маленькіе, заплывшіе и насмѣшли-

вые, какъ будто непрерывно подмигивающіе. Въ цѣломъ все это представлялось довольно нахально. Одѣтъ онъ былъ грязновато.

Онъ сначала отворилъ дверь ровно на столько чтобы просунуть голову. Просунувшаяся голова секундъ пять оглядывала комнату; потомъ дверь стала медленно отворяться, вся фигура обозначилась на порогѣ, но гость еще не входилъ, а съ порога продолжалъ, прищурясь, разсматривать князя. Наконецъ затворилъ за собою дверь, приблизился, сѣлъ на стулъ, князя крѣпко взялъ за руку и посадилъ наискось отъ себя на диванъ.

— Фердыщенко, проговорилъ онъ, пристально и вопросительно засматривая князю въ лицо.

— Такъ что же? отвѣчалъ князь, почти разсмѣявшись.

— Жилецъ, проговорилъ опять Фердыщенко, засматривая попрежнему.

— Хотите познакомиться?

— Э-эхъ! — проговорилъ гость, взъерошивъ волосы и вздохнувъ, и сталъ смотрѣть въ противоположный уголъ. — У васъ деньги есть? спросилъ онъ вдругъ, обращаясь къ князю.

— Немного.

— Сколько именно?

— Двадцать пять рублей.

— Покажите-ка.

Князь вынулъ двадцати-пяти-рублевый билетъ изъ жилетнаго кармана и подалъ Фердыщенкѣ. Тотъ развернулъ, поглядѣлъ, потомъ перевернулъ на другую сторону, затѣмъ взялъ на свѣтъ.

— Довольно странно, проговорилъ онъ какъ бы въ раздумьи. — отчего бы имъ бурѣть? Эти двадцати-пяти-рублевья иногда ужасно бурѣютъ, а другія, напротивъ, совсѣмъ лишаются. Возьмите.

Князь взялъ свой билетъ обратно. Фердыщенко всталъ со стула.

— Я пришелъ васъ предупредить: во первыхъ, мнѣ денегъ займы не давать, потому что я непременно буду просить.

— Хорошо.

— Вы платите здѣсь намѣрены?

— Намѣренъ.

— А я не намѣренъ: спасибо. Я здѣсь отъ васъ направо первая дверь, видѣли? Ко мнѣ постарайтесь не очень часто жаловать; къ вамъ я приду, не безпокойтесь Генерала видѣли?

— Нѣтъ.

— И не слышали?

— Конечно нѣтъ.

— Ну, такъ увидите и услышите; да къ тому же онъ даже у меня проситъ денегъ взаймы! *Avis au lecteur*. Прощайте. Развѣ можно жить съ фамиліей Фердыщенко? А?

— Отчего же нѣтъ?

— Прощайте.

И онъ пошелъ къ дверямъ. Князь узналъ потомъ, что этотъ господинъ какъ будто по обязанности взялъ на себя задачу изумлять всѣхъ оригинальностью и веселостью, но у него какъ-то никогда не выходило. На нѣкоторыхъ онъ производилъ даже непріятное впечатлѣніе, отчего онъ искренно скорбѣлъ, но задачу свою все-таки не покидалъ. Въ дверяхъ ему удалось какъ бы поправиться, натолкнувшись на одного входившаго господина; пропустивъ этого новаго и незнакомаго князю гостя въ комнату, онъ нѣсколько разъ предупредительно подмигнулъ на него сзади и такимъ образомъ все-таки ушелъ не безъ апломба.

Новый господинъ былъ высокаго роста, лѣтъ пятидесяти пяти, или даже поболѣе, довольно тучный, съ багрово-краснымъ, мясистымъ и обрюзглымъ лицомъ, обрамленнымъ густыми сѣдыми бакенбардами, въ усахъ, съ большими, довольно выпученными глазами. Фигура была бы довольно осанистая, еслибы не было въ ней чего-то опустившагося, износившагося, даже запачканнаго. Одѣтъ онъ былъ въ старенькій сюртучокъ, чуть не съ продравшимися локтями; бѣлье тоже было засаленное, — по-домашнему. Вблизи отъ него немного пахло водкой; но манера была эффектная, нѣсколько изученная и съ видимымъ ревнивымъ желаніемъ поразить

достоинствомъ. Господинъ приблизился къ князю, не спѣша, съ привѣтливою улыбкой, молча взявъ его руку, и сохраняя ее въ своей, нѣсколько времени всматривался въ его лицо, какъ бы узнавая знакомыя черты.

— Онъ! Онъ! проговорилъ онъ тихо, но торжественно:— какъ живой! Слышу, повторяютъ знакомое и дорогое имя, и припомнилъ безвозвратное прошлое.... Князь Мышкинъ?

— Точно такъ-съ.

— Генераль Иволгинъ, отставной и несчастный. Ваше имя и отечество, смѣю спросить?

— Левъ Николаевичъ.

— Такъ, такъ! Сынъ моего друга, можно сказать, товарища дѣтства, Николая Петровича?

— Моего отца звали Николаемъ Львовичемъ.

— Львовичъ, поправился генераль, но не спѣша, а съ совершенною увѣренностью, какъ будто онъ нисколько и не забывалъ, а только нечаянно оговорился. Онъ сѣлъ, и тоже взявъ князя за руку, посадилъ подлѣ себя.—Я васъ на рукахъ носилъ-съ.

— Неужели? спросилъ князь:—мой отецъ ужь двадцать лѣтъ какъ умеръ.

— Да; двадцать лѣтъ; двадцать лѣтъ и три мѣсяца. Вмѣстѣ учились; я прямо въ военную...

— Да и отецъ былъ въ военной, подпоручикомъ въ Васильковскомъ полку.

— Въ Бѣломірскомъ. Переводъ въ Бѣломірскій состоялся почти наканунѣ смерти. Я тутъ стоялъ и благословилъ его въ вѣчность. Ваша матушка....

Генераль приостановился какъ бы отъ грустнаго воспоминанія.

— Да и она тоже полгода спустя потомъ умерла отъ простуды, сказалъ князь.

— Не отъ простуды. Не отъ простуды, повѣрьте старику. Я тутъ былъ, я и ее хоронилъ. Съ горя по своему князѣ, а не отъ простуды. Да-съ, памятна мнѣ и княгиня! Молодость! Изъ-за нея мы съ княземъ, друзья съ дѣтства, чуть не стали взаимными убійцами.

Князь начиналъ слушать съ нѣкоторою недовѣрчивостію.

— Я страстно влюбленъ былъ въ вашу родительницу, еще когда она въ невѣстахъ была, — невѣстой друга моего. Князь замѣтилъ и былъ франированъ. Приходитъ ко мнѣ утромъ, въ седьмомъ часу, будить. Одѣваюсь съ изумленіемъ; молчаніе съ обѣихъ сторонъ; я все понималъ. Вынимаетъ изъ кармана два пистолета. Черезъ платокъ. Безъ свидѣтелей. Къ чему свидѣтели, когда чрезъ пять минутъ отсылаемъ другъ друга въ вѣчность? Зарядили, растянули платокъ, стали, приложили пистолеты взаимно къ сердцамъ и глядимъ другъ другу въ лицо. Вдругъ слезы градомъ у обоихъ изъ глазъ, дрогнули руки. У обоихъ, у обоихъ, разомъ! Ну, тутъ, натурально, объятія и взаимная борьба великодушія. Князь кричитъ: твоя, я кричу: твоя! Однимъ словомъ.... однимъ словомъ.... вы къ намъ.... жить?

— Да, на нѣкоторое время, быть-можетъ, проговорилъ князь, какъ бы нѣсколько заикаясь.

— Князь, мамаша васъ къ себѣ просить, крикнулъ заглянувшій въ дверь Коля. Князь приветалъ было идти, но генераль положилъ правую ладонь на его плечо и дружески пригнулъ опять къ дивану.

— Какъ истинный другъ отца вашего, желаю предупредить, сказалъ генераль, — я, вы видите сами, я пострадалъ, по трагической катастрофѣ; но безъ суда! Безъ суда! Нина Александровна — женщина рѣдкая. Варвара Ардалионовна, дочь моя — рѣдкая дочь! По обстоятельствамъ содержимъ квартиры, — наденіе неслыханное! Мнѣ, которому оставалось быть генераль-губернаторомъ!... Но вамъ мы рады всегда. А между тѣмъ у меня въ домѣ трагедія!

Князь смотрѣлъ вопросительно и съ большимъ любопытствомъ.

— Приготовляется бракъ, и бракъ рѣдкій. Бракъ двусмысленной женщины и молодого человѣка, которой могъ бы быть камеръ-юнкеромъ. Эту женщину введутъ въ домъ, гдѣ моя дочь и гдѣ моя жена! Но покамѣстъ я дышу, она не войдетъ? Я лягу на порогъ, и пусть перешагнетъ чрезъ меня!... Съ Ганей я теперь почти не говорю, избѣгаю встрѣ-

чатся даже. Я васъ предупреждаю нарочно; коли будете жить у насъ, все равно, и безъ того станете свидѣтелемъ. Но вы сынъ моего друга, и я въ правѣ надѣяться....

— Князь, сдѣлайте одолженіе, зайдите ко мнѣ въ гостиную, позвала Нина Александровна, сама уже явившаяся у дверей.

— Вообрази, другъ мой, вскричалъ генераль, — оказывается, что я нанчилъ князя на рукахъ моихъ!

Нина Александровна укорительно глянула на генерала и пытливо на князя, но не сказала ни слова. Князь отправился за нею; но только что они пришли въ гостиную и сѣли, а Нина Александровна только что начала очень торопливо и вполголоса что-то сообщать князю, какъ генераль вдругъ пожаловалъ самъ въ гостиную. Нина Александровна тотчасъ замолчала и съ видимою досадою нагнулась къ своему вязанью. Генераль, можетъ-быть, и замѣтилъ эту досаду, но продолжалъ быть въ превосходнѣйшемъ настроеніи духа.

— Сынъ моего друга! вскричалъ онъ, обращаясь къ Нинѣ Александровнѣ: — и такъ неожиданно! Я давно уже и воображать пересталъ. Но, другъ мой, неужели ты не помнишь покойнаго Николая Львовича? Ты еще застала его.... Въ Твери?

— Я не помню Николая Львовича. Это вашъ отецъ? спросила она князя.

— Отецъ; но онъ умеръ, кажется, не въ Твери, а въ Елисаветградѣ, робко замѣтилъ князь генералу. — Я слышалъ отъ Павлищева....

— Въ Твери, подтвердилъ генераль; — передъ самою смертию состоялся переводъ въ Тверь, и даже еще предъ развитіемъ болѣзни. Вы были еще слишкомъ малы и не могли упомянуть, ни перевода, ни путешествія; Павлищевъ же могъ ошибиться, хотя и превосходнѣйшій былъ человекъ.

— Вы знали и Павлищева?

— Рѣдкій былъ человекъ, но я былъ личнымъ свидѣтелемъ. Я благословлялъ на смертномъ одрѣ....

— Отецъ мой вѣдь умеръ подъ судомъ, замѣтилъ князь

снова, — хоть я и никогда не могъ узнать за что именно; онъ умеръ въ госпиталѣ.

— О, это по дѣлу о рядовомъ Колпаковѣ, и, безъ сомнѣнія, князь былъ бы оправданъ.

— Такъ? Вы навѣрно знаете? спросилъ князь съ особеннымъ любопытствомъ.

— Еще бы! вскричалъ генераль. — Судь разошелся ничего не рѣшивъ. Дѣло невозможное! Дѣло даже, можно сказать, таинственное: умираетъ штабсъ-капитанъ Ларионовъ, ротный командиръ; князь на время пазначается исправляющимъ должность; хорошо. Рядовой Колпаковъ совершаетъ кражу, — сапожный товаръ у товарища, — и прощиваетъ его; хорошо. Князь, — и замѣтьте себѣ, это было въ присутствіи фельд-фебеля и капральнаго, — распекаетъ Колпакова и грозитъ ему розгами. Очень хорошо. Колпаковъ идетъ въ казармы, ложится на нары и черезъ четверть часа умираетъ. Прекрасно, но случай неожиданный, почти невозможный. Такъ или этакъ, а Колпакова хоронятъ; князь рапортуетъ, и за тѣмъ Колпакова исключаютъ изъ списковъ. Кажется, чего бы лучше? Но ровно черезъ полгода, на бригадномъ смотре, рядовой Колпаковъ, какъ ни въ чемъ не бывало, оказывается въ третьей ротѣ втораго баталіона Новоземлянскаго пѣхотнаго полка, той же бригады и той же дивизіи!

— Какъ! вскричалъ князь внѣ себя отъ удивленія.

— Это не такъ, это ошибка! обратилась къ нему вдругъ Нина Александровна, почти съ тоской смотря на него. — *Mon mari se trompe.*

— Но другъ мой, *se trompe*, это легко сказать, но разрѣши-ка сама подобный случай! Всѣ стали въ тупикъ. Я первый сказалъ бы *qu'on se trompe*. Но къ несчастію, я былъ свидѣтелемъ и участвовалъ самъ въ комиссіи. Всѣ очныя ставки показали, что это тотъ самый, совершенно тотъ же самый рядовой Колпаковъ, который полгода назадъ былъ схороненъ при обыкновенномъ парадѣ и съ барабаннымъ боемъ. Случай дѣйствительно рѣдкій, почти невозможный, я соглашаюсь, но....

— Папаша, вамъ обѣдать накрыли, возвѣстила Варвара Ардалионовна, входя въ комнату.

— А, это прекрасно, превосходно! Я таки проголодался... Но случай, можно сказать, даже психологическій....

— Супъ опять простынетъ, съ нетерпѣніемъ сказала Варя.

— Сейчасъ, сейчасъ, бормоталъ генералъ, выходя изъ комнаты, — „и несмотря ни на какія справки,“ слышалось еще въ корридорѣ.

— Вы должны будете многое извинить Ардалиону Александровичу, если у насъ останетесь, сказала Нина Александровна князю; — онъ, впрочемъ, васъ очень не беспокоитъ; онъ и обѣдаетъ одинъ. Согласитесь сами, у всякаго есть свои недостатки и свои.... особенныя черты, у другихъ, можетъ, еще больше чѣмъ у тѣхъ, на которыхъ привыкли пальцами указывать. Объ одномъ буду очень просить; если мой мужъ какъ-нибудь обратится къ вамъ по поводу уплаты за квартиру, то вы скажите ему, что отдали мнѣ. То-есть, отданное и Ардалиону Александровичу все равно для васъ въ счетъ бы пошло, но я единственно для аккуратности васъ прошу.... Что это, Варя?

Варя воротилась въ комнату и молча подала матери портретъ Настасьи Филипповны. Нина Александровна вздрогнула и сначала какъ бы съ испугомъ, а потомъ съ подавляющимъ горькимъ ощущеніемъ разсматривала его нѣкоторое время. Наконецъ вопросительно поглядѣла на Варю.

— Ему сегодня подарокъ отъ нея самой, сказала Варя, — а вечеромъ у нихъ все рѣшается.

— Сегодня вечеромъ! какъ бы въ отчаяніи повторила вполголоса Нина Александровна; — что же? Тутъ сомнѣній ужъ болѣе нѣтъ никакихъ, и надеждъ тоже не остается: портретомъ все возвѣстила.... Да онъ тебѣ самъ, что ли, показалъ? прибавила она въ удивленіи.

— Вы знаете, что мы ужъ цѣлый мѣсяцъ почти ни слова не говоримъ. Птицынъ мнѣ про все сказалъ, а портретъ тамъ у стола на полу ужъ валялся; я подняла.

— Князь, обратилась къ нему вдругъ Нина Александровна, — я хотѣла васъ спросить (для того собственно и попро-

сила васъ сюда), давно ли вы знаете моего сына? Онъ говорилъ, кажется, что вы только сегодня откуда-то приѣхали?

Князь объяснилъ вкратцѣ о себѣ, пропустивъ большую половину. Нина Александровна и Варя выслушали.

— Я не выпытываю чего-нибудь о Гаврилѣ Ардалионовичѣ васъ спрашивая, замѣтила Нина Александровна;— вы не должны ошибаться на этотъ счетъ. Если есть что-нибудь, въ чемъ онъ не можетъ признаться мнѣ самъ, того я и сама не хочу разузнавать мимо него. Я къ тому собственно, что давеча Ганя при васъ, и потомъ когда вы ушли, на вопросъ мой о васъ, отвѣчала мнѣ: „Онъ все знаетъ, церемониться нечего!“ Что же это значитъ? То-есть, я хотѣла бы знать въ какой мѣрѣ....

Вошли вдругъ Ганя и Птицынъ; Нина Александровна тотчасъ замолчала. Князь остался на стулѣ подлѣ нея, а Варя отошла въ сторону; портретъ Настасьи Филипповны лежалъ на самомъ видномъ мѣстѣ, на рабочемъ столикѣ Нины Александровны, прямо передъ нею. Ганя, увидѣвъ его, нахмурился, съ досадою взялъ со стола и отбросилъ на свой письменный столъ, стоявшій въ другомъ концѣ комнаты.

— Сегодня, Ганя? спросила вдругъ Нина Александровна.

— Что сегодня? встрепенулся было Ганя и вдругъ набросился на князя:— А, понимаю, вы ужь и тутъ!... Да что у васъ, наконецъ, болѣзнь это, что ли, какая? Удержаться не можете? Да вѣдь поймите же наконецъ, ваше сіятельство.....

— Тутъ я виноватъ, Ганя, а не кто другой, прервалъ Птицынъ.

Ганя вопросительно поглядѣлъ на него.

— Да вѣдь это лучше же, Ганя, тѣмъ болѣе что, съ одной стороны, дѣло покончено, пробормоталъ Птицынъ, и отойдя въ сторону, сѣлъ у стола, вынулъ изъ кармана какую-то бумажку, исписанную карандашомъ, и сталъ ее пристально разсматривать. Ганя стоялъ пасмурный и ждалъ съ беспокойствомъ семейной сцены. Предъ княземъ онъ и не подумалъ извиниться.

— Если все кончено, то Иванъ Петровичъ, разумѣется,

правъ, сказала Нина Александровна, — не хмурься, пожалуйста, и не раздражайся, Ганя. я ни о чемъ не стану спрашивать, чего самъ не хочешь сказать, и увѣряю тебя, что вполне покорилась, сдѣлай одолженіе, не безпокойся.

Она проговорила это, не отрываясь отъ работы и, казалось, въ самомъ дѣлѣ спокойно. Ганя былъ удивленъ, но осторожно молчалъ и глядѣлъ на мать, выжидая, чтобъ она высказалась яснѣе. Домашнія сцены ужь слишкомъ дорого ему стоили. Нина Александровна замѣтила эту осторожность и съ горькою улыбкой прибавила:

— Ты все еще сомнѣваешься и не вѣришь мнѣ; не безпокойся, не будетъ ни слезъ, ни просьбъ, какъ прежде, съ моей стороны по крайней мѣрѣ. Все мое желаніе въ томъ, чтобы ты былъ счастливъ, и ты это знаешь; я судьбѣ покорилась, но мое сердце будетъ всегда съ тобой, останемся ли мы вмѣстѣ, или разойдемся. Разумѣется, я отвѣчаю только за себя; ты не можешь того же требовать отъ сестры...

— А, опять она! вскричалъ Ганя, насмѣшливо и ненавистно смотря на сестру; — маменька! клянусь вамъ въ томъ опять, въ чемъ уже вамъ давалъ слово: никто и никогда не осмѣлится вамъ манкировать, пока я тутъ, пока я живъ. О комъ бы ни шла рѣчь, а я настою на полнѣйшемъ къ вамъ уваженіи, кто бы ни перешелъ чрезъ нашъ порогъ....

Ганя такъ обрадовался, что почти примирительно, почти нѣжно смотрѣлъ на мать.

— Я ничего за себя и не боялась, Ганя, ты знаешь; я не о себѣ безпокоилась и промучилась все это время. Говорять, сегодня все у васъ кончится? Что же кончится?

— Сегодня вечеромъ, у себя, она обѣщала объявить: согласна или нѣтъ, отвѣтилъ Ганя.

— Мы чуть не три недѣли избѣгали говорить объ этомъ, и это было лучше. Теперь, когда уже все кончено, я только одно позволю себѣ спросить: какъ она могла тебѣ дать согласіе и даже подарить свой портретъ, когда ты ея не любишь? Неужели ты ее, такую.... такую....

— Ну, опытную, что ли?

— Я не такъ хотѣла выразиться. Неужели ты до такой степени могъ ей отвести глаза?

Необыкновенная раздражительность послышалась вдругъ въ этомъ вопросѣ. Ганя постоялъ, подумалъ съ минутой, и не скрывая насмѣшки, проговорилъ:

— Вы увлеклись, маменька, и опять не вытерпѣли, и вотъ такъ-то у насъ всегда все начиналось и разгоралось. Вы сказали: не будетъ ни разспросовъ, ни попрековъ, а они уже начались! Оставимъ лучше; право, оставимъ; по крайней мѣрѣ, у васъ намѣреніе было.... Я никогда и ни за что васъ не оставлю; другой отъ такой сестры убѣжалъ бы по крайней мѣрѣ;—вонъ какъ она смотритъ на меня теперь! Кончимъ на этомъ! Я ужь такъ было обрадовался.... И почему вы знаете, что я обманываю Настасью Филипповну? А насчетъ Вари какъ ей угодно, и—довольно. Ну, ужь теперь совсѣмъ довольно!

Ганя разгорячался съ каждымъ словомъ и безъ цѣли шагаль по комнатѣ. Такіе разговоры тотчасъ же обращались въ больное мѣсто у всѣхъ членовъ семейства.

— Я сказала, что если она сюда войдетъ, то я отсюда выйду и тоже слово сдержу, сказала Варя.

— Изъ упрямства! вскричалъ Ганя. — Изъ упрямства и замужъ не выходишь! Что на меня фыркаешь? Мнѣ вѣдь наплевать, Варвара Ардалионовна; угодно — хотъ сейчасъ исполняйте ваше намѣреніе. Надоѣли вы мнѣ ужь очень. Какъ! Вы рѣшаетесь наконецъ насъ оставить, князь, закричалъ онъ князю, увидавъ, что тотъ встаетъ съ мѣста.

Въ голосѣ Гани слышалась уже та степень раздраженія, въ которой человекъ почти самъ радъ этому раздраженію, предается ему безо всякаго удержу и чуть не съ возрастающимъ наслажденіемъ, до чего бы это ни довело. Князь обернулся было въ дверяхъ, чтобы что-то отвѣтить, но увидѣвъ по болѣзненному выраженію лица своего обидчика, что тутъ только недоставало той капли, которая переполняетъ сосудъ, повернулся и вышелъ молча. Нѣсколько минутъ спустя онъ услышалъ по отголоску изъ гостиной, что разговоръ съ его отсутствія сталъ еще шумнѣе и откровеннѣе.

Онъ прошелъ чрезъ залу въ прихожую, чтобы попасть въ корридоръ, а изъ него въ свою комнату. Проходя близко мимо выходныхъ дверей на лѣстницу, онъ услышалъ и замѣтилъ, что за дверьми кто-то старается изо всѣхъ силъ позвонить въ колокольчикъ; но въ колокольчикѣ, должно-быть, что-то испортилось: онъ только чуть-чуть вздрагивалъ, а звука не было. Князь снялъ запоръ, отворилъ дверь и—отступилъ въ изумленіи, весь даже вздрогнулъ: предъ нимъ стояла Настасья Филипповна. Онъ тотчасъ узналъ ее по портрету. Глаза ея сверкнули взрывомъ досады, когда она его увидала; она быстро прошла въ прихожую, столкнувъ его съ дороги плечомъ, и гнѣвливо сказала, сбрасывая съ себя шубу:

— Если лѣвъ колокольчикъ поправить, такъ по крайней мѣрѣ въ прихожей бы сидѣлъ, когда стучатся. Ну, вотъ теперь шубу уронилъ, олухъ!

Шуба дѣйствительно лежала на полу; Настасья Филипповна, не дождавшись, пока князь съ нея сниметъ, сбросила ее сама къ нему на руки, не глядя, сзади, но князь не успѣлъ принять.

— Прогнать тебя надо. Ступай, доложи.

Князь хотѣлъ было что-то сказать, но до того потерялся, что ничего не выговорилъ и съ шубой, которую поднялъ съ полу, пошелъ въ гостиную.

— Ну, вотъ теперь съ шубой идетъ! Шубу-то зачѣмъ несешь? Ха, ха, ха! Да ты сумасшедшій, что ли?

Князь воротился и глядѣлъ на нее какъ истуканъ; когда она засмѣялась—усмѣхнулся и онъ, но языкомъ все еще не могъ пошевелить. Въ первое мгновеніе, когда онъ отворилъ ей дверь, онъ былъ блѣденъ, теперь вдругъ краска залила его лицо.

— Да что это за идіотъ? въ негодованіи вскрикнула, топнувъ на него ногой, Настасья Филипповна.—Ну, куда ты идешь? Ну, кого ты будешь докладывать?

— Настасью Филипповну, пробормоталъ князь.

— Почему ты меня знаешь? быстро спросила она его;—я тебя никогда не видала! Ступай, докладывай.... Что тамъ за крикъ?

— Бранятся, отвѣтилъ князь и пошелъ въ гостиную.

Онъ вошелъ въ довольно рѣшительную минуту: Нина Александровна готова была уже совершенно забыть, что она „всему покорилась“; она, впрочемъ, защищала Варю. Подлѣ Вари стоялъ и Птицынъ, уже оставившій свою исписанную карандашемъ бумажку. Варя и сама не робѣла, да и не робкаго десятка была дѣвица; но грубости брата становились, съ каждымъ словомъ, невѣжливѣе и нестерпимѣе. Въ такихъ случаяхъ она обыкновенно переставала говорить и только, молча насмѣшливо смотрѣла на брата, не сводя съ него глазъ. Этотъ маневръ, какъ и знала она, способенъ былъ выводить его изъ послѣднихъ границъ. Въ эту-то самую минуту князь шагнулъ въ комнату и провозгласилъ:

— Настасья Филипповна!

IX.

Общее молчаніе воцарилось; всѣ смотрѣли на князя какъ бы не понимая его и — не желая понять. Ганя оцѣпенѣла отъ испуга.

Пріѣздъ Настасьи Филипповны, и особенно въ настоящую минуту, былъ для всѣхъ самою странною и хлопотливою неожиданностью. Ужь одно то, что Настасья Филипповна жаловала въ первый разъ; до сихъ поръ она держала себя до того надменно, что въ разговорахъ съ Ганей даже и желанія не выражала познакомиться съ его родными, а въ самое послѣднее время даже и не упоминала о нихъ совсѣмъ, точно ихъ и не было на свѣтѣ. Ганя хоть отчасти и радъ былъ, что отдалялся такой хлопотливый для него разговоръ, но все-таки въ сердцѣ своемъ поставилъ ей эту надменность на счетъ. Во всякомъ случаѣ, онъ ждалъ онъ нея скорѣе насмѣшекъ и колкостей надъ своимъ семействомъ, а не визита къ нему; онъ зналъ навѣрно, что ей извѣстно все, что происходитъ у него дома по поводу его сватовства и какимъ взглядомъ смотрятъ на нее его родные. Визитъ ея, *теперь*, послѣ подарка портрета и въ день своего рожденія, въ день, въ который она обѣщала рѣшить его судьбу, означалъ чуть не самое это рѣшеніе.

Недоумѣніе, съ которымъ всё смотрѣли на князя, продолжалось не долго: Настасья Филипповна появилась въ дверяхъ гостиной сама и опять, входя въ комнату, слегка оттолкнула князя.

— Наконецъ-то удалось войти.... зачѣмъ это вы колокольчикъ привязываете? весело проговорила она, подавая руку Ганѣ, сбросившемуся къ ней со всѣхъ ногъ. — Что это у васъ такое опрокинутое лицо? Познакомьте же меня, пожалуйста...

Совсѣмъ потерявшійся Ганя отрекомендовалъ ее сперва Варѣ, и обѣ женщины, прежде чѣмъ протянули другъ другу руки, обмѣнялись странными взглядами. Настасья Филипповна, впрочемъ, смѣялась и маскировалась веселостью; но Варя не хотѣла маскироваться и смотрѣла мрачно и пристально; даже и тѣни улыбки, что уже требовалось простою вѣжливостью, не показалось въ ея лицѣ. Ганя обмеръ; упрашивать было уже нечего и некогда, и онъ бросилъ на Варю такой угрожающій взглядъ, что та поняла, по силѣ этого взгляда, что значила для ея брата эта минута? Тутъ она, кажется, рѣшилась уступить ему и чуть-чуть улыбнулась Настасьѣ Филипповнѣ. (Всѣ они въ семействѣ еще слишкомъ любили другъ друга). Нѣсколько поправила дѣло Нина Александровна, которую Ганя, сбившись окончательно, отрекомендовалъ послѣ сестры и даже подвелъ первую къ Настасьѣ Филипповнѣ. Но только что Нина Александровна успѣла было начать о своемъ „особенномъ удовольствіи“, какъ Настасья Филипповна, не дослушавъ ея, быстро обратилась къ Ганѣ, и садясь (безъ приглашенія еще) на маленькій диванчикъ, въ углу у окна, вскричала:

— Гдѣ же вашъ кабинетъ? И.... и гдѣ жильцы? Вѣдь вы жильцовъ содержите?

Ганя ужасно покраснѣлъ и заикнулся было что-то отвѣтить, но Настасья Филипповна тотчасъ прибавила:

— Гдѣ же тутъ держать жильцовъ? У васъ и кабинета нѣтъ. А выгодно это? обратилась она вдругъ къ Нинѣ Александровнѣ.

—хлопотливо нѣсколько, отвѣчала было та;—разумѣется, должна быть выгода. Мы, впрочемъ, только что...

Но Настасья Филипповна опять уже не слушала: она глядѣла на Ганю, смѣялась и кричала ему:

— Что у васъ за лицо? О, Боже мой, какое у васъ въ эту минуту лицо!

Прошло нѣсколько мгновений этого смѣха, и лицо Гани дѣйствительно очень исказилось: его столбнякъ, его комическая, трусливая потерянность вдругъ сошла съ него; но онъ ужасно поблѣднѣлъ; губы закривились отъ судороги; онъ молча, пристально и дурнымъ взглядомъ, не отрываясь, смотрѣлъ въ лицо своей гостыи, продолжавшей смѣяться.

Тутъ былъ и еще наблюдатель, который тоже еще не избавился отъ своего чуть не онѣменія при видѣ Настасьи Филипповны; но онъ хоть и стоялъ „столбомъ“, на прежнемъ мѣстѣ своемъ, въ дверяхъ гостиной, однако успѣлъ замѣтить блѣдность и злокачественную перемену лица Гани. Этотъ наблюдатель былъ князь. Чуть не въ испугѣ, онъ вдругъ машинально ступилъ впередъ.

— Выпейте воды, прошепталъ онъ Ганѣ.—И не глядите такъ....

Видно было, что онъ проговорилъ это безъ всякаго расчета, безъ всякаго особеннаго замысла, такъ, по первому движенію; но слова его произвели чрезвычайное дѣйствіе. Казалось, вся злоба Гани вдругъ опрокинулась на князя: онъ схватилъ его за плечо, и смотрѣлъ на него молча, мстительно и ненавистно, какъ бы не въ силахъ выговорить слово. Произошло всеобщее волненіе: Нина Александровна слегка даже вскрикнула, Птицынъ шагнулъ впередъ въ безпокойствѣ, Коля и Фердыщенко, явившіеся въ дверяхъ, остановились въ изумленіи, одна Варя попрежнему смотрѣла изъ-подлобья, но внимательно наблюдая. Она не садилась, а стояла сбоку, подлѣ матери, сложивъ руки на груди.

Но Ганя спохватился тотчасъ же, почти въ первую минуту своего движенія, и нервно захохоталъ. Онъ совершенно опомнился.

— Да что вы, князь, докторъ что ли? вскричалъ онъ, по возможности веселѣе и простодушнѣе: — даже испугалъ меня; Настасья Филипповна, можно рекомендовать вамъ, это

предрагоцѣнный субъектъ, хоть я и самъ только съ утра знакомъ.

Настасья Филипповна въ недоумѣніи смотрѣла на князя.

— Князь? Онъ князь? Вообразите, а я давеча, въ прихожей, приняла его за лакея и сюда докладывать послала! Ха, ха, ха!

— Нѣтъ бѣды, нѣтъ бѣды! подхватилъ Фердыщенко, поспѣшно подходя и обрадовавшись, что начали смѣяться:— нѣтъ бѣды; se pop e vego....

— Да чуть ли еще не бранила васъ, князь. Простите, пожалуйста; Фердыщенко, вы то какъ здѣсь, въ такой часъ? Я думала, по крайней мѣрѣ, хоть васъ не застаю. Кто? Какой князь? Мышкинъ? переспросила она Ганю, который между тѣмъ, все еще держа князя за плечо, успѣлъ отрекомендовать его.

— Нашъ жилецъ, повторилъ Ганя.

Очевидно князя представляли какъ что-то рѣдкое (и пригодившееся всѣмъ какъ выходъ изъ фальшиваго положенія), чуть не совали къ Настасьѣ Филипповнѣ; князь ясно даже услышалъ слово „идіотъ“, прошептанное сзади его, кажется, Фердыщенкой, въ поясненіе Настасьѣ Филипповнѣ.

— Скажите, почему же вы не разувѣрили меня давеча, когда я такъ ужасно.... въ васъ ошиблась? продолжала Настасья Филипповна, рассматривая князя съ ногъ до головы самымъ безцеремоннымъ образомъ; она въ нетерпѣніи ждала отвѣта, какъ бы вполне убѣжденная, что отвѣтъ будетъ непременно такъ глупъ, что нельзя будетъ не засмѣяться.

— Я удивился, увидя васъ такъ вдругъ.... пробормоталъ было князь.

— А какъ вы узнали, что это я? Гдѣ вы меня видѣли прежде? Что это, въ самомъ дѣлѣ, я какъ будто его гдѣ-то видѣла? И позвольте васъ спросить, почему вы давеча остолбенѣли на мѣстѣ? Что во мнѣ такого остолбеняющаго?

— Ну же, ну! продолжалъ гримасничать Фердыщенко;— да ну же! О Господи, какихъ бы я вещей на такой вопросъ насказалъ! Да ну же.... Пентюхъ же ты, князь, послѣ этого!

— Да и я бы насказалъ на вашемъ мѣстѣ, засмѣялся князь Фердыщенкѣ;— давеча меня вашъ портретъ поразилъ очень, продолжалъ онъ Настасьѣ Филипповнѣ; потомъ я съ Епанчинными про васъ говорилъ... а рано утромъ, еще до въѣзда въ Петербургъ, на желѣзной дорогѣ, рассказывалъ мнѣ много про васъ Пароень Рогожинъ.... И въ ту самую минуту какъ я вамъ дверь отворилъ, я о васъ тоже думалъ, а тутъ вдругъ и вы.

— А какъ же вы меня узнали, что это я?

— По портрету и....

— И еще?

— И еще потому, что такую васъ именно и воображалъ.... Я васъ тоже будто видѣлъ гдѣ-то.

— Гдѣ? Гдѣ?

— Я ваши глаза точно гдѣ-то видѣлъ.... да этого быть не можетъ! Это я такъ... Я здѣсь никогда и не былъ. Можетъ-быть, во снѣ....

— Ай да князь! закричалъ Фердыщенко.— Нѣтъ, я свое: се по е него --- беру назадъ. Впрочемъ.... впрочемъ, вѣдь это онъ все отъ невинности! прибавилъ онъ съ сожалѣніемъ.

Князь проговорилъ свои нѣсколько фразъ голосомъ неспокойнымъ, прерываясь и часто переводя духъ. Все выражало въ немъ чрезвычайное волненіе. Настасья Филипповна смотрѣла на него съ любопытствомъ, но уже не смѣялась. Въ эту самую минуту вдругъ громкій новый голосъ, слышавшійся изъ-за толпы, плотно обступившей князя и Настасью Филипповну, такъ сказать, раздвинулъ толпу и раздѣлилъ ее на-двое. Передъ Настасьей Филипповной стоялъ самъ отецъ семейства, генералъ Иволгинъ. Онъ былъ во фракѣ и въ чистой манишкѣ; усы его были нафабрены....

Этого уже Гая не могъ вынести.

Самолюбивый и тщеславный до мнительности, до ипохондріи; искавшій во всѣ эти два мѣсяца хоть какой-нибудь точки, на которую могъ бы опереться приличнѣе и выставить себя благороднѣе; чувствовавшій, что еще новичокъ на избранной дорогѣ и пожалуй не выдержитъ; съ отчаянія рѣшившійся наконецъ у себя дома, гдѣ былъ деспотомъ, на

полную наглость, но не смѣвшій рѣшиться на это передъ Настасьей Филипповной, сбивавшей его до послѣдней минуты съ толку и безжалостно державшей надъ нимъ верхъ; „нетерпѣливый нищій“, по выраженію самой Настасьи Филипповны, о чемъ ему уже было донесено; поклявшійся всѣми клятвами больно наверстать ей все это въ послѣдствіи, и въ то же время ребячески мечтавшій иногда про себя свести концы и примирить всѣ противоположности, — онъ долженъ теперь испить еще эту ужасную чашу, и, главное, въ такую минуту! Еще одно непредвидѣнное, но самое страшное испытаніе для тщеславнаго человѣка, — мука краски за своихъ родныхъ, у себя же въ домѣ, выпала ему на долю. „Да стоитъ ли наконецъ этого само вознагражденіе!“ промелькнуло въ это мгновеніе въ головѣ Гани.

Въ эту самую минуту происходило то, что снилось ему въ эти два мѣсяца только по ночамъ, въ видѣ кошмара, и леденило его ужасомъ, сжигало стыдомъ: произошла наконецъ семейная встрѣча его родителя съ Настасьей Филипповной. Онъ иногда, дразня и раздражая себя, пробовалъ было представить себѣ генерала во время брачной церемоніи, но никогда не способенъ былъ докончить мучительную картину и поскорѣе бросалъ ее. Можетъ-быть, онъ безмѣрно преувеличивалъ бѣду; но съ тщеславными людьми всегда такъ бываетъ. Въ эти два мѣсяца онъ успѣлъ надуматься и рѣшиться и далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, сократить какъ-нибудь своего родителя, хотя на время, и ступшевать его, если возможно, даже изъ Петербурга, согласна или не согласна будетъ на то мать. Десять минутъ назадъ, когда входила Настасья Филипповна, онъ былъ такъ пораженъ, такъ ошеломленъ, что совершенно забылъ о возможности появленія на сценѣ Ардаліона Александровича и не сдѣлалъ никакихъ распоряженій. И вотъ генералъ тутъ, предъ всѣми, да еще торжественно приготовившись и во фракѣ, и именно въ то самое время, когда Настасья Филипповна „только случая ищетъ, чтобы осыпать его и его домашнихъ насмѣшками“. (Въ этомъ онъ былъ убѣжденъ). Да и въ самомъ дѣлѣ, что значить ея теперешній визитъ,

какъ не это? Сдружиться съ его матерью и сестрой, или оскорбить ихъ у него же въ домѣ пріѣхала она? Но по тому какъ расположились обѣ стороны, сомнѣній уже быть не могло: его мать и сестра сидѣли въ сторонѣ какъ оплеванная, а Настасья Филипповна даже и позабыла, кажется, что онѣ въ одной съ нею комнатѣ... И если такъ ведетъ себя, то конечно, у ней есть своя цѣль!

Фердыщенко подхватилъ генерала и подвелъ его.

— Ардаліонъ Александровичъ Иволгинъ, съ достоинствомъ произнесъ нагнувшійся и улыбающійся генераль, — старый, несчастный солдатъ и отецъ семейства, счастливаго надеждой заключать въ себѣ такую прелестную...

Онъ не докончилъ; Фердыщенко быстро подставилъ ему сзади стулъ, и генераль, нѣсколько слабый въ эту послѣ-обѣденную минуту на ногахъ, такъ и шлепнулся или, лучше сказать, упалъ на стулъ, но это, впрочемъ, его не сконфузило. Онъ усѣлся прямо противъ Настасьи Филипповны и съ пріятною ужимкой, медленно и эффектно, поднесъ ея пальчики къ губамъ своимъ. Вообще генерала довольно трудно было сконфузить. Наружность его, кромѣ нѣкотораго неряшества, все еще была довольно прилична, о чемъ самъ онъ зналъ очень хорошо. Ему случалось бывать прежде и въ очень хорошемъ обществѣ, изъ котораго онъ былъ исключенъ окончательно всего только года два-три назадъ. Съ этого же срока и предался онъ слишкомъ уже безъ удержа нѣкоторымъ своимъ слабостямъ; но ловкая и пріятная манера оставалась въ немъ и доселѣ. Настасья Филипповна, казалось, чрезвычайно обрадовалась появленію Ардаліона Александровича, о которомъ, конечно, знала по наслышкѣ.

— Я слышала, что сынъ мой... началъ было Ардаліонъ Александровичъ.

— Да, сынъ вашъ! Хороши и вы тоже, папенька-то! Почему васъ никогда не видать у меня? Что, вы сами прячетесь, или сынъ васъ прячетъ? Вамъ-то ужъ можно пріѣхать ко мнѣ никого не компрометируя.

— Дѣти девятнадцатаго вѣка и ихъ родители... началъ было опять генераль.

— Настасья Филипповна! Отпустите, пожалуйста, Ардалиона Александровича на одну минуту, его спрашивают, громко сказала Нина Александровна.

— Отпустить! Помилуйте, я такъ много слышала, такъ давно желала видѣть! И какія у него дѣла? Вѣдь онъ въ отставку? Вы не оставите меня, генераль, не уйдете?

— Я даю вамъ слово, что онъ пріѣдетъ къ вамъ самъ, но теперь онъ нуждается въ отдыхѣ.

— Ардалионъ Александровичъ, говорятъ, что вы нуждаетесь въ отдыхѣ! вскрикнула Настасья Филипповна съ недовольною и брезгливою гримаской, точно вѣтреная дурочка, у которой отнимаютъ игрушку. Генераль какъ разъ постарался еще болѣе одурачить свое положеніе.

— Другъ мой! Другъ мой! уворительно произнесъ онъ, торжественно обращаясь къ женѣ и положя руку на сердце.

— Вы не уйдете отсюда, маменька? громко спросила Варя.

— Нѣтъ, Варя, я досижу до конца.

Настасья Филипповна не могла не слышать вопроса и отвѣта, но веселость ея оттого какъ будто еще увеличилась. Она тотчасъ же снова засыпала генерала вопросами, и черезъ пять минутъ генераль былъ въ самомъ торжественномъ настроеніи и ораторствовалъ при громкомъ смѣхѣ присутствующихъ.

Коля дернулъ князя за фалду.

— Да уведите хоть вы его какъ-нибудь! Нельзя ли? Пожалуйста!—И у бѣднаго мальчика даже слезы негодованія горѣли на глазахъ.—О, проклятый Ганька! прибавилъ онъ про себя.

— Съ Иваномъ Федоровичемъ Епанчинымъ я дѣйствительно бывалъ въ большой дружбѣ, разливался генераль на вопросы Настасьи Филипповны.—Я, онъ и покойный князь Левъ Николаевичъ Мышкинъ, сына котораго я обнялъ сегодня послѣ двадцатилѣтней разлуки, мы были трое неразлучные, такъ-сказать, кавалькада: Атосъ, Портосъ и Арамисъ. Но увы, одинъ въ могилѣ. сраженный клеветой и пулей, другой передъ вами и еще борется съ клеветами и пулями...

— Съ пулями! вскричала Настасья Филипповна.

— Онъ здѣсь, въ груди моей, а получены подѣ Карсомъ. и въ дурную погоду я ихъ ощущаю. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ живу философомъ, хожу, гуляю, играю въ моемъ кафе, какъ удалившійся отъ дѣлъ буржуа, въ шашки и читаю *Indépendance*. Но съ нашимъ Портосомъ, Епанчинымъ, послѣ третьегодней исторіи на желѣзной дорогѣ по поводу болонки, покончено мною обончательно.

— Болонки! Это что же такое? съ особеннымъ любопытствомъ спросила Настасья Филипповна. — Съ болонкой? Позвольте и на желѣзной дорогѣ!.. какъ бы припоминала она.

— О, глупая исторія, но стоитъ и повторять: изъ-за гувернантки княгини Бѣлоконской, мистрисъ Шмидтъ, но.... не стоитъ и повторять.

— Да непременно же расскажите! весело воскликнула Настасья Филипповна.

— И я еще не слыхалъ! замѣтилъ Фердыщенко; — *c'est du nouveau*.

— Ардалионъ Александровичъ! раздался опять умоляющій голосъ Нины Александровны.

— Паленька, васъ спрашиваютъ, крикнулъ Коля.

— Глупая исторія и въ двухъ словахъ, началъ генераль съ самодовольствомъ. — Два года назадъ, да! безъ малаго, только-что послѣдовало открытіе новой—ской желѣзной дороги, я и уже въ штатскомъ пальто), хлопоча о чрезвычайно важныхъ для меня дѣлахъ по сдачѣ моей службы, взялъ билетъ, въ первый классъ: вошелъ, сижу, курю. То-есть продолжаю курить, я закурилъ раньше. Я одинъ въ отдѣленіи. Курить не запрещается, но и не позволяется; такъ, полупозволяется, по обыкновенію; ну, и смотря по лицу. Окно открыто. Вдругъ, передъ самымъ свѣткомъ, помѣщаются двѣ дамы съ болонкой, прямо насупротивъ; опоздали, одна пышнѣйшимъ образомъ разодѣта, въ свѣтлоголубомъ; другая скромнѣе, въ шелковомъ черномъ съ перелинкой. Не дурны собой, смотрятъ надменно, говорятъ по-англійски. Я, разумѣется, ничего; курю. То-есть, я и подумалъ было, но однако продолжаю курить, потому окно отворено, въ окно. Болонка у свѣтлоголубой барыни на колѣнкахъ покоится, маленькая, вся въ

мой кулакъ, черная, лапки бѣленькія, даже рѣдкость. Ошейникъ серебряный съ девизомъ. Я ничего. Замѣчаю только, что дамы, кажется, сердятся, за сигару, конечно. Одна въ лорнетъ уставилась, черепаховый. Я опять-таки ничего: потому вѣдь ничего же не говорятъ! Еслибы сказали, предупредили, попросили, вѣдь есть же наконецъ языкъ человѣческій! А то молчатъ.... вдругъ,—и это безъ малѣйшаго, я вамъ скажу, предупрежденія, то-есть безъ само-малѣйшаго, такъ-таки совершенно какъ бы съ ума спятила,—свѣтлоглубая хватъ у меня изъ руки сигару и за окно. Вагонъ летитъ, гляжу какъ полоумный. Женщина дикая; дикая женщина, такъ-таки совершенно изъ дикаго состоянія; а впрочемъ дородная женщина, полная, высокая, блондинка, румяная (слишкомъ даже), глаза на меня сверкаютъ. Не говоря ни слова, я съ необыкновенною вѣжливостью, съ совершеннѣйшею вѣжливостью, съ утонченнѣйшею, такъ-сказать, вѣжливостью, двумя пальцами приближаюсь къ болонкѣ, беру деликатно за шиворотъ, и шваркъ ее за окошко вслѣдъ за сигаркой! Только взвизгнула! Вагонъ продолжаетъ летѣть...

— Вы извергъ! крикнула Настасья Филипповна, хохоча и хлопая въ ладошки какъ дѣвочка.

— Bravo, bravo! кричалъ Фердыщенко. Усмѣхнулся и Птицынъ, которому тоже было чрезвычайно непріятно появленіе генерала; даже Коля засмѣялся и тоже крикнулъ: „bravo!“

— И я правъ, я правъ, трижды правъ! съ жаромъ продолжалъ торжествующій генералъ, потому что если въ вагонахъ сигары запрещены, то собаки и подавно.

— Bravo, папаша! восторженно вскричалъ Коля:—великолѣпно! Я бы непременно, непременно то же бы самое сдѣлалъ!

— Но что же барыня? съ нетерпѣніемъ допрашивала Настасья Филипповна.

— Она? Ну, вотъ тутъ-то вся непріятность и сидитъ, продолжалъ, нахмурившись, генералъ;—ни слова не говоря, и безъ малѣйшаго какъ есть предупрежденія, она хватъ меня по щекѣ! Дикая женщина; совершенно изъ дикаго состоянія!

— А вы?

Генераль опустиль глаза, подняль брови, подняль плечи, сжалъ губы, раздвинуль руки, помолчалъ и вдругъ промолвилъ:

— Увлекся!

— И больно? Больно?

— Ей-Богу, не больно! Скандаль вышелъ, но не больно. Я только одинъ разъ отмахнулся, единственно только чтобъ отмахнуться. Но тутъ самъ сатана и подвертѣль: свѣтлоголубая оказалась Англичанка, гувернантка или даже какой-то тамъ другъ дома у княгини Бѣлоконской, а которая въ черномъ платьѣ, та была старшая изъ княженъ Бѣлоконскихъ, старшая дѣва лѣтъ тридцати пяти. А извѣстно, въ какихъ отношеніяхъ состоитъ генеральша Епанчина къ дому Бѣлоконскихъ. Всѣ княжны въ обморокѣ, слезы, трауръ по фавориткѣ болонкѣ, визгъ шестерыхъ княженъ, визгъ Англичанки, — свѣтопреставленіе! Ну, конечно, ѣздилъ съ раскаяніемъ, просилъ извиненія, письмо написалъ, не приняли, ни меня, ни письма, а съ Епанчинымъ раздоры, исключеніе, изгнаніе?

— Но позвольте, какъ же это? спросила вдругъ Настасья Филипповна: — пять или шесть дней назадъ я читала въ *Indépendance*, — а я постоянно читаю *Indépendance*, — точно такую же исторію! Но рѣшительно точно такую же! Это случилось на одной изъ прирейнскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ вагонѣ, съ однимъ Французомъ и Англичанкой: точно такъ же была вырвана сигара, точно такъ же была выкинута въ окно болонка, наконецъ точно также и кончилось какъ у васъ. Даже платье свѣтлоголубое!

Генераль покраснѣль ужасно, Коля тоже покраснѣль и стиснулъ себѣ руками голову; Птицынъ быстро отвернулся. Хохоталь попрежнему одинъ только Фердыщенко. Про Ганю и говорить было нечего: онъ все время стояль, выдерживая нѣмую и нестершимую муку.

— Увѣряю же васъ, пробормоталь генераль, — что и со мной точно то же случилось....

— У папаша дѣйствительно была непріятность съ мистрисъ Шмидтъ, гувернанткой у Бѣлоконскихъ, вскричалъ Коля, — я помню.

— Какъ! Точь въ-точь? Одна и таже исторія на двухъ концахъ Европы и точь-въ-точь такая же во всѣхъ подробностяхъ, до свѣтлоголубаго платья! настаивала безжалостная Настасья Филипповна: я вамъ *Indépendance Belge* пришлю!

— Но замѣтите, все еще настаивалъ генераль, — что сомной произошло два года раньше....

— А, вотъ развѣ это!

Настасья Филипповна хохотала какъ въ истерикѣ.

— Паленька, я васъ прошу выйдти на два слова, дрожащимъ, измученнымъ голосомъ проговорилъ Ганя. машинально схвативъ отца за плечо. Безконечная ненависть кипѣла въ его взглядѣ.

Въ это самое мгновеніе раздался чрезвычайно громкій ударъ колокольчика изъ передней. Такимъ ударомъ можно было сорвать колокольчикъ. Предвозвѣщался визитъ необыкновенный. Коля побѣждалъ отворять.

X.

Въ прихожей стало вдругъ чрезвычайно шумно и людно; изъ гостиной казалось, что со двора вошло нѣсколько человекъ и все еще продолжаютъ входить. Нѣсколько голосовъ говорило и вскрикивало разомъ; говорили и вскрикивали и на лѣстницѣ, на которую дверь изъ прихожей, какъ слышно было, не затворялась. Визитъ оказывался чрезвычайно странный. Всѣ переглянулись; Ганя бросился въ залу, но и въ залу уже вошло нѣсколько человекъ.

— А, вотъ онъ Іуда! вскрикнулъ знакомый князю голосъ — здравствуй, Ганька, подлець!

— Онъ, онъ самый и есть! поддакнулъ другой голосъ.

Сомнѣваться князю было невозможно: одинъ голосъ былъ Рогожина, а другой Лебедева.

Ганя стоялъ какъ бы въ оупѣніи на порогѣ гостиной и глядѣлъ молча, не препятствуя входу въ залу одного за другимъ человекъ десяти или двѣнадцати вельдъ за Пароеномъ Рогожинымъ. Компанія была чрезвычайно разнообразная и отличалась не только разнообразіемъ, но и безобразіемъ.

Нѣкоторые входили такъ, какъ были на улицѣ, въ пальто и въ шубахъ. Совсѣмъ пьяныхъ, впрочемъ, не было; за то всѣ казались сильно на веселѣ. Всѣ, казалось, нуждались другъ въ другѣ, чтобы войти; ни у одного не достало бы отдѣльно смѣлости, но всѣ другъ друга какъ бы подталкивали. Даже и Рогожинъ ступалъ осторожно во главѣ толпы, но у него было какое-то намѣреніе, и онъ казался мрачно и раздраженно-озабоченнымъ. Остальные же составляли только хоръ, или, лучше сказать, шайку для поддержки. Кромѣ Лебедева, тутъ былъ и завитой Залезевъ, сбросившій свою шубу въ передней и вошедшій развязно и щеголемъ, и подобные ему два, три господина, очевидно изъ купчиковъ. Какой-то въ полувоенномъ пальто; какой-то маленькій и чрезвычайно толстый человѣкъ, безпрестанно смѣявшійся; какой-то огромный вершковъ двѣнадцати господинъ, тоже необычайно толстый, чрезвычайно мрачный и молчаливый, и, очевидно, сильно надѣявшійся на свои кулаки. Былъ одинъ медицинскій студентъ; былъ одинъ увивавшійся Полячокъ. Съ лѣстницы заглядывали въ прихожую, но не рѣшаясь войти, двѣ какія-то дамы; Коля захлопнулъ дверь передъ ихъ носомъ и заложилъ крючкомъ.

— Здравствуй, Ганька, подлецъ! Что, не ждалъ Пароена Рогожина? повторилъ Рогожинъ, дойдя до гостиной и останавливаясь въ дверяхъ противъ Гани. Но въ эту минуту онъ вдругъ разглядѣлъ въ гостиной, прямо противъ себя, Настасью Филипповну. Очевидно, у него и въ помыслахъ не было встрѣтить ее здѣсь, потому что видъ ея произвелъ на него необыкновенное впечатлѣніе; онъ такъ поблѣднѣлъ, что даже губы его посинѣли. — Стало-быть, правда! проговорилъ онъ тихо и какъ бы про себя, съ совершенно потеряннымъ видомъ; — конецъ!... Ну... Отвѣтишь же ты мнѣ теперь! проскрежеталъ онъ вдругъ съ неистовою злобой смотря на Ганю... — Ну... ахъ!...

Онъ даже задыхался, даже выговаривалъ съ трудомъ. Машинально подвигался онъ въ гостиную, но перейдя за порогъ, вдругъ увидѣлъ Нину Александровну и Варю, и остановился, нѣсколько сконфузившись, несмотря на все свое вол-

неніе. За нимъ прошелъ Лебедевъ, не отстававшій отъ него какъ тѣнь и уже сильно пьяный, затѣмъ студентъ, господинъ съ кулаками, Залежевъ, раскланивавшійся направо и налево, и наконецъ, протискавался, коротенькій толстякъ. Присутствіе дамъ всѣхъ ихъ еще нѣсколько сдерживало и очевидно сильно мѣшало имъ, конечно, только до *начала*, до перваго повода вскрикнуть и *начать*.... Тутъ ужь никакія дамы не помѣшали бы.

— Какъ? И ты тутъ, князь? разсѣянно проговорилъ Рогожинъ, отчасти удивленный встрѣчей съ княземъ;—все въ штиблетникахъ, э-эхъ! вздохнулъ онъ, уже забывъ о князѣ и переводя взглядъ опять на Настасью Филипповну, все подвигаясь и притягиваясь къ ней, какъ къ магниту.

Настасья Филипповна тоже съ безпокойнымъ любопытствомъ глядѣла на гостей.

Ганя, наконецъ, опомнился.

— Но позвольте, что же это, наконецъ, значить? громко заговорилъ онъ, строго оглядѣвъ вошедшихъ и обращаясь преимущественно къ Рогожину:—вы не въ конюшню, кажется, вошли, господа, здѣсь моя мать и сестра....

— Видимъ, что мать и сестра, процѣдилъ сквозь зубы Рогожинъ.

— Это и видно, что мать и сестра, поддакнулъ для контенансу Лебедевъ.

Господинъ съ кулаками, вѣроятно, полагая, что пришла минута, началъ что-то ворчать.

— Но однако же! вдругъ и какъ-то не въ мѣру, взрывомъ возвысилъ голосъ Ганя:—во-первыхъ, прошу отсюда всѣхъ въ залу, а потомъ позвольте узнать....

— Вишь, не узнаеть: злобно осклабился Рогожинъ, не трогаясь съ мѣста:—Рогожина не узналъ?

— Я, положимъ, съ вами гдѣ-то встрѣчался, но....

— Вишь, гдѣ-то встрѣчался! Да я тебѣ всего только три мѣсяца двѣсти рублей отцовскихъ проигралъ, съ тѣмъ и умеръ старикъ, что не успѣлъ узнать; ты меня затащилъ, а Книфъ передергивалъ. Не узнаешь? Птицынъ-то свидѣтелемъ! Да покажи я тебѣ три цѣлковыхъ, вынь теперь изъ

кармана, такъ ты на Васильевскій за ними доплзешь на карачкахъ,—вотъ ты каковъ! Душа твоя такова! Я и теперь тебя за деньги прѣхалъ всего купить, ты не смотри, что я въ такихъ сапогахъ вошелъ, у меня денегъ, братъ, много, всего тебя и со всѣмъ твоимъ живьемъ куплю... захочу, всѣхъ васъ куплю! Все куплю! разгорячался и какъ бы хмѣлѣлъ все болѣе и болѣе Рогожинъ.—Э-эхъ! крикнулъ онъ:—Настасья Филипповна! Не прогоните, скажите словцо: вѣнчаетесь вы съ нимъ или нѣтъ?

Рогожинъ задалъ свой вопросъ какъ потерянный, какъ божеству какому-то, но съ смѣлостью приговореннаго къ казни, которому уже нечего терять. Въ смертной тоскѣ ожидалъ онъ отвѣта.

Настасья Филипповна обмѣрила его насмѣшливымъ и высокомернымъ взглядомъ, но взглянула на Варю и на Нину Александровну, поглядѣла на Ганю и вдругъ перемѣнила тонъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, что съ вами? И съ какой стати вы вздумали спрашивать? отвѣтила она тихо и серьезно, и какъ бы съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Нѣтъ? Нѣтъ!! вскричалъ Рогожинъ, приходя чуть не въ изступленіе отъ радости:—такъ нѣтъ же?! А мнѣ сказали они.... Ахъ! Ну!... Настасья Филипповна! Они говорятъ, что вы помолвились съ Ганькой! Съ нимъ-то? Да развѣ это можно? (Я имъ всѣмъ говорю!) Да я его всего за сто рублей куплю, дамъ ему тысячу, ну три, чтобъ отступился, такъ онъ наканунѣ свадьбы бѣжитъ, а невѣсту всю мнѣ оставить. Вѣдь такъ, Ганька, подлець! Вѣдь ужъ взялъ бы три тысячи! Вотъ онѣ, вотъ! Съ тѣмъ и ѣхалъ, чтобы съ тебя подписку такую взять; сказалъ: куплю,— и куплю!

— Ступай вонъ отсюда, ты пьянь! крикнулъ краснѣвшій и блѣднѣвшій попеременно Ганя.

За его окрикомъ вдругъ послышался внезапный взрывъ нѣсколькихъ голосовъ; вся команда Рогожина давно уже ждала перваго вызова. Лебедевъ что-то съ чрезвычайнымъ стараніемъ нашептывалъ на ухо Рогожину.

— Правда, чиновникъ! отвѣтилъ Рогожинъ: — правда, пьяная душа! Эхъ, куда ни шло. Настасья Филипповна! вскричалъ онъ, глядя на нее какъ полоумный, робѣя и вдругъ ободряясь до дерзости:— вотъ восемнадцать тысячъ!—И онъ шаркнулъ предъ ней на столикъ пачку въ бѣлой бумагѣ, обернутую накрестъ шнурками:— вотъ! И... и еще будетъ!

Онъ не осмѣлился договорить чего ему хотѣлось.

— Ни-ни-ни! зашепталъ ему снова Лебедевъ, съ страшно испуганнымъ видомъ; можно было угадать, что онъ испугался громадности суммы и предлагалъ попробовать съ несравненно меньшаго.

— Нѣтъ, ужъ въ этомъ ты, братъ, дуракъ, не знаешь куда зашелъ... да видно и я дуракъ съ тобой вмѣстѣ! спохватился и вздрогнулъ вдругъ Рогожинъ подъ засверкавшимъ взглядомъ Настасьи Филипповны.—Э-эхъ! совралъ я, тебя послушался, прибавилъ онъ съ глубокимъ раскаяніемъ.

Настасья Филипповна, взглянувъ въ опрокинутое лицо Рогожина, вдругъ засмѣялась.

— Восемнадцать тысячъ, мнѣ? Вотъ сейчасъ мужикъ и скажется! прибавила она вдругъ съ наглою фамиліарностью и привстала съ дивана, какъ бы собираясь ѣхать. Ганя съ замираніемъ сердца наблюдалъ всю сцену.

— Такъ сорокъ же тысячъ, сорокъ, а не восемнадцать, закричалъ Рогожинъ;— Ванька Птицынъ и Бискупъ къ семи часамъ обѣщались сорокъ тысячъ представить. Сорокъ тысячъ! Всѣ на столъ.

Сцена выходила чрезвычайно безобразная, но Настасья Филипповна продолжала смѣяться и не уходила, точно и въ самомъ дѣлѣ съ намѣреніемъ протягивала ее. Нина Александровна и Варя тоже встали съ своихъ мѣстъ и испуганно, молча, ждали, до чего это дойдетъ; глаза Вари сверкали, но на Нину Александровну все это подѣйствовало болѣзненно; она дрожала и, казалось, тотчасъ упадетъ въ обморокъ.

— А коли такъ—сто! Сегодня-же сто тысячъ представлю! Птицынъ, выручай, руки нагрѣешь!

— Ты съ ума сошелъ! прошепталъ вдругъ Птицынъ, бы-

стро подходя къ нему и хватая его за руку: — ты пьянъ, за будочниками пойдутъ. Гдѣ ты находишься?

— Съ-пьяна вретъ, проговорила Настасья Филипповна, какъ-бы поддразнивая его.

— Такъ не вру же, будутъ! Къ вечеру будутъ. Штцынъ, выручай, процентная душа, что хошь бери, доставай къ вечеру сто тысячъ; докажу что не постою! одушевился вдругъ до восторга Рогожинъ.

— Но однако, что же это такое? грозно и внезапно воскликнулъ разсердившійся Ардаліонъ Александровичъ, приближаясь къ Рогожину. Внезапность выходки доселѣ молчавшаго старика придавала ей много комизма. Послышался смѣхъ.

— Это еще откуда? засмѣялся Рогожинъ:—пойдемъ старикъ, пьянъ будешь!

— Это ужъ подло! крикнулъ Коля, совсѣмъ плача отъ стыда и досады.

— Да неужели же ни одного между вами не найдется, чтобъ эту безстыжую отсюда вывести! вскрикнула вдругъ, вся трепеща отъ гнѣва, Варя.

— Это меня-то безстыжею называютъ! съ пренебрежительною веселостью отпарировала Настасья Филипповна:—а я-то какъ дура пріѣхала ихъ къ себѣ на вечеръ звать! Вотъ какъ ваша сестрица меня третируетъ, Гаврила Ардаліоновичъ!

Нѣсколько времени Ганя стоялъ какъ молніей пораженный при выходкѣ сестры; но увидя, что Настасья Филипповна этотъ разъ дѣйствительно уходитъ, какъ изстунленный бросился на Варю и въ бѣшенствѣ схватилъ ее за руку.

— Что ты сдѣлала? вскричалъ онъ, глядя на нее, какъ бы желая испепелить ее на этомъ же мѣстѣ. Онъ рѣшительно потерялся и плохо соображалъ.

— Что сдѣлала? Куда ты меня тащишь? Ужъ не прощенія ли просить у ней, за то, что она твою мать оскорбила и твой домъ срамитъ пріѣхала, низкій ты человѣкъ? крикнула опять Варя, торжествуя и съ вызовомъ смотря на брата.

Нѣсколько мгновений они простояли такъ другъ противъ

друга, лицомъ къ лицу. Ганя все еще держалъ ея руку въ своей рукѣ. Варя дернула разъ, другой, изо всей силы, но не выдержала и вдругъ, внѣ себя, плюнула брату въ лицо.

— Вотъ такъ дѣвушка! крикнула Настасья Филипповна. Браво, Птицынъ, я васъ поздравляю!

У Гани въ глазахъ помутилось, и онъ, совсѣмъ забывшись, изо всей силы замахнулся на сестру. Ударъ пришелся-бы ей непременно въ лицо. Но вдругъ другая рука остановила на лету Ганину руку.

Между нимъ и сестрой стоялъ князь.

— Полноте, довольно! проговорилъ онъ настойчиво, но то-же весь дрожа, какъ отъ чрезвычайно сильнаго потрясенія.

— Да вѣчно, что ли, ты мнѣ дорогу переступать будешь! заревѣлъ Ганя, бросивъ руку Вари, и освободившеюся рукой, въ послѣдней степени бѣшенства, со всего размаха далъ князю пощечину.

— Ахъ! всплеснулъ руками Коля: -- ахъ, Боже мой!

Раздались восклицанія со всѣхъ сторонъ. Князь поблѣднѣлъ. Станнымъ и укоряющимъ взглядомъ поглядѣлъ онъ Ганѣ прямо въ глаза; губы его дрожали и силились что-то проговорить; какая-то странная и совершенно неподходящая улыбка кривила ихъ.

— Ну, это пусть мнѣ... а ея... все-таки не дамъ!.. тихо проговорилъ онъ наконецъ, но вдругъ не выдержалъ, бросилъ Ганю, закрылъ руками лицо, отошелъ въ уголъ, сталъ лицомъ къ стѣнѣ и прерывающимся голосомъ проговорилъ:

— О, какъ вы будете стыдиться своего поступка!

Ганя, дѣйствительно, стоялъ какъ уничтоженный. Коля бросился обнимать и цѣловать князя; за нимъ затѣснились Рогожинъ, Варя, Птицынъ, Нина Александровна, всѣ, даже старикъ Ардалионъ Александровичъ.

— Ничего, ничего! бормоталъ князь на всѣ стороны, съ тою же неподходящею улыбкой.

— И будетъ каяться! закричалъ Рогожинъ:—будешь стыдиться, Ганька, что такую... овцу (онъ не могъ приискать другаго слова) оскорбилъ! Князь, душа ты моя, брось ихъ; плюнь имъ, поѣдемъ! Узнаешь какъ любить Рогожинъ!

Настасья Филипповна была тоже очень поражена и поступком Гани, и отвѣтомъ князя. Обыкновенно блѣдное и задумчивое лицо ея, такъ все время не гармонировавшее съ давешнимъ какъ-бы напускнымъ ея смѣхомъ, было очевидно взволновано теперь новымъ чувствомъ; и однако все-таки ей какъ будто не хотѣлось его выказывать, и насмѣшка словно усиливалась остаться въ лицѣ ея.

— Право, гдѣ-то я видѣла его лицо! проговорила она вдругъ уже серьезно, внезапно вспомнивъ опять давешній свой вопросъ.

— А вамъ и не стыдно! Развѣ вы такая, какою теперь представлялись. Да можетъ-ли это быть! вскрикнулъ вдругъ князь съ глубокимъ сердечнымъ укоромъ.

Настасья Филипповна удивилась, усмѣхнулась, но какъ будто что-то пряча подъ свою улыбку, нѣсколько смѣшавшись, взглянула на Ганю и пошла изъ гостиной. Но не дойдя еще до прихожей, вдругъ воротилась, быстро подошла къ Нинѣ Александровнѣ, взяла ея руку и поднесла ее къ губамъ своимъ.

— Я вѣдь и въ самомъ дѣлѣ не такая, онъ угадалъ, прошептала она быстро, горячо, вся вдругъ вспыхнувъ и покраснѣвши, и повернувшись, вышла на этотъ разъ такъ быстро, что никто и сообразить не успѣлъ, зачѣмъ это она возвращалась. Видѣли только, что она пошептала что-то Нинѣ Александровнѣ и, кажется, руку ея поцѣловала. Но Варя видѣла и слышала все, и съ удивленіемъ проводила ее глазами.

Ганя опомнился и бросился провожать Настасью Филипповну, но она ужь вышла. Онъ догналъ ее на лѣстницѣ.

— Не провожайте! крикнула она ему.— До свиданія, до вечера! Непремѣнно же, слышите!

Онъ воротился смущенный, задумчивый; тяжелая загадка ложилась ему на душу, еще тяжелѣе чѣмъ прежде. Мерешился и князь... Онъ до того забылся, что едва разглядѣлъ какъ цѣлая Рогожинская толпа валила мимо его и даже затолкала его въ дверяхъ, наскоро выбираясь изъ квартиры вслѣдъ за Рогожинымъ. Всѣ громко въ голосъ толковали о

чемъ-то. Самъ Рогожинъ шелъ съ Штицынымъ и настойчиво твердилъ о чемъ-то важномъ и, повидимому, неотлагательномъ.

— Проигралъ, Ганька! крикнулъ онъ проходя мимо.

Гая тревожно посмотрѣлъ имъ въ слѣдъ.

XI.

Князь ушелъ изъ гостиной и затворился въ своей комнатѣ. Къ нему тотчасъ же прибѣжалъ Коля утѣшать его. Бѣдный мальчикъ, казалось, не могъ уже теперь отъ него отвязаться.

— Это вы хорошо что ушли, сказалъ онъ, — тамъ теперь кутерьма еще пуще чѣмъ давеча пойдетъ, и каждый-то день у насъ такъ, и все черезъ эту Настасью Филищовну заварилось.

— Тутъ у васъ много разнаго наболѣло иросло, Коля, замѣтилъ князь.

— Да, наболѣло. Про насъ и говорить нечего. Сами виноваты во всѣмъ. А вотъ у меня есть одинъ большой другъ, этотъ еще несчастнѣе. Хотите я васъ познакомлю?

— Очень хочу. Вашъ товарищъ?

— Да, почти какъ товарищъ. Я вамъ потомъ это все разъясню.... А хороша Настасья Филищовна, какъ вы думаете? Я вѣдь ея никогда еще до сихъ поръ не видывалъ, а ужасно старался. Просто ослѣпила. Я бы Ганькѣ все простилъ, еслибъ онъ по любви; да зачѣмъ онъ деньги беретъ, вотъ бѣда!

— Да, мнѣ вашъ братъ не очень нравится.

— Ну, еще бы! Вамъ-то послѣ.... А знаете, я терпѣть не могу этихъ разныхъ мнѣній. Какой-нибудь сумашедшій или дуракъ, или злодѣй въ сумашедшемъ видѣ дастъ пощечину, и вотъ ужъ человекъ на всю жизнь обезчещенъ, и смыть не можетъ иначе какъ кровью, или чтобъ у него тамъ на колѣнкахъ прощенья просили. По-моему, это нелѣпо и деспотизмъ. На этомъ Лермонтова драма *Маскарадъ* основана, и — глупо, по-моему. То-есть, я хочу сказать, не натурально. Но вѣдь онъ ее почти въ дѣтствѣ писалъ.

— Мнѣ ваша сестра очень понравилась.

— Какъ она въ рожу-то Ганькѣ плюнула. Смѣлая Варька! А вы такъ не плюнули, и я увѣренъ, что не отъ недостатка смѣлости. Да вотъ она и сама, легка на поминѣ. Я зналъ, что она придетъ; она благородная, хоть и есть недостатки.

— А тебѣ тутъ нечего, прежде всего накинулась на него Варя,—ступай къ отцу. Надоѣдаетъ онъ вамъ, князь?

— Совсѣмъ нѣтъ, напротивъ.

— Ну, старшая, пошла! Вотъ это-то въ ней и скверно. А кстати, я вѣдь думалъ, что отецъ навѣрно съ Рогожинымъ уѣдетъ. Кажется, должно-быть, теперь. Посмотрѣть, что съ нимъ въ самомъ дѣлѣ, прибавилъ Коля, выходя.

— Слава Богу, увела и уложила маменьку, и ничего не возобновлялось. Ганя сконфуженъ и очень задумчивъ. Да и есть о чемъ. Каковъ урокъ!... Я поблагодарить васъ еще разъ пришла и спросить, князь: вы до сихъ поръ не знали Настасью Филипповну.

— Нѣтъ, не зналъ.

— Съ какой же вы стати сказали ей прямо въ глаза, что она „не такая“. И, кажется, угадали. Оказалось, что и дѣйствительно, можетъ-быть, не такая. Впрочемъ, я ее не разберу! Конечно, у ней была цѣль оскорбить, это ясно. Я и прежде о ней тоже много страннаго слышала. Но если она пріѣхала насъ звать, то какъ же она начала обходиться съ мамашей? Птицынъ ее отлично знаетъ, онъ говоритъ, что и угадать ее не могъ давеча. А съ Рогожинымъ? Такъ нельзя разговаривать, если себя уважаешь, въ домѣ своего.... Маменька тоже о васъ очень беспокоится.

— Ничего! сказалъ князь и махнулъ рукой.

— И какъ это она васъ послушалась....

— Чего послушалась?

— Вы ей сказали, что ей стыдно, и она вдругъ вся измѣнилась. Вы на нее вліяніе имѣете, князь, прибавила, чуть-чуть усмѣхнувшись, Варя.

Дверь отворилась, и совершенно неожиданно вошелъ Ганя.

Онъ даже и не поколебался, увидя Варю; одно время по-

стоялъ на порогѣ и вдругъ съ рѣшимостью приблизился къ князю.

— Князь, я сдѣлалъ подло, простите меня, голубчикъ, сказалъ онъ вдругъ съ сильнымъ чувствомъ. Черты лица его выражали сильную боль. Князь смотрѣлъ съ изумленіемъ и не тотчасъ отвѣтилъ. — Ну, простите, ну простите же! нетерпѣливо настаивалъ Ганя: — ну, хотите, я вашу руку сейчасъ поцѣлую!

Князь былъ пораженъ чрезвычайно и, молча, обѣими руками обнялъ Ганю. Оба искренно поцѣловались.

— Я никакъ, никакъ не думалъ, что вы такой! сказалъ наконецъ князь, съ трудомъ переводя духъ: — я думалъ, что вы... не способны.

— Повиниться-то?... И съ чего я взялъ давеча, что вы идиотъ! Вы замѣчаете то, чего другіе никогда не замѣтятъ. Съ вами поговорить бы можно, но... лучше не говорить!

— Вотъ предъ кѣмъ еще повинитесь, сказалъ князь, указывая на Варю.

— Нѣтъ, это ужъ все враги мои. Будьте увѣрены, князь, много пробъ было; здѣсь искренно не прощаютъ! горячо вырвалось у Гани, и онъ повернулся отъ Вари въ сторону.

— Нѣтъ, прощу! сказала вдругъ Варя.

— И къ Настасьѣ Филипповнѣ вечеромъ поѣдешь?

— Поѣду, если прикажешь, только лучше самъ посуди: есть ли хоть какая-нибудь возможность мнѣ теперь ѣхать?

— Она вѣдь не такая. Она видишь какія загадки загадываетъ! Фокусы! — и Ганя злобно засмѣялся.

— Сама знаю, что не такая, и съ фокусами, да съ какими? И еще, смотри, Ганя, за кого она тебя сама почитаетъ? Пусть она руку мамашѣ поцѣловала. Пусть это какіе-то фокусы, но она все-таки вѣдь смѣялась же надъ тобой! Это не стоитъ семидесяти пяти тысячъ, ей-Богу, братъ! Ты способенъ еще на благородныя чувства, потому и говорю тебѣ. Эй, не ѣзди и самъ! Эй, берегись! Не можетъ это хорошо уладиться!

Сказавъ это, вся взволнованная Варя быстро вышла изъ комнаты...

— Вот онъ все такъ! сказалъ Ганя, усмѣхаясь:— и неужели же онъ думаютъ, что я этого самъ не знаю? Да вѣдь я гораздо больше ихъ знаю.

Сказавъ это, Ганя усѣлся на диванъ, видимо желая продолжить визитъ.

— Если знаете сами, спросилъ князь довольно робко,— какъ же вы такую муку выбрали, зная, что она въ самомъ дѣлѣ семидесяти пяти тысячъ не стоитъ?

— Я не про это говорю, пробормоталъ Ганя,— а кстати, скажите мнѣ, какъ вы думаете, я именно хочу знать ваше мнѣніе: стоитъ эта „мука“ семидесяти пяти тысячъ, или не стоитъ?

— По-моему, не стоитъ.

— Ну, ужъ извѣстно. И жениться такъ стыдно?

— Очень стыдно.

— Ну, такъ знайте же, что я женюсь, и теперь ужъ непременно. Еще давеча колебался, а теперь ужъ нѣтъ! Не говорите! Я знаю, что вы хотите сказать...

— Я не о томъ, о чемъ вы думаете, а меня очень удивляетъ ваша чрезвычайная увѣренность....

— Въ чемъ? Какая увѣренность?

— Въ томъ, что Настасья Филипповна непременно пойдетъ за васъ, и что все это уже кончено, а вовторыхъ, еслибы даже и вышла, что семьдесятъ пять тысячъ вамъ такъ и достанутся прямо въ карманъ. Впрочемъ, я, конечно, тутъ многого не знаю.

Ганя сильно пошевелился въ сторону князя.

— Конечно, вы всего не знаете, сказалъ онъ— да и съ чего бы я сталъ всю эту обузу принимать?

— Мнѣ кажется, что это сплошь да рядомъ случается: женятся на деньгахъ, а деньги у жены.

— Н-нѣтъ, у насъ такъ не будетъ... Тутъ... тутъ есть обстоятельства... пробормоталъ Ганя въ тревожной задумчивости.— А что касается до ея отвѣта, то въ немъ уже нѣтъ сомнѣній, прибавилъ онъ быстро.— Вы изъ чего заключаете, что она мнѣ откажетъ?

— Я ничего не знаю, кромѣ того что видѣлъ; вотъ и Варвара Ардалионовна говорила сейчасъ...

— Э! Это онъ такъ, не знаютъ ужь что сказать. А надъ Рогожинымъ она смѣялась, будьте увѣрены, это я разглядѣлъ. Это видно было. Я давеча побоялся, а теперь разглядѣлъ. Или, можетъ быть, какъ она съ матерью, и съ отцомъ, и съ Варей обошлась?

— И съ вами.

— Пожалуй; но тутъ старинное бабье мщеніе, и больше ничего. Это страшно раздражительная, мнительная и самолюбивая женщина. Точно чиномъ обойденный чиповникъ! Ей хотѣлось показать себя и все свое пренебреженіе къ нимъ... ну, и ко мнѣ; это правда, я не отрицаю... А все-таки за меня выйдетъ. Вы и не подозрѣваете, на какіе фокусы человѣческое самолюбіе способно: вотъ она считаетъ меня подлецомъ, за то, что я ее, чужую любовницу, такъ откровенно за ея деньги беру, а и не знаетъ, что иной бы ее еще подлѣе надуль: присталъ бы къ ней и началъ бы ей либерально-прогрессивныя вещи разсыпать, да изъ женскихъ разныхъ вопросовъ вытаскивать, такъ она бы вся у него въ игольное ушко какъ нитка прошла. Увѣрилъ бы самолюбивую дуру (и такъ легко!), что ее за „благородство сердца и за несчастья“ только беретъ, а самъ все-таки на деньгахъ бы женился. Я не нравлюсь тутъ, потому что вилать не хочу; а надо бы. А что сама дѣлаетъ? Не то же ли самое? Такъ за что же послѣ этого меня презираетъ, да игры эти затѣваетъ? Оттого что я самъ не сдаюсь, да гордость показываю. Ну, да увидимъ!

— Неужели вы ее любили до этого?

— Любилъ вначалѣ. Ну, да довольно... Есть женщины, которыя годятся только въ любовницы и больше ни во что. Я не говорю, что она была моею любовницей. Если захочетъ жить смирно, и я буду жить смирно; если же взбунтуется, тотчасъ же брошу, а деньги съ собой захвачу. Я смѣшнымъ быть не хочу; прежде всего не хочу быть смѣшнымъ.

— Мнѣ все кажется, осторожно замѣтилъ князь, — что Настасья Филипповна умна. Къ чему ей, предчувствуя такую муку, въ западню идти? Вѣдь могла бы и за другаго выйти. Вотъ что мнѣ удивительно.

— А вотъ тутъ то и расчетъ! Вы тутъ не все знаете, князь.... тутъ.... и кромѣ того, она убѣждена, что я ее люблю до сумасшествія, клянусь вамъ, и, знаете ли, я крѣпко подозрѣваю, что и она меня любитъ, по своему, то-есть, знаете поговорку: „Кого люблю, того и бью“. Она всю жизнь будетъ меня за валета бубноваго считать (да это то ей, можетъ быть, и надо) и все таки любить по своему; она къ тому готовится, такой ужъ характеръ. Она чрезвычайно русская женщина, я вамъ скажу; ну, а я ей свой готовлю сюрпризъ. Эта давешняя сцена съ Варей случилась нечаянно, но мнѣ въ выгоду: она теперь видѣла и убѣдилась въ моей приверженности и что я всѣ связи для нея разорву. Значить, и мы не дураки, будьте увѣрены. Кстати, ужъ вы не думаете ли, что я такой болтунъ? Я, голубчикъ князь, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ дурно дѣлаю, что вамъ довѣряюсь. Но именно потому что вы первый изъ благородныхъ людей мнѣ попались, я на васъ и накинуся, то-есть, „накинуся“ не примите за баламбуръ. Вы за давешнее вѣдь не сердитесь, а? Я первый разъ, можетъ быть, въ цѣлые два года по сердцу говорю. Здѣсь ужасно мало честныхъ людей; честнѣе Птицына нѣтъ. Что, вы, кажется, смѣетесь, али нѣтъ? Подлецы любятъ честныхъ людей,—вы этого не знали? А я вѣдь.... А впрочемъ, чѣмъ я подлець, скажите мнѣ по совѣсти? Что они меня всѣ вслѣдъ за нею подлецомъ называютъ? И знаете, вслѣдъ за ними и за нею я и самъ себя подлецомъ называю! Вотъ что подло, такъ подло!

— Я васъ подлецомъ теперь уже никогда не буду считать, сказалъ князь.—Давеча я васъ уже совсѣмъ за злодѣя почиталъ, и вдругъ вы меня такъ обрадовали,—вотъ и урокъ: не судить, не имѣя опыта. Теперь я вижу, что васъ не только за злодѣя, но и за слишкомъ испорченнаго человѣка считать нельзя. Вы, по моему, просто самый обыкновенный человѣкъ, какой только можетъ быть, развѣ только что слабый очень и нисколько не оригинальный.

Гаяя язвительно про себя усмѣхнулся, но смолчалъ. Князь увидалъ, что отзывъ его не понравился, сконфузился и тоже замолчалъ.

— Просиль у васъ отецъ денегъ? спросиль вдругъ Ганя.

— Нѣтъ.

— Будеть, не дадите. А вѣдь былъ даже приличный человѣкъ, я помню. Его къ хорошимъ людямъ пускали. И какъ они скоро всѣ кончаются, всѣ эти старые приличные люди! Чуть только измѣнились обстоятельства, и нѣтъ ничего прежняго, точно порохъ сгорѣлъ. Онъ прежде такъ не драгъ, увѣряю васъ: прежде онъ былъ только слишкомъ восторженный человѣкъ, и — вотъ во что это разрѣшилось! Конечно, вино виновато. Знаете ли, что онъ любовницу содержитъ? Онъ уже не просто невинный лгунишка теперь сталъ. Понять не могу долготерпѣнія матушки. Рассказывалъ онъ вамъ про осаду Карса? Или про то, какъ у него сѣрая претяжная заговорила? Онъ вѣдь до этого даже доходитъ.

И Ганя вдругъ такъ и поватился со смѣху.

— Что вы на меня такъ смотрите? спросиль онъ князя.

— Да я удивляюсь, что вы такъ искренно засмѣялись. У васъ право еще дѣтскій смѣхъ есть. Давеча вы вошли мириться и говорите: „Хотите, я вамъ руку поцѣлую“, — это точно какъ дѣти бы мирились. Стало быть, еще способны же вы къ такимъ словамъ и движеніямъ. И вдругъ вы начинаете читать цѣлую лекцію объ этакомъ мракѣ и объ этихъ семидесяти пяти тысячахъ. Право, все это какъ-то нелѣпо и не можетъ быть.

— Что же вы заключить хотите изъ этого?

— То, что вы не легкомысленно ли поступаете слишкомъ, не осмотрѣться ли вамъ прежде? Варвара Ардашионовна, можетъ-быть, и правду говорить.

— А, нравственность! Что я еще мальчишка, это я и самъ знаю, горячо перебилъ Ганя, — и ужъ хоть тѣмъ однимъ, что съ вами такой разговоръ завелъ. Я, князь, не по расчету въ этотъ мракъ иду, продолжалъ онъ, проговариваясь, какъ уязвленный въ своемъ самолюбіи, молодой человѣкъ, — по расчету я бы ошибся навѣрно, потому и головой, и характеромъ еще не крѣпокъ. Я по страсти, по влеченію иду, потому что у меня цѣль капиталъная есть. Вы вотъ думаете, что я семьдесятъ-пять тысячъ подучу и сей-

часть же карету куплю. Нѣтъ-съ, я тогда третьегодній старый сюртукъ донашивать стану и всѣ мои клубныя знакомства брошу. У насъ мало выдерживающихъ людей, хотъ и все ростовщики, а я хочу выдержать. Тутъ, главное, довести до конца—вся задача! Птицынъ семнадцати лѣтъ на улицѣ сналъ, перочинными ножичками торговалъ и съ копѣйки началъ; теперь у него шестьдесятъ тысячъ, да только послѣ какой гимнастики! Вотъ эту-то я всю гимнастику и перескачу, и прямо съ капитала начну; чрезъ пятнадцать лѣтъ скажутъ: „вотъ Иволгинъ, король Іудейскій“. Вы мнѣ говорите, что я человѣкъ не оригинальный. Замѣтьте себѣ, милый князь, что нѣтъ ничего обиднѣе человѣку нашего времени и племени, какъ сказать ему, что онъ не оригиналенъ, слабъ характеромъ, безъ особенныхъ талантовъ и человѣкъ обыкновенный. Вы меня даже хорошимъ подлецомъ не удостоили счесть и, знаете, я васъ давеча съѣсть за это хотѣлъ! Вы меня пуще Епанчина оскорбили, который меня считаетъ (и безъ разговоровъ, безъ соблазновъ, въ простотѣ души, замѣтьте это) способнымъ ему жену продать! Это, батюшка, меня давно уже бѣситъ, и я денегъ хочу. Наживъ деньги, знайте,—я буду человѣкъ въ высшей степени оригинальный. Деньги тѣмъ всего подлѣе и ненавистнѣе, что онѣ даже таланты даютъ. И будутъ давать до скончанія міра. Вы скажете, это все по-дѣтски или, пожалуй, поэзія,—что жъ, тѣмъ мнѣ же веселѣе будетъ, а дѣло все-таки сдѣлается. Доведу и выдержу. *Riga bien qui riga le dernier!* Меня Епанчинъ почему такъ обижаетъ? По злобѣ что ль? Никогда-съ. Просто потому, что я слишкомъ ничтоженъ. Ну-съ, а тогда... А однакоже довольно, и пора. Коля уже два раза носъ выставлялъ: это онъ васъ обѣдать зоветъ. А я со двора. Я къ вамъ иногда забреду. Вамъ у насъ не дурно будетъ; теперь васъ въ родню прямо примутъ. Смотрите же, не выдавайте. Мнѣ кажется, что мы съ вами или друзьями, или врагами будемъ. А какъ вы думаете, князь, еслибъ я давеча вамъ руку поцѣловалъ (какъ искренно вызывался), сталъ бы я вамъ врагомъ за это въ послѣдствіи?

— Непремѣнно стали бы, только не навсегда, потому не выдержали бы и простили, рѣшилъ князь, подумавъ и за-смѣявшись.

— Эге! Да съ вами надо осторожниѣе. Чортъ знаетъ, вы и тутъ яду влили. А кто знаетъ, можетъ-быть, вы мнѣ и врагъ? Кстати, ха-ха-ха! И забылъ спросить: правда ли мнѣ показалось, что вамъ Настасья Филипповна что-то слишкомъ нравится, а?

— Да... нравится.

— Влюблены?

— Н-нѣтъ.

— А весь покраснѣлъ и страдаетъ. Ну, да ничего, ничего, не буду смѣяться; до свиданья. А знаете, вѣдь она женщина добродѣтельная, можете вы этому вѣрить? Вы думаете, она живетъ съ тѣмъ, съ Тоцкимъ? Ни-ни! И давно уже. А замѣтили вы, что она сама ужасно не ловка и давеча въ инныя секунды конфузилась? Право. Вотъ такія-то и любятъ властвовать. Ну, прощайте!

Ганечка вышелъ гораздо развязнѣе чѣмъ вошелъ и въ хорошемъ расположеніи духа. Князь минутъ съ десять оставался неподвиженъ и думалъ.

Коля опять просунулъ въ дверь голову.

— Я не хочу обѣдать, Коля; я давеча у Епанчиныхъ хорошо позавтракалъ.

Коля прошелъ въ дверь совсѣмъ и подалъ князю записку. Она была отъ генерала, сложена и запечатана. По лицу Коли видно было, какъ было ему тяжело передавать. Князь прочелъ, всталъ и взялъ шляпу.

— Это два шага, законфузился Коля. — Онъ теперь тамъ сидитъ за бутылкой. И чѣмъ онъ тамъ себѣ кредитъ пріобрѣлъ, понять не могу? Князь, голубчикъ, пожалуйста, не говорите потомъ про меня здѣсь нашимъ, что я вамъ записку передалъ! Тысячу разъ клялся этихъ записокъ не передавать, да жалко; да вотъ что, пожалуйста съ нимъ не церемоньтесь: дайте какую-нибудь мелочь, и дѣло съ концомъ.

— У меня, Коля, у самого мысль была; мнѣ вашего папашу видѣть надо... по одному случаю.... Пойдемте же....

XII.

Коля провелъ князя недалеко, до Литейной, въ одну кафе-бильярдную, въ нижнемъ этажѣ, входъ съ улицы. Тутъ направо, въ углу, въ отдѣльной комнаткѣ, какъ старинный обычный посѣтитель, расположился Ардалионъ Александровичъ, съ бутылкой предъ собой на столикѣ и въ самомъ дѣлѣ съ *Indépendance Belge* въ рукахъ. Онъ ожидалъ князя; едва завидѣлъ, тотчасъ же отложилъ газету и началъ было горячее и многословное объясненіе, въ которомъ, впрочемъ, князь почти ничего не понялъ, потому что генераль былъ ужъ почти-что готовъ.

— Десяти рублей у меня нѣтъ, перебилъ князь, — а вотъ двадцать пять, размѣняйте и сдайте мнѣ пятнадцать, потому что я остаюсь самъ безъ гроша.

— О, безъ сомнѣнія; и будьте увѣрены, что это тотъ же часъ....

— Я, кромѣ того, къ вамъ съ одною просьбой, генераль. Вы никогда не бывали у Настасьи Филипповны?

— Я? Я не бывалъ? вы это мнѣ говорите? Нѣсколько разъ, милый мой, нѣсколько разъ! вскричалъ генераль въ припадкѣ самодовольной и торжествующей ироніи: — но я наконецъ прекратилъ самъ, потому что не хочу поощрять неприличный союзъ. Вы видѣли сами, вы были свидѣтелемъ въ это утро: я сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать отецъ, — но отецъ кроткій и снисходительный; теперь же на сцену выйдетъ отецъ иного сорта и тогда — увидимъ, посмотримъ: заслуженный ли старый воинъ одолѣетъ интригу, или безстыдная камелія войдетъ въ благороднѣйшее семейство.

— А я васъ именно хотѣлъ попросить, не можете ли вы, какъ знакомый, ввести меня сегодня вечеромъ къ Настасьѣ Филипповнѣ? Мнѣ это надо непременно сегодня же; у меня дѣло; но я совсѣмъ не знаю какъ войти. Я былъ давеча представленъ, но все-таки не приглашенъ: сегодня тамъ званый вечеръ. Я, впрочемъ, готовъ перескочить черезъ нѣкоторыя приличія, и пусть даже смѣются надо мной, только бы войти какъ-нибудь.

— И вы совершенно, совершенно попали на мою идею, молодой другъ мой, воскликнулъ генераль восторженно, — я васъ не за эту мелочью звалъ! продолжалъ онъ, подхватывая впрочемъ деньги и отправляя ихъ въ карманъ: — я именно звалъ васъ, чтобы пригласить въ товарищи на походъ къ Настасьѣ Филипповнѣ или, лучше сказать, на походъ на Настасью Филипповну! Генераль Иволгинъ и князь Мышкинъ! Каково-то это ей покажется! Я же, подъ видомъ любезности въ день рожденія, изреку наконецъ свою волю, — косвенно, не прямо, но будетъ все какъ бы и прямо. Тогда Гая самъ увидитъ какъ ему быть: отецъ ли заслуженный и... такъ сказать... и прочее, или.... Но что будетъ, то будетъ! Ваша идея въ высшей степени плодотворна. Въ девять часовъ мы отправимся, у насъ есть еще время.

— Гдѣ она живетъ?

— Отсюда далеко: у Большаго Театра, домъ Мытовцовой, почти тутъ же на площади, въ бельэтажѣ.... У ней большаго собранія не будетъ, даромъ что именинница, и разойдутся рано....

Быль уже давно вечеръ; князь все еще сидѣлъ, слушалъ и ждалъ генерала, начинавшаго безчисленное множество анекдотовъ и ни одного изъ нихъ не доканчивавшаго. По приходѣ князя онъ спросилъ новую бутылку, и только чрезъ часъ ее докончилъ, затѣмъ спросилъ другую, докончилъ и ту. Надо полагать, что генераль успѣлъ разсказать при этомъ чуть не всю свою исторію. Наконецъ князь всталъ и сказалъ, что ждать больше не можетъ. Генераль допилъ изъ бутылки послѣднія подонки, всталъ и пошелъ изъ комнаты, ступая очень нетвердо. Князь былъ въ отчаяніи. Онъ понять не могъ, какъ могъ онъ такъ глупо довѣриться. Въ сущности, онъ и не довѣрялся никогда; онъ рассчитывалъ на генерала, чтобы только какъ-нибудь войти къ Настасьѣ Филипповнѣ, хотя бы даже съ нѣкоторымъ скандаломъ, но не рассчитывалъ же на чрезвычайный скандалъ: генераль оказался рѣшительно пьянъ, въ сильнѣйшемъ краснорѣчїи, и говорилъ безъ умолку, съ чувствомъ, со слезой въ душѣ. Дѣло шло непрерывно о томъ, что чрезъ дурное поведеніе

всѣхъ членовъ его семейства все рушилось, и что этому пора наконецъ положить предѣлъ. Они вышли наконецъ на Литейную. Все еще продолжалась оттепель; унылый, теплый, гнилой вѣтеръ свисталъ по улицамъ, экипажи шлепали въ грязи, рысаки и клячи звонко доставали мостовую подковами. Пѣшеходы унылою и мокрою толпой скитались по тротуарамъ. Попадались пьяные.

— Видите ли вы эти освѣщенные бельэтажи, говорилъ генералъ, — здѣсь все живутъ мои товарищи, а я, я изъ нихъ наиболѣе отслужившій и наиболѣе пострадавшій, я бреду пѣшкомъ къ Большому Театру въ квартиру подозрительной женщины! Человѣкъ, у котораго въ груди тринадцать пуль... вы не вѣрите? А между тѣмъ единственно для меня Пироговъ въ Парижѣ телеграфировалъ и осажденный Севастополь на время бросилъ, а Нелатонъ, парижскій гофъ-медикъ свободный пропускъ во имя науки выхлопоталъ и въ осажденный Севастополь являлся меня осматривать. Объ этомъ самому высшему начальству извѣстно: „А, это тотъ Иволгинъ, у котораго тринадцать пуль!“ Вотъ какъ говорятъ-съ! Видите ли вы, князь, этотъ домъ? Здѣсь въ бельэтажѣ живетъ старый товарищъ, генералъ Соколовичъ, съ благороднѣйшимъ и многочисленнѣйшимъ семействомъ. Вотъ этотъ домъ, да еще три дома на Невскомъ и два въ Морской—вотъ весь теперешній кругъ моего знакомства, то-есть, собственно моего личного знакомства. Нина Александровна давно уже покорилась обстоятельствамъ. Я же еще продолжаю вспоминать... и, такъ-сказать, отдыхать въ образованномъ кругу общества прежнихъ товарищей и подчиненныхъ моихъ, которые до сихъ поръ меня обожаютъ. Этотъ генералъ Соколовичъ (а давненько, впрочемъ, я у него не бывалъ и не видалъ Анну Федоровну)... знаете, милый князь, когда самъ не принимаешь, такъ какъ-то невольно прекращаешь и къ другимъ. А между тѣмъ... гм... вы, кажется, не вѣрите.... Впрочемъ, почему же не ввести мнѣ сына моего лучшаго друга и товарища дѣтства въ этотъ очаровательный семейный домъ? Генералъ Иволгинъ и князь Мышкинъ! Вы увидите изумительную дѣвушку, да не одну, двухъ,

даже трехъ, украшеніе столицы и общества: красота, образованность, направленіе... женскій вопросъ, стихи, все это совокупилося въ счастливую разнообразную смѣсь, не считая по крайней мѣрѣ восьмидесяти тысячъ рублей приданого, чистыхъ денегъ, за каждою, что никогда не мѣшаетъ, ни при какихъ женскихъ и соціальныхъ вопросахъ... однимъ словомъ, я непремѣнно, непремѣнно долженъ и обязанъ ввести васъ. Генераль Иволгинъ и князь Мышкинъ!

— Сейчасъ? Теперь? Но вы забыли, началъ было князь.

— Ничего, ничего я не забылъ, идемъ! Сюда, на эту великолѣпную лѣстницу. Удивляюсь, какъ нѣтъ швейцара, но... праздникъ, и швейцаръ отлучился. Еще не прогнали этого пьяницу. Этотъ Соколовичъ всѣмъ счастьемъ своей жизни и службы обязанъ мнѣ, одному мнѣ и никому иначе, но... вотъ мы и здѣсь.

Князь уже не возражалъ противъ визита и слѣдовалъ послушно за генераломъ, чтобы не раздражить его, въ твердой надеждѣ, что генераль Соколовичъ и все семейство его мало-по-малу испарятся какъ миражъ и окажутся несуществующими, такъ что они преспокойно спустятся обратно съ лѣстницы. Но къ своему ужасу, онъ сталъ терять эту надежду: генераль взводилъ его по лѣстницѣ, какъ человѣкъ дѣйствительно имѣющій здѣсь знакомыхъ, и поминутно вставлялъ біографическія и топографическія подробности, исполненныя математической точности. Наконецъ, когда уже взойдя въ бельэтажъ, остановились направо противъ двери одной богатой квартиры, и генераль взялся за ручку колокольчика, князь рѣшился окончательно убѣжать; но одно странное обстоятельство остановило его на минуту:

— Вы ошиблись, генераль, сказалъ онъ, — на дверяхъ написано Кулаковъ, а вы звоните къ Соколовичу.

— Кулаковъ... Кулаковъ ничего не доказываетъ. Квартира Соколовича, и я звоню къ Соколовичу; наплевать на Кулакова... Да вотъ и отворяютъ.

Дверь дѣйствительно отворилась. Выглянулъ лакей и возвѣстилъ, что „господь дома нѣтъ-съ“.

— Какъ жалъ, какъ жалъ, и какъ нарочно! съ глубочайшимъ сожалѣнiемъ повторилъ нѣсколько разъ Ардалионъ Александровичъ. — Доложите же, мой милый, что генераль Иволгинъ и князь Мышкинъ желали засвидѣтельствовать собственное свое уваженiе и чрезвычайно, чрезвычайно сожалѣли....

Въ эту минуту въ отворенныя двери выглянуло изъ комнаты еще одно лицо, повидимому, домашней экономки, можетъ-быть, даже гувернантки, дамы лѣтъ сорока, одѣтой въ темное платье. Она приблизилась съ любопытствомъ и недоувѣрчивостью услышавъ имена генерала Иволгина и князя Мышкина.

— Марья Александровна нѣтъ дома, проговорила она, особенно вглядываясь въ генерала, — уѣхали съ барышней, съ Александрой Михайловной, къ бабушкѣ.

— И Александра Михайловна съ ними, о, Боже, какое несчастiе! И вообразите, сударыня, всегда-то мнѣ такое несчастiе! Покорнѣйше прошу васъ передать мой поклонъ, а Александрѣ Михайловнѣ, чтобы припомнили.... однимъ словомъ, передайте имъ мое сердечное пожеланiе того, чего онѣ сами себѣ желали въ четвергъ, вечеромъ, при звукахъ баллады Шопена; онѣ помнятъ.... Мое сердечное пожеланiе! Генераль Иволгинъ и князь Мышкинъ!

— Не забуду-съ, откланивалась дама, ставшая доувѣрчивѣе.

Сходя внизъ по лѣстницѣ, генераль, еще съ неостывшимъ жаромъ, продолжалъ сожалѣть, что они не застали, и что князь лишился такого очаровательнаго знакомства.

— Знаете, мой милый, я нѣсколько поэтъ въ душѣ, замѣтили вы это? А впрочемъ.... впрочемъ, кажется, мы не совсѣмъ туда заходили, заключилъ онъ вдругъ совершенно неожиданно: — Соколовичи, я теперь вспомнилъ, въ другомъ домѣ живутъ и даже, кажется, теперь въ Москвѣ. Да я нѣсколько ошибся, но это.... ничего.

— Я только объ одномъ хотѣлъ бы знать, уныло замѣтилъ князь, — совершенно ли долженъ я перестать на васъ рассчитывать и ужь не отправиться ли мнѣ одному?

— Перестать? Рассчитывать? Одному? Но съ какой же

стать, когда для меня это составляет капитальнѣйшее предприятие, отъ котораго такъ много зависитъ въ судьбѣ всего моего семейства? Но, молодой другъ мой, вы плохо знаете Иволгина. Кто говоритъ „Иволгинъ“, тотъ говоритъ „стѣна“: надѣйся на Иволгина какъ на стѣну, вотъ какъ говорили еще въ эскадронѣ, съ котораго началъ я службу. Мнѣ вотъ только по дорогѣ на минутку зайти въ одинъ домъ, гдѣ отдыхаетъ душа моя, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, послѣ тревогъ и испытаній....

— Вы хотите зайти домой?

— Нѣтъ! Я хочу.... къ капитаншѣ Терентьевой, вдовѣ капитана Терентьева, бывшаго моего подчиненнаго.... и даже друга.... Здѣсь, у капитанши, я возрождаюсь духомъ, и сюда несю мои житейскія и семейныя горести.... И такъ какъ сегодня я именно съ большимъ нравственнымъ грузомъ, то я....

— Мнѣ кажется, я и безъ того сдѣлалъ ужасную глупость, пробормоталъ князь, — что давеча васъ потревожилъ. Къ тому же вы теперь.... Прощайте!

— Но я не могу, не могу же отпустить васъ отъ себя, молодой другъ мой! вскинулся генералъ: — вдова, мать семейства, и извлекаетъ изъ своего сердца тѣ струны, которыя отзываются во всемъ моемъ существѣ. Визитъ къ ней, — это пять минутъ, въ этомъ домѣ я безъ церемоніи, я тутъ почти-что живу, умоюсь, сдѣлаю самый необходимый туалетъ, и тогда на извожикѣ мы пустимся къ Большому Театру. Будьте увѣрены, что я нуждаюсь въ васъ на весь вечеръ.... Вотъ въ этомъ домѣ, мы уже и пришли.... А, Коля, ты уже здѣсь? Что, Марфа Борисовна дома, или ты самъ только-что пришелъ?

— О, нѣтъ, отвѣчалъ Коля, какъ разъ столкнувшійся вмѣстѣ съ ними въ воротахъ дома, — я здѣсь давнымъ-давно, съ Ипполитомъ, ему хуже, сегодня утромъ лежалъ. Я теперь за картами въ лавочку спускался. Марфа Борисовна васъ ждетъ. Только, папаша, ухъ какъ вы!.... заключилъ Коля, пристально взглядываясь въ походку и въ стойку генерала. — Ну ужъ, пойдете!

Встрѣча съ Колей побудила князя сопровождать генерала

и къ Марѣ Борисовнѣ, но только на одну минуту. Князю нуженъ былъ Коля; генерала же онъ во всякомъ случаѣ рѣшилъ бросить и простить себѣ не могъ, что вздумалъ давеча на него понадѣяться. Взбирались долго, въ четвертый этажъ и по черной лѣстницѣ.

— Князя познакомить хотите? спросилъ Коля дорогой.

— Да, другъ мой, познакомить: генераль Иволгинъ и князь Мышкинъ, но что.... какъ.... Марѣа Борисовна....

— Знаете, папаша, лучше бы вамъ не ходить! Съѣсть! Третій день носа не кажете, а она денегъ ждетъ. Вы зачѣмъ ей денегъ-то обѣщали? Вѣчно-то вы такъ! Теперь и раздѣлывайтесь.

Въ четвертомъ этажѣ остановились предъ низенькою дверью. Генераль видимо робѣлъ и совалъ впередъ князя.

— А я останусь здѣсь, бормоталъ онъ, — я хочу сдѣлать сюрпризъ....

Коля вошелъ первый. Какая-то дама, сильно набѣленная и наруганная, въ туфляхъ, въ куцавейкѣ и съ волосами, заплетенными въ косички, лѣтъ сорока, выглянула изъ дверей, и сюрпризъ генерала неожиданно лопнулъ. Только-что дама увидала его, какъ немедленно закричала:

— Вотъ онъ, низкій и эхидный человѣкъ, такъ и ждало мое сердце!

— Войдемте, это такъ, бормоталъ генераль князю, все еще невинно отсмѣиваясь.

Но это не было такъ. Едва только вошли они чрезъ темную и низенькую переднюю, въ узенькую залу, обставленную полдюжиной плетеныхъ стульевъ и двумя ломберными столиками, какъ хозяйка немедленно стала продолжать какимъ-то заученно-плачевнымъ и обычнымъ голосомъ:

— И не стыдно, не стыдно тебѣ, варваръ и тиранъ моего семейства, варваръ и изувѣръ! Ограбилъ меня всю, соки высосалъ и тѣмъ еще недоволенъ! Доколѣ переносить я тебя буду, безстыдный и безчестный ты человѣкъ!

— Марѣа Борисовна, Марѣа Борисовна! Это... князь Мышкинъ. Генераль Иволгинъ и князь Мышкинъ, бормоталъ трепетавшій и потерявшійся генераль.

— Вѣрите ли вы, вдругъ обратилась капитанша къ князю, — вѣрите ли вы, что этотъ бестыдный человѣкъ не пощадилъ моихъ сиротскихъ дѣтей! Все ограбилъ, все перета-скалъ, все продалъ и заложилъ, ничего не оставилъ. Что я съ твоими заемными письмами дѣлать буду, хитрый и без-совѣстный ты человѣкъ? Отвѣчай, хитрецъ, отвѣчай мнѣ, ненасытное сердце: чѣмъ, чѣмъ я накормлю моихъ сирот-скихъ дѣтей? Вотъ появляется пьяный и на ногахъ не сто-ить.... Чѣмъ прогнѣвала я Господа Бога, гнусный и безо-бразный хитрецъ, отвѣчай?

Но генералу было не до того.

— Марѳа Борисовна, двадцать пять рублей.... все что могу помощію благороднѣйшаго друга. Князь! Я жестоко ошибся! Такова.... жизнь.... А теперь.... извините, я слабъ, продолжалъ генераль, стоя посреди комнаты и раскланиваясь во всѣ стороны; — я слабъ, извините! Леночка! подушку.... милая!

Леночка, восьмилѣтняя дѣвочка, немедленно сбѣгала за подушкой и принесла ее на клеенчатый, жесткій и ободран-ный диванъ. Генераль сѣлъ на него, съ намѣреніемъ еще много сказать, но только что дотронулся до дивана, какъ тотчасъ же склонился на бокъ, повернулся къ стѣнѣ и за-снулъ сномъ праведника. Марѳа Борисовна церемонно и го-рестно показала князю стулъ у ломбернаго стола, сама сѣла напротивъ, подперла рукой правую щеку и начала молча вздыхать, смотря на князя. Трое маленькихъ дѣтей, двѣ дѣвочки и мальчикъ, изъ которыхъ Леночка была старшая, подошли къ столу, всѣ трое положили на столъ руки, и всѣ трое тоже пристально стали разсматривать князя. Изъ дру-гой комнаты показался Коля.

— Я очень радъ, что васъ здѣсь встрѣтилъ, Коля, обра-тился къ нему князь, — не можете ли вы мнѣ помочь? Мнѣ непременно нужно быть у Настасьи Филипповны. Я про-силъ давеча Ардалиона Александровича, но онъ вотъ заснулъ. Проводите меня, потому я не знаю ни улицъ, ни дороги. Адресъ, впрочемъ, имѣю: у Большаго Театра, домъ Мытов-цовой.

— Настасья-то Филипповна? Да она никогда и не жила у Большаго Театра, а отецъ никогда и не бывалъ у Настасьи Филипповны, если хотите знать; странно, что вы отъ него чего-нибудь ожидали. Она живетъ близъ Владимірской, у Пяти Угловъ, это гораздо ближе отсюда. Вамъ сейчасъ? Теперь половина десятаго. Извольте, я васъ доведу.

Князь и Коля тотчасъ же вышли. Увы! Князю не на что было взять и извозчика, надо было идти пѣшкомъ.

— Я было хотѣлъ васъ познакомить съ Ипполитомъ, сказалъ Коля, — онъ старшій сынъ этой куцавешной капитанши и былъ въ другой комнатѣ; нездоровъ и цѣлый день сегодня лежалъ. Но онъ такой странный; онъ ужасно обидчивый, и мнѣ показалось, что ему будетъ васъ совѣстно, такъ какъ вы пришли въ такую минуту.... Мнѣ все-таки не такъ совѣстно какъ ему, потому что у меня отецъ, а у него мать, тутъ все-таки разница, потому что мужскому полу въ такомъ случаѣ нѣтъ безчестія. А впрочемъ, это, можетъ-быть, предразсудокъ насчетъ predominированія въ этомъ случаѣ половъ. Ипполитъ великолѣпный малый, но онъ рабъ чинныхъ предразсудковъ.

— Вы говорите, у него чахотка!

— Да, кажется, лучше бы скорѣе умеръ. Я бы на его мѣстѣ непременно желалъ умереть. Ему братьевъ и сестеръ жалко, вотъ этихъ маленькихъ-то. Еслибы возможно было, еслибы только деньги, мы бы съ нимъ наняли отдѣльную квартиру и отказались бы отъ нашихъ семействъ. Это наша мечта. А знаете что, когда я давеча рассказалъ ему про вашъ случай, такъ онъ даже разозлился, говорить, что тотъ, кто пропуститъ пощечину и не вызоветъ на дуэль, тотъ подлецъ. Впрочемъ, онъ ужасно раздраженъ, я съ нимъ и спорить уже пересталъ. Такъ вотъ какъ, васъ, стало-быть, Настасья Филипповна тотчасъ же и пригласила къ себѣ?

— То-то и есть что нѣтъ.

— Какъ же вы идете? воскликнулъ Коля и даже остановился среди тротуара; — и.... и въ такомъ платьѣ, а тамъ званый вечеръ?

— Ужь ей-Богу не знаю, какъ я войду. — Примутъ — хо-

рошо, нѣтъ—значить дѣло манкировано. А насчетъ платья что жь тутъ дѣлать?

— А у васъ дѣло? Или вы такъ только pour passer le temps въ „благородномъ обществѣ“?

— Нѣтъ, я собственно.... то-есть, я по дѣлу.... мнѣ трудно это выразить, но....

— Ну, по какому именно, это пусть будетъ какъ вамъ угодно, а мнѣ главное то, что вы тамъ не просто напрашиваетесь на вечеръ, въ очаровательное общество камелій, генераловъ и ростовщиковъ. Еслибы такъ было, извините, князь, я бы надъ вами посмѣялся и сталъ бы васъ презирать. Здѣсь ужасно мало честныхъ людей, такъ, даже некого совѣмъ уважать. По неволѣ свысока смотришь, а они всѣ требуютъ уваженія; Варя первая. И замѣтили вы, князь, въ нашъ вѣкъ всѣ авантюристы! И именно у насъ, въ Россіи, въ нашемъ любезномъ отечествѣ. И какъ это такъ все устроилось—не понимаю. Кажется, ужь какъ крѣпко стояло, а что теперь? Это всѣ говорятъ и вездѣ пишутъ. Обличаютъ. У насъ всѣ обличаютъ. Родители первые на понятный и сами своей прежней морали стыдятся. Вонъ, въ Москвѣ, родитель уговаривалъ сына ни *передъ чѣмъ* не отступить для добыванія денегъ; печатно извѣстно. Посмотрите на моего генерала. Ну что изъ него вышло? А впрочемъ, знаете что, мнѣ кажется, что мой генераль честный человекъ; ей-Богу, такъ! Это только все безпорядокъ, да вино. Ей-Богу, такъ! Даже жалко; я только боюсь говорить, потому что всѣ смѣются; а ей-Богу, жалко. И что въ нихъ, въ умныхъ-то? Всѣ ростовщики, всѣ сплошь до одинаго! Исполить ростовщичество оправдываетъ, говорить, что такъ и нужно, экономическое потрясеніе, какіе-то приливы и отливы, чортъ ихъ дери. Мнѣ ужасно это досадно отъ него, но онъ озлобленъ. Вообразите, его мать, каштанша-то, деньги отъ генерала получаетъ, да ему же на скорые проценты и выдаетъ; ужасно стыдно! А знаете, что мамаша, моя, то-есть, мамаша, Нина Александровна, генеральша, Исполиту деньгами, платьемъ, бѣльемъ и всѣмъ помогаетъ, и даже дѣтямъ отчасти, чрезъ Иполита, потому что они у ней заброшены. И Варя тоже.

— Вот видите, вы говорите, людей нѣтъ честныхъ и сильныхъ, и что всѣ только ростовщики; вотъ и явились сильные люди, ваша мать и Варя. Развѣ помогать здѣсь и при такихъ обстоятельствахъ не признакъ нравственной силы?

— Варька изъ самолюбія дѣлаетъ, изъ хвастовства, чтобъ отъ матери не отстать; ну, а мамаша дѣйствительно.... я уважаю. Да, я это уважаю и оправдываю. Даже Ипполитъ чувствуетъ, а онъ почти совсѣмъ ожесточился. Сначала было смѣялся и называлъ это со стороны мамани низостью; но теперь начинаетъ иногда чувствовать. Гм! Такъ вы это называете силой? Я это замѣчу. Ганя не знаетъ, а то бы назвалъ потворствомъ.

— А Ганя не знаетъ? Ганя многого еще, кажется, не знаетъ, вырвалось у задумавшагося князя.

— А знаете, князь, вы мнѣ очень нравитесь. Давешній вашъ случай у меня изъ ума нейдетъ.

— Да и вы мнѣ очень нравитесь, Коля.

— Послушайте, какъ вы намѣрены жить здѣсь? Я скоро достану себѣ занятій и буду кое-что добывать, давайте жить, я, вы и Ипполитъ, всѣ трое вмѣстѣ, наймите квартиру; а генерала будемъ принимать къ себѣ.

— Я съ величайшимъ удовольствіемъ. Но мы, впрочемъ, увидимъ. Я теперь очень.... очень разстроенъ. Что? ужь пришли? Въ этомъ домѣ.... какой великолѣпный подъѣздъ! И швейцаръ. Ну, Коля, не знаю, что изъ этого выйдетъ.

Князь стоялъ какъ потерянный.

— Завтра расскажете! Не робѣйте очень-то. Дай вамъ Богъ успѣха, потому что я самъ вашихъ убѣжденій во всемъ! Прощайте. Я обратно туда-же и расскажу Ипполиту. А что васъ примутъ, въ этомъ и сомнѣнія нѣтъ, не опасайтесь! Она ужасно оригинальная. По этой лѣстницѣ въ первомъ этажѣ, швейцаръ укажетъ!

ХІІІ.

Князь очень беспокоился всходя и старался всѣми силами ободрить себя: „Самое большое, думалъ онъ, — будетъ то,

что не примутъ и что-нибудь нехорошее обо мнѣ подумаютъ, или, пожалуй, и примутъ, да станутъ смѣяться въ глаза... Э, ничего!" И дѣйствительно, это еще не очень пугало; но вопросъ: „что же онъ тамъ сдѣлаетъ и зачѣмъ идетъ?“ на этотъ вопросъ онъ рѣшительно не находилъ успокоительнаго отвѣта. Еслибы даже и можно было какимъ-нибудь образомъ, уловивъ случай, сказать Настасьѣ Филипповнѣ: „Не выходите за этого человѣка и не губите себя, онъ васъ не любитъ, а любитъ ваши деньги, онъ мнѣ самъ это говорилъ, и мнѣ говорила Аглая Епанчина, а я пришелъ вамъ пересказать“, то врядъ ли это вышло бы правильно во всѣхъ отношеніяхъ. Представлялся и еще одинъ неразрѣшенный вопросъ, и до того капитальный, что князь даже думать о немъ боялся, даже допустить его не могъ и не смѣлъ, формулировать какъ не зналъ, краснѣлъ и трепеталъ при одной мысли о немъ. Но кончилось тѣмъ, что несмотря на всѣ эти тревоги и сомнѣнія, онъ все-таки вошелъ и спросилъ Настасью Филипповну.

Настасья Филипповна занимала не очень большую, но дѣйствительно великолѣпно отдѣланную квартиру. Въ эти пять лѣтъ ея петербургской жизни было одно время, въ началѣ, когда Аѳанасій Ивановичъ особенно не жалѣлъ для нея денегъ; онъ еще рассчитывалъ тогда на ея любовь и думалъ соблазнить ее, главное комфортомъ и роскошью, зная какъ легко прививаются привычки роскоши и какъ трудно потомъ отставать отъ нихъ, когда роскошь мало-по-малу обращается въ необходимость. Въ этомъ случаѣ, Тоцкій пребывалъ вѣренъ старымъ добрымъ преданіямъ, не измѣняя въ нихъ ничего, безгранично уважая всю непобѣдимую силу чувственныхъ вліяній. Настасья Филипповна отъ роскоши не отказывалась, даже любила ее, но,—и это казалось чрезвычайно страннымъ,—никакъ не поддавалась ей, точно всегда могла и безъ нея обойтись; даже старалась вѣсколько разъ заявить о томъ, что непріятно поражало Тоцкого. Впрочемъ, многое было въ Настасьѣ Филипповнѣ, что непріятно (а въ послѣдствіи даже до презрѣнія) поражало Аѳанасія Ивановича. Не говоря уже о неизящности того сорта людей, ко-

торыхъ она иногда приближала къ себѣ, а стало-быть, и склонна была приближать, проглядывали въ ней и еще нѣкоторыя совершенно странныя склонности: заявлялась какая-то варварская смѣсь двухъ вкусовъ, способность обходиться и удовлетворяться такими вещами и средствами, которыхъ и существованіе нельзя бы, кажется, было допустить человѣку порядочному и тонко развитому. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы, говоря къ примѣру, Настасья Филипповна выказала вдругъ какое-нибудь милое и изящное незваніе, въ родѣ, на примѣръ, того, что крестьянки не могутъ носить батистоваго бѣлья, какое она носить, то Аѳанасій Ивановичъ, кажется, былъ бы этимъ чрезвычайно доволенъ. Къ этимъ результатамъ клонилось первоначально и все воспитаніе Настасьи Филипповны, по программѣ Тоцкого, который въ этомъ родѣ былъ очень понимающій человѣкъ; но увы! результаты оказались странныя. Несмотря однакожь на то, все-таки было и оставалось что-то въ Настасьѣ Филипповнѣ, что иногда поражало даже самого Аѳанасія Ивановича необыкновенною и увлекательною оригинальностью, какою-то силой, и прельщало его иной разъ даже и теперь, когда уже рухнули всѣ прежніе расчеты его на Настасью Филипповну.

Князя встрѣтила дѣвушка (прислуга у Настасьи Филипповны постоянно была женская) и, къ удивленію его, выслушала его просьбу доложить о немъ безо всякаго недоумѣнія. Ни грязные сапоги его, ни широкополая шляпа, ни плащъ безъ рукавовъ, ни сконфуженный видъ, не произвели въ ней ни малѣйшаго колебанія. Она сняла съ него плащъ, пригласила подождать въ пріемной и тотчасъ же отправилась о немъ докладывать.

Общество, собравшееся у Настасьи Филипповны, состояло изъ самыхъ обыкновенныхъ и всегдашнихъ ея знакомыхъ. Было даже довольно малоллюдно, сравнительно съ прежними годичными собраніями въ такіе же дни. Присутствовали, во-первыхъ и въ главныхъ, Аѳанасій Ивановичъ Тоцкій и Иванъ Ѳедоровичъ Епанчинъ; оба были любезны, но оба были въ нѣкоторомъ затаенномъ безпокойствѣ по поводу худо скрываемаго ожиданія обѣщаннаго объявленія на счетъ Гани. Кромѣ

нихъ, разумѣется, былъ и Ганя, — тоже очень мрачный, очень задумчивый и даже почти совсѣмъ „нелюбезный“, большею частію стоявшій въ сторонѣ, поодаль, и молчавшій. Варю онъ привезти не рѣшился, но Настасья Филипповна и не упоминала о ней; за то, только-что поздоровалась съ Ганей, припомнила о давешней его сценѣ съ княземъ. Генераль, еще не слышавшій о ней, сталъ интересоваться. Тогда Ганя сухо, сдержанно, но совершенно откровенно разсказалъ все что давеча произошло, и какъ онъ уже ходилъ къ князю просить извиненія. При этомъ онъ горячо высказалъ свое мнѣніе, что князя весьма странно и Богъ знаетъ съ чего называли „идіотомъ“, что онъ думаетъ о немъ совершенно на-противъ, и что ужь конечно этотъ человѣкъ себѣ на умѣ“. Настасья Филипповна выслушала этотъ отзывъ съ большимъ вниманіемъ и любопытно слѣдила за Ганей, но разговоръ тотчасъ же перешелъ на Рогожина, такъ капитально участвовавшаго въ утрешней исторіи, и которымъ тоже съ чрезвычайнымъ любопытствомъ стали интересоваться Аванасій Ивановичъ и Иванъ Ѳедоровичъ. Оказалось, что особенныя свѣдѣнія о Рогожинѣ могъ сообщить Птицынъ, который бился съ нимъ по его дѣламъ чуть не до девяти часовъ вечера. Рогожинъ настаивалъ изо всѣхъ силъ, чтобы достать сегодня же сто тысячъ рублей. „Онъ, правда, былъ пьянъ, — замѣтилъ при этомъ Птицынъ, — но сто тысячъ, какъ это ни трудно, ему, кажется, достанутъ, только не знаю, сегодня ли, и всѣ ли; а работаютъ многіе, Киндеръ, Трепаловъ, Бискупъ; проценты даетъ какіе угодно, конечно все съ пьяну и съ первой радости...“ заключилъ Птицынъ. Всѣ эти извѣстія были приняты съ интересомъ, отчасти мрачнымъ; Настасья Филипповна молчала, видимо не желая высказываться; Ганя тоже. Генераль Епанчинъ беспокоился про себя чуть не пуще всѣхъ: жемчугъ, представленный имъ еще утромъ, былъ принятъ съ любезностью слишкомъ холодною, и даже съ какою-то особенною усмѣшкой. Одинъ Фердыщенко состоялъ изъ всѣхъ гостей въ развеселомъ и праздничномъ расположеніи духа и громко хохоталъ иногда неизвѣстно чему, да и то потому только, что самъ навязалъ

на себя роль шута. Самъ Аѳанасій Ивановичъ, слывшій за тонкаго и изящнаго разскащика, а въ прежнее время на этихъ вечерахъ обыкновенно управлявшій разговоромъ, былъ видимо не въ духѣ и даже въ какомъ-то несвойственномъ ему замѣшательствѣ. Остальные гости, которыхъ было впрочемъ не много (одинъ жалкій старичокъ-учитель, Богъ знаетъ для чего приглашенный, какой-то неизвѣстный и очень молодой человекъ, ужасно робѣвшій и все время молчавшій, одна бойкая дама лѣтъ сорока, изъ актрисъ, и одна чрезвычайно красивая, чрезвычайно хорошо и богато одѣтая и необыкновенно неразговорчивая молодая дама), не только не могли особенно оживить разговоръ, но даже и просто иногда не знали о чемъ говорить.

Такимъ образомъ появленіе князя произошло даже кстати. Возвѣщеніе о немъ произвело недоумѣніе и нѣсколько странныхъ улыбокъ, особенно когда по удивленному виду Настасьи Филипповны узнали, что она вовсе и не думала приглашать его. Но послѣ удивленія Настасья Филипповна выказала вдругъ столько удовольствія, что большинство тотчасъ же приготовилось встрѣтить нечаяннаго гостя и смѣхомъ, и весельемъ.

— Это, положимъ, произошло по его невинности, — заключилъ Иванъ Ѳедоровичъ Епанчинъ, — и во всякомъ случаѣ поощрять такія наклонности довольно опасно, но, въ настоящую минуту, право, не дурно, что онъ вздумалъ пожаловать, хотя бы и такимъ оригинальнымъ манеромъ: онъ можетъ-быть, и повеселить насъ, сколько я о немъ по крайней мѣрѣ могу судить.

— Тѣмъ болѣе, что самъ напросился! тотчасъ включилъ Фердыщенко.

— Такъ что жь изъ того? сухо спросилъ генераль, ненавидѣвшій Фердыщенка.

— А то, что заплатитъ за входъ, пояснилъ тотъ.

— Ну, князь Мышкинъ не Фердыщенко, все-таки-съ, не утерпѣлъ генераль, до сихъ поръ не могшій помириться съ мыслью находиться съ Фердыщенкомъ въ одномъ обществѣ и на равной ногѣ.

— Эй, генераль, щадите Фердыщенко, отвѣтилъ тотъ, ухмыляясь.—Я вѣдь на особыхъ правахъ.

— На какихъ это вы на особыхъ правахъ?

— Проглый разъ я имѣлъ честь подробно разъяснить это обществу; для вашего превосходительства повторю еще разъ. Изволите видѣть, ваше превосходительство: у всѣхъ остроуміе, а у меня нѣтъ остроумія. Въ вознагражденіе я и выпросилъ позволеніе говорить правду, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что правду говорятъ только тѣ, у кого нѣтъ остроумія. Къ тому же я человекъ очень метительный, и тоже потому, что безъ остроумія. Я обиду всякую покорно сношу, но до первой неудачи обидчика; при первой же неудачѣ, тотчасъ припоминаю и тотчасъ же чѣмъ-нибудь отомщаю, лягаю, какъ выразился обо мнѣ Иванъ Петровичъ Птицынъ, который ужь конечно самъ никогда не лягаетъ. Знаете Крылова басню, ваше превосходительство: „Левъ да Осель“? Ну, вотъ это мы оба съ вами и есть, про насъ и написано.

— Вы, кажется, опять заврались, Фердыщенко, вскинулъ генераль.

— Да вы чего, ваше превосходительство? подхватилъ Фердыщенко, такъ и рассчитывавшій, что можно будетъ подхватить и еще побольше размазать:—не безнокойтесь, ваше превосходительство, я свое мѣсто знаю: если я и сказалъ, что мы съ вами Левъ да Осель изъ Крылова басни, то роль Осла я ужь конечно беру на себя, а ваше превосходительство—Левъ, какъ и въ баснѣ Крылова сказано:

«Могучій Левъ, гроза лѣсовъ
Отъ старости лишился силы».

А я, ваше превосходительство,— осель.

— Съ послѣднимъ я согласенъ, неосторожно вырвалось у генерала.

Все это было, конечно, грубо и преднамѣренно выдѣлано, но такъ ужь принято было, что Фердыщенко позволялось играть роль шута.

— Да меня для того только и держать, и пускаютъ сюда, воскликнулъ разъ Фердыщенко,— чтобъ я именно говорилъ въ этомъ духѣ. Ну возможно ли въ самомъ дѣлѣ такого

какъ я принимать? Вѣдь я понимаю же это. Ну можно ли меня, такого Фердыщенка, съ такимъ утонченнымъ джентльменомъ, какъ Аѳанасій Ивановичъ, рядомъ посадить? По неволѣ остается одно толкованіе: для того и сажаютъ, что это и вообразить невозможно.

Но хоть и грубо, а все-таки бывало и ѣдко, а иногда даже очень, и это-то, кажется, и нравилось Настасьѣ Филипповнѣ. Желающимъ непременно бывать у нея оставалось рѣшиться переносить Фердыщенка. Онъ, можетъ-быть, и полную правду угадалъ, предположивъ, что его съ того и начали принимать, что онъ съ перваго разу сталъ своимъ присутвіемъ невозможенъ для Тоцкого. Ганя, съ своей стороны, вынесъ отъ него цѣлую безконечность мученій, и въ этомъ отношеніи Фердыщенко сумѣлъ очень пригодиться Настасьѣ Филипповнѣ.

— А князь у меня съ того и начнетъ, что модный романсъ споетъ, заключилъ Фердыщенко, поглядывая, что скажетъ Настасья Филипповна.

— Не думаю, Фердыщенко, и пожалуйста, не горячитесь, сухо замѣтила она.

— А-а! Если онъ подъ особымъ покровительствомъ, то смягчаюсь и я....

Но Настасья Филипповна встала, не слушая, и пошла сама встрѣтить князя.

— Я сожалѣла, сказала она, появляясь вдругъ передъ княземъ, — что давеча, въ поныхахъ, забыла пригласить васъ къ себѣ, и очень рада, что вы сами доставляете мнѣ теперь случай поблагодарить и похвалить васъ за вашу рѣшимость.

Говоря это, она пристально всматривалась въ князя, силясь хоть сколько-нибудь растолковать себѣ его поступокъ.

Князь, можетъ-быть, и отвѣтилъ бы что-нибудь на ея любезныя слова, но былъ ослѣпленъ и пораженъ до того, что не могъ даже выговорить слова. Настасья Филипповна замѣтила это съ удовольствіемъ. Въ этотъ вечеръ она была въ полномъ туалетѣ и производила необыкновенное впечатлѣніе. Она взяла его за руку и повела къ гостямъ. Передъ

самымъ входомъ въ гостиную князь вдругъ остановился и съ необыкновеннымъ волненіемъ, снѣша, прошепталъ ей:

— Въ васъ все совершенство... даже то, что вы худы и блѣдны... васъ и не желаю представить иначе.... Мнѣ такъ захотѣлось къ вамъ придти.... я.... простите....

— Не просите прощенія, засмѣялась Настасья Филипповна;—этимъ нарушится вся странность и оригинальность. А правду, стало-быть, про васъ говорятъ, что вы человѣкъ странный. Такъ вы, стало-быть, меня за совершенство почитаете, да?

— Да.

— Вы хоть и мастеръ угадывать, однакожь ошиблись. Я вамъ сегодня же объ этомъ напомнимъ....

Она представила князя гостямъ, изъ которыхъ большей половиной онъ былъ уже извѣстенъ. Тоцкій тотчасъ же сказалъ какую-то любезность. Всѣ какъ бы нѣсколько оживились, всѣ разомъ заговорили и засмѣялись. Настасья Филипповна усадила князя подлѣ себя.

— Но однако, что же удивительнаго въ появленіи князя? закричалъ громче всѣхъ Фердыщенко: — дѣло ясное, дѣло само за себя говорить!

— Дѣло слишкомъ ясное и слишкомъ за себя говорить, подхватилъ вдругъ молчавшій Ганя. — Я наблюдалъ князя сегодня почти безостановочно, съ самаго мгновенія, когда онъ давеча въ первый разъ поглядѣлъ на портретъ Настасьи Филипповны, на столѣ у Ивана Ѳедоровича. Я очень хорошо помню, что еще давеча о томъ подумалъ, въ чемъ теперь убѣжденъ совершенно, и въ чемъ, мимоходомъ сказать, князь мнѣ самъ признался.

Всю эту фразу Ганя высказалъ чрезвычайно серьезно, безъ малѣйшей шутливости, даже мрачно, что показалось нѣсколько страннымъ.

— Я не дѣлалъ вамъ признаній, отвѣтилъ князь покраснѣвъ,—я только отвѣтилъ на вашъ вопросъ.

— Bravo, bravo! закричалъ Фердыщенко: — по крайней мѣрѣ искренно; и хитро и искренно!

Всѣ громко смѣялись.

— Да не кричите, Фердыщенко, съ отвращеніемъ замѣтилъ ему вполголоса Птицынъ.

— Я, князь, отъ васъ такихъ пружсовъ не ожидалъ, промолвилъ Иванъ Федоровичъ;— да знаете ли кому это будетъ въ пору? А я-то васъ считалъ за философа! Ай да тихонькій!

— И судя по тому, что князь краснѣетъ отъ невинной шутки, какъ невинная молодая дѣвица, я заключаю, что онъ, какъ благородный юноша, питаетъ въ своемъ сердцѣ самыя похвальные намѣренія, — вдругъ и совершенно неожиданно проговорилъ или, лучше сказать, прошамкалъ беззубый и совершенно до сихъ поръ молчавшій семидесятилѣтній старичокъ-учитель, отъ котораго никто не могъ ожидать, что онъ хоть заговорить-то въ этотъ вечеръ. Всѣ еще больше засмѣялись. Старичокъ, вѣроятно подумавшій, что смѣются его остроумію, принялся, глядя на всѣхъ, еще пуще смѣяться, причемъ жестоко раскашлялся, такъ что Настасья Филипповна, чрезвычайно любившая почему-то всѣхъ подобныхъ оригиналовъ-старичковъ, старушекъ и даже юродивыхъ, принялась тотчасъ же ласкать его, расцѣловала и велѣла подать ему еще чаю. У вошедшей служанки она спросила себѣ мантилью, въ которую и закуталась, и приказала прибавить еще дровъ въ каминъ. На вопросъ который часъ, служанка отвѣтила, что уже половина одиннадцатаго.

— Господа, не хотите ли пить шампанское, пригласила вдругъ Настасья Филипповна. — У меня приготовлено. Можетъ-быть вамъ станетъ веселѣе. Пожалуйста, безъ церемоніи.

Предложеніе пить, и особенно въ такихъ наивныхъ выраженіяхъ, показалось очень страннымъ отъ Настасьи Филипповны. Всѣ знали необыкновенную чинность на ея прежнихъ вечерахъ. Вообще вечеръ становился веселѣе, но не по-обычному. Отъ вина однако не отказались, во первыхъ самъ генераль, вовторыхъ бойкая барыня, старичокъ, Фердыщенко, за ними и всѣ. Тоцкій взялъ тоже свой бокалъ, надѣясь уга монировать наступающій новый тонъ, придавъ ему по возможности характеръ милой шутки. Одинъ только Ганя ничего не пилъ. Въ странныхъ же, иногда очень рѣз-

кихъ и быстрыхъ выходкахъ Настасьи Филипповны, которая тоже взяла вина и объявила, что сегодня вечеромъ выпьетъ три бокала, въ ея истерическомъ и безпредметномъ смѣхѣ, перемежающемся вдругъ съ молчаливою и даже угрюмою задумчивостью, трудно было и понять что-нибудь. Одни подозрѣвали въ ней лихорадку; стали наконецъ замѣчать, что и она какъ бы ждетъ чего-то сама, часто посматриваетъ на часы, становится нетерпѣливою, разсѣянною.

— У васъ какъ будто маленькая лихорадка? спросила бойкая барыня.

— Даже большая, а не маленькая, я для того и въ мантилью закуталась, отвѣтила Настасья Филипповна, въ самомъ дѣлѣ ставшая блѣднѣе и какъ будто по временамъ сдерживавшая въ себѣ сильную дрожь.

Всѣ затревожились и зашевелились.

— А не дать ли намъ хозяйкѣ покой? высказался Тоцкій, посматривая на Ивана Ѳедоровича.

— Отнюдь нѣтъ, господа! Я именно прошу васъ сидѣть. Ваше присутствіе особенно сегодня для меня необходимо, настойчиво и значительно объявила вдругъ Настасья Филипповна. И такъ какъ почти уже всѣ гости узнали, что въ этотъ вечеръ назначено быть очень важному рѣшенію, то слова эти показались чрезвычайно вѣскими. Генераль и Тоцкій еще разъ переглянулись, Ганя судорожно шевельнулся.

— Хорошо въ пяти-жѣ какое-нибудь играть, сказала бойкая барыня.

— Я знаю одно великолѣпнѣйшее и новое пяти-же, подхватилъ Фердыщенко; — по крайней мѣрѣ такое, что однажды только и происходило на свѣтѣ, да и то не удалось.

— Что такое? спросила бойкая барыня.

— Насъ однажды компанія собралась, ну, и подписали это, правда, и вдругъ кто-то сдѣлалъ предложеніе, чтобы каждый изъ насъ, не вставая изъ-за стола, рассказалъ что-нибудь про себя вслухъ, но такое, что самъ онъ, по искренней совѣсти, считаетъ самымъ дурнымъ изъ всѣхъ своихъ дурныхъ поступковъ въ продолженіе всей своей жизни; но

съ тѣмъ чтобъ искренно, главное, чтобъ было искренно, не лгать!

— Странная мысль, сказалъ генераль.

— Да ужъ чего страннѣе, ваше превосходительство, да тѣмъ-то и хорошо.

— Смѣшная мысль, сказалъ Гоцкій, — а впрочемъ, понятная: хвастовство особаго рода.

— Можетъ, того-то и надо было, Аѳанасій Ивановичъ.

— Да этакъ заплачешь, а не засмѣешься, съ такимъ пети-жѣ, замѣтила бойкая барыня.

— Вещь совершенно невозможная и нелѣпая, отозвался Птицынъ.

— А удалось? спросила Настасья Филипповна.

— То-то и есть что нѣтъ, вышло скверно, всякъ дѣйствительно кое-что рассказалъ, многіе правду, и представьте себѣ, вѣдь даже съ удовольствіемъ иные рассказывали, а потомъ всякому стыдно стало, не выдержали! Въ цѣломъ, впрочемъ, было превесело, въ своемъ, то-есть, родѣ.

— А право, это бы хорошо! замѣтила Настасья Филипповна, вдругъ вся оживляясь. — Право бы попробовать, господа! Въ самомъ дѣлѣ, намъ какъ-то не весело. Еслибы каждый изъ насъ согласился что-нибудь рассказать.... въ этомъ родѣ.... разумѣется, по согласію, тутъ полная воля, а? Можетъ, мы выдержимъ? По крайней мѣрѣ, ужасно оригинально....

— Геніальная мысль! подхватилъ Фердыщенко. — Барыни, впрочемъ, исключаются, начинаютъ мущины; дѣло устраивается по жребію, какъ и тогда! Непремѣнно, непремѣнно! Кто очень не хочетъ, тотъ, разумѣется, не рассказываетъ, но вѣдь надо же быть особенно не любезнымъ! Давайте ваши жеребьи, господа, сюда, ко мнѣ, въ шляпу, князь будетъ вынимать. Задача самая простая, самый дурной поступокъ изъ всей своей жизни рассказать, — это ужасно легко, господа! Вотъ, вы увидите! Если же кто позабудетъ, то я тотчасъ берусь напомнить!

Идея никому не нравилась. Одни хмурились, другіе лукаво

улыбались. Нѣкоторые возражали, но не очень, на примѣръ Иванъ Ѳедоровичъ, не желавшій перечить Настасьѣ Филипповнѣ и замѣтившій какъ увлекаетъ ее эта странная мысль. Въ желаніяхъ своихъ Настасья Филипповна всегда была неудержима и беспощадна, если только рѣшалась высказывать ихъ, хотя бы это были самыя капризные и даже для нея самой безполезныя желанія. И теперь она была какъ въ истерикѣ, суежилась, смѣялась судорожно, припадочно, особенно на возраженія встревоженнаго Тоцкаго. Темные глаза ея засверкали, на блѣдныхъ щекахъ показались два красныя пятна. Унылый и брезгливый оттѣнокъ фізіономіи нѣкоторыхъ изъ гостей, можетъ-быть, еще болѣе разжигалъ ея насмѣшливое желаніе; можетъ-быть, ей именно нравилась циничность и жестокость идеи. Иные увѣрены были, что у ней тутъ какой-нибудь особый расчетъ. Впрочемъ, стали соглашаться: во всякомъ случаѣ было любопытно, а для многихъ такъ очень заманчиво. Фердыщенко суежился болѣе всѣхъ.

— А если что-нибудь такое, что и рассказать невозможно.... при дамахъ, робко замѣтилъ молчавшій юноша.

— Такъ вы это и не рассказывайте; будто мало и безъ того скверныхъ поступковъ, отвѣтилъ Фердыщенко;— эхъ вы, юноша!

— А я вотъ и не знаю, который изъ моихъ поступковъ самымъ дурнымъ считать, включила бойкая барыня.

— Дамы отъ обязанности рассказывать увольняются, повторилъ Фердыщенко,—но только увольняются; собственное вдохновеніе съ признательностью допускается. Мужчины же, если ужъ слишкомъ не хотятъ, увольняются.

— Да какъ тутъ доказать, что я не солгу? спросилъ Ганя:— а если солгу, то вся мысль игры пропадаетъ. И кто же не солжетъ? Всякій непременно лгать станетъ.

— Да ужъ одно то заманчиво, какъ тутъ будетъ лгать человѣкъ. Тебѣ же, Ганечка, особенно опасаться нечего что солжешь, потому что самый скверный поступокъ твой и безъ того всѣмъ извѣстенъ. Да вы подумайте только, господа, воскликнулъ вдругъ въ какомъ-то вдохновеніи Фердыщенко,— подумайте только, какими глазами мы потомъ другъ на

друга будемъ глядѣть, завтра напримѣръ, послѣ разска-
зовъ-то!

— Да развѣ это возможно? Неужели это въ самомъ дѣлѣ
серіозно, Настасья Филипповна? съ достоинствомъ спросилъ
Тоцкій.

— Волка бояться въ лѣсъ не ходить! съ усмѣшкой за-
мѣтила Настасья Филипповна.

— Но позвольте, господинъ Фердыщенко, развѣ возмож-
но устроить изъ этого пети-жѣ? продолжалъ, тревожась все
болѣе и болѣе, Тоцкій; —увѣряю васъ, что такія вещи ни-
когда не удаются; вы же сами говорите, что это не удалось
уже разъ.

— Какъ не удалось! Я рассказалъ же прошедшій разъ,
какъ три цѣлковыхъ украсть, такъ-таки взялъ да и раз-
сказалъ!

— Положимъ. Но вѣдь возможности не было, чтобы вы
такъ рассказали, что стало похоже на правду и вамъ повѣ-
рили? А Гаврила Ардалионовичъ совершенно справедливо за-
мѣтилъ, что чуть-чуть послышится фальшь, и вся мысль
игры пропадаетъ. Правда возможна тутъ только случайно,
при особаго рода хвастливомъ настроеніи слишкомъ дурнаго
тона, здѣсь невымыслимомъ и совершенно неприличномъ.

— Но какой же вы утонченнѣйшій человѣкъ, Аѳанасій
Ивановичъ, такъ даже меня дивите? вскричалъ Фердыщен-
ко;—представьте себѣ, господа, своимъ замѣчаніемъ, что я
не могъ рассказать о моемъ воровствѣ такъ, чтобы стало
похоже на правду, Аѳанасій Ивановичъ тончайшимъ обра-
зомъ намекаетъ, что я и не могъ въ самомъ дѣлѣ украсть
(потому что это вслухъ говорить неприлично), хотя, мо-
жетъ-быть, совершенно увѣренъ самъ про себя, что Ферды-
щенко и очень бы могъ украсть! Но къ дѣлу, господа, къ
дѣлу, жеребьи собраны, да и вы, Аѳанасій Ивановичъ, свой поло-
жили, стало-быть, никто не отказывается! Князь, вынимайте.

Князь молча опустилъ руку въ шляпу и вынулъ первый
жеребій — Фердыщенка, второй—Птицына, третій—генерала,
четвертый — Аѳанасія Ивановича, пятый — свой, шестой —
Гани и т. д. Дамы жеребьевъ не положили.

— О Боже, какое несчастіе! вскричалъ Фердыщенко:— а я-то думалъ, что первая очередь выйдетъ князю, а вторая— генералу. Но, слава Богу, по крайней мѣрѣ Иванъ Петровичъ послѣ меня, и я буду вознагражденъ. Ну, господа, конечно, я обязанъ подать благородный примѣръ, но всего болѣе жалѣю въ настоящую минуту о томъ, что я такъ ничтоженъ и ничѣмъ не замѣчателенъ; даже чинъ на мнѣ самый премаленькій; ну что въ самомъ дѣлѣ интереснаго въ томъ, что Фердыщенко сдѣлалъ скверный поступокъ? Да и какой мой самый дурной поступокъ? Тутъ *embarras de richesse*. Развѣ опять про то же самое воровство рассказать, чтобъ убѣдить Аѳанасія Ивановича, что можно украсть, воровъ не бывши.

— Вы меня убѣждаете и въ томъ, господинъ Фердыщенко, что дѣйствительно можно ощущать удовольствіе до упоенія, рассказывая о сальныхъ своихъ поступкахъ, хотя бы о нихъ и не спрашивали.... А впрочемъ.... Извините, господинъ Фердыщенко.

— Начинайте, Фердыщенко, вы ужасно много болтаете лишняго и никогда не докончите! раздражительно и нетерпѣливо приказала Настасья Филипповна.

Всѣ замѣтили, что послѣ своего недавняго припадочнаго смѣха, она вдругъ стала даже угрюма, брюзглива и раздражительна; тѣмъ не менѣе упрямо и деспотично стояла на своей невозможной прихоти. Аѳанасій Ивановичъ страдалъ ужасно. Бѣсилъ его и Иванъ Ѳедоровичъ: онъ сидѣлъ за шампанскимъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и даже, можетъ-быть, рассчитывалъ рассказать что-нибудь, въ свою очередь.

XIV.

— Остроумія нѣтъ, Настасья Филипповна, оттого и болтаю лишнее! вскричалъ Фердыщенко, начиная свой рассказъ:— было бѣ у меня такое же остроуміе, какъ у Аѳанасія Ивановича, или у Ивана Петровича, такъ я бы сегодня все сидѣлъ да молчалъ, подобно Аѳанасію Ивановичу и Ивану Петровичу. Князь, позвольте васъ спросить, какъ вы ду-

маете, мнѣ вотъ все кажется, что на свѣтѣ гораздо больше воровъ чѣмъ не воровъ, и что нѣтъ даже такого самого честнаго человѣка, который бы хоть разъ въ жизни чего-нибудь не укралъ. Это моя мысль, изъ чего, впрочемъ, я вовсе не заключаю, что все сплошь одни воры, хотя, ей-Богу, ужасно бы хотѣлось иногда и это заключить. Какъ же вы думаете?

— Фу, какъ вы глупо рассказываете, отозвалась Дарья Алексѣевна, — и какой вздоръ, не можетъ быть, чтобы всѣ что-нибудь да украли; я никогда ничего не украла.

— Вы ничего никогда не украли, Дарья Алексѣевна; но что скажетъ князь, который вдругъ весь покраснѣлъ?

— Мнѣ кажется, что вы говорите правду, но только очень преувеличиваете, сказалъ князь, дѣйствительно отчего-то покраснѣвшій.

— А вы сами, князь, ничего не украли?

— Фу! какъ это смѣшно! Опомнитесь, господинъ Фердыщенко, вступился генералъ.

— Просто-за-просто, какъ пришлось къ дѣлу, такъ и стыдно стало рассказывать, вотъ и хотите князя съ собой же прицѣпить, благо онъ безотвѣтный, отчеканила Дарья Алексѣевна.

— Фердыщенко, или рассказывайте, или молчите и знайте одного себя. Вы истощаете всякое терпѣніе, рѣзко и досадливо проговорила Настасья Филипповна.

— Сію минуту, Настасья Филипповна; но ужь если князь сознался, потому что я стою на томъ, что князь все равно что сознался, то что же бы, на примѣръ, сказалъ другой кто-нибудь (никого не называя), еслибы захотѣлъ когда-нибудь правду сказать? Что же касается до меня, господа, то дальше и рассказывать совсѣмъ нечего: очень просто, и глупо, и скверно. Но увѣряю васъ, что я не воръ; укралъ же, не знаю какъ. Это было третьяго года, на дачѣ у Семена Ивановича Ищенка, въ воскресенье. У него обѣдали гости. После обѣда мушкетеры остались за виномъ. Мнѣ вздумалось попросить Марью Семеновну, дочку его, барышню, что-нибудь на фортепіано сыграть. Прохожу чрезъ угловую ком-

нату, на рабочемъ столикѣ у Марьи Ивановны три рубля лежатъ, зеленая бумажка: вынула, чтобы выдать для чего-то по хозяйству. Въ комнатѣ никошоенько. Я взялъ бумажку и положилъ въ карманъ, для чего—не знаю. Что на меня нашло—не понимаю. Только я поскорѣй воротился и сѣлъ за столъ. Я все сидѣлъ и ждалъ, въ довольно сильномъ волненіи, болталъ безъ умолку, анекдоты рассказывалъ, смѣялся; подсѣлъ потомъ къ барынямъ. Черезъ полчаса, примѣрно, хватились и стали спрашивать у служанокъ. Дарью служанку заподозрили. Я выказалъ необыкновенное любопытство и участіе, и помню даже, когда Дарья совсѣмъ потерялась, сталъ убѣждать ее, чтобы она повинилась, головой ручаясь за доброту Марьи Ивановны, и это вслухъ, и при всѣхъ. Всѣ глядѣли, а я необыкновенное удовольствіе ощущалъ именно оттого, что я проповѣдую, а бумажка-то у меня въ карманѣ лежитъ. Эти три цѣлковыхъ я въ тотъ же вечеръ пропилъ въ ресторанѣ. Вошелъ и спросилъ бутылку лафиту; никогда до того я не спрашивалъ такъ одну бутылку, безъ ничего; захотѣлось поскорѣе истратить. Особеннаго угрызенія совѣсти я ни тогда, ни потомъ не чувствовалъ. Другой разъ навѣрное не повторилъ бы; этому вѣрьте, или нѣтъ, какъ угодно, я не интересуюсь. Ну-съ, вотъ и все.

— Только ужь, конечно, это не самый худшій вашъ поступокъ, съ отвращеніемъ сказала Дарья Алексѣевна.

— Это психологическій случай, а не поступокъ, замѣтилъ Аѳанасій Ивановичъ.

— А служанка? спросила Настасья Филипповна, не скрывая самаго брезгливаго отвращенія.

— А служанку согнали на другой же день, разумѣется. Это строгій домъ.

— И вы допустили?

— Вотъ прекрасно! Такъ неужели же мнѣ было пойти и сказать на себя? захихикалъ Фердыщенко, впрочемъ, пораженный отчасти общимъ, слишкомъ непріятнымъ, впечатлѣніемъ отъ его разказа.

— Какъ это грязно! вскричала Настасья Филипповна.

— Ва! Вы хотите отъ челоуѣка слышать самый скверный его поступокъ, и при этомъ блеска требуете! Самые скверные поступки и всегда очень грязны, мы сейчасъ это отъ Ивана Петровича услышимъ; да и мало ли что снаружи блеститъ и добродѣтелью хочетъ казаться, потому что своя карета есть. Мало ли кто свою карету имѣетъ... И какими способами...

Однимъ словомъ, Фердыщенко совершенно не выдержалъ и вдругъ озлобился, даже до забвенія себя, перешелъ чрезъ мѣрку; даже все лицо его покривилось. Какъ ни странно, но очень могло быть, что онъ ожидалъ совершенно другаго успѣха отъ своего разсказа. Эти „промахи“ дурнаго тона и „хвастовство особаго рода“, какъ выразился объ этомъ Тоцкій, случались весьма часто съ Фердыщенко и были совершенно въ его характерѣ.

Настасья Филипповна даже вздрогнула отъ гнѣва и пристально поглядѣла на Фердыщенка; тотъ мигомъ струсилъ и примолкъ, чуть не похолодѣвъ отъ испуга: слишкомъ далеко ужь зашелъ.

— А не кончить ли совсѣмъ? лукаво спросилъ Аѳанасій Ивановичъ.

— Очередь моя, но я пользуюсь моею льготой и не стану разсказывать, рѣшительно сказалъ Птицынъ.

— Вы не хотите?

— Не могу, Настасья Филипповна; да и вообще считаю такое пяти-жѣ невозможнымъ.

— Генераль, кажется, по очереди слѣдуетъ вамъ, обратилась къ нему Настасья Филипповна, — если и вы откажетесь, то у насъ все вслѣдъ за вами разстроится, и мнѣ будетъ жаль, потому что я рассчитывала разсказать въ заключеніе одинъ поступокъ „изъ моей собственной жизни“, но только хотѣла послѣ васъ и Аѳанасія Ивановича, потому что вы должны же меня ободрить, заключила она, разсмѣявшись.

— О, если и вы обѣщаетесь, съ жаромъ вскричалъ генераль, — то я готовъ вамъ хотъ всю мою жизнь пересказать; но я, признаюсь, ожидая очереди, уже приготовилъ свой анекдотъ...

— И уже по одному виду его превосходительства можно заключить, съ какимъ особеннымъ литературнымъ удовольствіемъ онъ обработалъ свой анекдотикъ, осмѣлился замѣтить все еще нѣсколько смущенный Фердыщенко, ядовито улыбаясь.

Настасья Филипповна мелькомъ взглянула на генерала и тоже про себя улыбнулась. Но видно было, что тоска и раздражительность усиливались въ ней все сильнѣе и сильнѣе. Аонасій Ивановичъ испугался вдвое, услышавъ про обѣщаніе разсказа.

— Мнѣ, господа, какъ и всякому, случалось дѣлать поступки не совсѣмъ изящныя въ моей жизни, началъ генералъ, — но страннѣе всего то, что я самъ считаю коротенькій анекдотъ, который сейчасъ разскажу, самымъ сквернѣйшимъ анекдотомъ изъ всей моей жизни. Между тѣмъ тому прошло чуть не тридцать пять лѣтъ; но никогда-то я не могъ оторваться, при воспоминаніи, отъ нѣкотораго, такъ сказать, скребущаго по сердцу впечатлѣнія. Дѣло, впрочемъ, чрезвычайно глупое: былъ я тогда еще только-что прапорщикомъ и въ арміи лямку тянулъ. Ну, извѣстно, прапорщикъ: кровь кипяткомъ, а хозяйство копѣечное; завелся у меня тогда деньщикъ, Никифоръ, и ужасно о хозяйствѣ моемъ заботился, копилъ, зашивалъ, скребъ и чистилъ, и даже вездѣ воровалъ все, что могъ стянуть, чтобы только въ домѣ приумножить; вѣрнѣйшій и честнѣйшій былъ человекъ. Я, разумѣется, былъ строгъ, но справедливъ. Нѣкоторое время случилось намъ стоять въ городкѣ. Мнѣ отвели въ форштатѣ квартиру у одной отставной подпоручицы и къ тому же вдовы. Лѣтъ восьмидесяти, или по крайней мѣрѣ около, была старушонка. Домишко у ней былъ ветхій, дрянной, деревянный, и даже служанки у себя не имѣла по бѣдности. Но главное, тѣмъ отличалась, что нѣкогда имѣла многочисленнѣйшее семейство и родныхъ; но одни въ теченіе жизни перемерли, другіе разѣхались, третьи о старухѣ позабыли, а мужа своего лѣтъ сорокъ пять тому назадъ схоронила. Жила съ ней еще нѣсколько лѣтъ предъ этимъ племянница, горбатая и злая, говорятъ, какъ вѣдьма, и даже разъ старуху укусила за палецъ, но и та померла, такъ что старуха года

ужь три пробивалась одна-одинешенька. Скучнехонько мнѣ было у ней, да и пустая она такая была, ничего извлечь невозможно. Наконецъ, украла у меня пѣтуха. Дѣло это до сихъ поръ темное, но кромѣ нея было некому. За пѣтуха мы поссорились, и значительно, а тутъ какъ разъ вышелъ случай, что меня, по первой же просьбѣ моей, на другую квартиру перевели, въ противоположный форштатъ, въ многочисленнѣйшее семейство одного купца съ большою бородецею, какъ теперь его помню. Переѣзжаемъ съ Никифоромъ съ радостью, старуху же оставляемъ съ негодованіемъ. Проходитъ дня три, прихожу съ ученья, Никифоръ докладываетъ, „что напрасно, ваше благородіе, нашу миску у прежней хозяйки оставили, не въ чемъ супъ подавать“. Я, разумѣется, пораженъ: „Какъ такъ, какимъ образомъ наша миска у хозяйки осталась?“ Удивленный Никифоръ продолжаетъ рапортовать, что хозяйка, когда мы съѣзжали, нашей миски ему не отдала по той причинѣ, что такъ какъ я ея собственный горшокъ разбилъ, то она за свой горшокъ нашу миску удерживаетъ, и что будто бы я ей это самъ такимъ образомъ предложилъ. Такая низость съ ея стороны, разумѣется, вывела меня изъ послѣднихъ границъ; кровь закипѣла, вскочилъ, полетѣлъ. Прихожу къ старухѣ, такъ-сказать, уже внѣ себя; гляжу, она сидитъ въ сѣнцахъ одна-одинешенька, въ углу, точно отъ солнца забила, рукой щеку себѣ подперла. Я тотчасъ же, знаете, на нее цѣлый громъ такъ и вывалилъ, „такая, дескать, ты, и сякая!“ и знаете, этакъ порусски. Только смотрю, представляется что-то странное: сидитъ она, лицо на меня уставила, глаза выпучила, и ни слова въ отвѣтъ, и странно, странно такъ смотреть, какъ бы качается. Я, наконецъ, пріутихъ, вглядываюсь, спрашиваю, ни слова въ отвѣтъ. Я постоялъ въ нерѣшимости; мухи жужжатъ, солнце закатывается, тишина; въ совершенномъ смущеніи, я наконецъ ухожу. Еще до дому не дошелъ, къ маіору потребовали, потомъ пришлось въ роту зайти, такъ что домой воротился совсѣмъ ввечеру. Первымъ словомъ Никифора: „а знаете, ваше благородіе, хозяйка-то наша вѣдь померла“. — „Когда? — „Да сегодня по вечеру, часа полтора назадъ“. Это,

значить, въ то именно время, когда я ее ругалъ, она и отходила. Такъ меня это фрапировало, я вамъ скажу, что едва опомнился. Стало, знаете, даже думаться, даже ночью приснилось. Я, конечно, безъ предразсудковъ, но на третій день пошелъ въ церковь на похороны. Однимъ словомъ, чѣмъ дальше время идетъ, тѣмъ больше думается. Не то чтобъ, а такъ иногда вообразишь, и станетъ не хорошо. Главное, что тутъ, какъ я, наконецъ, разсудилъ? Вопервыхъ, женщина, такъ-сказать, существо человѣческое, что называютъ въ наше время, гуманное, жила, долго жила, наконецъ, зажила. Когда-то имѣла дѣтей, мужа, семейство, родныхъ, все это кругомъ нея, такъ-сказать, вишѣло, всѣ эти, такъ-сказать, улыбки, и вдругъ полный пасъ, все въ трубу вылетѣло, осталась одна какъ... муха какая-нибудь, носящая на себѣ отъ вѣка проклятіе. И вотъ, наконецъ, привелъ Богъ къ концу. Съ закатомъ солнца, въ тихій лѣтній вечеръ улетаетъ и моя старуха, — конечно, тутъ не безъ правоучительной мысли; и вотъ въ это-то самое мгновеніе, вмѣсто напутственной, такъ-сказать, слезы, молодой, отчаянный прапорщикъ, избоченясь и фертомъ, провожаетъ ее съ поверхности земли рускимъ элементомъ забубенныхъ ругательствъ за погибшую миску! Безъ сомнѣнія, я виноватъ, и хоть и смотрю уже давнымъ-давно на свой поступокъ, по отдаленности лѣтъ и по измѣненію въ натурѣ, какъ на чужой, но тѣмъ не менѣе продолжаю жалѣть. Таеъ что, повторяю, мнѣ даже странно, тѣмъ болѣе, что если я и виновенъ, то вѣдь не совершенно же: зачѣмъ же ей какъ разъ въ это время вздумалось помирать? Разумѣется, тутъ одно оправданіе: что поступокъ въ нѣкоторомъ родѣ психологическій, но все-таки я не могъ успокоиться, пока мѣсть не завелъ, лѣтъ пятнадцать назадъ, двухъ постоянныхъ больныхъ старушонокъ, на свой счетъ, въ богадѣльнѣ, съ цѣлью смягчить для нихъ приличнымъ содержаніемъ послѣдніе дни земной жизни. Думаю обратить въ вѣковѣчное, завѣщавъ капиталъ. Ну, вотъ-съ, и все-съ. Повторяю, что, можетъ-быть, я и во многомъ въ жизни провинился, но этотъ случай считаю, по совѣсти, самымъ сквернѣйшимъ поступкомъ изъ всей моей жизни.

— И вмѣсто самаго сквернѣйшаго, ваше превосходительство рассказали одинъ изъ хорошихъ поступковъ своей жизни; надули Фердыщенко! заключилъ Фердыщенко.

— Въ самомъ дѣлѣ, генералъ, я и не воображала, чтобъ у васъ было все-таки доброе сердце; даже жаль, небрежно проговорила Настасья Филипповна.

— Жаль? Почему же? спросилъ генералъ съ любезнымъ смѣхомъ и не безъ самодовольствія отпилъ шампанскаго.

Но очередь была за Аѳанасіемъ Ивановичемъ, который тоже приготовился. Всѣ предугадывали, что онъ не откажется подобно Ивану Петровичу, да и рассказа его, по нѣкоторымъ причинамъ, ждали съ особеннымъ любопытствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ посматривали на Настасью Филипповну. Съ необыкновеннымъ достоинствомъ, вполне соответствовавшимъ его осанистой наружности, тихимъ, любезнымъ голосомъ началъ Аѳанасій Ивановичъ одинъ изъ своихъ „милыхъ рассказовъ“. (Кстати сказать: человекъ онъ былъ собою видный, осанистый, росту высокаго, немного лысъ, немного съ просѣдью, и довольно тучный, съ мягкими, румяными и нѣсколько отвислыми щеками, со вставными зубами. Одѣвался широко и изящно и носилъ удивительное бѣлье. На его пухлыя, бѣлыя руки хотѣлось заглядѣться. На указательномъ пальцѣ правой руки былъ дорогой брилліантовый перстень). Настасья Филипповна во все время его рассказа пристально разсматривала кружевцо оборки на своемъ рукавѣ и щипала ее двумя пальцами лѣвой руки, такъ что ни разу не успѣла и взглянуть на рассказчика.

— Что всего болѣе облегчаетъ мнѣ мою задачу, началъ Аѳанасій Ивановичъ, — это непремѣнная обязанность рассказать никакъ не иначе, какъ самый дурной поступокъ всей моей жизни. Въ такомъ случаѣ, разумѣется, не можетъ быть колебаній: совѣсть и память сердца тотчасъ же подскажутъ что именно надо рассказывать. Сознаюсь съ горечью, въ числѣ всѣхъ, безчисленныхъ, можетъ-быть, легкомысленныхъ и... вѣтренныхъ поступковъ жизни моей, есть одинъ, впечатлѣніе котораго даже слишкомъ тяжело залегло въ моей памяти. Случилось тому назадъ лѣтъ около двадцати; я заѣхалъ тогда

въ деревню къ Платону Ордынцеву. Онъ только что выбранъ былъ предводителемъ и пріѣхалъ съ молодою женою провести зимніе праздники. Тутъ какъ разъ подошло и рожденіе Анфисы Алексѣевны, и назначались два бала. Къ тому времени былъ въ ужасной модѣ и только что прогремѣлъ въ высшемъ свѣтѣ прелестный романъ Дюма-Фиса *La dame aux camélias*, поэма, которой, по моему мнѣнію, не суждено ни умереть, ни состариться. Въ провинціи всѣ дамы были восхищены до восторга, тѣ которыя по крайней мѣрѣ прочитали. Прелесть разсказа, оригинальность постановки главнаго лица, этотъ заманчивый міръ, разобранный до тонкости, и наконецъ всѣ эти очаровательныя подробности, разсыпанныя въ книгѣ (на счетъ, на примѣръ, обстоятельствъ употребленія букетовъ бѣлыхъ и розовыхъ камелій по очереди), однимъ словомъ, всѣ эти прелестныя детали, и все это вмѣстѣ, произвели почти потрясеніе. Цвѣты камелій вошли въ необыкновенную моду. Всѣ требовали камелій, всѣ ихъ искали. Я васъ спрошу: много ли можно достать камелій въ уѣздѣ, когда всѣ ихъ для баловъ спрашиваютъ, хотя бы баловъ и немного было? Петя Ворховской изнывалъ тогда, бѣдняжка, по Анфисѣ Алексѣевнѣ. Право, не знаю, было ли у нихъ что-нибудь, то-есть, я хочу сказать, могла ли у него быть хоть какая-нибудь серіозная надежда? Бѣдный съума сходилъ, чтобы достать камелій къ вечеру на балъ для Анфисы Алексѣевны. Графиня Соцкая, изъ Петербурга, губернаторши гостья, и Софья Безпалова, какъ извѣстно стало, пріѣдутъ навѣрно съ букетами, съ бѣлыми. Анфисѣ Алексѣевнѣ захотѣлось, для нѣкотораго особаго эффекту, красныхъ. Бѣднаго Платона чуть не загоняли; извѣстно—мужъ; поручился, что букетъ достанетъ, и—что же? Наканунѣ перехватила Мытищева, Катерина Александровна, страшная соперница Анфисы Алексѣевны во всемъ; на ножахъ съ ней была. Разумѣется, истерика, обморокъ. Платонъ пропалъ. Понятно, что еслибы Петѣ промыслить гдѣ-нибудь въ эту интересную минуту букетъ, то дѣла его могли бы очень сильно подвинуться; благодарность женщины въ такихъ случаяхъ безгранична. Мечется какъ угорѣлый: но дѣло невозможное, и говорить тутъ

нечего. Вдругъ сталкиваюсь съ нимъ уже въ одиннадцатъ вечера, наканунѣ дня рожденія и бала, у Марьи Петровны Зубковой, сосѣдки Ордынцева. Сіяетъ. „Что съ тобой?“ — „Нашелъ! Эврика!“ — „Ну, братъ, удивилъ же ты меня! Гдѣ? Какъ?“ — „Въ Екшайскѣ (городишка такой тамъ есть, всего въ двадцати верстахъ, и не нашъ уѣздъ), Трепаловъ тамъ купецъ есть, бородачъ и богачъ, живетъ со старухой женой, и вмѣсто дѣтей, однѣ канарейки. Пристрастились оба къ цвѣтамъ, у него есть камелии“. — „Помилуй, да это не вѣрно, ну, какъ не дастъ?“ — „Стану на колѣни и буду въ ногахъ валяться до тѣхъ поръ пока дастъ, безъ того не уѣду!“ — „Когда ѣдешь-то?“ — „Завтра чѣмъ свѣтъ въ пять часовъ“. — „Ну, съ Богомъ!“ И такъ я, знаете, радъ за него; возвращаюсь къ Ордынцеву; наконецъ ужъ второй часъ, а мнѣ все этакъ, знаете, мерещится. Хотѣлъ уже спать ложиться, вдругъ преоригинальная мысль! Пробираюсь немедленно въ кухню, бужу Савелія кучера, пятнадцать цѣлковыхъ ему, „подай лошадей въ полчаса!“ Черезъ полчаса, разумѣется, возокъ у воротъ; у Анфисы Алексѣевны, сказали мнѣ, мигрень, жаръ и бредъ, — сажусь и ѣду. Въ пятомъ часу я въ Екшайскѣ, на постояломъ дворѣ; переждалъ до разсвѣта, и только до разсвѣта; въ седьмомъ часу у Трепалова. „Такъ и такъ, есть камелии? Батюшка, отецъ родной, помощи, спаси, въ ноги поклонюсь!“ Старикъ, вижу, высокій, сѣдой, суровый, — страшный старикъ. „Ни-ни, никакъ! Не согласенъ!“ Я бухъ ему въ ноги! Такъ-таки и растянулся! — „Что вы, батюшка, что вы, отецъ?“ испугался даже. „Да вѣдь тутъ жизнь человѣческая!“ кричу ему. — „Да берите, коли такъ, съ Богомъ“. Нарѣзалъ же я тутъ красныхъ камелій! чудо, прелесть, цѣлая оранжерейка у него маленькая. Вздыхаетъ старикъ. Вынимаю сто рублей. „Нѣтъ, ужъ вы, батюшка, обижать меня такимъ манеромъ не извольте“. — „А коли такъ, говорю, почтенный, благоволите эти сто рублей въ здѣшнюю больницу для улучшенія содержанія и пищи“. — „Вотъ это, говоритъ, батюшка, дѣло другое, и доброе, и благородное и богоугодное; за здравіе ваше и подамъ“. И понравился мнѣ, знаете, этотъ русскій старикъ, такъ сказать, коренной

русакъ, de la vraie souche. Въ восторгѣ отъ удачи, тотчасъ же въ обратный путь; воротились окольными, чтобы не встрѣтиться съ Петей. Какъ пріѣхалъ, такъ и посылаю букетъ къ пробужденію Анфисы Алексѣевны. Можете себѣ представить восторгъ, благодарность, слезы благодарности! Платонъ, вчера еще убитый и мертвый Платонъ, — рыдаетъ у меня на груди. Увы! Всѣ мужья таковы съ сотворенія... законнаго брака! Ничего не смѣю прибавить, но только дѣла бѣднаго Пети съ этимъ эпизодомъ рухнули окончательно. Я сперва думалъ, что онъ зарѣжетъ меня, какъ узнаетъ, даже ужъ приготовился встрѣтить, но случилось то, чему бы я даже и не повѣрилъ: въ обморокъ, къ вечеру бредъ, и къ утру горячка; рыдаетъ какъ ребенокъ, въ конвульсіяхъ. Черезъ мѣсяць, только-что выздоровѣлъ, на Кавказъ отпросился; романъ рѣшительный вышелъ! Кончилъ тѣмъ, что въ Крыму убитъ. Тогда еще братъ его, Степанъ Ворховской, полкомъ командовалъ, отличился. Признаюсь, меня даже много лѣтъ потомъ угрызенія совѣсти мучили: для чего, зачѣмъ я такъ поразилъ его? И добро бы я самъ былъ влюбленъ тогда? А то вѣдь простая шалость, изъ за простаго волокитства, не болѣе. И не перебей я у него этотъ букетъ, кто знаетъ, жилъ бы человекъ до сихъ поръ, былъ бы счастливъ, имѣлъ бы успѣхи, и въ голову-бъ не пришло ему подъ Турку идти“.

Аѳанасій Ивановичъ примолкъ съ тѣмъ же солиднымъ достоинствомъ, съ которымъ и приступалъ къ разсказу. Замѣтили, что у Настасьи Филипповны какъ-то особенно засверкали глаза, и даже губы вздрогнули, когда Аѳанасій Ивановичъ кончилъ. Всѣ съ любопытствомъ поглядывали на нихъ обоихъ.

— Надули Фердыщенко! Вотъ такъ надули! Нѣтъ, вотъ это ужъ такъ надули! вскричалъ плачевнымъ голосомъ Фердыщенко, понимая, что можно и должно вставить словцо.

— А вамъ кто велѣлъ дѣла не понимать? Вотъ и учитесь у умныхъ людей! отрѣзала ему чуть не торжествующая Дарья Алексѣевна (старинная и вѣрная пріятельница и сообщница Тоцоваго).

Вы правы, Аѳанасій Ивановичъ, пети-жѣ прескучное,

и надо поскорѣй кончить, небрежно вымолвила Настасья Филипповна;—разскажу сама что обѣщала, и давайте всѣ въ карты играть.

— Но обѣщанный анекдотъ прежде всего! съ жаромъ одобрилъ генераль.

— Князь, рѣзко и неожиданно обратилась къ нему вдругъ Настасья Филипповна,—вотъ здѣсь старые мои друзья, генераль да Аѳанасій Ивановичъ. меня все замужъ выдать хотятъ. Скажите мнѣ, какъ вы думаете: выходить мнѣ замужъ иль нѣтъ? Какъ скажете, такъ и сдѣлаю.

Аѳанасій Ивановичъ поблѣднѣлъ, генераль остолбенѣлъ; всѣ уставили глаза и протянули головы. Ганя застылъ на мѣстѣ.

— За... за кого? спросилъ князь замирающимъ голосомъ.

— За Гаврилу Ардаліоновича Иволгина, — продолжала Настасья Филипповна по прежнему рѣзко, твердо и четко.

Прошло нѣсколько секундъ молчанія; князь какъ будто силился и не могъ выговорить, точно ужасная тяжесть давила ему грудь.

— Н-нѣтъ... не выходите! прошепталъ онъ наконецъ, и съ усиліемъ перевелъ духъ.

— Такъ тому и быть! Гаврила Ардаліоновичъ! властно и какъ бы торжественно обратилась она къ нему:—вы слышали какъ рѣшилъ князь? Ну, такъ въ томъ и мой отвѣтъ; и пусть это дѣло кончено разъ на всегда!

— Настасья Филипповна! дрожащимъ голосомъ проговорилъ Аѳанасій Ивановичъ.

— Настасья Филипповна! убѣждающимъ, но встревоженнымъ голосомъ произнесъ генераль.

Всѣ зашевелились и затревожились.

— Что вы, господа? продолжала она, какъ-бы съ удивленіемъ взглядываясь въ гостей: — что вы такъ всполохнулись! И какія у васъ у всѣхъ лица!

— Но... вспомните, Настасья Филипповна, запинаясь, пробормоталъ Тоцкій,—вы дали обѣщаніе... вполне добровольное, и могли-бы отчасти и пощадить... Я затрудняюсь

и... конечно, смущень, но... Однимъ словомъ, теперь, въ такую минуту, и при... при людяхъ, и все это такъ... кончить такимъ *пети-жѣ* дѣло серьезное, дѣло чести и сердца... отъ котораго зависитъ...

— Не понимаю васъ, Аѳанасій Ивановичъ; вы дѣйствительно совсѣмъ сбиваетесь. Во-первыхъ, что такое: „при людяхъ?“ Развѣ мы не въ прекрасной интимной компаніи? И почему „пети-жѣ?“ Я дѣйствительно хотѣла рассказать свой анекдотъ, ну, вотъ и рассказала; не хорошъ развѣ? И почему вы говорите, что „не серьезно?“ Развѣ это не серьезно? Вы слышали, я сказала князю: „какъ скажете, такъ и будетъ“: сказалъ бы *да*, я бы тотчасъ-же дала согласіе, но онъ сказалъ *нѣтъ*, и я отказала. Тутъ вся моя жизнь на одномъ волоскѣ висѣла; чего серьезно?

— Но князь, почему тутъ князь? И что такое, наконецъ, князь? пробормоталъ генералъ, почти ужь не въ силахъ сдержать свое негодованіе на такой обидный даже авторитетъ князя.

— А князь для меня то, что я въ него въ перваго, во всю мою жизнь, какъ въ истинно-преданнаго человѣка повѣрила. Онъ въ меня съ одного взгляда повѣрилъ, и я ему вѣрю.

— Мнѣ остается только отблагодарить Настасью Филипповну за чрезвычайную деликатность, съ которою она... со мной поступила, проговорилъ наконецъ дрожащимъ голосомъ и съ кривившимися губами блѣдный Ганя; — это, конечно, такъ тому и слѣдовало... Но... князь... Князь въ этомъ дѣлѣ...

— До семидесяти пяти тысячъ добирается, что-ли? оборвала вдругъ Настасья Филипповна:—вы это хотѣли сказать? Не запирайтесь, вы непременно это хотѣли сказать! Аѳанасій Ивановичъ, я и забыла прибавить: вы эти семьдесятъ пять тысячъ возьмите себѣ и знайте, что я васъ отпускаю на волю даромъ. Довольно! Надо жь и вамъ вздохнуть! Девять лѣтъ и три мѣсяца! Завтра — по новому, а сегодня—я именинница и сама по себѣ, въ первый разъ въ цѣлой жизни! Генералъ, возьмите и вы вашъ жемчугъ, по-

дарите супругъ, вотъ онъ; а съ завтрашняго дня я совсѣмъ и съ квартиры съѣзжаю. И уже больше не будетъ вечеровъ, господа!

Сказавъ это, она вдругъ встала, какъ будто желая уйдти — Настасья Филипповна! Настасья Филипповна! послышалось со всѣхъ сторонъ. Всѣ заволновались, всѣ всталъ съ мѣстъ; всѣ окружили ее, всѣ съ безпокойствомъ слушали эти порывистыя, лихорадочныя, изступленные слова; всѣ ощущали какой-то беспорядокъ, никто не могъ добиться толку, никто не могъ ничего понять. Въ это мгновеніе раздался вдругъ звонкій, сильный ударъ колокольчика, точь въ точь какъ давеча въ Ганечкину квартиру.

— А! а-а! Вотъ и развязка! Наконецъ-то! Половина двѣнадцатаго! вскричала Настасья Филипповна; — прошу васъ садиться, господа, это развязка!

Сказавъ это, она сѣла сама. Странный смѣхъ трепеталъ на губахъ ея. Она сидѣла молча, въ лихорадочномъ ожиданіи, и смотрѣла на дверь.

— Рогожинъ и сто тысячъ, сомнѣнія нѣтъ, пробормоталъ про себя Штицынъ.

XV.

Вошла горничная Катя, сильно испуганная.

— Тамъ Богъ знаетъ что, Настасья Филипповна, чело-вѣкъ десять ввалились, и все хмѣльные-съ, сюда просятся, говорятъ, что Рогожинъ, и что вы сами знаете.

— Правда, Катя,пусти ихъ всѣхъ тотчасъ-же.

— Неужто... всѣхъ-съ, Настасья Филипповна? Совсѣмъ вѣдь безобразные. Страсть!

— Всѣхъ, всѣхъпусти, Катя, не бойся, всѣхъ до одного, а то и безъ тебя войдутъ. Вонъ ужь какъ шумятъ, точно давеча. Господа, вы, можетъ-быть, обижаетесь, обратилась она къ гостямъ, — что я такую компанію при васъ принимаю? Я очень сожалѣю и прощенія прошу, но такъ надо, а мнѣ очень, очень бы желалось, чтобы вы всѣ согласились быть при этой развязкѣ моими свидѣтелями, хотя, впрочемъ, какъ вамъ угодно...

Гости продолжали изумляться, шептаться и переглядываться, но стало совершенно ясно, что все это было рассчитано и устроено заранее, и что Настасью Филипповну, — хоть она и конечно съ ума сошла, — теперь не собьешь. Всѣхъ мучило ужасно любопытство. При томъ-же и пугаться-то очень было некому. Дамъ было только двѣ: Дарья Алексѣевна, барыня бойкая и видавшая всякіе виды, и которую трудно было сконфузить, и прекрасная, но молчаливая незнакомка. Но молчаливая незнакомка врядъ-ли что и понять могла: это была прѣзжая нѣмка и русскаго языка ничего не знала; кромѣ того, кажется, была столько-же глупа, сколько и прекрасна. Она была вновѣ и уже принято было приглашать ее на извѣстные вечера, въ пынѣйшемъ костюмѣ, причесанную какъ на выставку, и сажать какъ прелестную картинку для того, чтобы скрасить вечеръ, — точно такъ, какъ иные добываютъ для своихъ вечеровъ у знакомыхъ, на одинъ разъ, картину, вазу, статую или экранъ. Что-же касается мужчинъ, то Птицынъ, на примѣръ, былъ пріятель съ Рогожинымъ, Фердыщенко былъ, какъ рыба въ водѣ; Ганечка все еще въ себя придти не могъ, но хоть смутно, а неудержимо самъ ощущалъ горячечную потребность достоять до конца у своего позорнаго столба; старичокъ-учитель, мало понимавшій въ чемъ дѣло, чуть не плакалъ и буквально дрожалъ отъ страха, замѣтивъ какую-то необыкновенную тревогу кругомъ и въ Настасѣ Филипповнѣ, которую обожалъ, какъ свою внучку; но онъ скорѣе бы умеръ, чѣмъ ее въ такую минуту покинулъ. Что-же касается Аѳанасія Ивановича, то, конечно, онъ себя компрометтировать въ такихъ привлеченіяхъ не могъ; но онъ слишкомъ былъ заинтересованъ въ дѣлѣ, хотя бы и принимавшемъ такой сумасшедшій оборотъ; да и Настасья Филипповна выронила на его счетъ два-три словечка такихъ, что уѣхать никакъ нельзя было, не разъяснивъ окончательно дѣла. Онъ рѣшился досидѣть до конца и уже совершенно замолчать и оставаться лишь наблюдателемъ, что, конечно, и требовалось его достоинствомъ. Одинъ лишь генералъ Епанчинъ, только что сейчасъ предъ этимъ разобиженный такимъ без-

церемоннымъ и смѣлымъ возвратомъ ему подарка, конечно, еще болѣе могъ теперь обидѣться всѣми этими необыкновенными эксцентричностями или, на примѣръ, появленіемъ Рогожина; да и человекъ, какъ онъ, и безъ того уже слишкомъ снисшелъ, рѣшившись сѣсть рядомъ съ Птицынымъ и Фердыщенкомъ; но что могла сдѣлать сила страсти, то могло быть, наконецъ, побѣждено чувствомъ обязанности, ощущеніемъ долга, чина и значенія и вообще уваженіемъ къ себѣ, такъ что Рогожинъ съ компаніей, во всякомъ случаѣ, въ присутствіи его превосходительства былъ невозможенъ.

— Ахъ, генераль, перебила его тотчасъ же Настасья Филипповна, только что онъ обратился къ ней съ заявленіемъ, — я и забыла! Но будьте увѣрены, что о васъ я предвидѣла. Если ужъ вамъ такъ обидно, то я и не настаиваю и васъ не удерживаю, хотя бы мнѣ очень желалось именно васъ при себѣ теперь видѣть. Во всякомъ случаѣ, очень благодарю васъ за ваше знакомство и лестное вниманіе, но если вы боитесь...

— Позвольте, Настасья Филипповна, вскричалъ генераль, въ припадкѣ рыцарскаго великодушія, — кому вы говорите? Да я изъ преданности одной останусь теперь подлѣ васъ, и если, на примѣръ, есть какая опасность.... Къ тому же я, признаюсь, любопытствую чрезмѣрно. Я только насчетъ того хотѣлъ, что они испортятъ ковры и, пожалуй, разобьютъ чтонибудь.... Да и не надо бы ихъ совсѣмъ, по моему, Настасья Филипповна!

— Самъ Рогожинъ! провозгласилъ Фердыщенко.

— Какъ вы думаете, Аѳанасій Ивановичъ, наскоро успѣлъ шепнуть ему генераль: — не сошла ли она съ ума? То-есть, безъ аллегоріи, а настоящимъ медицинскимъ манеромъ, — а?

— Я вамъ говорилъ, что она и всегда къ этому наклонна была, лукаво отшенился Аѳанасій Ивановичъ.

— И къ тому же лихорадка....

Компанія Рогожина была почти въ томъ же самомъ составѣ, какъ и давеча утромъ; прибавился только какой-то безпутный старичишка, въ свое время бывший редакторомъ

какой-то забудыжной обличительной газетки, и про котораго шелъ анекдотъ, что онъ заложилъ и пропилъ свои вставные на золотѣ зубы, и одинъ отставной подпоручикъ, рѣшительный соперникъ и конкурентъ, по ремеслу и по назначенію, утрешнему господину съ кулаками и совершенно никому изъ Рогожинцевъ неизвѣстный, но подобранный на улицѣ, на солнечной сторонѣ Невскаго проспекта, гдѣ онъ остаивалъ прохожихъ и слогомъ Марлинскаго просилъ вспоможенія, подѣ коварнымъ предлогомъ, что онъ самъ „по пятнадцати цѣлковыхъ давалъ въ свое время просителямъ“. Оба конкурента тотчасъ же отнеслись другъ къ другу враждебно. Давешній господинъ съ кулаками послѣ приѣма въ компанію „просителя“ счелъ себя даже обиженнымъ и, будучи молчаливъ отъ природы, только рычалъ иногда какъ медвѣдь и съ глубокимъ презрѣньемъ смотрѣлъ на заискиванія и заигрыванія съ нимъ „просителя“, оказавшагося человекомъ свѣтскимъ и политичнымъ. Съ виду подпоручикъ общалъ братъ „въ дѣлѣ“ болѣе ловкостью и изворотливостью чѣмъ силой, да и ростомъ былъ пониже кулачнаго господина. Деликатно, не вступая въ явный споръ, но ужасно хвастаясь, онъ нѣсколько разъ уже намекнулъ о преимуществахъ англійскаго бокса, однимъ словомъ, оказался чистѣйшимъ западникомъ. Кулачный господинъ при словѣ „боксъ“ только презрительно и обидчиво улыбался, и съ своей стороны, не удостоивая соперника явнаго пренія, показывалъ иногда, молча, какъ бы невзначай, или, лучше сказать, выдвигалъ иногда на видъ одну совершенно національную вещь—огромный кулакъ, жилистый, узловатый, обросшій какимъ-то рыжимъ пухомъ, и всѣмъ становилось ясно, что если эта глубоко-національная вещь опустится безъ промаху на предметъ, то дѣйствительно только мокренько станетъ.

Въ высшей степени „готовыхъ“ опять-таки никого изъ нихъ не было, какъ и давеча, вслѣдствіе старавій самого Рогожина, имѣвшаго цѣлый день въ виду свой визитъ къ Настасьѣ Филипповнѣ. Самъ же онъ почти совсѣмъ успѣлъ отрезвиться, но за то чуть не одурѣлъ отъ всѣхъ вынесен-

ныхъ имъ впечатлѣній въ этотъ безобразный и ни на что не похожій день изъ всей его жизни. Одно только оставалось у него постоянно въ виду, въ памяти и въ сердцѣ, въ каждую минуту, въ каждое мгновеніе. Для этого одного онъ провелъ все время, съ пяти часовъ пополудни вплоть до одиннадцати, въ безконечной тоскѣ и тревогѣ, возясь съ Киндерами и Бискунами, которые тоже чуть съ ума не сошли, мечась какъ угорѣлые по его надобности. И однако все-таки сто тысячъ ходячими деньгами, о которыхъ мимо-летно, насмѣшливо и совершенно не ясно намекнула Настасья Филипповна, успѣли составиться, за проценты, о которыхъ даже самъ Бискупъ, изъ стыдливости, разговаривалъ съ Киндеромъ не вслухъ, а только шепотомъ.

Какъ и давеча, Рогожинъ выступалъ впереди всѣхъ, остальные подвигались за нимъ, хотя и съ полнымъ сознаниемъ своимъ преимуществъ, но все-таки нѣсколько труся. Главное, и Богъ знаетъ отчего, трусили они Настасьи Филипповны. Одни изъ нихъ даже думали, что всѣхъ ихъ немедленно „спустятъ съ лѣстницы“. Изъ думавшихъ такъ былъ между прочими щеголь и побѣдитель сердецъ Залезевъ. Но другіе, и преимущественно кулачный господинъ, хотя и не вслухъ, но въ сердцѣ своемъ, относились къ Настасьѣ Филипповнѣ съ глубочайшимъ презрѣніемъ, и даже съ ненавистью, и шли къ ней какъ на осаду. Но великолѣпное убранство первыхъ двухъ комнатъ, неслыханныя и невиданныя ими вещи, рѣдкая мебель, картины, огромная статуя Венеры, — все это произвело на нихъ неотразимое впечатлѣніе почтенія и чуть ли даже не страха. Это не помѣшало конечно имъ всѣмъ, мало-по-малу и съ нахальнымъ любопытствомъ, не смотря на страхъ, протѣсниться вслѣдъ за Рогожинымъ въ гостиную; но когда кулачный господинъ, „проситель“ и нѣкоторые другіе замѣтили въ числѣ гостей генерала Епанчина, то въ первое мгновеніе до того были обезкуражены, что стали даже понемногу ретироваться обратно, въ другую комнату. Одинъ только Лебедевъ былъ изъ числа наиболѣе ободренныхъ и убѣжденныхъ, и выступалъ почти рядомъ съ Рогожинымъ, постигая, что въ самомъ дѣлѣ

значить миллионъ четырехста тысячъ чистыми деньгами и сто тысячъ теперь, сейчасъ же, въ рукахъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что всѣ они, не исключая даже знатока Лебедева, нѣсколько сбивались въ познаніи границъ и предѣловъ своего могущества, и въ самомъ ли дѣлѣ имъ теперь все дозволено, или нѣтъ? Лебедевъ въ инныя минуты готовъ былъ поклясться, что все, но въ другія минуты ощущалъ безпокойную потребность припомнить про себя, на всякій случай, нѣкоторыя и преимущественно ободрительныя и успокоительныя статьи свода законовъ.

На самого Рогожина гостиняя Настасья Филипповны произвела обратное впечатлѣніе чѣмъ на всѣхъ его спутниковъ. Только что приподнялась портьера, и онъ увидалъ Настасью Филипповну, — все остальное перестало для него существовать, какъ и давеча утромъ, даже могущественнѣе чѣмъ давеча утромъ. Онъ поблѣднѣлъ и на мгновение остановился; угадать можно было, что сердце его билось ужасно. Робко и потерянно смотрѣлъ онъ нѣсколько секундъ, не отводя глазъ, на Настасью Филипповну. Вдругъ, какъ бы потерявъ весь разумъ и чуть не шатаясь, подошелъ онъ къ столу; дорогой наткнулся на стулъ Птицына и наступилъ своими грязными сапожищами на кружевную отдѣлку великолѣпнаго голубаго платья молчаливой красавицы-Нѣмки; не извинился и не замѣтилъ. Подойдя къ столу, онъ положилъ на него одинъ странный предметъ, съ которымъ и вступилъ въ гостиную, держа его предъ собой въ обѣихъ рукахъ. Это была большая пачка бумаги, вершка три въ высоту и вершка четыре въ длину, крѣпко и плотно завернутая въ *Биржевыя Вѣдомости* и обвязанная туго-на-туго со всѣхъ сторонъ и два раза на крестъ бичевкой, въ родѣ тѣхъ, которыми обвязываютъ сахарныя головы. Затѣмъ сталъ, ни слова не говоря и опустивъ руки, какъ бы ожидая своего приговора. Костюмъ его былъ совершенно давешній, кромѣ совсѣмъ новаго шелковаго шарфа на шеѣ, ярко-зеленаго съ краснымъ, съ огромною брилліантовою булавкой, изображавшею жука, и массивнаго брилліантоваго перстня на грязномъ пальцѣ правой руки. Лебедевъ до стола не дошелъ

шага на три; остальные, какъ сказано было, понемногу набирались въ гостиную. Катя и Паша, горничныя Настасья Филипповны, тоже прибѣжали глядѣть изъ-за приподнятыхъ портьеръ, съ глубокимъ изумленіемъ и страхомъ.

— Что это такое? спросила Настасья Филипповна, пристально и любопытно оглядѣвъ Рогожина и указывая глазами на „предметъ“.

— Сто тысячъ! отвѣтилъ тотъ почти шепотомъ.

— А сдержалъ таки слово, каковъ! Садитесь, пожалуйста, вотъ тутъ, вотъ на этотъ стулъ; я вамъ потомъ скажу что-нибудь. Кто съ вами? Вся давешняя компанія? Ну, пусть войдутъ и сядутъ; вонъ тамъ на диванѣ можно, вотъ еще диванъ. Вотъ тамъ два кресла.... что же они не хотятъ, что ли?

Дѣйствительно, нѣкоторые положительно сконфузились, отретировались и усѣлись ждать въ другой комнатѣ, но иные остались и разсѣлись по приглашенію, но только подальше отъ стола, больше по угламъ, одни все еще желая нѣсколько стусеваться, другіе чѣмъ дальше, тѣмъ больше и какъ-то неестественно быстро ободряясь. Рогожинъ усѣлся тоже на показанный ему стулъ, но сидѣлъ не долго; онъ скоро всталъ и уже больше не садился. Мало-по-малу онъ сталъ различать и оглядывать гостей. Увидѣвъ Ганю, онъ ядовито улыбнулся и прошепталъ про себя: „вишь!“ На генерала и на Аѳанасія Ивановича онъ взглянулъ безъ смущенія и даже безъ особеннаго любопытства. Но когда замѣтилъ подлѣ Настасьи Филипповны князя, то долго не могъ оторваться отъ него, въ чрезвычайномъ удивленіи, и какъ бы не въ силахъ дать себѣ въ этой встрѣчѣ отчетъ. Можно было подозрѣвать, что минутами онъ былъ въ настоящемъ бреду. Кромѣ всѣхъ потрясеній этого дня, онъ всю прошедшую ночь провелъ въ вагонѣ и уже почти двое сутокъ не спалъ.

— Это, господа, сто тысячъ, сказала Настасья Филипповна, обращаясь ко всѣмъ съ какимъ-то лихорадочно-нетерпѣливымъ вызовомъ, — вотъ въ этой грязной пачкѣ. Давеча вотъ онъ закричалъ какъ сумасшедшій, что привезетъ мнѣ вечеромъ сто тысячъ, и я все ждала его. Это онъ торго-

валъ меня: началъ съ восемнадцати тысячъ, потомъ вдругъ скакнулъ на сорокъ, а потомъ вотъ и эти сто. Сдержалъ-таки слово! Фу, какой онъ блѣдный!... Это давеча все у Ганечки было: я пріѣхала къ его мамашѣ съ визитомъ, въ мое будущее семейство, а тамъ его сестра крикнула мнѣ въ глаза: „Неужели эту безстыжую отсюда не выгонять!“ а Ганечкѣ, брату, въ лицо плюнула. Съ характеромъ дѣвушка!

— Настасья Филипповна! укорительно произнесъ генераль. Онъ начиналъ вѣсколько понимать дѣло, по своему.

— Что такое, генераль? Не прилично что ли? Да полно форсить-то! Что я въ театрѣ-то французскомъ, въ ложѣ, какъ неприступная добродѣтель бельэтажная сидѣла, да всѣхъ, кто за мною гонялись пять лѣтъ, какъ дикая бѣгала, и какъ гордая невинность смотрѣла, такъ вѣдь это все дурь меня доѣхала! Вотъ, передъ вами же, пришелъ да положилъ сто тысячъ на столъ, послѣ пяти-то лѣтъ невинности, и ужъ навѣрно у нихъ тамъ тройки стоятъ и меня ждутъ. Во сто тысячъ меня оцѣнилъ! Ганечка, я вижу, ты на меня до сихъ поръ еще сердилась? Да неужто ты меня въ свою семью ввести хотѣлъ? Меня-то, Рогожинскую! Князь-то что сказалъ давеча?

— Я не то сказалъ, что вы Рогожинская, вы не Рогожинская! дрожащимъ голосомъ выговорилъ князь.

— Настасья Филипповна, полно, матушка, полно, голубушка, не стерпѣла вдругъ Дарья Алексѣевна, — ужъ коли тебѣ такъ тяжело отъ нихъ стало, такъ что смотрѣть-то на нихъ! И неужели ты съ такимъ отправиться хочешь, хошь и за сто бы тысячъ! Правда, сто тысячъ, вишь вѣдь! А ты сто тысячъ-то возьми, а его прогони, вотъ какъ съ ними надо дѣлать; эхъ, я бы на твоёмъ мѣстѣ ихъ всѣхъ... что въ самомъ-то дѣлѣ!

Дарья Алексѣевна даже въ гнѣвъ вошла. Это была женщина добрая и весьма впечатлительная.

— Не сердись, Дарья Алексѣевна, усмѣхнулась ей Настасья Филипповна, — вѣдь я ему не сердясь говорила. Попрекнула, что ль, я его? Я и впрямь понять не могу, какъ на меня эта дурь нашла, что я въ честную семью хо-

тѣла войти. Видѣла я его мать-то, руку у ней поцѣловала. А что я давеча издѣвалась у тебя, Ганечка, такъ это я нарочно хотѣла сама въ послѣдній разъ посмотрѣть: до чего ты самъ можешь дойти? Ну, удивилъ же ты меня, право. Многого я ждала, а этого нѣтъ! Да неужто ты меня взять могъ, зная, что вотъ онъ мнѣ такой жемчугъ дарить, чуть не наканунѣ твоей свадьбы, а я беру? А Рогожинъ-то? Вѣдь онъ въ твоёмъ домѣ, при твоей матери и сестрѣ меня торговалъ, а ты вотъ все-таки послѣ того свататься пріѣхалъ, да чуть сестру не привезъ? Да неужто же правду про тебя Рогожинъ сказалъ, что ты за три цѣлковыхъ на Васильевскій Островъ ползкомъ доползешь?

— Доползеть, проговорилъ вдругъ Рогожинъ тихо, но съ видомъ величайшаго убѣжденія.

— И добро бы ты съ голоду умиралъ, а ты вѣдь жалованье, говорятъ, хорошее получаешь! Да ко всему-то въ придачу, кромѣ позора-то, ненавистную жену ввести въ домъ! (потому что вѣдь ты меня ненавидишь, я это знаю!) Нѣтъ, теперь я вѣрю, что этакой за деньги зарѣжетъ! Вѣдь теперь ихъ всѣхъ такая жажда обуяла, такъ ихъ разнимаетъ на деньги, что они словно одурѣли. Самъ ребенокъ, а ужъ лѣзетъ въ ростовщики! А то намотаетъ на бритву шелку, закрѣпитъ, да тихонько сзади и зарѣжетъ пріятеля, какъ барана, какъ я читала недавно. Ну, безстыдникъ же ты! Я безстыжая, а ты того хуже. Я про того букетника ужъ и не говорю...

— Вы ли, вы ли это, Настасья Филипповна! всплеснула руками генераль въ истинной горести:—вы, такая деликатная, съ такими тонкими мыслями, и вотъ! Какой языкъ! Какой слогъ!

— Я теперь во хмѣлю, генераль, засмѣялась вдругъ Настасья Филипповна,—я гулять хочу! Сегодня мой день, мой табельный день, мой высокосный день, я его давно поджидала. Дарья Алексѣевна, видишь ты вотъ этого букетника, вотъ этого *Monsieur aux camelias*, вотъ онъ сидитъ, да смѣется на насъ...

— Я не смѣюсь, Настасья Филипповна, я только съ ве-

личайшимъ вниманіемъ слушаю, съ достоинствомъ отпарировалъ Тоцкій.

— Ну вотъ, за что я его мучила цѣлыя пять лѣтъ и отъ себя не отпускала? Стоилъ ли того! Онъ просто таковъ, какимъ долженъ быть.... Еще онъ меня виноватою предъ собой сочтетъ: воспитаніе вѣдь далъ, какъ графиню содержалъ, денегъ-то, денегъ-то сколько ушло, честнаго мужа мнѣ прискалъ еще тамъ, а здѣсь Ганечку; и что же бѣ ты думала: я съ нимъ эти пять лѣтъ не жила, а деньги-то съ него брала и думала, что права! Совсѣмъ вѣдь я съ толку сбила себя! Ты вотъ говоришь, сто тысячъ возьми, да и прогони, коли мерзко. Оно правда, что мерзко... Я бы и замужъ давно могла выйти, да и не то что за Ганечку, да вѣдь очень ужъ тоже мерзко. И за что я моихъ пять лѣтъ въ этой злобѣ потеряла! А вѣришь, иль нѣтъ, я, года четыре тому назадъ, временемъ думала, не выйти ли мнѣ ужъ и впрямь за моего Аѳанасія Ивановича? Я тогда это со злости думала; мало ли что у меня тогда въ головѣ перебивало; а вѣдь, право, заставила бѣ! Самъ напрашивался, вѣришь иль нѣтъ? Правда, онъ лгалъ, да вѣдь падохъ ужъ очень, выдержать не можетъ. Да потомъ, слава Богу, подумала: стоитъ онъ такой злости! И такъ мнѣ мерзко стало тогда вдругъ на него, что еслибъ и самъ присватался, не пошла бы. И цѣлыя-то пять лѣтъ я такъ форсила! Нѣтъ, ужъ лучше на улицу, гдѣ мнѣ и слѣдуетъ быть! Иль разгуляться съ Рогожинымъ, иль завтра же въ прачки пойти! Потому вѣдь на мнѣ ничего своего; уйду—все ему брошу, послѣднюю тряпку оставлю, а безъ всего меня кто возьметъ, спроси-ка вотъ Ганю, возьметъ ли? Да меня и Фердыщенко не возьметъ!...

— Фердыщенко, можетъ-быть, не возьметъ, Настасья Филипповна, я человѣкъ откровенный, перебилъ Фердыщенко, — зато князь возьметъ! Вы вотъ сидите да плачетесь, а вы взгляните-ка на князя! Я ужъ давно наблюдаю...

Настасья Филипповна съ любопытствомъ обернулась къ князю.

— Правда? спросила она.

— Правда, прошепталъ князь.

— Возьмете какъ есть, безъ ничего!

— Возьму, Настасья Филипповна....

— Вотъ и новый анекдотъ! пробормоталъ генераль. —
Ожидать было можно.

Князь скорбнымъ, строгимъ и проницающимъ взглядомъ смотрѣлъ въ лицо продолжавшей его оглядывать Настасьи Филипповны.

— Вотъ еще нашелся! сказала она вдругъ, обращаясь опять къ Дарьѣ Алексѣевнѣ:—а вѣдь впрямь отъ добраго сердца, я его знаю. Благодарителя нашла! А впрочемъ, правду, можетъ, про него говорятъ, что... того. Чѣмъ жить-то будешь, коли ужъ такъ влюбленъ, что Рогожинскую берешь, за себя-то, за князя-то?...

— Я васъ честную беру, Настасья Филипповна, а не Рогожинскую, сказалъ князь.

— Это я-то честная?

— Вы.

— Ну, это тамъ... изъ романовъ! Это, князь-голубчикъ, старыя бредни, а нынче свѣтъ поумнѣлъ, и все это вздоръ! Да и куда тебѣ жениться, за тобой за самимъ еще няньку нужно!

Князь всталъ и дрожащимъ, робкимъ голосомъ, но въ то же время съ видомъ глубоко убѣжденнаго человѣка произнесъ:

— Я ничего не знаю, Настасья Филипповна, я ничего не видѣлъ, вы правы, но я.... я сочту, что вы мнѣ, а не я сдѣлаю честь. Я ничто, а вы страдали и изъ такого ада чистая вышли, а это много. Къ чему же вы стыдитесь, да съ Рогожинымъ ѣхать хотите? Это лихорадка.... Вы господину Тоцкому семьдесятъ тысячъ отдали и говорите, что все что здѣсь есть, все бросите, этого никто здѣсь не сдѣлаетъ. Я васъ.... Настасья Филипповна.... люблю. Я умру за васъ, Настасья Филипповна. Я никому не позволю про васъ слова сказать, Настасья Филипповна.... Если мы будемъ бѣдны, я работать буду, Настасья Филипповна....

При послѣднихъ словахъ послышалось хихиканье Фердыщенко, Лебедева, и даже генераль про себя какъ-то бряк-

нуль съ большимъ неудовольствіемъ. Птицынъ и Тоцкій не могли не улыбнуться, но сдержались. Остальные просто разинули рты отъ удивленія.

— ...Но мы, можетъ-быть, будемъ не бѣдны, а очень богаты, Настасья Филипповна, продолжалъ князь тѣмъ же робкимъ голосомъ. — Я, впрочемъ, не знаю навѣрно, и жаль, что до сихъ поръ еще узнать ничего не могъ въ цѣлый день, но я получилъ въ Швейцаріи письмо изъ Москвы, отъ одного господина Салазкина, и онъ меня увѣдомляетъ, что я будто бы могу получить очень большое наслѣдство. Вотъ это письмо....

Князь дѣйствительно вынулъ изъ кармана письмо.

— Да онъ ужъ не бредитъ ли? пробормоталъ генераль:— сумасшедшій домъ настоящій!

На мгновеніе послѣдовало нѣкоторое молчаніе.

— Вы, кажется, сказали, князь, что письмо къ вамъ отъ Салазкина? спросилъ Птицынъ:—это очень извѣстный въ своемъ кругу человѣкъ; это очень извѣстный ходокъ по дѣламъ, и если дѣйствительно онъ васъ увѣдомляетъ, то вполне можете вѣрить. Къ счастью, я руку знаю, потому что недавно дѣло имѣлъ.... Еслибы вы дали мнѣ взглянуть, можетъ-быть, могъ бы вамъ что-нибудь и сказать.

Князь, молча, дрожащею рукой протянулъ ему письмо.

— Да что такое, что такое? спохватился генераль, смотря на всѣхъ какъ полоумный:—да неужто наслѣдство?

Всѣ устремили взгляды на Птицына, читавшаго письмо. Общее любопытство получило новый и чрезвычайный толчокъ. Фердыщенко не сидѣлось; Рогожинъ смотрѣлъ въ недоумѣніи и въ ужасномъ безпокойствѣ переводилъ взгляды то на князя, то на Птицына. Дарья Алексѣевна въ ожиданіи была какъ на иголкахъ. Даже Лебедевъ не утерпѣлъ, вышелъ изъ своего угла, и согнувшись въ три погибели, сталъ заглядывать въ письмо чрезъ плечо Птицына, съ видомъ человѣка, опасющагося, что ему сейчасъ дадутъ за это колотушку.

XVI.

— Вѣрное дѣло, объявилъ, наконецъ, Птицынъ, складывая письмо и передавая его князю.—Вы получаете безо всякихъ хлопотъ, по неоспоримому духовному завѣщанію вашей тетки, чрезвычайно большой капиталъ.

— Быть не можетъ! воскликнулъ генераль, точно выстрѣлилъ.

Всѣ опять разинули рты.

Птицынъ объяснилъ, обращаясь преимущественно въ Ивану Федоровичу, что у князя пять мѣсяцевъ тому назадъ умерла тетка, которой онъ никогда не зналъ лично, родная и старшая сестра матери князя, дочь московскаго купца третьей гильдіи, Палушина, умершаго въ бѣдности и въ банкротствѣ. Но старшій, родной братъ этого Палушина, недавно также умершій, былъ извѣстный богатый купецъ. Съ годъ тому назадъ у него умерли почти въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ два его единственные сына. Это такъ его поразило, что старикъ недолго спустя самъ заболѣлъ и умеръ. Онъ былъ вдовъ, совершенно никого наслѣдниковъ, кромѣ тетки князя, родной племянницы Палушина, весьма бѣдной женщины и приживавшей въ чужомъ домѣ. Во время полученія наслѣдства, эта тетка уже почти умирала отъ водяной, но тотчасъ же стала разыскивать князя, поручивъ это Салазкину, и успѣла сдѣлать завѣщаніе. Повидимому, ни князь, ни докторъ, у котораго онъ жилъ въ Швейцаріи, не захотѣли ждать официальныхъ увѣдомленій или дѣлать справки, а князь, съ письмомъ Салазкина въ карманѣ, рѣшился отправиться самъ....

— Одно только могу вамъ сказать, заключилъ Птицынъ, обращаясь къ князю,—что все это должно быть безспорно и право, и все, что пишетъ вамъ Салазкинъ о безспорности и законности вашего дѣла, можете принять какъ за чистыя деньги въ карманѣ. Поздравляю васъ, князь! Можетъ-быть, тоже милліона полтора получите, а пожалуй что и больше. Палушинъ былъ очень богатый купецъ.

--- Ай да послѣдній въ родѣ князь Мышкинъ! завопилъ Фердыщенко.

— Ура! пьянымъ голоскомъ прохрипѣлъ Лебедевъ.

— А я-то ему давеча двадцать пять цѣлковыхъ ссудилъ бѣдняжкѣ, ха-ха-ха! фантазмагорія, да и только! почти ошеломленный отъ изумленія, проговорилъ генераль: — ну, поздравляю, поздравляю! — и вставъ съ мѣста, подошелъ къ князю обнять его. За нимъ стали вставать и другіе, и тоже полѣзли къ князю. Даже отретировавшіеся за портьеру стали появляться въ гостиной. Пошелъ смутный говоръ, восклицанія, раздались даже требованія шампанскаго; все затолкалось, засуетилось. На мгновеніе чуть не позабыли Настасью Филипповну и что все-таки она хозяйка своего вечера. Но мало-по-малу всѣмъ почти разомъ представилась идея, что князь только-что сдѣлалъ ей предложеніе. Дѣло, стало-быть, представлялось еще втрое болѣе сумасшедшимъ и необыкновеннымъ чѣмъ прежде. Глубоко изумленный Тоцкій пожималъ плечами; почти только онъ одинъ и сидѣлъ, остальная толпа вся въ безпорядкѣ тѣснилась вокругъ стола. Всѣ утверждали потомъ, что съ этого-то мгновенія Настасья Филипповна и помѣшалась. Она продолжала сидѣть и нѣкоторое время оглядывала всѣхъ страннымъ, удивленнымъ какимъ-то взглядомъ, какъ бы не понимая и силясь сообразить. Потомъ она вдругъ обратилась къ князю, и грозно нахмуривъ брови, пристально его разглядывала; но это было на мгновеніе; можетъ-быть, ей вдругъ показалось, что все это шутка, насмѣшка; но видъ князя тотчасъ ее разувѣрилъ. Она задумалась, опять потомъ улыбнулась, какъ бы не сознавая ясно чему....

— Значить, въ самомъ дѣлѣ княгиня! прошептала она про себя какъ бы насмѣшливо, и взглянувъ нечаянно на Дарью Алексѣевну, засмѣялась. — Развязка неожиданная... я.... не такъ ожидала.... Да что же вы, господа, стоите, сдѣлайте одолженіе, садитесь, поздравьте меня съ княземъ! Кто-то, кажется, просилъ шампанскаго; Фердыщенко, сходите, прикажите. Катя, Паша, увидала она вдругъ въ дверяхъ своихъ дѣвушекъ, — подите сюда, я замужь выхожу, слы-

шали? За князя, у него полтора милліона, онъ князь Мышкинъ и меня беретъ!

— Да и съ Богомъ, матушка, пора! Нечего пропускать-то! крикнула Дарья Алексѣевна, глубоко потрясенная происшедшимъ.

— Да садись же подлѣ меня, князь, продолжала Настасья Филипповна, — вотъ такъ, а вотъ и вино несутъ, поздравьте же, господа!

— Ура! крикнуло множество голосовъ. Многіе затѣснились къ вину, въ томъ числѣ были почти всѣ Рогожинцы. Но хотъ они и кричали, и готовы были кричать, но многіе изъ нихъ, несмотря на всю странность обстоятельствъ и обстановки, почувствовали, что декорация перемѣняется. Другіе были въ смущеніи и ждали недоувѣрчиво. А многіе шептали другъ другу, что вѣдь дѣло это самое обыкновенное, что мало ли на комъ князя женятся, и Цыганокъ изъ таборовъ берутъ. Самъ Рогожинъ стоялъ и глядѣлъ, искрививъ лицо въ неподвижную, недоумѣвающую улыбку.

— Князь, голубчикъ, опомнись! съ ужасомъ шепнулъ генераль, подойдя съ боку и дергая князя за рукавъ.

Настасья Филипповна замѣтила и захохотала.

— Нѣтъ, генераль! Я теперь и сама княгиня, слышали, — князь меня въ обиду не дастъ! Аванасій Ивановичъ, поздравьте вы-то меня; я теперь съ вашею женою вездѣ рядомъ сяду; какъ вы думаете, выгодно такого мужа имѣть? Полтора милліона, да еще князь, да еще, говорятъ, идіотъ въ придачу, чего лучше? Только теперь и начнется настоящая жизнь! Опоздалъ, Рогожинъ! Убирай свою пачку, я за князя замужъ выхожу и сама богаче тебя!

Но Рогожинъ постигъ въ чемъ дѣло. Невыразимое страданіе отпечатлѣлось въ лицѣ его. Онъ всплеснулъ руками, и стонъ вырвался изъ его груди.

— Отступишь! прокричалъ онъ князю.

Кругомъ засмѣялись.

— Это для тебя отступиться-то? торжествуя подхватила Дарья Алексѣевна: — ишь, деньги вывалилъ на столъ, мужикъ! Князь-то замужъ беретъ, а ты безобразничать явился!

— И я беру! Сейчас беру, сію минуту! Все отдамъ....

— Ишь, пьяный изъ кабака, выгнать тебя надо! въ негодованіи повторила Дарья Алексѣевна.

Смѣхъ пошелъ пуще.

— Слышишь, князь, обратилась къ нему Настасья Филипповна, — вотъ какъ твою невѣсту мужикъ торгуетъ.

— Онъ пьянъ, сказалъ князь. — Онъ васъ очень любитъ.

— А не стыдно тебѣ потомъ будетъ, что твоя невѣста чуть съ Рогожинымъ не уѣхала?

— Это вы въ лихорадкѣ были; вы и теперь въ лихорадкѣ, какъ въ бреду.

— И не постыдишься, когда потомъ тебѣ скажутъ, что твоя жена у Тоцкого въ содержанкахъ жила?

— Нѣтъ, не постыжусь.... Вы не по своей волѣ у Тоцкого были.

— И никогда не попрекнешь?

— Не попрекну.

— Ну, смотри, за всю жизнь не ручайся!

— Настасья Филипповна, сказалъ князь, тихо и какъ бы съ состраданіемъ, — я вамъ давеча говорилъ, что за честь приму ваше согласіе, и что вы мнѣ честь дѣлаете, а не я вамъ. Вы на эти слова усмѣхнулись, и крутомъ, я слышалъ, тоже смѣялись. Я, можетъ-быть, смѣшно очень выразился и былъ самъ смѣшонъ, но мнѣ все казалось, что я.... понимаю въ чемъ честь и увѣренъ, что я правду сказалъ. Вы сейчасъ загубить себя хотѣли, безвозвратно, потому что вы никогда не простили бы себѣ потомъ этого: а вы ни въ чемъ не виноваты. Быть не можетъ, чтобы ваша жизнь совсѣмъ уже погибла. Что жъ такое, что къ вамъ Рогожинъ пришелъ, а Гаврила Ардалионовичъ васъ обмануть хотѣлъ? Зачѣмъ вы безпрестанно про это упоминаете? То, что вы сдѣлали, на то не многіе способны, это я вамъ повторяю, а что вы съ Рогожинымъ ѣхать хотѣли, то это вы въ болѣзненномъ припадкѣ рѣшили. Вы и теперь въ припадкѣ, и лучше бы вамъ идти въ постель. Вы завтра же въ прачки бы пошли, а не остались бы съ Рогожинымъ. Вы горды, Настасья Филипповна, но, можетъ-быть, вы уже до того не-

счастливы, что и действительно виновною себя считаете. За вами нужно много ходить, Настасья Филипповна. Я буду ходить за вами. Я давеча вашъ портретъ увидалъ, и точно я знакомое лицо узналъ. Мнѣ тотчасъ показалось, что вы какъ будто уже звали меня.... Я.... я васъ буду всю жизнь уважать, Настасья Филипповна, заключилъ вдругъ князь, какъ бы вдругъ опомнившись, покраснѣвъ и сообразивъ предъ какими людьми онъ это говорить.

Птицынъ такъ даже отъ цѣломудрія наклонилъ голову и смотрѣлъ въ землю. Тоцкій про себя подумалъ: „идіотъ, а знаетъ, что лестью всего лучше возьмешь; натура!“ Князь замѣтилъ тоже изъ угла сверкающій взглядъ Гани, которымъ тотъ какъ бы хотѣлъ испепелить его.

— Вотъ такъ добрый человѣкъ! провозгласила умилившаяся Дарья Алексѣевна.

— Человѣкъ образованный, но погибшій! вполголоса прошепталъ генераль.

Тоцкій взялъ шляпу и приготовился встать, чтобы тихонько скрыться. Онъ и генераль переглянулись, чтобы выйти вмѣстѣ.

— Спасибо, князь, со мной такъ никто не говорилъ до сихъ поръ, проговорила Настасья Филипповна, — меня все торговали, а замужъ никто еще не сваталъ изъ порядочныхъ людей. Слышали, Аванасій Ивановичъ? Какъ вамъ покажется все, что князь говорилъ? Вѣдь почти что неприлично.... Рогожинъ! Ты погоди уходить-то. Да ты и не уйдешь, я вижу. Можетъ, я еще съ тобой отправлюсь. Ты куда везти-то хотѣлъ?

— Въ Екатерингофъ, отпрапортовалъ изъ угла Лебедевъ, а Рогожинъ только вздрогнулъ и смотрѣлъ во всѣ глаза, какъ бы не вѣря себѣ. Онъ совсѣмъ отупѣлъ, точно отъ ужаснаго удара по головѣ.

— Да что ты, что ты, матушка! Подлинно припадки находятъ; съ ума, что ли, сошла? вскинулась испуганная Дарья Алексѣевна.

— А ты и впрямь думала? хохоча вскочила съ дивана Настасья Филипповна:—этакого-то младенца сгубить? Да это

Аеанасію Іванычу въ ту жь пору: это онъ младенцевъ любить! Ёдемъ, Рогожинъ! Готовь свою пачку! Ничего, что жениться хочешь, а деньги-то все-таки давай. Я за тебя-то еще и не пойду, можетъ-быть. Ты думалъ, какъ самъ жениться хотѣлъ, такъ пачка у тебя и останется? Врешь! Я сама безстыдница! Я Тоцкаго наложницей была.... Князь! тебѣ теперь надо Аглаю Епанчину, а не Настасью Филипповну, а то что — Фердыщенко-то пальцами будетъ указывать! Ты не боишься, да я буду бояться, что тебя загубила, да что потомъ попрекнешь! А что ты объявляешь, что я честь тебѣ сдѣлаю, такъ про то Тоцкій знаетъ. А Аглаю-то Епанчину ты, Ганечка, просмотрѣлъ; зналъ ли ты это? Не торговался бы ты съ ней, она непременно бы за тебя вышла! Вотъ такъ-то вы всѣ: или съ безчестными, или съ честными женщинами знаться, — одинъ выборъ! А то непременно спутаешься.... Ишь, генераль-то смотритъ, ротъ раскрылъ....

— Это Содомъ, Содомъ! повторялъ генераль, вскидывая плечами. Онъ тоже всталъ съ дивана; всѣ опять были на ногахъ. Настасья Филипповна была какъ бы въ изступленіи.

— Неужели! простоналъ князь, ломая руки.

— А ты думалъ, нѣтъ? Я, можетъ-быть, и сама гордая, нужды нѣтъ что безстыдница! Ты меня совершенствомъ давеча называлъ; хорошо совершенство, что изъ одной похвальбы, что милліонъ и княжество растоптала, въ трущобу идетъ! Ну какая я тебѣ жена послѣ этого? Аеанасій Іванычъ, а вѣдь милліонъ-то я и въ самомъ дѣлѣ въ окно выбросила! Какъ же вы думали, что я за Ганечку, да за ваши семьдесятъ пять тысячъ за счастье выйдти сочту? Семьдесятъ пять тысячъ ты возьми себѣ, Аеанасій Іванычъ (и до ста-то не дошелъ, Рогожинъ перещеголялъ!), а Ганечку я утѣшу сама, мнѣ мысль пришла. А теперь я гулять хочу, я вѣдь уличная! Я десять лѣтъ въ тюрьмѣ просидѣла, теперь мое счастье! Что же ты, Рогожинъ? Собирайся, ёдемъ!

— Ёдемъ! заревѣлъ Рогожинъ, чуть не въ изступленіи отъ радости: — ей вы.... крутомъ.... вина! Ухъ!...

— Припасай вина, я пить буду. А музыка будетъ?

— Будетъ, будетъ! Не подходи! завопилъ Рогожинъ въ изступленіи, увидя, что Дарья Алексѣевна подходитъ къ Настасьѣ Филипповнѣ. — Моя! Все мое! Королева! Конецъ!

Онъ отъ радости задышался; онъ ходилъ вокругъ Настасьи Филипповны и кричалъ на всѣхъ: „не подходи!“ Вся компанія уже набилась въ гостиную. Одни пили, другіе кричали и хохотали, всѣ были въ самомъ возбужденномъ и непринужденномъ состояніи духа. Фердыщенко начиналъ пробовать къ нимъ пристроиться. Генераль и Тоцкій сдѣлали опять движеніе поскорѣе скрыться. Ганя тоже былъ со шляпой въ рукѣ, но онъ стоялъ молча и все еще какъ бы оторваться не могъ отъ развивавшейся предъ нимъ картины.

— Не подходи! кричалъ Рогожинъ.

— Да что ты орешь-то! хохотала на него Настасья Филипповна; — я еще у себя хозяйка; захочу, еще тебя въ толчки выгоню. Я не взяла еще съ тебя денегъ-то, вонъ онѣ лежатъ; давай ихъ сюда, всю пачку! Это въ этой-то пачкѣ сто тысячъ? Фу, какая мерзость! Что ты, Дарья Алексѣевна? Да неужто же мнѣ его загубить было? (Она показала на князя). Гдѣ ему жениться, ему самому еще няньку надо; вонъ генераль и будетъ у него въ нянькахъ,—ишь за нимъ увивается! Смотри, князь, твоя невѣста деньги взяла, потому что она распутная, а ты ее брать хотѣлъ! Да что ты плачешь-то? Горько, что ли? А ты смѣйся, по-моему (продолжала Настасья Филипповна, у которой у самой засверкали двѣ крупныя слезы на щекахъ). Времени вѣрь—все пройдетъ! Лучше теперь одуматься чѣмъ потомъ... Да что вы все плачете—вотъ и Катя плачетъ! Чего ты, Катя, милая? Я вамъ съ Пашей много оставляю, уже распорядилась, а теперь прощайте! Я тебя, честную дѣвушку, за собой за распутной ухаживать заставляла.... Этакъ-то лучше, князь, право лучше, потомъ презирать меня сталъ бы, и не было бы намъ счастья! Не клянись, не вѣрю! Да и какъ глупо-то было-бы!... Нѣтъ, лучше простимся по-доброму, а то вѣдь я и сама мечтательница, проку бы не было! Развѣ я сама о тебѣ не мечтала? Это ты правъ, давно мечтала, еще въ

деревнѣ у него, пять лѣтъ прожила одна-однихонька; думаешь-думаешь, бывало-то, мечтаешь-мечтаешь,—и вотъ все такого какъ ты воображала, добраго, честнаго, хорошаго и такого же глупенькаго, что вдругъ придетъ, да и скажетъ: „Вы не виноваты, Настасья Филипповна, а я васъ обожаю!“ Да такъ бывало размечтаешься, что съ ума сойдешь.... А тутъ прѣдетъ вотъ этотъ: мѣсяца по два гостилъ въ году, опозорить, разобидить, распалить, развратить, уѣдетъ, — такъ тысячу разъ въ прудъ хотѣла кинуться, да подла была, души не хватало, ну, а теперь.... Рогожинъ, готовъ?

— Готово! Не подходи!

— Готово! раздалось нѣсколько голосовъ.

— Тройки ждутъ съ колокольчиками!

Настасья Филипповна схватила въ руки пачку.

— Ганьба, ко мнѣ мысль пришла: я тебя вознаграждать хочу, потому за что же тебѣ все-то терять? Рогожинъ, допозетъ онъ на Васильевскій за три цѣлковыхъ?

— Допозетъ!

— Ну, такъ слушай же, Ганя, я хочу на твою душу въ послѣдній разъ посмотрѣть; ты меня самъ цѣлые три мѣсяца мучилъ; теперь мой чередъ. Видишь ты эту пачку, въ ней сто тысячъ! Вотъ я ее сейчасъ брошу въ каминъ, въ огонь, вотъ при всѣхъ, всѣ свидѣтели! Какъ только огонь обхватитъ ее всю,—полѣзай въ каминъ, но только безъ перчатокъ, съ голыми руками, и рукава отверни, и тащи пачку изъ огня! Вытапишь —твоя, всѣ сто тысячъ твои! Капельку только пальчики обожжешь,—да вѣдь сто тысячъ, подумай! Долго ли выхватить! А я на душу твою полюбуюсь, какъ ты за моими деньгами въ огонь полѣзешь. Всѣ свидѣтели, что пачка будетъ твоя! А не полѣзешь, такъ и сгоритъ; никого не пушу. Прочь! Всѣ прочь! Мои деньги! Я ихъ за ночь у Рогожина взяла. Мои ли деньги, Рогожинъ?

— Твои, радость! Твои, королева!

— Ну, такъ всѣ прочь, что хочу, то и дѣлаю! Не мѣшать! Фердыщенко, поправьте огонь!

— Настасья Филипповна, руки не поднимаются! отвѣчалъ ошеломленный Фердыщенко.

— Э-эхъ! крикнула Настасья Филипповна, схватила каминные щипцы, разгребла два тлѣвшія полѣна, и чуть только вспыхнулъ огонь, бросила на него пачку.

Крикъ раздался кругомъ; многіе даже перекрестились.

— Съ ума сошла, съ ума сошла! кричали кругомъ.

— Не.... не.... связать ли намъ ее? шепнулъ генераль Птицыну:—или не послать ли.... Съ ума вѣдь сошла, вѣдь сошла? Сошла?

— Н-нѣтъ, это, можетъ-быть, не совсѣмъ сумасшествіе, прошепталъ блѣдный какъ платокъ и дрожащій Птицынъ, не въ силахъ отвести глазъ своихъ отъ затлѣвшейся пачки.

— Сумасшедшая? Вѣдь сумасшедшая? приставалъ генераль къ Тоцкому.

— Я вамъ говорилъ, что *колоритная* женщина, пробормоталъ тоже отчасти поблѣднѣвшій Аѳанасій Ивановичъ.

— Но вѣдь, однакожь, сто тысячъ!...

— Господи, Господи! раздавалось кругомъ. Всѣ затѣснились вокругъ камина, всѣ дѣзли смотрѣть, всѣ восклицали.... Иные даже вскочили на стулья, чтобы смотрѣть черезъ головы. Дарья Алексѣевна выскочила въ другую комнату и въ страхѣ шепталась о чемъ-то съ Катей и съ Пашей. Красавица-Нѣмка убѣждала.

— Матушка! Королевна! Всемогущая! вопилъ Лебедевъ, ползая на колѣнкахъ передъ Настасьей Филипповной и простирая руки къ камину:— сто тысячъ! Сто тысячъ! Самъ видѣлъ, при мнѣ унаковывали! Матушка! Милостивая! Повели мнѣ въ каминъ: весь влѣзу, всю голову свою сѣдую въ огонь вложу!... Больная жена безъ ногъ, тринадцать человѣкъ дѣтей—все сироты, отца схоронилъ на прошлой недѣлѣ, голодный сидитъ, Настасья Филипповна!! и проводивъ, онъ поползъ было въ каминъ.

— Прочь! закричала Настасья Филипповна, отталкивая его:— разступитесь всѣ! Ганя, чего же ты стоишь? Не стыдись! Ползай! Твое счастье!

Но Ганя уже слишкомъ много вынесъ въ этотъ день и въ этотъ вечеръ, и къ этому послѣднему неожиданному испытанію былъ не приготовленъ. Толпа разступилась предъ

ними на двѣ половины, и онъ остался глазъ на глазъ съ Настасьей Филипповной, въ трехъ шагахъ отъ нея разстоянія. Она стояла у самого камина и ждала, не спуская съ него огненнаго, пристальнаго взгляда. Ганя, во фракѣ, со шляпой въ рукѣ и съ перчатками, стоялъ предъ нею молча и безотвѣтно, скрестивъ руки и смотря на огонь. Безумная улыбка бродила на его блѣдномъ какъ платокъ лицѣ. Правда, онъ не могъ отвести глазъ отъ нея, отъ затлѣвшей пачки; но, казалось, что-то новое вошло ему въ душу; какъ будто онъ поклялся выдержать пытку; онъ не двигался съ мѣста; черезъ нѣсколько мгновений всѣмъ стало ясно, что онъ не пойдетъ за пачкой, не хочетъ идти.

— Эй сгорять, тебя же застыдятъ, кричала ему Настасья Филипповна, — вѣдь послѣ повѣсисься, я не шучу!

Огонь, вспыхнувшій вначалѣ между двумя дотлѣвшими головнями, сперва было потухъ, когда упала на него и придавила его пачка. Но маленькое, синее пламя еще цѣплялось снизу за одинъ уголь нижней головешки. Наконецъ тонкій, длинный язычокъ огня лизнулъ и пачку, огонь прицѣпился и побѣжалъ вверхъ по бумагѣ по угламъ, и вдругъ вся пачка вспыхнула въ каминѣ, и яркое пламя рванулось вверхъ. Всѣ ахнули.

— Матушка! все еще вопилъ Лебедевъ, опять порываясь впередъ, но Рогожинъ оттащилъ и оттолкнулъ его снова.

Самъ Рогожинъ весь обратился въ одинъ неподвижный взглядъ. Онъ оторваться не могъ отъ Настасьи Филипповны, онъ упивался, онъ былъ на седьмомъ небѣ.

— Вотъ это такъ королева! повторялъ онъ поминутно, обращаясь кругомъ къ кому ни попало: — вотъ это такъ по-нашему! вскрикивалъ онъ не помня себя. — Ну кто изъ васъ, мазурики, такую штуку сдѣлаетъ — а?

Князь наблюдалъ грустно и молча.

— Я зубами выхвачу за одну только тысячу! предложилъ было Фердыщенко.

— Зубами-то и я бы сумѣлъ! проскрежеталъ кулачный господинъ сзади всѣхъ въ принадлежѣ рѣшительнаго отчаянія. —

Ч-чорртъ возьми! Горить, все сгорить! вскричалъ онъ увидѣвъ пламя.

— Горить, горить! кричали всѣ въ одинъ голосъ, почти всѣ тоже порываясь къ камину.

— Ганя, не ломайся, въ послѣдній разъ говорю!

— Полѣзай! заревѣлъ Фердыщенко, бросаясь къ Ганѣ въ рѣшительномъ изступленіи и дергая его за рукавъ: — полѣзай, фанфарониска! Сгорить! О пр-р-роклѣтый!

Ганя съ силой оттолкнулъ Фердыщенка, повернулся и пошелъ къ дверямъ; но не сдѣлавъ и двухъ шаговъ, зашатался и грохнулся объ полъ.

— Обморокъ! закричали кругомъ.

— Матушка, сгорятъ! вопилъ Лебедевъ.

— Даромъ сгорятъ! ревѣли со всѣхъ сторонъ.

— Катя, Паша, воды ему, спирту! крикнула Настасья Филипповна, схватила каминные щипцы и выхватила пачку. Вся почти наружная бумага обгорѣла и тлѣла, но тотчасъ же было видно, что внутренность была не тронута. Пачка была обернута въ тройной газетный листъ, и деньги были цѣлы. Всѣ вздохнули свободнѣе.

— Развѣ только тысчоночка какая-нибудь поиспортилась, а остальные всѣ цѣлы, съ умиленіемъ выговорилъ Лебедевъ.

— Всѣ его! Вся пачка его! Слышите, господа! провозгласила Настасья Филипповна, кладя пачку возлѣ Гани: — а не пошелъ-таки, выдержалъ! Значить, самолюбія еще больше чѣмъ жажды денегъ. Ничего охнется! А то бы зарѣзалъ пожалуй.... вонъ ужъ и приходитъ въ себя. Генераль, Иванъ Петровичъ, Дарья Алексѣевна, Катя, Паша, Рогожинъ, слышали? Пачка его, Ганина. Я отдаю ему въ полную собственность, въ вознагражденіе.... ну, тамъ, чего бы то ни было! Скажите ему. Пусть тутъ подлѣ него и лежитъ.... Рогожинъ, маршъ! Прощай, князь, въ первый разъ человѣка видѣла! Прощайте, Афанасій Ивановичъ, мерсі!

Вся Рогожинская ватага съ шумомъ, съ громомъ, съ криками пронеслась по комнатамъ въ выходу, вслѣдъ за Рогожинымъ и Настасьей Филипповной. Въ залѣ дѣвушки подали

ей шубу; кухарка Марфа прибѣжала изъ кухни. Настасья Филипповна всѣхъ ихъ перецѣловала.

— Да неужто, матушка, вы насъ совсѣмъ покидаете? Да куда же вы пойдете? И еще въ день рожденія, въ такой день! спрашивали расплакавшіяся дѣвушки, цѣлуя у ней руки.

— На улицу пойду, Катя, ты слышала, тамъ мнѣ и мѣсто, а не то въ прачки! Довольно съ Аѳанасіемъ Ивановичемъ! Кланяйтесь ему отъ меня, а меня не поминайте лихомъ....

Князь стремглавъ бросился къ подъѣзду, гдѣ всѣ разсуживались на четырехъ тройкахъ съ колокольчиками. Генераль успѣлъ догнать его еще на лѣстницѣ.

— Помилуй, князь, опомнись! говорилъ онъ, хватая его за руку: — брось! Видишь какая она! Какъ отецъ говорю....

Князь поглядѣлъ на него, но не сказавъ ни слова, вырвался и побѣжалъ внизъ.

У подъѣзда, отъ котораго только-что отвратили тройки, генераль разглядѣлъ, что князь схватилъ перваго извощика и крикнулъ ему въ Екатерингофъ, вслѣдъ за тройками. Затѣмъ подкатилъ генеральскій свѣренскій рысачокъ и увлекъ генерала домой, съ новыми надеждами и расчетами, и съ давешнимъ жемчугомъ, который генераль все-таки не забылъ взять съ собой. Между расчетами мелькнулъ ему раза два и соблазнительный образъ Настасьи Филипповны; генераль вздохнулъ:

— Жаль! Искренно жаль! Погибшая женщина! Женщина сумасшедшая!... Ну-съ, а князю теперь не Настасью Филипповну надо...

Въ этомъ же родѣ нѣсколько нравоучительныхъ и напутственныхъ словъ произнесено было и другими двумя собесѣдниками изъ гостей Настасьи Филипповны, разсудившими пройти нѣсколько пѣшкомъ.

— Знаете, Аѳанасій Ивановичъ, это, какъ говорятъ, у Японцевъ въ этомъ родѣ бываетъ, говорилъ Иванъ Петровичъ Птицынъ: — обиженный тамъ будто бы идетъ къ обидчику и говоритъ ему: „ты меня обидѣлъ, за это я пришелъ распоротъ въ твоихъ глазахъ свой животъ“, и съ этими

словами дѣйствительно распарываетъ въ глазахъ обидчика свой животъ и чувствуетъ, должно быть, чрезвычайное удовлетвореніе, точно и въ самомъ дѣлѣ отмстилъ. Странные бываютъ на свѣтѣ характеры, Аѳанасій Ивановичъ!

— А вы думаете что и тутъ въ этомъ родѣ было, отвѣтилъ съ улыбкой Аѳанасій Ивановичъ, — гм! Вы однакожь остроумно.... и прекрасное сравненіе привели. Но вы видѣли однакоже сами, милѣйшій Иванъ Петровичъ, что я сдѣлалъ все что могъ; не могу же я сверхъ возможнаго, согласитесь сами? Но согласитесь, однакожь, и съ тѣмъ, что въ этой женщинѣ присутствовали капитальныя достоинства.... блестящія черты. Я давеча ей крикнуть даже хотѣлъ, еслибы могъ только себѣ это позволить при этомъ содомѣ, что она сама есть самое лучшее мое оправданіе на всѣ ея обвиненія. Ну кто не плѣнился бы иногда этою женщиной до забвенія разсудка и.... всего? Смотрите, этотъ мужикъ, Рогожинъ, сто тысячъ ей приволокъ! Положимъ, это все, что случилось тамъ теперь, — эфемерно, романтично, неприлично, но за то колоритно, за то оригинально, — согласитесь сами. Боже, что бы могло быть изъ такого характера и при такой красотѣ! Но несмотря на всѣ усилія, на образованіе даже, — все погибло! Нешлифованный алмазь, — я нѣсколько разъ говорилъ это....

И Аѳанасій Ивановичъ глубоко вздохнулъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Дня два послѣ страннаго приключенія на вечерѣ у Настасьи Филипповны, которымъ мы закончили первую часть нашего разсказа, князь Мышкинъ успѣшилъ выѣхать въ Москву, по дѣлу о полученіи своего неожиданнаго наслѣдства. Говорили тогда, что могли быть и другія причины такой поспѣшности его отъѣзда; но объ этомъ, равно какъ и о приключеніяхъ князя въ Москвѣ и вообще въ продолженіе его отлучки изъ Петербурга, мы можемъ сообщить довольно мало свѣдѣній. Князь пробылъ въ отлучкѣ ровно шесть мѣсяцевъ, и даже тѣ, кто имѣлъ нѣкоторыя причины интересоваться его судьбой, слишкомъ мало могли узнать о немъ за все это время. Доходили, правда, къ инымъ, хотя и очень рѣдко, кой-какіе слухи, но тоже большею частью странные и всегда почти одинъ другому противорѣчившіе. Болѣе всѣхъ интересовались княземъ, конечно, въ домѣ Епанчиныхъ, съ которыми онъ, уѣзжая, даже не успѣлъ и проститься. Генераль, впрочемъ, видѣлся съ нимъ тогда, и даже раза два, три; они о чемъ-то серьезно толковали. Но если самъ Епанчинъ и видѣлся, то семейству своему объ этомъ не возвѣстилъ. Да и вообще въ первое время, то-есть чуть ли не цѣлый мѣсяцъ по отъѣздѣ князя, въ домѣ Епанчиныхъ о немъ говорить было не принято. Одна только генеральша, Лизавета Прокофьевна, высказалась въ самомъ началѣ, „что она въ князѣ жестоко ошиблась“. Потомъ дня черезъ два или три прибавила, но уже не называя князя, а неопредѣленно, „что главнѣйшая черта въ ея жизни была непрерывная ошибка въ людяхъ“. И наконецъ, уже дней десять спустя, заключила въ видѣ сентенціи, чѣмъ-то раздражившись на дочерей, что: „Довольно ошибокъ! Больше ихъ уже не бу-

детъ“. Нельзя не замѣтить при этомъ, что въ ихъ домѣ довольно долго существовало какое-то непріятное настроеніе. Было что-то тяжелое, натянутое, недоговоренное, ссорное; всѣ хмурились. Генераль день и ночь былъ занятъ, хлопоталъ о дѣлахъ; рѣдко видѣли его болѣе занятымъ и дѣятельнымъ,—особенно по службѣ. Домашніе едва успѣвали взглянуть на него. Что же касается до дѣвицъ Епанчиныхъ, то вслухъ, конечно, ими ничего не было высказано. Можетъ-быть, даже и наединѣ между собой сказано было слишкомъ мало. Это были дѣвицы гордыя, высокомерныя и даже между собой иногда стыдливыя; а впрочемъ понимавшія другъ друга не только съ перваго слова, но съ перваго даже взгляда, такъ что и говорить много иной разъ было бы незачѣмъ.

Одно только можно бы было заключить постороннему наблюдателю, еслибы таковой тутъ случился: что судя по всѣмъ вышесказаннымъ, хотя и немногимъ даннымъ, князь все-таки успѣлъ оставить въ домѣ Епанчиныхъ особенное впечатлѣніе, хотъ и являлся въ немъ всего одинъ разъ, да и то мелькомъ. Можетъ-быть, это было впечатлѣніе простаго любопытства, объясняемаго нѣкоторыми эксцентрическими приключеніями князя. Какъ бы то ни было, а впечатлѣніе осталось.

Мало-по-малу и распространившіеся было по городу слухи успѣли покрыться мракомъ неизвѣстности. Рассказывалось, правда, о какомъ-то князькѣ и дурачкѣ (никто не могъ назвать вѣрно имени), получившемъ вдругъ огромнѣйшее наследство и женившемся на одной заѣзжей Француженкѣ, известной канканеркѣ въ Шато-де-флеръ въ Парижѣ. Но другіе говорили, что наследство получилъ какой-то генераль, а женился на заѣзжей Француженкѣ и известной канканеркѣ русскій купчикъ и несмѣтный богачъ, и на свадьбѣ своей, изъ одной похвальбы, пьяный, сжегъ на свѣчкѣ ровно на семьсотъ тысячъ билетовъ послѣдняго лотерейнаго займа. Но всѣ эти слухи очень скоро затихли, чему много способствовали обстоятельства. Вся, на примѣръ, компанія Рогожина, изъ которой многіе могли бы кое-что рассказать, отправилась всей громадой, съ нимъ самимъ во главѣ, въ Москву, почти

ровно чрезъ недѣлю послѣ ужасной оргіи въ Екатерингофскомъ воксалѣ, гдѣ присутствовала и Настасья Филипповна. Кой-кому, очень немногимъ интересующимся, стало извѣстно по какимъ-то слухамъ, что Настасья Филипповна на другой же день послѣ Екатерингофа бѣжала, исчезла, и что будто бы выслѣдили наконецъ, что она отправилась въ Москву; такъ что и въ отъѣздѣ Рогожина въ Москву стали находить нѣкоторое совпаденіе съ этимъ слухомъ.

Пошли было тоже слухи собственно насчетъ Гаврилы Ардаліоновича Иволгина, который былъ довольно тоже извѣстенъ въ своемъ кругу. Но и съ нимъ приключилось одно обстоятельство, вскорѣ быстро охладившее, а въ послѣдствіи и совсѣмъ уничтожившее всѣ недобрые рассказы на его счетъ: онъ сдѣлался очень боленъ и не могъ являться не только нигдѣ въ обществѣ, но даже и на службу. Проболѣвъ съ мѣсяць, онъ выздоровѣлъ, но отъ службы въ акціонерномъ обществѣ почему-то совсѣмъ отказался, и мѣсто его занялъ другой. Въ домѣ генерала Епанчина онъ тоже не появлялся ни разу, такъ что и къ генералу сталъ ходить другой чиновникъ. Враги Гаврилы Ардаліоновича могли бы предположить, что онъ до того уже сконфуженъ отъ всего съ нимъ случившагося, что стыдится и на улицу выйти; но онъ и въ самомъ дѣлѣ что-то хворалъ: впалъ даже въ ипохондрію, задумывался, раздражался. Варвара Ардаліоновна въ ту же зиму вышла замужъ за Птицына; всѣ ихъ знавшіе прямо приписали этотъ бракъ тому обстоятельству, что Ганя не хотѣлъ возвратиться къ своимъ занятіямъ и не только пересталъ содержать семейство, но даже самъ началъ нуждаться въ помощи и почти что въ уходѣ за нимъ.

Замѣтимъ въ скобкахъ, что и о Гаврилѣ Ардаліоновичѣ въ домѣ Епанчиныхъ никогда даже и не упоминалось, — какъ будто и на свѣтѣ такого человѣка не было, не только въ ихъ домѣ. А между тѣмъ тамъ про него всѣ узнали (и даже весьма скоро) одно очень замѣчательное обстоятельство, а именно: въ ту самую роковую для него ночь, послѣ непріятнаго приключенія у Настасьи Филипповны, Ганя, воротясь домой, спать не легъ, а сталъ ожидать возвращенія

князя съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Князь, поѣхавшій въ Екатеринбургъ, возвратился оттуда въ шестомъ часу утра. Тогда Ганя вошелъ въ его комнату и положилъ передъ нимъ на столъ обгорѣлую пачку денегъ, подаренныхъ ему Настасьей Филипповной, когда онъ лежалъ въ обморокъ. Онъ настойчиво просилъ князя при первой возможности возвратить этотъ подарокъ обратно Настасьѣ Филипповнѣ. Когда Ганя входилъ къ князю, то былъ въ настроеніи враждебномъ и почти отчаянномъ; но между нимъ и княземъ было сказано будто бы нѣсколько какихъ-то словъ, послѣ чего Ганя просидѣлъ у князя два часа и все время рыдалъ прегорько. Разстались оба въ отношеніяхъ дружескихъ.

Это извѣстіе, дошедшее до всѣхъ Епанчиныхъ, было, какъ подтвердилось въ послѣдствіи, совершенно точно. Конечно, странно, что такого рода извѣстія могли такъ скоро доходить и узнаваться; все происшедшее, на примѣръ, у Настасьи Филипповны стало извѣстно въ домѣ Епанчиныхъ чуть не на другой же день и даже въ довольно точныхъ подробностяхъ. По поводу же извѣстій о Гаврилѣ Ардаліоновичѣ можно было бы предположить, что они занесены были къ Епанчинымъ Варварой Ардаліоновной, какъ-то вдругъ появившеюся у дѣвицъ Епанчиныхъ и даже ставшею у нихъ очень скоро на очень короткую ногу, что чрезвычайно удивляло Лизавету Прокофьевну. Но Варвара Ардаліоновна, хоть и нашла почему-то нужнымъ такъ близко сойтись съ Епанчинными, но о братѣ своемъ съ ними говорить навѣрно не стала бы. Это была тоже довольно гордая женщина, въ своемъ только родѣ, несмотря на то что завела дружбу тамъ, откуда ея брата почти выгнали. Прежде того она хоть и была знакома съ дѣвицами Епанчинными, но видѣлись онѣ рѣдко. Въ гостиной, впрочемъ, она и теперь почти не показывалась и заходила, точно забѣгала, съ задняго крыльца. Лизавета Прокофьевна никогда не жаловала ее, ни прежде, ни теперь, хоть и очень уважала Нину Александровну, маменьку Варвары Ардаліоновны. Она удивлялась, сердилась, приписывала знакомство съ Варей капризамъ и властолюбію своихъ дочерей, которыя „ужь и придумать не знаютъ, что

ей сдѣлать напротивъ“, а Варвара Ардалионовна все-таки продолжала ходить къ нимъ до и послѣ своего замужества.

Но прошло съ мѣсяць по отъѣздѣ князя, и генеральша Епанчина получила отъ старухи княгини Бѣлоконской, уѣхавшей недѣли двѣ предъ тѣмъ въ Москву къ своей старшей замужней дочери, письмо, и письмо это произвело на нее видимое дѣйствіе. Она хоть и ничего не сообщила изъ него ни дочерямъ, ни Ивану Ѳедоровичу, но по многимъ признакамъ стало замѣтно въ семьѣ, что она какъ-то особенно возбуждена, даже взволнована. Стала какъ-то особенно странно заговаривать съ дочерьми и все о такихъ необыкновенныхъ предметахъ; ей видимо хотѣлось высказаться, но она почему-то сдерживалась. Въ день полученія письма она всѣхъ приласкала, даже поцѣловала Аглаю и Аделаиду, въ чемъ-то собственно предъ ними покаялась, но въ чемъ именно, онѣ не могли разобрать. Даже къ Ивану Ѳедоровичу, котораго цѣлый мѣсяць продержала въ опалѣ, стала вдругъ снисходительна. Разумѣется, на другой же день она ужасно рассердилась на свою вчерашнюю чувствительность и еще до обѣда успѣла со всѣми перессориться, но къ вечеру опять горизонтъ прояснился. Вообще цѣлую недѣлю она продолжала находиться въ довольно ясномъ настроеніи духа, чего давно уже не было.

Но еще чрезъ недѣлю отъ Бѣлоконской получено было еще письмо, и въ этотъ разъ генеральша уже рѣшилась высказаться. Она торжественно объявила, что „старуха Бѣлоконская“ (она иначе никогда не называла княгиню, говоря о ней заочно) сообщаетъ ей весьма утѣшительныя свѣдѣнія объ этомъ... „чудакъ, ну вотъ, о князѣ-то!“ Старуха его въ Москвѣ розыскала, справлялась о немъ, узнала что-то очень хорошее; князь наконецъ явился къ ней самъ и произвелъ на нее впечатлѣніе почти чрезвычайное. „Видно изъ того, что она его каждый день пригласила ходить къ ней по утрамъ, отъ часу до двухъ, и тотъ каждый день къ ней таскается и до сихъ поръ не надоѣлъ“, заключила генеральша, прибавивъ къ тому, что чрезъ „старуху“ князь въ двухъ-трехъ домахъ хорошихъ сталъ принимать. „Это хорошо,

что сиднемъ не сидитъ и не стыдится, какъ дуракъ“. Дѣвицы, которымъ все это было сообщено, тотчасъ замѣтили, что маменька что-то очень много изъ письма своего отъ нихъ скрыла. Можетъ-быть, онѣ узнали это чрезъ Варвару Ардалионовну, которая могла знать и, конечно, знала все, что зналъ Птицынъ о князѣ и о пребываніи его въ Москвѣ. А Птицыну могло быть извѣстно даже больше чѣмъ всѣмъ. Но человекъ онъ былъ чрезмѣрно молчаливый въ дѣловомъ отношеніи, хотя Варѣ, разумѣется, и сообщалъ. Генеральша тотчасъ же и еще болѣе не любила за это Варвару Ардалионовну.

Но какъ бы то ни было, а ледъ былъ разбитъ, и о князѣ вдругъ стало возможнымъ говорить вслухъ. Кромѣ того, еще разъ ясно обнаружилось то необыкновенное впечатлѣніе и тотъ уже не въ мѣру большой интересъ, который возбудилъ и оставилъ по себѣ князь въ домѣ Епанчиныхъ. Генеральша даже подивилась впечатлѣнію, произведенному на ея дочекъ извѣстіями изъ Москвы. А дочери тоже подивились на свою мамашу, такъ торжественно объявившую имъ, что „главнѣйшая черта ея жизни—безпрерывная ошибка въ людяхъ“, и въ то же самое время поручавшую князя вниманію „могущественной“ старухи Бѣлоконской въ Москвѣ, при чемъ, конечно, пришлось выпрашивать ея вниманія Христомъ да Богомъ, потому что „старуха“ была въ извѣстныхъ случаяхъ туга на подъемъ.

Но какъ только ледъ былъ разбитъ и повѣяло новымъ вѣтромъ, поспѣшилъ высказаться и генераль. Оказалось, что и тотъ необыкновенно интересовался. Сообщилъ онъ, впрочемъ, объ одной только „дѣловой сторонѣ предмета“. Оказалось, что онъ, въ интересахъ князя, поручилъ наблюдать за нимъ, и особенно за руководителемъ его Салазкинымъ, двумя кажимъ то очень благонадежнымъ и вліятельнымъ въ своемъ родѣ въ Москвѣ господамъ. Все что говорилось о наслѣдствѣ, „такъ сказать о фактѣ наслѣдства“, оказалось вѣрнымъ, но что самое наслѣдство въ концѣ концовъ оказывается вовсе не такъ значительнымъ, какъ объ немъ сначала распространили. Состояніе на половину запутано; ока-

зались долги, оказались какіе-то претенденты, да и князь, несмотря на всѣ руководства, велъ себя самымъ недѣловымъ образомъ. „Конечно, дай ему Богъ“: теперь, когда „ледъ молчанія“ разбитъ, генераль радъ заявить объ этомъ „отъ всей искренности“ души, потому „малый хоть немного и того“, но все-таки стѣдуетъ того. А между тѣмъ все-таки тутъ наглушилъ: явились, напримѣръ, кредиторы покойнаго купца, по документамъ спорнымъ, ничтожнымъ, а иные, проноухавъ о князѣ, такъ и вовсе безъ документовъ, и что же? Князь почти всѣхъ удовлетворилъ, несмотря на представленія друзей о томъ, что всѣ эти людишки и кредиторишки совершенно безъ правъ; и потому только удовлетворилъ, что дѣйствительно оказалось, что нѣкоторые изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ пострадали.

Генеральша на это отозвалась, что въ этомъ родѣ ей и Бѣлоконская лишеть, и что „это глупо, очень глупо; дурака не вылѣчишь“, рѣзко прибавила она, но по лицу ея видно было, какъ она рада была поступкамъ этого „дурака“. Въ заключеніе всего, генераль замѣтилъ, что супруга его принимаетъ въ князѣ участіе точно какъ будто въ родномъ своемъ сынѣ, и что Аглаю она что-то ужасно стала ласкать; видя это, Иванъ Ѳедоровичъ принялъ на нѣкоторое время весьма дѣловую осанку.

Но все это пріятное настроеніе опять-таки существовало не долго. Прошло всего двѣ недѣли, и что-то вдругъ опять измѣнилось, генеральша нахмурилась, а генераль, пожавъ нѣсколько разъ плечами, подчинился опять „льду молчанія“. Дѣло въ томъ, что всего двѣ недѣли назадъ онъ получилъ подъ рукой одно извѣстіе, хоть и короткое, и потому не совсѣмъ ясное, но зато вѣрное, о томъ, что Настасья Филипповна, сначала пропавшая въ Москвѣ, розысканная потомъ въ Москвѣ же Рогожинымъ, потомъ опять куда-то пропавшая и опять имъ розысканная, дала наконецъ ему почти вѣрное слово выйдти за него замужъ. И вотъ всего только двѣ недѣли спустя вдругъ получено было его превосходительствомъ свѣдѣніе, что Настасья Филипповна бѣжала въ третій разъ, почти что изъ-подъ вѣнца, и на этотъ разъ

пропала гдѣ-то въ губерніи, а между тѣмъ исчезъ изъ Москвы и князь Мышкинъ, оставивъ все свои дѣла на попеченіе Салазкина, „съ нею ли, или просто бросился за ней — неизвѣстно, но что-то тутъ есть“, заключилъ генераль. Лизавета Прокофьевна тоже и съ своей стороны получила какія-то неприятныя свѣдѣнія. Въ концѣ концовъ, два мѣсяца послѣ выѣзда князя почти всякій слухъ о немъ въ Петербургѣ затихъ окончательно, а въ домѣ Епанчиныхъ „ледъ молчанія“ уже и не разбивался. Варвара Ардалионовна, впрочемъ, все-таки навѣщала дѣвицъ.

Чтобы закончить о всѣхъ этихъ слухахъ и извѣстіяхъ, прибавимъ и то, что у Епанчиныхъ произошло къ веснѣ очень много переворотовъ, такъ что трудно было не забыть о князѣ, который и самъ не давалъ, а можетъ-быть, и не хотѣлъ подать о себѣ вѣсти. Въ продолженіе зимы мало-помалу наконецъ рѣшили отправиться на лѣто за границу, то-есть Лизавета Прокофьевна съ дочерьми; генералу, разумѣется, нельзя было тратить время на „пустое развлеченіе“. Рѣшеніе состоялось по чрезвычайному и упорному настоянію дѣвицъ, совершенно убѣдившихся, что за границу ихъ оттого не хотятъ везти, что у родителей непрерывная забота выдать ихъ замужъ и искать имъ жениховъ. Можетъ-быть, и родители убѣдились наконецъ, что женихи могутъ встрѣтиться и за границей, и что поѣздка на одно лѣто не только ничего не можетъ разстроить, но пожалуй еще даже „можетъ способствовать“. Здѣсь кстати упомянуть, что бывший въ проектѣ бракъ Аѳанасія Ивановича Тоцкого и старшей Епанчиной совсѣмъ разстроился, и формальное предложеніе его вовсе не состоялось! Случилось это какъ-то само собой, безъ большихъ разговоровъ и безо всякой семейной борьбы. Со времени отъѣзда князя все вдругъ затихло съ обѣихъ сторонъ. Вотъ и это обстоятельство вошло отчасти въ число причинъ тогдашняго тяжелаго настроенія въ семействѣ Епанчиныхъ, хотя генеральша и высказала тогда же, что она теперь рада „обѣими руками перекреститься“. Генераль, хотя и былъ въ опалѣ и чувствовалъ что самъ виноватъ, но все-таки надолго надулся; жалъ ему было Аѳанасія Ива-

новича: „такое состояніе и ловкій такой человѣкъ!“ Недолго спустя генераль узналъ, что Аѳанасій Ивановичъ плѣнился одною заѣзжею Француженкой высшаго общества, маркизой и легитимисткой, что бракъ состоится, и что Аѳанасія Ивановича увезутъ въ Парижъ, а потомъ куда-то въ Бретань. „Ну, съ Француженкой пропадетъ“, рѣшилъ генераль.

А Епанчины готовились къ лѣту выѣхать. И вдругъ произошло обстоятельство, которое опять все перемѣнило по-новому, и поѣздка опять была отложена къ величайшей радости генерала и генеральши. Въ Петербургъ пожаловалъ изъ Москвы одинъ князь, князь Ч., извѣстный, впрочемъ, человѣкъ, и извѣстный съ весьма и весьма хорошей точки. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, или даже, можно сказать, дѣятелей послѣдняго времени, честныхъ, скромныхъ, которые искренно и сознательно желаютъ полезнаго, всегда работаютъ и отличаются тѣмъ рѣдкимъ и счастливымъ качествомъ, что всегда находятъ работу. Не выставляясь на показъ, избѣгая ожесточенія и празднословія партій не считая себя въ числѣ первыхъ, князь понималъ однако многое изъ совершающагося въ послѣднее время весьма основательно. Онъ прежде служилъ, потомъ сталъ принимать участіе и въ земской дѣятельности. Кромѣ того, былъ полезнымъ корреспондентомъ нѣсколькихъ русскихъ ученыхъ обществъ. Сообщаясь однимъ знакомымъ техникомъ, онъ способствовалъ, собранными свѣдѣніями и изысканіями, болѣе вѣрному направленію одной изъ важнѣйшихъ проектированныхъ желѣзныхъ дорогъ. Ему было лѣтъ тридцать пять. Человѣкъ онъ былъ „самаго высшаго свѣта“ и кромѣ того съ состояніемъ „хорошимъ, серіознымъ, неоспоримымъ“, какъ отозвался генераль, имѣвшій случай по одному довольно серіозному дѣлу сойтись и познакомиться съ княземъ у графа, своего начальника. Князь, изъ нѣкотораго особеннаго любопытства, никогда не избѣгалъ знакомства съ русскими „дѣловыми людьми“. Случилось, что князь познакомился и съ семействомъ генерала. Аделаида Ивановна, средняя изъ трехъ сестеръ, произвела на него довольно сильное впечатлѣніе. Къ веснѣ князь объяснился. Аделаидѣ онъ очень понравился,

понравился и Лизаветѣ Прокофьевнѣ. Генералъ былъ очень радъ. Само собою разумѣется, поѣздка была отложена. Свадьба назначалась весной.

Поѣздка, впрочемъ, могла бы и къ срединѣ, и къ концу лѣта состояться, хотя бы только въ видѣ прогулки на мѣсяцъ или на два Лизаветы Прокофьевны съ двумя оставшимися при ней дочерьми, чтобы разсѣять грусть по оставившей ихъ Аделаидѣ. Но произошло опять нѣчто новое: уже въ концѣ весны (свадьба Аделаиды нѣсколько замедлилась и была отложена до середины лѣта) князь Ч. ввелъ въ домъ Епанчиныхъ одного изъ своихъ дальнихъ родственниковъ, довольно хорошо, впрочемъ, ему знакомаго. Это былъ нѣкто Евгеній Павловичъ Р., человекъ еще молодой, лѣтъ двадцати восьми, флигель-адъютантъ, писанный красавецъ собой, „знатнаго рода“, человекъ остроумный, блестящій, „новый“, „чрезмѣрнаго образованія“ и—какого-то ужъ слишкомъ неслыханнаго богатства. Насчетъ этого послѣдняго пункта генералъ былъ всегда остороженъ. Онъ сдѣлалъ справки: „дѣйствительно что-то такое оказывается — хотя, впрочемъ, надо еще провѣрить“. Этотъ молодой и съ „будущностью“ флигель-адъютантъ былъ сильно возвышенъ отзывомъ старухи Бѣлоконской изъ Москвы. Одна только слава за нимъ была нѣсколько щекотливая: нѣсколько связей, и какъ увѣряли, „побѣдъ“ надъ какими-то несчастными сердцами. Увидѣвъ Аглаю, онъ сталъ необыкновенно усидчивъ въ домѣ Епанчиныхъ. Правда, ничего еще не было сказано, даже намековъ никакихъ не было сдѣлано; но родителямъ все-таки казалось, что нечего этимъ лѣтомъ думать о заграничной поѣздкѣ. Сама Аглая, можетъ-быть, была и другаго мнѣнія.

Происходило это уже почти предъ самымъ вторичнымъ появленіемъ нашего героя на сцену нашего разсказа. Къ этому времени, судя на взглядъ, бѣднаго князя Мышкина уже совершенно успѣли въ Петербургѣ забыть. Еслибъ онъ теперь вдругъ явился между знавшими его, то какъ бы съ неба упалъ. А между тѣмъ мы все-таки сообщимъ еще одинъ фактъ и тѣмъ самымъ закончимъ наше введеніе.

Коля Иволгинъ, по отъздѣ князя, сначала продолжалъ свою прежнюю жизнь, то-есть, ходилъ въ гимназію, къ пріятелю своему Ипполиту, смотрѣлъ за генераломъ и помогалъ Варѣ по хозяйству, то-есть, былъ у ней на побѣгушкахъ. Но жильцы быстро исчезли: Фердыщенко съѣхалъ куда-то три дня спустя послѣ приключенія у Настасьи Филишовны и довольно скоро пропалъ, такъ что о немъ и всякій слухъ затихъ; говорили, что гдѣ-то ѡдетъ, но не утвердительно. Князь уѣхалъ въ Москву; съ жильцами было покончено. Въ послѣдствіи, когда Варя уже вышла замужъ, Нина Александровна и Ганя переѣхали вмѣстѣ съ ней къ Птицыну, въ Измайловскій полкъ; что же касается до генерала Иволгина, то съ нимъ почти въ то же самое время случилось одно совсѣмъ непредвидѣнное обстоятельство: его посадили въ долговое отдѣленіе. Препровожденъ онъ былъ туда пріятельницей своей, капитаншей, по выданнымъ ей въ разное время документамъ, цѣной тысячи на двѣ. Все это произошло для него совершеннымъ сюрпризомъ, и бѣдный генералъ былъ „рѣшительно жертвой своей неумѣренной вѣры въ благородство сердца человѣческаго, говоря вообще“. Взавъ успокоительную привычку подписывать заемныя письма и векселя, онъ и возможности не предполагалъ ихъ воздѣйствія, хотя бы когда-нибудь, все думалъ, что это такъ. Оказалось не такъ. „Довѣрайся послѣ этого людямъ, выказывай благородную довѣрчивость!“ — восклицалъ онъ въ горести, сидя съ новыми пріятелями, въ домѣ Тарасова, за бутылкой вина и рассказывая имъ анекдоты про осаду Карса и про воскресшаго солдата. Зажилъ онъ, впрочемъ, отлично. Птицынъ и Варя говорили, что это его настоящее мѣсто и есть; Ганя вполне подтвердилъ это. Одна только бѣдная Нина Александровна горько плакала втихомолку (что даже удивляло домашнихъ) и, вѣчно хвораая, таскалась, какъ только могла чаще, къ мужу на свиданіе въ Измайловскій полкъ.

Но со времени „случая съ генераломъ“, какъ выражался Коля, и вообще съ самаго замужества сестры, Коля почти совсѣмъ у нихъ отбился отъ рукъ и до того дошелъ, что въ послѣднее время даже рѣдко являлся и ночевать въ

семью. По слухамъ, онъ завелъ множество новыхъ знакомствъ; кромѣ того, сталъ слишкомъ извѣстенъ и въ долговомъ отдѣленіи. Нина Александровна тамъ безъ него и обойдтись не могла; дома же его даже и любопытствомъ теперь не беспокоили. Варя, такъ строго обращавшаяся съ нимъ прежде, не подвергала его теперь ни малѣйшему допросу объ его странствіяхъ; а Ганя, въ большому удивленію домашнихъ, говорилъ и даже сходилъ съ нимъ иногда совершенно дружески, несмотря на всю свою ипохондрію, чего никогда не бывало прежде, такъ какъ двадцатисемилѣтній Ганя естественно не обращалъ на своего пятнадцатилѣтняго брата ни малѣйшаго дружелюбнаго вниманія, обращался съ нимъ грубо, требовалъ въ нему отъ всѣхъ домашнихъ одной только строгости и постоянно грозился „добратся до его ушей“, что и выводило Колю „изъ послѣднихъ границъ человѣческаго терпѣнія“. Можно было подумать, что теперь Коля иногда даже становился необходимымъ Ганѣ. Его очень поразило, что Ганя возвратилъ тогда назадъ деньги; за это онъ много былъ готовъ простить ему.

Прошло мѣсяца три по отъѣздѣ князя, и въ семействѣ Иволгиныхъ услышали, что Коля вдругъ познакомился съ Епанчинными и очень хорошо принятъ дѣвцами. Варя скоро узнала объ этомъ: Коля, впрочемъ, познакомился не чрезъ Варю, а „самъ отъ себя“. Мало-по-малу его у Епанчиныхъ полюбили. Генеральша была имъ сперва очень недовольна, но вскорѣ стала его ласкать „за откровенность и за то что не льститъ“. Что Коля не льстилъ, то это было вполнѣ справедливо; онъ сумѣлъ стать у нихъ совершенно на равную и независимую ногу, хотъ и читалъ иногда генеральшѣ книги и газеты,—но онъ и всегда бывалъ услужливъ. Раза два онъ жестоко, впрочемъ, поссорился съ Лизаветой Прокофьевной, объявилъ ей, что она деспотка, и что нога его не будетъ въ ея домѣ. Въ первый разъ споръ вышелъ изъ-за „женскаго вопроса“, а во второй разъ изъ-за вопроса, въ которое время года лучше ловить чижикивъ? Какъ ни невѣроятно, но генеральша на третій день послѣ ссоры прислала ему съ лакеемъ записку, прося непременно пожаловать;

Коля не ломался и тотчасъ же явился. Одна Аглая была постоянно почему-то не расположена въ нему и обращалась съ нимъ свысока. Ее-то и суждено было отчасти удивить ему. Одинъ разъ, — это было на Святой, — улучивъ минуту наединѣ, Коля подалъ Аглаѣ письмо, сказавъ только, что велѣно передать ей одной. Аглая грозно оглядѣла „самонадѣяннаго мальчишку“, но Коля не сталъ ждать и вышелъ. Она развернула записку и прочла:

«Когда-то вы меня почтили вашею довѣренностью. Можетъ-быть, вы меня совсѣмъ теперь позабыли. Какъ это такъ случилось, что я къ вамъ пишу? Я не знаю; но у меня явилось неудержимое желаніе напомнить вамъ о себѣ и именно вамъ. Сколько разъ вы всѣ три бывали мнѣ очень нужны, но изъ всѣхъ трехъ я видѣлъ одну только васъ. Вы мнѣ нужны, очень нужны. Мнѣ нечего писать вамъ о себѣ, нечего рассказывать. Я и не хотѣлъ того; мнѣ ужасно бы желалось, чтобы вы были счастливы. Счастливы ли вы? Вотъ это только я и хотѣлъ вамъ сказать.

«Вашъ братъ Кн. Л. Мышкинъ».

Прочтя эту коротенькую и довольно безтолковую записку, Аглая вся вдругъ вспыхнула и задумалась. Намъ трудно бы было передать теченіе ея мыслей. Между прочимъ, она спросила себя: „показывать ли кому-нибудь?“ Ей какъ-то было стыдно. Кончила, впрочемъ, тѣмъ, что съ насмѣшливою и странною улыбкой кинула письмо въ свой столикъ. Назавтра опять вынула и заложила въ одну толстую, переплетенную въ ерѣпкѣй корешокъ книгу (она и всегда такъ дѣлала съ своими бумагами, чтобы поскорѣе найти когда понадобится). И ужъ только чрезъ недѣлю случилось ей разглядѣть какая была это книга? Это былъ *Донъ-Кихотъ Ламанскій*. Аглая ужасно расхохоталась — неизвѣстно чему.

Неизвѣстно тоже, показала ли она свое пріобрѣтеніе которой-нибудь изъ сестеръ.

Но когда она еще читала письмо, ей вдругъ пришло въ голову: неужели же этотъ самонадѣянный мальчишка и фанфарониска выбранъ въяземъ въ корреспонденты и, пожалуй, чего добраго, единственный его здѣшній корреспондентъ?

Хоть и съ видомъ необыкновеннаго пренебреженія, но все-таки она взяла Колю къ допросу. Но всегда обидчивый „мальчишка“ не обратилъ на этотъ разъ ни малѣйшаго вниманія на пренебреженіе; весьма коротко и довольно сухо объяснилъ онъ Аглаѣ, что хотя онъ и сообщилъ князю на всякій случай свой постоянный адресъ предъ самымъ выѣздомъ князя изъ Петербурга и при этомъ предложилъ свои услуги, но что это первая коммиссія, которую онъ получилъ отъ него, и первая его записка къ нему, а въ доказательство словъ своихъ представилъ и письмо, полученное собственно имъ самимъ. Аглая не посовѣстилась и прочла. Въ письмѣ къ Колѣ было:

«Милый Коля, будьте такъ добры, передайте при семъ прилагаемую и запечатанную записку Аглаѣ Ивановнѣ. Будьте здоровы».

«Любящій васъ Кн. Л. Мышкинъ»

— Все-таки смѣшно довѣряться такому пузырю, обидчиво произнесла Аглая, отдавая Колѣ записку, и презрительно прошла мимо него.

Этого уже Коля не могъ вынести: онъ же какъ нарочно для этого случая выпросилъ у Гани, не объясняя ему причины, надѣтъ его совершенно еще новый зеленый шарфъ. Онъ жестоко обидился.

. II.

Быль іюнь въ первыхъ числахъ, и погода стояла въ Петербургѣ уже цѣлую недѣлю на рѣдкость хорошая. У Епанчиныхъ была богатая собственная дача въ Павловскѣ. Лизавета Прокофьевна вдругъ взволновалась и поднялась; и двухъ дней не просуетились, переѣхали.

На другой или на третій день послѣ переѣзда Епанчиныхъ, съ утреннимъ поѣздомъ изъ Москвы прибылъ и князь Левъ Николаевичъ Мышкинъ. Его никто не встрѣтилъ въ воксалѣ; но при выходѣ изъ вагона князю вдругъ померещился странный, горячій взглядъ чьихъ-то двухъ глазъ, въ толпѣ, осадившей прибывшихъ съ поѣздомъ. Поглядѣвъ вни-

мательнѣе, онъ уже ничего болѣе не различилъ. Конечно, только померещилось; но впечатлѣніе осталось непріятное. Къ тому же князь и безъ того былъ грустенъ и задумчивъ и чѣмъ-то казался озабоченнымъ.

Извозникъ довезъ его до одной гостинницы, не далеко отъ Литейной. Гостинница была плохенькая. Князь занялъ двѣ небольшія комнаты, темныя и плохо меблированныя, умылся, одѣлся, ничего не спросилъ и торопливо вышелъ, какъ бы боясь потерять время или не застать кого-то дома.

Если-бы кто теперь взглянулъ на него изъ прежде знавшихъ его полгода назадъ въ Петербургѣ, въ его первый пріѣздъ, то пожалуй бы и заключилъ, что онъ наружноостью перемѣнился гораздо къ лучшему. Но врядъ ли это было такъ. Въ одной одеждѣ была полная перемѣна: все платье было другое, сшитое въ Москвѣ и хорошимъ портнымъ; но и въ платьѣ былъ недостатокъ: слишкомъ ужъ сшито было по модѣ (какъ и всегда шьютъ добросовѣстные, но не очень талантливые портные) и сверхъ того на человѣка нисколько этимъ не интересующагося, такъ что при внимательномъ взглядѣ на князя, слишкомъ большой охотникъ посмѣяться, можетъ быть, и нашелъ бы чему улыбнуться. Но мало ли отчего бываетъ смѣшно?

Князь взялъ извозника и отправился на Пески. Въ одной изъ Рождественскихъ улицъ онъ скоро отыскалъ одинъ небольшой деревянный домикъ. Къ удивленію его, этотъ домикъ оказался красивымъ на видъ, чистенькимъ, содержащимся въ большомъ порядкѣ, съ палисадникомъ, въ которомъ росли цвѣты. Окна на улицу были отворены, и изъ нихъ слышался рѣзкій непрерывный говоръ, почти крикъ, точно кто-нибудь читалъ вслухъ или даже говорилъ рѣчь; голосъ прерывался изрѣдка смѣхомъ нѣсколькихъ звонкихъ голосовъ. Князь вошелъ во дворъ, поднялся на крылечко и спросилъ господина Лебедева.

— Да вонъ они, отвѣчала отворившая дверь кухарка съ засученными по локоть рукавами, ткнувъ пальцемъ въ „гостиную“. Въ этой гостиной, обитой темноглубаго цвѣта бумагой и убранной чистенько и съ нѣкоторыми претензіями,

то-есть съ круглымъ столомъ и диваномъ, съ бронзовыми часами подъ колпакомъ, съ узенькимъ въ простѣнкѣ зеркаломъ и съ стариннѣйшею небольшою люстрой со стеклышками, спускавшеюся на бронзовой цѣпочкѣ съ потолка, посреди комнаты стоялъ самъ господинъ Лебедевъ, спиной къ входившему князю, въ жилетѣ, но безъ верхняго платья, по лѣтнему, и бѣя себя въ грудь, горько ораторствовалъ на кабую-то тему. Слушателями были: мальчикъ лѣтъ пятнадцати, съ довольно веселымъ и неглупымъ лицомъ и съ книгой въ рукахъ, молодая дѣвушка лѣтъ двадцати, вся въ траурѣ и съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, тринадцатилѣтняя дѣвочка, тоже въ траурѣ, очень смѣявшаяся и ужасно разбавшая при этомъ ротъ, и наконецъ одинъ чрезвычайно странный слушатель, лежавшій на диванѣ малый лѣтъ двадцати, довольно красивый, черноватый, съ длинными, густыми волосами, съ черными большими глазами, съ маленькими поползновеніями на бакенбарды и бородку. Этотъ слушатель, казалось, часто прерывалъ и оспаривалъ ораторствовавшего Лебедева; тому-то, вѣроятно, и смѣялась остальная публика.

— Лукьянъ Тимофеичъ, а Лукьянъ Тимофеичъ! Вишь вѣдь! Да глянь сюда!... Ну, да пусто бы вамъ совсѣмъ!

И кухарка ушла, махнувъ руками и разсердившись такъ, что даже вся покраснѣла.

Лебедевъ оглянулся, и увидѣвъ князя, стоялъ нѣкоторое время какъ бы пораженный громомъ, потомъ бросился къ нему съ подобострастною улыбкой, но на дорогѣ опять какъ бы замеръ, проговоривъ впрочемъ:

— Сі-сі-сіятельнѣйшій князь!

Но вдругъ, все еще какъ бы не въ силахъ добыть контенансу, оборотился и, ни съ того, ни съ сего, набросился сначала на дѣвушку въ траурѣ, державшую на рукахъ ребенка, такъ что та даже нѣсколько отшатнулась отъ неожиданности, но тотчасъ же оставивъ ее, накинулся на тринадцатилѣтнюю дѣвочку, торчавшую на порогѣ въ слѣдующую комнату и продолжавшую улыбаться остатками еще недавняго смѣха. Та не выдержала крика и тотчасъ же дала стрелка въ кухню; Лебедевъ даже затопалъ ей велѣдъ ногами, для

пущей острастки, но встрѣтивъ взглядъ князя, глядѣвшаго съ замѣшательствомъ, произнесъ въ объясненіе:

— Для... почтительности, хе-хе-хе!

— Вы все это напрасно... началъ было князь.

— Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ... какъ вихрь!

И Лебедевъ быстро исчезъ изъ комнаты. Князь посмотрѣлъ въ удивленіи на дѣвушку, на мальчика и на лежавшаго на диванѣ; всѣ они смѣялись. Засмѣялся и князь.

— Пошелъ фракъ надѣтъ, сказалъ мальчикъ.

— Какъ это все досадно, началъ было князь, — а я было думалъ... скажите, онъ...

— Пьянъ, вы думаете? крикнулъ голосъ съ дивана; — ни въ одномъ глазу! Такъ развѣ рюмки три, четыре, ну пять какихъ-нибудь есть, да это ужъ что жъ, — дисциплина.

Князь обратился было къ голосу съ дивана, но заговорила дѣвушка и съ самымъ откровеннымъ видомъ на своемъ милостивомъ лицѣ сказала:

— Онъ поутру никогда много не пьетъ; если вы къ нему за какимъ-нибудь дѣломъ, то теперь и говорите. Самое время. Развѣ къ вечеру когда воротится, такъ хмѣленъ; да и то теперь больше на ночь плачетъ и намъ вслухъ изъ Священнаго Писанія читаетъ, потому что у насъ матушка пять недѣль какъ умерла.

— Это онъ потому убѣждалъ, что ему вѣрно трудно стало вамъ отвѣчать, засмѣялся молодой человекъ съ дивана. — Объ закладъ побьюсь, что онъ уже васъ надуваетъ и именно теперь обдумываетъ.

— Всего пять недѣль! Всего пять недѣль! подхватилъ Лебедевъ, возвращаясь уже во фракъ, мигая глазами и таща изъ кармана платокъ для утирки слезъ: — сироты!

— Да вы что всѣ въ дыркахъ-то вышли? сказала дѣвушка: — вѣдь тутъ за дверью у васъ лежитъ новешенькій сюртукъ, не видѣли что ли?

— Молчи, стрекоза! крикнулъ на нее Лебедевъ. — У, ты! затопалъ было онъ на нее ногами. Но въ этотъ разъ она только разсмѣялась.

— Вы чего пугаете-то, я вѣдь не Таня, не побѣгу. А

вотъ Любочку такъ, пожалуй, разбудите, да еще родимчикъ привяжется... что кричите-то!

— Ни-ни-ни! Типунъ, типунъ... ужасно испугался вдругъ Лебедевъ, и бросаясь къ спавшему на рукахъ дочери ребенку, нѣсколько разъ съ испуганнымъ видомъ перекрестилъ его.— Господи, сохрани, Господи предохрани! Это собственный мой грудной ребенокъ, дочь Любовь, обратился онъ къ князю,— и рождена въ законнѣйшемъ бракѣ отъ новопреставленной Елены, жены моей, умершей въ родахъ. А эта пигалица есть дочь моя Вѣра, въ траурѣ... А этотъ, этотъ, о, этотъ...

— Что осѣкся? крикнулъ молодой человекъ:— да ты продолжай, не конфузься.

— Ваше сіятельство! съ какимъ-то порывомъ воскликнулъ вдругъ Лебедевъ:— про убійство семейства Жемариныхъ въ газетахъ изволили прослѣдить?

— Прочелъ, сказалъ князь съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Ну, такъ вотъ это подлинный убійца семейства Жемариныхъ, онъ самый и есть!

— Что вы это? сказалъ князь.

— То-есть, аллегорически говоря, будущій второй убійца будущаго втораго семейства Жемариныхъ, если таковое окажется. Къ тому и готовится...

Всѣ засмѣялись. Князю пришло на умъ, что Лебедевъ и дѣйствительно, можетъ-быть, жметъ и кривляется потому только, что предчувствуя его вопросы, не знаетъ какъ на нихъ отвѣтить и выгадываетъ время.

— Бунтуетъ! Заговоры составляетъ! кричалъ Лебедевъ, какъ бы уже не въ силахъ сдержать себя:— ну могу-ли я, ну въ правѣ ли я такого злоязычника, такую, можно сказать, блудницу и изверга за роднаго племянника моего, за единственнаго сына сестры моей Анисьи, покойницы, считать?

— Да перестань, пьяный ты человекъ! Вѣрите ли, князь, теперь онъ вздумалъ адвокатствомъ заниматься, по судебнымъ искамъ ходить; въ краснорѣчіе пустился и все высокимъ слогомъ съ дѣтьми дома говорить. Предъ мировыми судьями пять дней тому назадъ говорилъ. И кого же взялся защищать: не старуху, которая его умоляла, просила, и ко-

торую подлець ростовщикъ ограбилъ, пятьсотъ рублей у ней, все ея достояніе, себѣ присвоилъ, а этого же самого ростовщика, Зайдлера какого-то, Жида, за то, что пятьдесятъ рублей обѣщаль ему дать...

— Пятьдесятъ рублей, если выиграю, и только пять, если проиграю, объяснилъ вдругъ Лебедевъ совсѣмъ другимъ голосомъ чѣмъ говорилъ доселѣ, а такъ, какъ будто онъ никогда не кричалъ.

Ну и сбрендилъ, конечно, не старые вѣдь порядки-то, только тамъ насмѣялись надъ нимъ. Но онъ собой ужасно доволенъ остался; вспомните, говоритъ, нелицепріятные господа судьи, что печальный старецъ, безъ ногъ, живущій честнымъ трудомъ, лишается послѣдняго куска хлѣба; вспомните мудрыя слова законодателя: „Да царствуетъ милость въ судахъ“. И вѣрите-ли: каждое утро онъ намъ здѣсь эту же рѣчь пересказываетъ, точь-въ-точь, какъ тамъ ее говорилъ; пятый разъ сегодня; вотъ передъ самымъ вашимъ приходомъ читалъ, до того понравилось. Самъ на себя облизывается. И еще кого-то защищать собирается. Вы, кажется, князь Мышкинъ? Коля мнѣ про васъ говорилъ, что умнѣе васъ и на свѣтѣ еще до сихъ поръ не встрѣчалъ...

— И нѣтъ! И нѣтъ! И умнѣе на свѣтѣ нѣтъ! тотчасъ-же подхватилъ Лебедевъ.

— Ну, этотъ, положимъ, совралъ. Одинъ васъ любить, а другой у васъ заискиваетъ; а я вамъ вовсе льститъ не намѣренъ, было-бы вамъ это извѣстно. Но не безъ смысла же вы: вотъ разсудите-ка меня съ нимъ. Ну, хочешь, вотъ князь насъ разсудить? обратился онъ къ дядѣ. — Я даже радъ, князь, что вы подвернулись.

— Хочу! рѣшительно крикнулъ Лебедевъ, и невольно оглянулся на публику, которая начала опять надвигаться.

— Да что у васъ тутъ такое? проговорилъ князь, поирщившись.

У него дѣйствительно болѣла голова, къ тому-же онъ убѣждался все больше и больше, что Лебедевъ его надуваетъ и радъ, что отодвигается дѣло.

— Изложеніе дѣла. Я его племянникъ, это онъ не сол-

галь, хоть и все лжетъ. Я курса не кончилъ, но кончить хочу и на своемъ настою, потому что у меня есть характеръ. А покамѣстъ, чтобы существовать, мѣсто одно беру въ двадцать пять рублей на желѣзной дорогѣ. Сознаюсь, кромѣ того, что онъ мнѣ два, три уже помогъ. У меня было двадцать рублей, и я ихъ проигралъ. Ну, вѣрите ли, князь, я былъ такъ подлъ, такъ низокъ, что я ихъ проигралъ!

— Мерзавцу, мерзавцу, которому не слѣдовало и платить, крикнулъ Лебедевъ.

— Да, мерзавцу, но которому слѣдовало заплатить, продолжалъ молодой человекъ. — А что онъ мерзавецъ, такъ это и я засвидѣтельствую, и не по тому одному, что онъ тебя прибилъ. Это, князь, одинъ забракovaný офицеръ, отставной поручикъ изъ прежней Рогожинской компаніи и боксъ преподаетъ. Всѣ они теперь скитаются, какъ ихъ разогналъ Рогожинъ. Но что хуже всего, такъ это то, что я зналъ про него, что онъ мерзавецъ, негодяй и воришка, и все-таки сѣлъ съ нимъ играть, и что доигрывая послѣдній рубль (мы въ палки играли), я про себя думалъ: проиграю, къ дядѣ Лукьяну пойду, поклонюсь, не откажетъ. Это ужъ низость, вотъ это такъ ужъ низость! Это ужъ подлость сознательная!

— Вотъ это такъ ужъ подлость сознательная! повторилъ Лебедевъ.

— Ну, не торжествуй, подожди еще, обидчиво крикнулъ племянникъ:— онъ и радъ. Я явился къ нему, князь, сюда и признался во всемъ; я поступилъ благородно, я себя не пощадилъ; я обругалъ себя предъ нимъ, какъ только могъ, здѣсь всѣ свидѣтели. Чтобы занять это мѣсто на желѣзной дорогѣ мнѣ непременно нужно хоть бакъ-нибудь экипироваться, потому что я весь въ лохмотьяхъ. Вотъ, посмотрите на сапоги! Иначе на мѣсто явиться невозможно, а не явись я къ назначенному сроку, мѣсто займетъ другой, тогда я опять на экваторѣ и когда-то еще другое мѣсто сыщу. Теперь я прошу у него всего только пятнадцать рублей и обѣщаюсь, что никогда уже больше не буду просить

и сверхъ того въ теченіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ вышлачу ему весь долгъ до послѣдней копѣйки. Я слово сдержу. Я умѣю на хлѣбѣ съ квасомъ цѣлые мѣсяцы просидѣть, потому что у меня есть характеръ. За три мѣсяца я получу семьдесятъ пять рублей. Съ прежними я долженъ ему буду всего тридцать пять рублей, стало быть, мнѣ будетъ чѣмъ заплатить. Ну, пусть проценты назначить какіе угодно, чортъ возьми! Не знаетъ онъ что-ли меня? Спросите его, князь: прежде, когда онъ мнѣ помогалъ, платилъ я или нѣтъ? Отчего-же теперь не хочетъ? Разозлился на то, что я этому поручику заплатилъ; иной нѣтъ причины! Вотъ каковъ этотъ человекъ, ни себѣ, ни другимъ!

— И не уходитъ! вскричалъ Лебедевъ:—легъ здѣсь и не уходитъ.

— Я такъ и сказалъ тебѣ. Не выйду, пока не дашь. Вы что-то улыбаетесь, князь? Кажется, неправымъ меня находите?

— Я не улыбаюсь, но по моему вы дѣйствительно нѣсколько неправы, неохотно отозвался князь.

— Да ужъ говорите прямо, что совсѣмъ не правъ, не виляйте; что за „нѣсколько!“

— Если хотите, то и совсѣмъ неправы.

— Если хочу! Смѣшно! Да неужели вы думаете, что я и самъ не знаю, что такъ щеботливо поступать, что деньги его, воля его, а съ моей стороны выходитъ насиліе. По вы, князь... жизни не знаете. Ихъ не учи, такъ толку не будетъ. Ихъ надо учить. Вѣдь совѣсть у меня чиста; по совѣсти, я убытку ему не принесу, я съ процентами возвращу. Нравственное онъ тоже удовлетвореніе получилъ: онъ видѣлъ мое униженіе. Чего-же ему болѣе? На что-же онъ будетъ годиться, пользы-то не принося? Помилуйте, что онъ самъ-то дѣлаетъ? Спросите-ка, что онъ съ другими творить и какъ людей надуваетъ? Чѣмъ онъ домъ этотъ нажилъ? Да я голову на отсѣченіе дамъ, если онъ васъ уже не надулъ и уже не обдумалъ какъ-бы васъ еще дальше надуть! Вы улыбаетесь, не вѣрите?

— Мнѣ кажется, это все не совсѣмъ подходитъ къ вашему дѣлу, замѣтилъ князь.

— Я вотъ уже третій день здѣсь лежу и чего наглядѣлся! кричалъ молодой человѣкъ, не слушая:—представьте себѣ, что онъ вотъ этого ангела, вотъ эту дѣвушку, теперь сироту, мою двоюродную сестру, свою дочь, подозрѣваетъ, у ней каждую ночь милыхъ друзей ищетъ! Ко мнѣ сюда потихоньку приходитъ, подъ диваномъ у меня тоже разыскиваетъ. Съ ума спятилъ отъ мнительности; во всякомъ углу воровъ видить. Всю ночь поминутно вскакиваетъ, то окна смотритъ, хорошо-ли заперты, то двери пробуетъ, въ печку заглядываетъ, да этакъ въ ночь-то разъ по семи. За мошенниковъ въ судѣ стоитъ, а самъ ночью раза по три молиться встаетъ, вотъ здѣсь въ залѣ, на колѣняхъ, лбомъ и стучить по полу, и за кого-кого не молится, чего-чего не причитаетъ, съ пьяна-то? За упокой души графини Дюбарри молился, я слышалъ своими ушами; Коля тоже слышалъ: совсѣмъ съ ума спятилъ!

— Видите, слышите, какъ онъ меня срамитъ, князь! покраснѣвъ и дѣйствительно выходя изъ себя, вскричалъ Дебедевъ.— А того не знаетъ, что можетъ быть я, пьяница и потаскунъ, грабитель и лиходѣй, за одно только и стою, что вотъ этого зубоскала, еще младенца, въ свивальники обертывалъ, да въ корытѣ мылъ, да у нищей, овдовѣвшей сестры Анисьи, я, такой-же нищій, по ночамъ просиживалъ, на пролетъ не спалъ, за обоими ими больными ходилъ, у дворника внизу дрова воровалъ, ему пѣсни пѣлъ, въ пальцы прищелкивалъ, съ голоднымъ-то брюхомъ, вотъ и вынянчилъ, вонъ онъ смѣется теперь надо мной! Да и какое тебѣ дѣло, еслибъ я и впрямь за упокой графини Дюбарри когда-нибудь, однажды, лобъ перекрестилъ? Я, князь, четвертаго дня, первый разъ въ жизни, ея жизнеописаніе въ лексиконѣ прочелъ. Да знаешь-ли ты, что такое была она, Дюбарри? Говори, знаешь иль нѣтъ?

— Ну вотъ, ты одинъ только и знаешь? насмѣшливо, но нехотя, пробормоталъ молодой человѣкъ.

— Это была такая графиня, которая, изъ позору выйдя, вмѣсто королевы заправляла, и которой одна великая императрица, въ собственноручномъ письмѣ своемъ „*ma cousine*“

написала. Кардиналь, нунцій папскій, ей, на леве-дю-руа (знаешь, что такое было леве-дю-руа?) чулочки шелковые на обнаженные ея ножки самъ вызвался надѣть, да еще за честь почитая, —этакое-то высокое и святѣйшее лицо! Знаешь ты это? По лицу вижу, что не знаешь! Ну, какъ она померла? Отвѣчай, коли знаешь!

— Убирайся! Присталъ.

— Умерла она такъ, что послѣ этакой-то чести, такую бывшую властелинку, потащилъ на гильйотину палачъ Самсонъ, за-невино, на потѣху пуасардокъ парижскихъ, а она и не понимаетъ, что съ ней происходитъ, отъ страху. Видить, что онъ ее за шею подъ ножъ нагибаетъ и цинками подталкиваетъ, —тѣ-то смѣются, —и стала кричать: „Encore un moment, monsieur le bourreau, encore un moment!“ Что и означаетъ: „Минуточку одну еще повремените, господинъ буро, всего одну!“ И вотъ за эту-то минуточку ей, можетъ, Господь и простить, ибо дальше этакого мизера съ человѣческой душой вообразить невозможно. Ты знаешь ли, что значитъ слово мизеръ? Ну, такъ вотъ онъ самый мизеръ и есть. Отъ этого графининаго крика, объ одной минуткѣ, я какъ прочиталъ, у меня точно сердце захватило щипцами. И что тебѣ въ томъ, червякъ, что я, ложась на ночь спать, на молитвѣ вздумалъ ее, грѣшницу великую, помянуть. Да потому, можетъ, и помянулъ, что за нее, съ тѣхъ поръ какъ земля стоитъ, навѣрно никто никогда и лба не перекрестилъ, да и не подумалъ о томъ Анъ ей и пріятно станетъ на томъ свѣтѣ почувствовать, что нашелся такой же грѣшникъ, какъ и она, который и за нее хоть одинъ разъ на землѣ помолился. Ты чего смѣешься-то? Не вѣришь, атеистъ. А ты почему знаешь? Да и то совралъ, если ужъ подслушалъ меня: я не просто за одну графиню Дюбарри молился; я причиталъ такъ: „упокой Господи душу великой грѣшницы графини Дюбарри и всѣхъ ей подобныхъ“, а ужъ это совсѣмъ другое; ибо много таковыхъ грѣшницъ великихъ, и образцовъ переменны фортуны, и вытерпѣвшихъ, которыя тамъ теперь мнутъ и стонутъ, и ждутъ; да я и за тебя, и за такихъ же какъ ты, тебѣ подобныхъ, наха-

ловъ и обидчиковъ, тогда же молился, если ужъ взялся подслушивать, какъ я молюсь....

— Ну, довольно, полно, молись за кого хочешь, чортъ съ тобой, раскричался! досадливо перебилъ племянникъ.— Вѣдь онъ у насъ преначитанный, вы, князь, не знали? прибавилъ онъ съ какою-то неловкою усмѣшкой: — все теперь разныя вотъ этакія книжки да мемуары читаетъ.

— Вашъ дядя все-таки... не безсердечный-же человѣкъ, нехотя замѣтилъ князь. Ему этотъ молодой человѣкъ становился весьма противенъ.

— Да вы его у насъ, пожалуй, такъ захвалите! Видите, ужъ онъ и руку къ сердцу, и ротъ въ ужицу, тотчасъ разлакомился. Не безсердечный-то, пожалуй, да плуть, вотъ бѣда; да къ тому-же еще и пьянъ, весь развинтился, какъ и всякій нѣскольکو лѣтъ пьяный человѣкъ, оттого у него все и скрипитъ. Дѣтей-то онъ любить положимъ, тетку покойницу уважалъ... Меня даже любить и вѣдь въ завѣщаніи, ей-Богу, мнѣ часть оставилъ...

— Н-ничего не оставлю! съ ожесточеніемъ вскричалъ Лебедевъ.

— Послушайте, Лебедевъ, твердо сказалъ князь, отворачиваясь отъ молодаго человѣка, — я вѣдь знаю по опыту, что вы человѣкъ дѣловой, когда захотите... У меня теперь времени очень мало, и если вы... Извините, какъ васъ по имени-отчеству, я забылъ?

— Ти-ти-Тимоѣей.

— И?

— Лукьяновичъ.

Всѣ бывшіе въ комнатѣ опять разсмѣялись.

— Совралъ! крикнулъ племянникъ:—и тутъ совралъ! Его, князь, зовутъ вовсе не Тимофѣй Лукьяновичъ, а Лукьянъ Тимофеевичъ! Ну зачѣмъ, скажи, ты совралъ? Ну не все ли равно тебѣ, что Лукьянъ, что Тимофѣй, и что князю до этого? Вѣдь изъ повадки одной только и врать, увѣряю васъ!

— Неужели правда? въ нетерпѣніи спросилъ князь.

— Лукьянъ Тимофеевичъ, дѣйствительно, согласился и

законфузился Лебедевъ, покорно опуская глаза и опять кладя руку на сердце.

— Да зачѣмъ же вы это, ахъ Боже мой!

— Изъ самоумаленія, прошепталъ Лебедевъ, все болѣе и покорнѣе поникая своею головою.

— Эхъ, какое тутъ самоумаленіе! Еслибъ я только зналъ гдѣ теперь Колю найти! сказалъ князь и повернулся было уходить.

— Я вамъ скажу гдѣ Коля, вызвался опять молодой человекъ.

— Ни-ни-ни! вскинулся и засуетился въ поныхахъ Лебедевъ.

— Коля здѣсь ночевалъ, но наутро пошелъ своего генерала разыскивать, котораго вы изъ „отдѣленія“, князь, Богъ знаетъ для чего, выкупили. Генералъ еще вчера общалъ сюда же ночевать пожаловать, да не пожаловалъ. Вѣроятнѣе всего въ гостиницѣ „Вѣсы“, тутъ очень недалеко, заночевалъ. Коля, стало-быть, тамъ, или въ Павловскѣ, у Епанчиныхъ. У него деньги были, онъ еще вчера хотѣлъ ѣхать. Итакъ, стало-быть, въ „Вѣсахъ“ или въ Павловскѣ.

— Въ Павловскѣ, въ Павловскѣ!... А мы сюда, сюда, въ садикъ и... кофейку...

И Лебедевъ потащилъ князя за руку. Они вышли изъ комнаты, прошли дворикъ и вошли въ калитку. Тутъ дѣйствительно былъ очень маленькій и очень миленькій садикъ, въ которомъ благодаря хорошей погодѣ, уже распустились всѣ деревья. Лебедевъ посадилъ князя на зеленую деревянную скамейку, за зеленый вдѣланный въ землю столъ, и самъ помѣстился напротивъ него. Черезъ минуту, дѣйствительно, явился и кофей. Князь не отказался. Лебедевъ подобострастно и жадно продолжалъ засматривать ему въ глаза.

— Я и не зналъ, что у васъ такое хозяйство, сказалъ князь, съ видомъ человека, думающаго совсѣмъ о другомъ,

— Си-сироты, началъ было, покоробившись, Лебедевъ, но пріостановился: князь разсѣянно смотрѣлъ предъ собой и ужь конечно забылъ свой вопросъ. Прошло еще съ минуту; Лебедевъ высматривалъ и ожидалъ.

— Ну, что же? сказалъ князь, какъ бы очнувшись:— ахъ да! Вѣдь вы знаете сами, Лебедевъ, въ чемъ наше дѣло: я пріѣхалъ по вашему же письму. Говорите.

Лебедевъ смутился, хотѣлъ что-то сказать, но только заикнулся: ничего не выговорилось. Князь подождалъ и грустно улыбнулся.

— Кажется, я очень хорошо васъ понимаю, Лукьянъ Тимофеевичъ: вы меня, навѣрно, не ждали. Вы думали, что я изъ моей глуши не подымусь по вашему первому увѣдомленію, и написали для очистки совѣсти. А я вотъ и пріѣхалъ. Ну, полноте, не обманывайте. Полноте служить двумъ господамъ. Рогожинъ здѣсь уже три недѣли, я все знаю. Успѣли вы ее продать ему какъ въ тогдашній разъ, или нѣтъ? Скажите правду.

— Извергъ самъ узналъ, самъ.

— Не браните его; онъ, конечно, съ вами поступилъ дурно...

— Избилъ, избилъ! подхватилъ съ ужаснѣйшимъ жаромъ Лебедевъ;— и собакой въ Москвѣ травилъ, по всей улицѣ, борзою сукой. Ужасенная сука.

— Вы меня за маленькаго принимаете, Лебедевъ. Скажите, серьезно она оставила его теперь-то, въ Москвѣ-то?

— Серiously, серьезно, опять изъ-подъ самага вѣнца. Тотъ уже минуты считалъ, а она сюда въ Петербургъ и прямо ко мнѣ: „Спаси, сохрани, Лукьянъ, и князю не говори...“ Она, князь, васъ еще болѣе его боится, и здѣсь — премудрость!

И Лебедевъ лукаво приложилъ палецъ ко лбу.

— А теперь вы ихъ опять свели?

— Сіятельнѣйшій князь, какъ могъ... какъ могъ я не допустить?

— Ну, довольно, я самъ все узнаю. Скажите только гдѣ теперь она? У него?

— О, нѣтъ! Ни-ни! Еще сама по себѣ. Я, говоритъ, свободна, и знаете, князь, сильно стоитъ на томъ, я, говоритъ, еще совершенно свободна! Все еще на Петербургской, въ домѣ моей свояченицы проживаетъ, какъ и писалъ я вамъ.

— И теперь тамъ?

— Тамъ, если не въ Павловскѣ, по хорошей погодѣ, у Дарьи Алексѣевны на дачѣ. Я, говорить, совершенно свободна; еще вчера Николаю Ардалионовичу про свою свободу много хвалилась. Признакъ дурной-съ!

И Лебедевъ осклабился.

— Коля часто у ней?

— Легкомысленъ и непостижимъ, и не секретенъ.

— Тамъ давно были?

— Каждый день, каждый день.

— Вчера, стало-быть?

— Н-нѣтъ; четвертаго дня-съ.

— Какъ жаль, что вы немного выпили, Лебедевъ! А то бы я васъ спросилъ.

— Ни-ни-ни, ни въ одномъ глазу!

Лебедевъ такъ и наставился.

— Скажите мнѣ, какъ вы ее оставили?

— И-искательна....

— Искательна?

Какъ бы все ищетъ чего-то, какъ бы потеряла что-то. О предстоящемъ же бракѣ даже мысль омерзѣла и за обидное принимаетъ. О немъ же самомъ какъ объ апельсиновой коркѣ помышляетъ, не болѣе, то-есть и болѣе, со страхомъ и ужасомъ, даже говорить запрещаетъ, а видятся развѣ только что по необходимости.... и онъ это слишкомъ чувствуетъ! А не миновать-съ!... Безпокойна, насмѣшлива, двуязычна, вскидчива...

— Двуязычна и вскидчива?

— Вскидчива; ибо вмалѣ не вцѣпилась мнѣ прошлый разъ въ волосы за одинъ разговоръ. Апокалипсисомъ сталъ отчитывать.

— Какъ такъ? переспросилъ князь, думая, что ослышался.

— Чтеніемъ Апокалипсиса. Дама съ воображеніемъ безпокойнымъ, хе-хе! И къ тому же вывелъ наблюденіе, что къ темамъ серіознымъ, хотя бы и постороннимъ, слишкомъ склонна. Любитъ, любитъ и даже за особое уваженіе къ

себѣ принимаетъ. Да-съ. Я же въ толкованіи Апокалипсиса силенъ и толкую пятнадцатый годъ. Согласилась со мной, что мы при третьемъ конѣ, ворономъ, и при всадникѣ имѣющемъ мѣру въ рукѣ своей, такъ какъ все въ нынѣшній вѣкъ на мѣрѣ и на договорѣ, и всѣ люди своего только права и ищутъ: „мѣра пшеницы за денарій и три мѣры ячменя за денарій“.... да еще духъ свободный и сердце чистое, и тѣло здоровое, и всѣ дары Божіи при этомъ хотятъ сохранить. Но на единомъ правѣ не сохранять, и за симъ послѣдуетъ конь блѣдный и тотъ, коему имя Смерть, а за нимъ уже адъ.... Объ этомъ, сходясь, и толкуемъ, и — сильно подѣйствовало.

— Вы сами такъ вѣруете? спросилъ князь, страннымъ взглядомъ оглянувъ Лебедева.

— Вѣрую и толкую. Ибо нищъ и нагъ, и атомъ въ коловращеніи людей. И кто почититъ Лебедева? Всякъ изощряется надъ нимъ и всякъ вмалѣ не пинкомъ сопровождаетъ его. Тутъ же, въ толкованіи семъ, я равенъ вельможѣ. Ибо умъ! И вельможа затрепеталъ у меня.... на креслѣ своемъ, осязая умомъ. Его высокопревосходительство, Нилъ Алексѣевичъ, третьяго года, передъ Святой, прослышали, — когда я еще служилъ у нихъ въ департаментѣ, — и нарочно потребовали меня изъ дежурной къ себѣ въ кабинетъ чрезъ Петра Захарыча, и спросили наединѣ: „правда ли, что ты профессоръ Антихриста“? И не потаилъ: „азъ есмь“, говорю, и изложилъ, и представилъ, и страха не смягчилъ, но еще мысленно, развернувъ аллегорическій свитокъ, усилилъ и цифры подвелъ. И усмѣхались, но на цифрахъ и на подобіяхъ стали дрожать, и книгу просили закрыть, и уйдти, и награжденіе мнѣ къ Святой назначили, а на Оминой Богу душу отдали.

— Что вы, Лебедевъ?

— Какъ есть. Изъ коляски упали послѣ обѣда.... височкомъ о тумбочку, и какъ ребеночекъ, какъ ребеночекъ. Тутъ же и отошли. Семьдесятъ три года по формуляру значилось; красненькій, сѣденькій, весь духами опрысканный, и все бывало улыбались, все улыбались, словно ребенокъ.

Вспомнили тогда Петръ Захарычъ: „это ты предрекъ“, говоритъ.

Князь сталъ вставать. Лебедевъ удивился и даже былъ озадаченъ, что князь уже встаетъ.

— Равнодушны ужь очень стали-сь, хе-хе! подобострастно осмѣлился онъ замѣтить.

— Право, я чувствую себя не такъ здоровымъ, — у меня голова тяжела отъ дороги, что ль, отвѣчалъ князь, нахмурясь.

— На дачку бы вамъ-сь, робко подвелъ Лебедевъ.

Князь стоялъ, задумавшись.

— Я вотъ и самъ, дня три переждавъ, со всѣми домочадцами на дачу, чтобъ и новорожденнаго птенца сохранить и здѣсь въ домишкѣ тѣмъ временемъ все поисправить. И тоже въ Павловскѣ.

— И вы тоже въ Павловскѣ? спросилъ вдругъ князь. — Да что это, здѣсь всѣ, что ли, въ Павловскѣ? И у васъ, вы говорите, тамъ своя дача есть?

— Въ Павловскѣ не всѣ-сь. А мнѣ Иванъ Петровичъ Птицынъ уступилъ одну изъ дачъ, дешево ему доставшихся. И хорошо, и возвышенно, и зелено, и дешево, и бонтонно, и музыкально, и вотъ потому и всѣ въ Павловскѣ. Я впрочемъ, во флигелечкѣ, а собственно дачку...

— Отдали?

— Н-н-нѣтъ. Не... не совсѣмъ-сь.

— Отдайте мнѣ, вдругъ предложилъ князь.

Кажется, къ тому только и подводилъ Лебедевъ. У него эта идея три минуты назадъ въ головѣ мелькнула. А между тѣмъ въ жильцѣ онъ уже не нуждался; дачный наемщикъ уже былъ у него и самъ извѣстилъ, что дачу, можетъ-быть, и займетъ. Лебедевъ же зналъ утвердительно, что не „можетъ-быть“, а навѣрно займетъ. Но теперь у него вдругъ мелькнула одна, по его расчету, очень плодотворная мысль, передать дачу князю, пользуясь тѣмъ, что прежній наемщикъ выразился неопредѣлительно. „Цѣлое столкновение и цѣлый новый оборотъ дѣла“ представился вдругъ воображенію его. Предложеніе князя онъ принялъ чуть не съ вос-

торгомъ, такъ что на прямой вопросъ его о цѣнѣ даже замахалъ руками.

— Ну, какъ хотите; я справлюсь; своего не потеряете. Оба они уже выходили изъ сада.

— А я бы вамъ.... я бы вамъ.... еслибы захотѣли, я бы вамъ кое-что весьма интересное, высокочтимый князь, могъ бы сообщить, въ тому же предмету относящееся, про-
бормоталъ Лебедевъ, на радости увиваясь сбоку около князя.

Князь пріостановился.

— У Дарьи Алексѣевны тоже въ Павловскѣ дачка-съ.

— Ну?

— А извѣстная особа съ ней пріятельница и, повидимому, часто намѣрена посѣщать ее въ Павловскѣ. Съ цѣлью.

— Ну?

— Аглая Ивановна....

— Ахъ, довольно, Лебедевъ! съ какимъ-то непріятнымъ ощущеніемъ перебилъ князь, точно дотронулись до его больного мѣста. — Все это... не такъ. Скажите лучше, когда перѣзжаете? Мнѣ чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, потому что я въ гостинницѣ....

Разговаривая, они вышли изъ сада, и не заходя въ комнаты, перешли дворикъ и подошли къ калиткѣ.

— Да чего лучше, вздумалъ, наконецъ, Лебедевъ, — перѣзжайте ко мнѣ прямо изъ гостинницы, сегодня же, а послѣзавтра мы всѣ вмѣстѣ и въ Павловскѣ.

— Я увижу, сказалъ князь задумчиво, и вышелъ за ворота.

Лебедевъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Его поразила внезапная разсѣянность князя. Выходя, онъ забылъ даже сказать „прощайте“, даже головой не кивнулъ, что не совмѣстно было съ извѣстною Лебедеву вѣжливостью и внимательностью князя.

III.

Былъ уже двѣнадцатый часъ. Князь зналъ, что у Епанчиныхъ въ городѣ онъ можетъ застать теперь одного только генерала, по службѣ, да и то наврядъ. Ему подумалось, что

генераль, пожалуй, еще возьметъ его и тотчасъ же отвезетъ въ Павловскъ, а ему до того времени очень хотѣлось сдѣлать одинъ визитъ. На рискъ опоздать къ Епанчинымъ и отложить свою поѣздку въ Павловскъ до завтра, князь рѣшился идти разыскивать домъ, въ который ему такъ хотѣлось зайти.

Визитъ этотъ былъ для него, впрочемъ, въ нѣкоторомъ отношеніи рискованнымъ. Онъ затруднялся и колебался. Онъ зналъ про домъ, что онъ находится въ Гороховой, неподалеку отъ Садовой, и положилъ идти туда, въ надеждѣ, что дойдя до мѣста, онъ успѣетъ наконецъ рѣшиться окончательно.

Подходя къ перекрестку Гороховой и Садовой, онъ самъ удивился своему необыкновенному волненію; онъ и не ожидалъ, что у него съ такою болью будетъ биться сердце. Одинъ домъ, вѣроятно по своей особенной фізіономіи, еще издали сталъ привлекать его вниманіе, и князь помнилъ потомъ, что сказалъ себѣ: „Это навѣрно тотъ самый домъ“. Съ необыкновеннымъ любопытствомъ подходилъ онъ проверить свою догадку; онъ чувствовалъ, что ему почему-то будетъ особенно непріятно, если онъ угадалъ. Домъ этотъ былъ большой, мрачный, въ три этажа, безъ всякой архитектуры, цвѣту грязно-зеленаго. Нѣкоторые, очень впрочемъ не многіе дома въ этомъ родѣ, выстроенные въ концѣ прошлаго столѣтія, уцѣлѣли именно въ этихъ улицахъ Петербурга (въ которомъ все такъ скоро мѣняется) почти безъ перемѣны. Строены они прочно, съ толстыми стѣнами и съ чрезвычайно рѣдкими окнами; въ нижнемъ этажѣ окна иногда съ рѣшетками. Большею частью внизу мѣняльная лавка. Скопецъ, засѣдающій въ лавкѣ, занимаетъ вверху. И снаружи, и внутри, какъ-то негостепріимно и сухо, все какъ будто скрывается и таится, а почему такъ кажется по одной фізіономіи дома, — было бы трудно объяснить. Архитектурныя сочетанія линій имѣютъ, конечно, свою тайну. Въ этихъ домахъ проживаютъ почти исключительно одни торговые. Подойдя къ воротамъ и взглянувъ на надпись, князь прочелъ: „Домъ потомственнаго почетнаго гражданина Рогожина“.

Переставъ колебаться, онъ отворилъ стеклянную дверь, которая шумно за нимъ захлопнулась, и сталъ всходить по парадной лѣстницѣ во второй этажъ. Лѣстница была темная, каменная, грубаго устройства, а стѣны ея окрашены красною краской. Онъ зналъ, что Рогожинъ съ матерью и братомъ занимаетъ весь второй этажъ этого скучнаго дома. Отворившій князю человѣкъ провелъ его безъ доклада и велъ долго; проходили они и одну парадную залу, которой стѣны были „подъ мраморъ“, со штучнымъ, дубовымъ поломъ и съ мебелью двадцатыхъ годовъ, грубою и тяжеловѣсною, проходили и какія-то маленькія клѣтушки, дѣлая крючки и зигзаги, поднимаясь на двѣ, на три ступени и на столько же спускаясь внизъ, и наконецъ постучались въ одну дверь. Дверь отворилъ самъ Паренъ Семенычъ; увидѣвъ князя, онъ до того поблѣднѣлъ и остолбенѣлъ на мѣстѣ, что нѣкоторое время похожъ былъ на каменнаго истукана, смотря своимъ неподвижнымъ и испуганнымъ взглядомъ и скрививъ ротъ въ какую-то въ высшей степени недоумѣвающую улыбку,—точно въ посѣщеніи князя онъ находилъ что-то невозможное и почти чудесное. Князь хотъ и ожидалъ чего-нибудь въ этомъ родѣ, но даже удивился.

— Паренъ, можетъ, я не кстати, я вѣдь и уйду, проговорилъ онъ наконецъ въ смущеніи.

— Кстати! Кстати! опомнился наконецъ Паренъ— милости просимъ, входи!

Они говорили другъ другу *ты*. Въ Москвѣ имъ случилось сходитьсь часто и подолгу, было даже нѣсколько мгновеній въ ихъ встрѣчахъ, слишкомъ памятно запечатлѣвшихся другъ у друга въ сердцахъ. Теперь же они мѣсяца три слишкомъ какъ не видались.

Блѣдность и какъ бы мелкая, бѣглая судорога все еще не покидали лица Рогожина. Онъ хотъ и позвалъ гостя, но необыкновенное смущеніе его продолжалось. Пока онъ подводилъ князя къ кресламъ и усаживалъ его къ столу, тотъ случайно обернулся къ нему и остановился подъ впечатлѣніемъ чрезвычайно страннаго и тяжелатаго его взгляда. Что-то ему припомнилось—недавнее, тяжелое, мрачное. Не садясь и

остановившись неподвижно, онъ нѣкоторое время смотрѣлъ Рогожину прямо въ глаза; они еще какъ бы сильнѣе блеснули въ первое мгновеніе. Наконецъ Рогожинъ усмѣхнулся, но нѣсколько смутившись и какъ бы потерявшись.

— Что ты такъ смотришь пристально? пробормоталъ онъ: — садись!

Князь сѣлъ.

— Паренъ, сказалъ онъ, — скажи мнѣ прямо, зналъ ты, что я приѣду сегодня въ Петербургъ, или нѣтъ?

— Что ты приѣдешь, я такъ и думалъ, и видишь, не ошибся, прибавилъ тотъ, язвительно усмѣхнувшись, — но почему я зналъ, что ты сегодня приѣдешь?

Нѣкоторая рѣзкая порывчатость и странная раздражительность вопроса, заключавагося въ отвѣтъ, еще болѣе поразили князя.

— Да хоть бы и зналъ, что сегодня, изъ-за чего же такъ раздражаться? тихо промолвилъ князь въ смущеніи.

— Да ты къ чему спрашиваешь то?

— Давеча, выходя изъ вагона, я увидѣлъ пару совершенно такихъ же глазъ, какими ты сейчасъ сзади поглядѣлъ на меня.

— Вона! Чьи же были глаза-то? подозрительно пробормоталъ Рогожинъ. Князю показалось, что онъ вздрогнулъ.

— Не знаю; въ толпѣ, мнѣ даже кажется, что померещилось; мнѣ начинаетъ все что-то мерещиться. Я, братъ Паренъ, чувствую себя почти въ родѣ того, какъ бывало со мной лѣтъ пять назадъ, еще когда припадки приходили.

— Что жь, можетъ и померещилось; я не знаю... бормоталъ Паренъ.

Ласковая улыбка на лицѣ его не шла къ нему въ эту минуту, точно въ этой улыбкѣ что-то сломалось, и какъ будто Паренъ никакъ не въ силахъ былъ склеить ее, какъ онъ пытался.

— Что жь, опять за границу что ли? спросилъ онъ и вдругъ прибавилъ: — А помнишь, какъ мы въ вагонѣ, по осени, изъ Пскова ѣхали, я сюда, а ты... въ плащѣ-то, помнишь, штиблетишки-то?

И Рогожинъ вдругъ засмѣялся, въ этотъ разъ съ какою-то откровенною злобой, и точно обрадовавшись, что удалось хоть чѣмъ-нибудь ее выразить.

— Ты здѣсь совсѣмъ поселился? спросилъ князь, оглядывая кабинетъ.

— Да, я у себя. Гдѣ же мнѣ и быть-то?

— Давно мы не видались. Про тебя я такія вещи слышала, что какъ будто и не ты.

— Мало ли что не наскажутъ, сухо замѣтилъ Рогожинъ.

— Однако же ты всю компанію разогналъ; самъ вотъ въ родительскомъ домѣ сидишь, не проказишь. Что жъ, хорошо. Домъ-то твой или вашъ общій?

— Домъ матушкинъ. Къ ней сюда чрезъ корридоръ.

— А гдѣ братъ твой живетъ?

— Братъ Семень Семенычъ во флигелѣ.

— Семейный онъ?

— Вдовый. Тебѣ для чего это надо?

Князь поглядѣлъ и не отвѣтилъ; онъ вдругъ задумался и, кажется, не слышалъ вопроса. Рогожинъ не настаивалъ и выжидалъ. Помолчали.

— Я твой домъ сейчасъ, подходя, за сто шаговъ угадалъ, сказалъ князь.

— Почему такъ?

— Не знаю совсѣмъ. Твой домъ имѣетъ физіономію всего вашего семейства и всей вашей рогожинской жизни, а спроси, почему я этакъ заключилъ, — ничѣмъ объяснить не могу. Бредъ, конечно. Даже боюсь, что это меня такъ беспокоитъ. Прежде и не вздумалъ бы, что ты въ такомъ домѣ живешь, а какъ увидалъ его, такъ сейчасъ и подумалъ: „да вѣдь такой точно у него и долженъ быть домъ!“

— Вишь! неопредѣленно усмѣхнулся Рогожинъ, не совсѣмъ понимая неясную мысль князя. — Этотъ домъ еще дѣдушка строилъ, замѣтилъ онъ. — Въ немъ все свои жили, Хлудяковы, да и теперь у насъ нанимаютъ.

— Мракъ-то какой. Мрачно ты сидишь, сказалъ князь, оглядывая кабинетъ.

Это была большая комната, высокая, темноватая, застав-

ленная всякою мебелью, — большею частію большими дѣловыми столами, бюро, шкафами, въ которыхъ хранились дѣловыя книги и какія-то бумаги. Красный, широкій сафьянный диванъ очевидно служилъ Рогожину постелью. Князь замѣтилъ на столѣ, за который усадилъ его Рогожинъ, двѣтри книги; одна изъ нихъ, исторія Соловьева, была развернута и заложена отмѣткой. По стѣнамъ висѣло въ тусклыхъ золоченыхъ рамахъ нѣскольکو масляныхъ картинъ, темныхъ, закоптѣлыхъ и на которыхъ очень трудно было что-нибудь разобратъ. Одинъ портретъ во весь ростъ привлекъ на себя вниманіе князя: онъ изображалъ человѣка лѣтъ пятидесяти, въ сюртукѣ покроя нѣмецкаго, но длиннополомъ, съ двумя медалями на шеѣ, съ очень рѣдкою и коротенькою сѣдова-тою бородкой, со сморщеннымъ и желтымъ лицомъ, съ подозрительнымъ, скрытнымъ и скорбнымъ взглядомъ.

— Это ужъ не отецъ ли твой? спросилъ князь.

— Онъ самый и есть, отвѣчалъ съ непріятною усмѣшкой Рогожинъ, точно готовясь къ немедленной безцеремонной какой-нибудь шуткѣ насчетъ покойнаго своего родителя.

— Онъ былъ вѣдь не изъ старообрядцевъ?

— Нѣтъ, ходилъ въ церковь, а это правда, говорилъ, что по старой вѣрѣ правильнѣе. Скопцовъ тоже уважалъ очень. Это вотъ его кабинетъ и былъ. Ты почему спросилъ по старой ли вѣрѣ?

— Свадьбу-то здѣсь справлять будешь?

— З-здѣсь, отвѣтилъ Рогожинъ, чуть не вздрогнувъ отъ неожиданнаго вопроса.

— Скоро у васъ?

— Самъ знаешь, отъ меня ли зависитъ?

— Паренъ, я тебѣ не врагъ и мѣшать тебѣ ни въ чемъ не намѣренъ. Это я теперь повторяю такъ же, какъ заявлялъ и прежде, одинъ разъ, въ такую же почти минуту. Когда въ Москвѣ твоя свадьба шла, я тебѣ не мѣшалъ, ты знаешь. Въ первый разъ она сама ко мнѣ бросилась, чуть не изъ подъ вѣнца, прося „спасти“ ее отъ тебя. Я ея собственныя слова тебѣ повторяю. Потомъ и отъ меня убѣжала, ты опять ее разыскалъ и къ вѣнцу повелъ, и вотъ, гово-

рять, она опять отъ тебя убѣжала сюда. Правда ли это? Мнѣ такъ Лебедевъ даль знать, я потому и пріѣхалъ. А о томъ, что у васъ опять здѣсь сладилось, я только вчера въ вагонѣ въ первый разъ узналъ отъ одного изъ твоихъ прежнихъ пріятелей, отъ Залежева, если хочешь знать. Ёхалъ же я сюда имѣя намѣреніе: я хотѣлъ *ее*, наконецъ, уговорить за границу поѣхать, для поправленія здоровья; она очень разстроена и тѣломъ, и душой, головой особенно, и, по-моему, въ большомъ уходѣ нуждается. Самъ я за границу ее сопровождать не хотѣлъ, а имѣлъ въ виду все это безъ себя устроить. Говорю тебѣ истинную правду. Если совершенная правда, что у васъ опять это дѣло сладилось, то я и на глаза ей не покажусь, да и къ тебѣ больше никогда не приду. Ты самъ знаешь, что я тебя не обманываю, потому что всегда былъ откровененъ съ тобой. Своихъ мыслей объ этомъ я отъ тебя никогда не скрывалъ и всегда говорилъ, что за тобою *ей* непремѣнная гибель. Тебѣ тоже гибель... можетъ-быть, еще пуще чѣмъ ей. Еслибы вы опять разошлись, то я былъ бы очень доволенъ; но разстраивать и разлаживать васъ самъ я не намѣренъ. Будь же спокоенъ и не подозрѣвай меня. Да и самъ ты знаешь: былъ ли я когда-нибудь твоимъ *настоящимъ* соперникомъ, даже и тогда, когда она ко мнѣ убѣжала. Вотъ ты теперь засмѣялся; я знаю чему ты усмѣхнулся. Да, мы жили тамъ разво и въ разныхъ городахъ, и ты все это знаешь *навѣрно*. Я вѣдь тебѣ ужъ и прежде растолковалъ, что я *ее* „не любовью люблю, а жалостью“. Я думаю, что я это точно опредѣляю. Ты говорилъ тогда, что эти слова мои понялъ; правда ли? понялъ ли? Вонъ какъ ты ненавистно смотришь! Я тебя успокоить пришелъ, потому что и ты мнѣ дорогъ. Я очень тебя люблю, Паренъ. А теперь уйду и никогда не приду. Прощай.

Князь всталъ.

— Посиди со мной, тихо сказалъ Паренъ, не подымаясь съ мѣста и склонивъ голову на правую ладонь: — я тебя давно не видалъ.

Князь сѣлъ. Оба опять замолчали.

— Я, какъ тебя нѣтъ предо мною, то тотчасъ же къ тебѣ злобу и чувствую, Левъ Николаевичъ. Въ эти три мѣсяца, что я тебя не видалъ, каждую минуту на тебя злобился, ей-Богу. Такъ бы тебя взялъ и отравилъ чѣмъ-нибудь! Вотъ какъ. Теперь ты четверти часа со мной не сидишь, а ужъ вся злоба моя проходитъ, и ты мнѣ опять по-прежнему любъ. Посиди со мной....

— Когда я съ тобой, то ты мнѣ вѣришь, а когда меня нѣтъ, то сейчасъ перестаешь вѣрить и опять подозрѣваешь. Въ батюшку ты! дружески усмѣхнувшись и стараясь скрыть свое чувство, отвѣчалъ князь.

— Я твоему голосу вѣрю, какъ съ тобой сижу. Я вѣдь понимаю же, что насъ съ тобой нельзя равнять, меня да тебя....

— Зачѣмъ ты это прибавилъ? И вотъ опять раздражился, сказалъ князь, дивясь на Рогожина.

— Да ужъ тутъ, братъ, не нашего мнѣнія спрашиваютъ, отвѣчалъ тотъ, — тутъ безъ насъ положили. Мы вотъ и любимъ тоже порозну, во всемъ, то-есть, разница, продолжалъ онъ тихо и помолчавъ. — Ты вотъ жалостью, говоришь, ее любишь. Никакой такой во мнѣ нѣтъ къ ней жалости. Да и ненавидитъ она меня пуще всего. Она мнѣ теперь во снѣ снится каждую ночь: все что она съ другимъ надо мной смѣется. Такъ оно, братъ, и есть. Со мной къ вѣнцу идетъ, а и думать-то обо мнѣ и позабыла, точно башмакъ мѣняетъ. Вѣришь ли, пять дней ее не видалъ, потому что вѣхать къ ней не смѣю; спросить: „зачѣмъ пожаловалъ?“ Мало она меня срамила...

— Какъ срамила? Что ты?

— Точно не знаетъ! Да вѣдь вотъ съ тобою же отъ меня бѣжала „изъ-подъ вѣнца“, самъ сейчасъ выговорилъ.

— Вѣдь ты же самъ не вѣришь, что...

— Развѣ она съ офицеромъ, съ Земтюжниковымъ, въ Москвѣ меня не срамила? Навѣрно знаю, что срамила, и ужъ послѣ того какъ вѣнцу сама назначила сровъ.

— Быть не можетъ! вскричалъ князь.

— Вѣрно знаю, съ убѣжденіемъ подтвердилъ Рогожинъ. —

Что, не такая, что ли? Это, братъ, нечего и говорить, что не такая. Одинъ это только вздоръ. Съ тобой она будетъ не такая, и сама, пожалуй, этакому дѣлу ужаснется, а со мной вотъ именно такая. Вѣдь ужъ такъ. Какъ на послѣднюю самую шваль на меня смотритъ. Съ Келлеромъ, вотъ съ этимъ офицеромъ, что боксомъ дрался, такъ навѣрно знаю для одного смѣху надо мной сочинила.... Да ты не знаешь еще, что она надо мной въ Москвѣ выдѣлывала! А денегъ-то, денегъ сколько я перевелъ...

— Да... какже ты теперь женишься!... Какъ потомъ-то будешь? съ ужасомъ спросилъ князь.

Рогожинъ тяжело и страшно поглядѣлъ на князя и ничего не отвѣтилъ.

— Я теперь ужъ пятый день у ней не былъ, продолжалъ онъ, помолчавъ съ минуту.— Все боюсь, что выгонитъ. Я, говорить, еще сама себѣ госпожа; захочу, такъ и совсѣмъ тебя прогоню, а сама за границу поѣду (это ужъ она мнѣ говорила, что за границу-то поѣдетъ, замѣтилъ онъ какъ бы въ скобкахъ, и какъ-то особенно поглядѣвъ въ глаза князю); иной разъ, правда, только пугаетъ, все ей смѣшно на меня отчего-то. А въ другой разъ и въ самомъ дѣлѣ нахмурится, насунится, слова не выговоритъ; я вотъ этого-то и боюсь. Ономясь подумалъ: стану пріѣзжать не съ пустыми руками,—такъ только ее насмѣшилъ, а потомъ и въ злость даже вошла. Горничной Каткѣ такую мою одну шаль подарила, что хоть и въ роскоши она прежде жила, а можетъ, такой еще и не видывала. А о томъ, когда вѣнчаться, и заикнуться нельзя. Какой тутъ женихъ, когда и просто пріѣхать боится? Вотъ и сижу, а не въ терпезъ станеть, такъ тайкомъ да крадучись мимо дома ея по улицѣ и хожу, или за угломъ гдѣ прячусь. Ономясь чуть не до свѣту близъ воротъ ея продежурилъ,—померещилось что-то мнѣ тогда. А она, знать, подглядѣла въ окошко: „что же бы ты, говорить, со мной сдѣлалъ, кабы обманъ увидалъ?“ Я не вытерпѣлъ, да и говорю „сама знаешь“.

— Что же знаетъ?

— А почему и я-то знаю! злобно засмѣялся Рогожинъ.—

Въ Москвѣ я ее тогда ни съ кѣмъ не могъ изловить, хоть и долго ловилъ. Я ее тогда однажды взялъ да и говорю: „ты подъ вѣнецъ со мной обѣщалась, въ честную семью вступишь, а знаешь ты теперь кто такая? Ты, говорю, вотъ какая!“

— Ты ей сказалъ?

— Сказалъ.

— Ну?

— „Я тебя, говоритъ, теперь и въ лакеи-то къ себѣ можетъ взять не захочу, не то что женой твоей быть“. — „А я, говорю, такъ не выйду, одинъ конецъ!“ — „А я, говоритъ, сейчасъ Келлера позову, скажу ему, онъ тебя за ворота и вышвырнетъ“. Я и кинулся на нее, да тутъ же до синяковъ и избилъ.

— Быть не можетъ! вскричалъ князь.

— Говорю: было, тихо, но сверкая глазами подтвердилъ Рогожинъ. — Полторы сутки ровно не спалъ, не ѣлъ, не пилъ, изъ комнаты ея не выходилъ, на колѣнки передъ ней становился: „Умру, говорю, не выйду, пока не простишь, а прикажешь вывести—утоплюсь; потому—что я безъ тебя теперь буду?“ Точно сумасшедшая она была весь тотъ день, то плакала, то убивать меня собиралась ножомъ, то ругалась надо мной. Залежева, Келлера и Земтюжникова, и всѣхъ созвала, на меня имъ показывается, срамить. „Поѣдемте, господа, всей компаніей сегодня въ театръ, пусть онъ здѣсь сидитъ, коли выйдти не хочетъ, я для него не привязана. А вамъ здѣсь, Пареевъ Семенычъ, чаю безъ меня подадутъ, вы, должно-быть, проголодались сегодня“. Воротилась изъ театра одна: „они, говорятъ, трусишки и подлецы, тебя боятся, да и меня пугаютъ: говорятъ, онъ такъ не уйдетъ, пожалуй, зарѣжетъ. А я вотъ какъ въ спальню пойду, такъ дверь и не запру за собой; вотъ какъ я тебя боюсь! Чтобы ты зналъ и видѣлъ это! Пилъ ты чай?“ — „Нѣтъ, говорю, и не стану“. — „Была бы честь приложена, а ужъ очень не идетъ къ тебѣ это“. И какъ сказала, такъ и сдѣлала, комнату не заперла. На утро вышла—смѣется: „Ты съ ума сошелъ, что ли, говоритъ? Вѣдь этакъ ты съ голоду помрешь?“ — „Прости,

говорю“. — „Не хочу прощать, не пойду за тебя, сказано. Неужто ты всю ночь на этомъ креслѣ сидѣлъ, не спалъ?“ — „Нѣтъ, говорю, не спалъ“. — „Какъ умень-то! А чай пить и обѣдать опять не будешь?“ — „Сказалъ не буду — прости!“ — „Ужь какъ это къ тебѣ не идетъ, говоритъ, еслибъ ты только зналъ, какъ къ коровѣ сѣдло. Ужь не пугать ли ты меня вздумалъ? Экая мнѣ бѣда какая, что ты голодный просидишь; вотъ испугалъ-то!“ Разсердилась да не на долго, опять шны-нять меня принялась. И подивилась я тутъ на нее, что это у ней совсѣмъ этой злобы нѣтъ? А вѣдь она зло помнить, долго на другихъ зло помнить! Тогда вотъ мнѣ въ голову и пришло, что до того она меня низко почитаетъ, что и зла-то на мнѣ большаго держать не можетъ. И это правда. „Знаешь ты, говоритъ, что такое папа римскій?“ — „Слышалъ, говорю“. — „Ты, говоритъ, Пареевъ Семенычъ, исторіи всеобщей ничего не учился“. — „Я ничему, говорю, не учился“. — „Такъ вотъ я тебѣ, говоритъ, дамъ прочесть: былъ такой одинъ папа, и на императора одного разсердился, и тотъ у него три дня не пивши, не ѣвши, босой, на колѣнкахъ, предъ его дворцомъ простоялъ, пока тотъ ему не простилъ; какъ ты думаешь, что тотъ императоръ въ эти три дня, на колѣнкахъ-то стоя, про себя передумалъ и какіе зарокі давалъ?... Да постой, говоритъ, я тебѣ сама про это прочту!“ Вскочила, принесла книгу: „это стихи“, говоритъ, и стала мнѣ въ стихахъ читать о томъ, какъ этотъ императоръ въ эти три дня заклинался отомстить тому папѣ: „Неужели, говоритъ, это тебѣ не нравится, Пареевъ Семеновичъ?“ — „Это все вѣрно, говорю, что ты прочла“. — „Ага, самъ говоришь, что вѣрно, значитъ и ты, можетъ, зарокі даешь что: „выйдетъ она за меня, тогда-то я ей все и припомню, „тогда то и натѣшусь надъ ней!“ — „Не знаю, говорю, можетъ, и думаю такъ“. — „Какъ не знаешь?“ — „Такъ, говорю, не знаю, не о томъ мнѣ все теперь думается“. — „А о чемъ же ты теперь думаешь?“ — „А вотъ встанешь съ мѣста, пройдеши мимо, а я на тебя гляжу и за тобою слѣжу; прошумитъ твое платье, а у меня сердце падаетъ, а выйдешь изъ комнаты, я о каждомъ твоимъ словечкѣ вспо-

минаю, и какимъ голосомъ и что сказала; а ночь всю эту ни о чемъ и не думалъ, все слушалъ какъ ты во снѣ дышала, да какъ раза два шевельнулась... “— „Да ты, засмѣялась она, пожалуй и о томъ, что меня избилъ, не думаешь и не помнишь?“— „Можетъ, говорю, и думаю, не знаю“.— „А коли не прощу и за тебя не пойду“?— „Сказалъ, что утоплюсь“.— „Пожалуй еще убьешь передъ этимъ...“ Сказала и задумалась. Потомъ осердилась и вышла. Черезъ часъ выходитъ ко мнѣ такая сумрачная: „Я, говоритъ, пойду за тебя, Шареевъ Семеновичъ, и не потому что боюсь тебя, а все равно погибать-то.. Гдѣ вѣдь и лучше-то? Садись, говоритъ, тебѣ сейчасъ обѣдать подадутъ. А коли выйду за тебя, прибавила, то я тебѣ вѣрною буду женой, въ этомъ не сомнѣвайся и не безпокойся“. Потомъ помолчала и говоритъ: „Все-таки ты не лакей; я прежде думала, что ты совершенный, какъ есть лакей“. Тутъ и свадьбу назначила, а черезъ недѣлю къ Лебедеву отъ меня и убѣжала сюда. Я какъ пріѣхалъ, она и говоритъ: „Я отъ тебя не отрекаюсь совсѣмъ; я только подождать еще хочу, сколько мнѣ будетъ угодно, потому я все еще сама себѣ госпожа. Жди и ты, коли хочешь“. Вотъ какъ у насъ теперь... Какъ ты обо всемъ этомъ думаешь, Левъ Николаевичъ?

— Самъ какъ ты думаешь? переспросилъ князь, грустно смотря на Рогожина.

— Да развѣ я думаю! вырвалось у того. Онъ хотѣлъ было еще что-то прибавить, но промолчалъ въ неисходной тоскѣ.

Князь всталъ и хотѣлъ опять уходить.

— Я тебѣ все-таки мѣшать не буду, тихо проговорилъ онъ, почти задумчиво, какъ бы отвѣчая какой-то своей внутренней, затаенной мысли.

— Знаешь, что я тебѣ скажу! вдругъ одушевился Рогожинъ, и глаза его засверкали:— какъ это ты мнѣ такъ уступаешь, не понимаю? Аль ужъ совсѣмъ ее разлюбилъ? Прежде ты все-таки былъ въ тоскѣ; я вѣдь видѣлъ. Такъ для чего же ты сломя-то голову сюда теперь прискакалъ? Изъ жалости? (И лицо его искривилось въ злую насмѣшку). Хе-хе!

— Ты думаешь, что я тебя обманываю? спросилъ князь.

— Нѣтъ, я тебѣ вѣрю, да только ничего тутъ не понимаю. Вѣрнѣе всего то, что жалость твоя, пожалуй, еще пуше моей любви!

Что-то злобное и желавшее непременно сейчасъ же высказаться загорѣлось въ лицѣ его.

— Что же, твою любовь отъ злости не отличишь, улыбнулся князь, — а пройдетъ она, такъ, можетъ еще пуше бѣда будетъ. Я, братъ Пареевъ, ужь это тебѣ говорю....

— Что зарѣжу-то?

Князь вздрогнулъ.

— Ненавидѣть будешь очень ее за эту же теперешнюю любовь, за всю эту муку, которую теперь принимаешь. Для меня всего чуднѣе то, какъ она можетъ опять идти за тебя? Какъ услышалъ вчера — едва повѣрилъ, и такъ тяжело мнѣ стало. Вѣдь ужь два раза она отъ тебя отрекалась и изъподъ вѣнца убѣгала, значить, есть же предчувствіе!... Что же ей въ тебѣ-то теперь? Неужели твои деньги? Вздоръ это. Да и деньги-то, небось, сильно ужь порастратилъ. Неужто чтобы только мужа найти? Такъ вѣдь она могла бы и кромѣ тебя найти. Всякаго, кромѣ тебя, лучше, потому что ты и впрямь, пожалуй, зарѣжешь, и она ужь это слишкомъ, можетъ быть, теперь понимаетъ. Что ты любишь-то ее такъ сильно? Правда, вотъ это развѣ.... Я слыхивалъ, что есть такія, что именно такой любви ищутъ... только...

Князь остановился и задумался.

— Что ты опять усмѣхнулся на отцовъ портретъ? спросилъ Рогожинъ, чрезвычайно пристально наблюдавшій всякую перемену, всякую бѣглую черту въ лицѣ князя.

— Чего я усмѣхнулся? А мнѣ на мысль пришло, что еслибы не было съ тобой этой напасти, не приключилась бы эта любовь, такъ ты, пожалуй, точь-въ-точь какъ твой отецъ бы сталъ, да и въ весьма скоромъ времени. Засѣлъ бы молча одинъ въ этомъ домѣ съ женой, послушною и безсловесною, съ рѣдкимъ и строгимъ словомъ, ни одному человѣку не вѣря, да и не нуждаясь въ этомъ совсѣмъ и только; деньги молча и сумрачно наживая. Да много-много,

что старья бы книги когда похвалилъ, да двуперстнымъ сложеніемъ заинтересовался, да и то развѣ къ старости....

— Насмѣхайся. И вотъ точь-въ-точь она это же самое говорила недавно, когда тоже этотъ портретъ разглядывала! Чудно какъ вы во всемъ заодно теперь....

— Да развѣ она ужь была у тебя? съ любопытствомъ спросилъ князь.

— Была. На портретъ долго глядѣла, про покойника расспрашивала. „Ты вотъ точно такой бы и былъ“, усмѣхнулась мнѣ подѣ конецъ, „у тебя, говоритъ, Паренъ Семенычъ, сильныя страсти, такія страсти, что ты какъ разъ бы съ ними въ Сибирь, на каторгу, улетѣлъ, еслибъ у тебя тоже ума не было, потому что у тебя большой умъ есть“, говоритъ (такъ и сказала, вотъ вѣришь или нѣтъ? Въ первый разъ отъ нея такое слово слышалъ!). „Ты все это бадовство теперешнее скоро бы и бросилъ. А такъ какъ ты совсѣмъ необразованный человѣкъ, то и сталъ бы деньги копить, и сѣлъ бы, какъ отецъ, въ этомъ домѣ съ своими скопцами; пожалуй бы и самъ въ ихъ вѣру подѣ конецъ перешелъ, и ужь такъ бы ты свои деньги полюбилъ, что и не два милліона, а пожалуй бы и десять скопилъ, да на мѣшкахъ своихъ съ голоду бы и померъ, потому у тебя во всемъ страсть, все ты до страсти доводишь“. Вотъ точно такъ и говорила, почти точь-въ-точь этими словами. Никогда еще до этого она такъ со мной не говорила! Она вѣдь со мной все про вздоры говоритъ, али насмѣхается; да и тутъ смѣясь начала, а потомъ такая стала сумрачная; весь этотъ домъ ходила, осматривала, и точно пужалась чего. „Я все это перемѣню, говорю, и отдѣлаю, а то и другой домъ къ свадьбѣ, пожалуй, куплю“. — „Ни-ни, говоритъ, ничего здѣсь не перемѣнять, такъ и будемъ жить. Я подлѣ твоей матушки, говоритъ, хочу жить, когда женой твоею стану“. Повелъ я ее къ матушкѣ, — была къ ней почитительна, какъ родная дочь. Матушка и прежде, вотъ уже два года, точно какъ бы не въ полномъ разсудкѣ сидитъ (больная она), а по смерти родителя и совсѣмъ какъ младенцемъ стала, безъ разговору: сидитъ безъ ногъ и только

всѣмъ, кого увидитъ, съ мѣста кланяется; кажись, не накорми ее, такъ она и три дня не спохватится. Я матушкину правую руку взялъ, сложилъ: „благословите, говорю, матушка, со мной къ вѣнцу идетъ“; такъ она у матушки руку съ чувствомъ поцѣловала, „много, говоритъ, вѣрно, твоя мать горя перенесла“. Вотъ эту книгу у меня увидела: „что это ты, русскую исторію сталъ читать? (А она мнѣ и сама какъ-то разъ въ Москвѣ говорила: „ты бы образилъ себя хотъ бы чѣмъ, хотъ бы *Русскую Исторію* Соловьева прочелъ, ничего-то вѣдь ты не знаешь“). Это ты хорошо, сказала, такъ и дѣлай, читай. Я тебѣ реестрикъ сама напишу, какія тебѣ книги перво-на-перво надо прочесть; хочешь иль нѣтъ?“ И никогда-то, никогда прежде она со мной такъ не говорила, такъ что даже удивила меня; въ первый разъ какъ живой человѣкъ вздохнулъ.

— Я этому очень радъ, Пареевъ, сказалъ князь съ искреннимъ чувствомъ, — очень радъ. Кто знаетъ, можетъ, Богъ васъ и устроитъ вмѣстѣ.

— Никогда не будетъ того! горячо вскричалъ Рогожинъ.

— Слушай, Пареевъ, если ты такъ ее любишь, неужто не захочешь ты заслужить ея уваженіе? А если хочешь, такъ неужели не надѣешься? Вотъ я давеча сказалъ, что для меня чудная задача: почему она идетъ за тебя? Но хотъ я и не могу разрѣшить, но все-таки несомнѣнно мнѣ, что тутъ непременно должна же быть причина достаточная, разсудочная. Въ любви твоей она убѣждена; но навѣрно убѣждена и въ нѣкоторыхъ твоихъ достоинствахъ. Иначе быть вѣдь не можетъ! То, что ты сейчасъ сказалъ, подтверждаетъ это. Самъ ты говоришь, что нашла же она возможность говорить съ тобой совсѣмъ другимъ языкомъ чѣмъ прежде обращалась и говорила. Ты мнителенъ и ревнивъ, потому и преувеличилъ все, что замѣтилъ дурнаго. Ужь конечно она не такъ дурно думаетъ о тебѣ, какъ ты говоришь. Вѣдь иначе значило бы, что она сознательно въ воду или подъ ножъ идетъ, за тебя выходя. Развѣ можетъ быть это? Кто сознательно въ воду или подъ ножъ идетъ?

Съ горькою усмѣшкой прослушалъ Пареевъ горячія слова

князя. Убѣжденіе его, казалось, было уже непоколебимо поставлено.

— Какъ ты тяжело смотришь теперь на меня, Пароень! съ тяжелымъ чувствомъ вырвалось у князя.

— Въ воду или подъ ножъ! проговорилъ тотъ наконецъ.— Хе! Да потому-то и идетъ за меня, что навѣрно замной ножъ ожидаетъ! Да неужто ужъ ты и впрямь, князь, до сихъ поръ не спохватился въ чемъ тутъ все дѣло?

— Не понимаю я тебя.

— Что жъ, можетъ, и впрямь не понимаетъ, хе-хе! Говорять же про тебя, что ты.... *того*. Другаго она любитъ,— вотъ что пойми! Точно такъ, какъ я ее люблю теперь, точно такъ же она другаго теперь любитъ. А другой этотъ, знаешь ты кто? Это *ты*! Что, не зналъ что ли?

— Я!

— Ты. Она тебя тогда, съ тѣхъ самыхъ поръ, съ именинъ-то, и полюбила. Только она думаетъ, что выйдти ей за тебя невозможно, потому что она тебя будто бы опозорить и всю судьбу твою сгубить. „Я, говоритъ, извѣстно какая“. До сихъ поръ про это сама утверждаетъ. Она все это мнѣ сама такъ прямо въ лицо и говорила. Тебя сгубить и опозорить боится, а за меня, значить, ничего, можно выйдти,—вотъ каково она меня почитаетъ, это тоже замѣть!

— Да какъ же она отъ тебя ко мнѣ бѣжала, а.... отъ меня....

— А отъ тебя ко мнѣ! Хе! Да мало ли что войдетъ ей вдругъ въ голову! Она вся точно въ лихорадкѣ теперь. То мнѣ кричитъ: „за тебя какъ въ воду иду. Скорѣй свадьбу!“ Сама торопитъ, день назначаетъ, а станеть подходить время—испужается, али мысли другія пойдуть—Богъ знаетъ, вѣдь ты видѣлъ же: плачетъ, смѣется, въ лихорадкѣ бьется. Да что тутъ чуднаго, что она и отъ тебя убѣжала? Она отъ тебя и убѣжала тогда, потому что сама спохватилась какъ тебя сильно любитъ. Ей не подъ силу у тебя стало. Ты, вотъ, сказалъ давеча, что я ее тогда въ Москвѣ разыскалъ; не правда—сама ко мнѣ отъ тебя прибѣжала:

„назначь день, говоритъ, я готова! Шампанскаго давай! Къ цыганкамъ ѳдемъ!“ кричить!... Да не было бы меня, она давно бы ужъ въ воду кинулась; вѣрно говорю. Потому и не кидается, что я, можетъ, еще страшнѣе воды. Со зла и идетъ за меня.... коли выйdetъ, такъ ужъ вѣрно говорю, что со зла выйdetъ.

— Да какъ же ты.... какъ же ты.... вскричалъ князь и не докончилъ. Онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на Рогожина.

— Что же не доканчиваешь, прибавилъ тотъ, ослабившись,—а хочешь скажу, что ты вотъ въ эту самую минуту про себя разсуждаешь: „ну какъ же ей теперь за нимъ быть? Какъ ее къ тому допустить?“ Извѣстно, что думаешь....

— Я не затѣмъ сюда ѳхалъ, Пареевъ, говорю тебѣ, не то у меня въ умѣ было....

— Это можетъ, что не за тѣмъ, и не то въ умѣ было, а только теперь оно ужъ навѣрно стало затѣмъ, хе-хе! Ну, довольно! Что ты такъ опрокинулся? Да неужто ты и впрямь того не зналъ? Дивишь ты меня!

— Все это ревность, Пареевъ, все это болѣзнь, все это ты безмѣрно преувеличилъ... пробормоталъ князь въ чрезвычайномъ волненіи:—чего ты?

— Оставь, проговорилъ Пареевъ и быстро вырвалъ изъ рукъ князя ножикъ, который тотъ взялъ со стола, подлѣ книги, и положилъ его опять на прежнее мѣсто.

— Я какъ будто зналъ, когда въѳзжалъ въ Петербургъ, какъ будто предчувствовалъ.... продолжалъ князь:—не хотѣлъ я ѳхать сюда! Я хотѣлъ все это здѣшнее забыть, изъ сердца прочь вырвать! Ну, прощай.... Да что ты!

Говоря, князь въ разсѣянности опять-было захватилъ въ руки со стола тотъ же ножикъ, и опять Рогожинъ его вынулъ у него изъ рукъ и бросилъ на столъ. Это былъ довольно простой формы ножикъ, съ оленьимъ черенкомъ, несладной, съ лезвіемъ вершка въ три съ половиной, соответственной ширины.

Видя, что князь обращаетъ особенное вниманіе на то, что у него два раза вырываютъ изъ рукъ этотъ ножъ, Рого-

жинь съ злобною досадою схватилъ его, заложилъ въ книгу и швырнулъ книгу на другой столъ.

— Ты листы, что ли, имъ разрѣзаешь? спросилъ князь, но какъ-то разсѣянно, все еще какъ бы подъ давленіемъ сильной задумчивости.

— Да, листы....

— Это вѣдь садовый ножъ?

— Да, садовый. Развѣ садовымъ нельзя разрѣзать листы?

— Да онъ... совсѣмъ новый.

— Ну, что жь что новый? Развѣ я не могу сейчасъ купить новый ножъ? въ какомъ-то изступленіи вскричалъ наконецъ Рогожинъ, раздражавшійся съ каждымъ словомъ.

Князь вздрогнулъ и пристально поглядѣлъ на Рогожина.

— Экъ вѣдь мы! засмѣялся онъ вдругъ, совершенно опомнившись. — Извини, братъ, меня, когда у меня голова такъ тяжела, какъ теперь, и эта болѣзнь.... я совсѣмъ, совсѣмъ становлюсь такой разсѣянный и смѣшной. Я вовсе не объ этомъ и спросить-то хотѣлъ.... не помню о чемъ. Прощай....

— Не сюда, сказалъ Рогожинъ.

— Забылъ!

— Сюда, сюда, пойдёмъ, я укажу.

IV.

Пошли чрезъ тѣ же комнаты, по которымъ уже князь проходилъ; Рогожинъ шелъ немного впереди, князь за нимъ. Вошли въ большую залу. Здѣсь, по стѣнамъ, было нѣсколько картинъ, все портреты архіереевъ и пейзажи, на которыхъ ничего нельзя было различить. Надъ дверью въ слѣдующую комнату висѣла одна картина, довольно странная по своей формѣ, около двухъ съ половиной аршинъ въ длину и никакъ не болѣе шести вершковъ въ высоту. Она изображала Спасителя, только что снятаго со креста. Князь мелькомъ взглянулъ на нее, какъ бы что-то припоминая, впрочемъ, не останавливаясь, хотѣлъ пройти въ дверь. Ему было очень тяжело и хотѣлось поскорѣе изъ этого дома. Но Рогожинъ вдругъ остановился предъ картиной.

— Вотъ эти всѣ здѣсь картины, сказалъ онъ, — все за рубль, да за два на аукціонахъ куплены батюшкой покойнымъ, онъ любилъ. Ихъ одинъ знающій человекъ всѣ здѣсь пересмотрѣлъ; дрянъ говоритъ, а вотъ эта — вотъ картина, надъ дверью, тоже за два цѣлковыхъ купленная, говоритъ, не дрянъ. Еще родителю за нее одинъ выискался, что триста пятьдесятъ рублей давалъ, а Савельевъ Иванъ Дмитричъ, изъ кушцовъ, охотникъ большой, такъ тотъ до четырехсотъ доходилъ, а на прошлой недѣлѣ брату Семену Семенычу ужъ и пятьсотъ предложилъ. Я за собой оставилъ.

— Да это... это копія съ Ганса Гольбейна, сказалъ князь, успѣвъ разглядѣть картину, — и хотъ я знатокъ небольшой, но, кажется, отличная копія. Я эту картину за границей видѣлъ и забыть не могу. Но.... что же ты....

Рогожинъ вдругъ бросилъ картину и пошелъ прежнею дорогой впередъ. Конечно, разсѣянность и особое, странно-раздражительное настроеніе, такъ внезапно обнаружившееся въ Рогожинѣ, могло бы, пожалуй, объяснить эту порывчатость; но все таки какъ-то чудно стало князю, что такъ вдругъ прервался разговоръ, который не имъ же и начать, и что Рогожинъ даже и не отвѣтилъ ему.

— А что, Левъ Николаичъ, давно я хотѣлъ тебя спросить, вѣруешь ты въ Бога иль нѣтъ? вдругъ заговорилъ опять Рогожинъ, пройдя нѣсколько шаговъ.

— Какъ ты странно спрашиваешь и... глядишь? замѣтилъ князь невольно.

— А на эту картину я люблю смотрѣть, пробормоталъ, помолчавъ, Рогожинъ, точно опять забывъ свой вопросъ.

— На эту картину! вскричалъ вдругъ князь, подъ впечатлѣніемъ внезапной мысли: — на эту картину! Да отъ этой картины у иного еще вѣра можетъ пропасть!

— Пропадаетъ и то, неожиданно подтвердилъ вдругъ Рогожинъ. Они дошли уже до самой выходной двери.

— Какъ? остановился вдругъ князь: — да что ты! Я почти шутилъ, а ты такъ серьезно! И къ чему ты меня спросилъ: вѣрую ли я въ Бога?

— Да ничего, такъ. Я и прежде хотѣлъ спросить. Мно-

тѣ вѣдь нонѣ не вѣруютъ. А что, правда (ты за границей-то жилъ), — мнѣ вотъ одинъ съ пьяныхъ глазъ говорилъ, что у насъ, по Россіи, больше чѣмъ во всѣхъ земляхъ такихъ, что въ Бога не вѣруютъ? „Намъ, говоритъ, въ этомъ легче чѣмъ имъ, потому что мы дальше ихъ пошли“...

Рогожинъ ѣдко усмѣхнулся; проговоривъ свой вопросъ, онъ вдругъ отворилъ дверь, и держась за ручку замка, ждалъ, пока князь выйдетъ. Князь удивился, но вышелъ. Тотъ вышелъ за нимъ на площадку лѣстницы и притворилъ дверь за собой. Оба стояли другъ предъ другомъ съ такимъ видомъ, что, казалось, оба забыли куда пришли и что теперь надо дѣлать.

— Прощай же, сказалъ князь, подавая руку.

— Прощай, проговорилъ Рогожинъ, крѣпко, но совершенно машинально сжимая протянутую ему руку.

Князь сошелъ одну ступень и обернулся.

— А насчетъ вѣры, началъ онъ, улыбувшись (видимо не желая такъ оставлять Рогожина) и кромѣ того оживляясь подъ впечатлѣніемъ одного внезапнаго воспоминанія, — насчетъ вѣры я, на прошлой недѣлѣ, въ два дня четыре разныя встрѣчи имѣлъ. Утромъ ѣхалъ по одной новой желѣзной дорогѣ и часа четыре съ однимъ С—мъ въ вагонѣ проговорилъ, тутъ-же и познакомился. Я еще прежде о немъ много слыхивалъ, и между прочимъ, какъ объ атеистѣ. Онъ человѣкъ дѣйствительно очень ученый, и я обрадовался, что съ настоящимъ ученымъ буду говорить. Сверхъ того, онъ на рѣдкость хорошо воспитанный человѣкъ, такъ что со мной говорилъ совершенно какъ съ равнымъ себѣ, по познаніямъ и по понятіямъ. Въ Бога онъ не вѣруетъ. Одно только меня поразило: что онъ вовсе какъ будто не про то говорилъ, во все время, и потому именно поразило, что и прежде, сколько я ни встрѣчался съ невѣрующими и сколько ни читалъ такихъ книгъ, все мнѣ казалось, что и говорятъ они, и въ книгахъ пишутъ совсѣмъ будто не про то, хотя съ виду и кажется, что про то. Я это ему тогда же и высказалъ, но, должно быть, не ясно, или не умѣлъ выразить, потому что онъ ничего не понялъ... Вечеромъ я

остановился въ уѣздной гостинницѣ переночевать, и въ ней только что одно убійство случилось, въ прошлую ночь, такъ что все объ этомъ говорили, когда я пріѣхалъ. Два крестьянина, и въ лѣтахъ, и не пьяные, и знавшіе уже давно другъ друга, пріятели, напились чаю и хотѣли вмѣстѣ, въ одной каморкѣ, ложиться спать. Но одинъ у другаго подглядѣлъ, въ послѣдніе два дня, часы, серебряные, на бисерномъ желтомъ снуркѣ, которыхъ, видно, не зналъ у него прежде. Этотъ человѣкъ былъ не воръ, былъ даже честный и, по крестьянскому быту, совсѣмъ не бѣдный. Но ему до того понравились эти часы и до того соблазнили его, что онъ наконецъ не выдержалъ: взялъ ножъ и, когда пріятель отвернулся, подошелъ къ нему осторожно сзади, напѣтилсѣ, возвелъ глаза къ небу, перекрестился, и проговоривъ про себя съ горькою молитвой: „Господи, прости ради Христа!“ — зарѣзалъ пріятеля съ одного раза, какъ барана, и вынулъ у него часы.

Рогожинъ покатился со смѣху. Онъ хохоталъ такъ, какъ будто былъ въ какомъ-то припадкѣ. Даже странно было смотрѣть на этотъ смѣхъ послѣ такого мрачнаго недавняго настроенія.

— Вотъ это я люблю! Нѣтъ, вотъ это лучше всего! выкрикивалъ онъ конвульсивно, чуть не задыхаясь: — одинъ совсѣмъ въ Бога не вѣруетъ, а другой ужь до того вѣруетъ, что и людей рѣжетъ по молитвѣ... Нѣтъ, этого, братъ-князь, не выдумаешь! Ха-ха-ха! Нѣтъ, это лучше всего!...

— На утро я вышелъ по городу побродить, — продолжалъ князь, лишь только пріостановился Рогожинъ, хотя смѣхъ все еще судорожно и припадочно вздрагивалъ на его губахъ, — вижу, шатается по деревянному тротуару пьяный солдатъ, въ совершенно растерзанномъ видѣ. Подходить къ мнѣ: „купи, баринъ, крестъ серебряный, всего за двугривенный отдаю; серебряный!“ Вижу въ рукѣ у него крестъ и, должно быть, только что снялъ съ себя, на голубой, крѣпко завошенной ленточкѣ, но только настоящій оловянный, съ перваго взгляда видно, большаго размѣра, осьми-

конечный, полного византийскаго рисунка. Я вынулъ дву-гривенный и отдалъ ему, а врестъ тутъ-же на себя надѣлъ,—и по лицу его видно было, какъ онъ доволенъ, что надуль глунаго барина, и тотчасъ-же отправился свой крестъ пропивать, ужъ это безъ сомнѣнія. Я, братъ, тогда подь самымъ сильнымъ впечатлѣніемъ былъ всего того, что такъ и хлынуло на меня на Руси; ничего-то я въ ней прежде не понималъ, точно безсловесный росъ, и какъ-то фантастически вспоминалъ о ней въ эти пять лѣтъ за границей. Вотъ иду я да и думаю: нѣтъ, этого хриstopродавца подожду еще осуждать. Богъ вѣдь знаетъ, что въ этихъ пьяныхъ и слабыхъ сердцахъ заключается. Черезъ часъ, возвращаясь въ гостинницу, наткнулся на бабу съ груднымъ ребенкомъ. Баба еще молодая, ребенку недѣль шесть будетъ. Ребенокъ ей и улыбнулся, по наблюдению ея, въ первый разъ отъ своего рожденія. Смотрю, она такъ набожно, набожно вдругъ перекрестилась. „Что ты, говорю, молодва?“ (Я вѣдь тогда все спрашивалъ) „А вотъ“, говоритъ: „точно такъ, какъ бываетъ материна радость, когда она первую отъ своего младенца улыбку запримѣтитъ, такая-же точно бываетъ и у Бога радость, всякій разъ, когда Онъ съ неба завидитъ, что грѣшникъ предъ нимъ отъ всего своего сердца на молитву становится“. Это мнѣ баба сказала, почти этими-же словами, и такую глубокую, такую тонкую и истинно-религіозную мысль, такую мысль, въ которой вся сущность христіанства разомъ выразилась, то есть все понятие о Богѣ, какъ о нашемъ родномъ отцѣ и о радости Бога на человека, какъ отца на свое родное дитя—главнѣйшая мысль Христова! Простая баба! Правда, мать... и, кто знаетъ, можетъ, эта баба женой тому-же солдату была. Слушай, Паренъ, ты давеча спросилъ меня, вотъ мой отвѣтъ: сущность религіознаго чувства ни подь какія разсужденія, ни подь какіе проступки и преступленія и не подь какіе атеизмы не подходитъ; тутъ что-то не то, и вѣчно будетъ не то; тутъ что-то такое, обо что вѣчно будутъ скользить атеизмы и вѣчно будутъ не про то говорить. Но главное то, что всего яснѣе и скорѣе на русскомъ серд-

цѣ это замѣтишь, и вотъ мое заключеніе! Это одно изъ самыхъ первыхъ моихъ убѣжденій, которыя я изъ нашей Россіи выношу. Есть что дѣлать, Пароень! Есть что дѣлать на нашемъ русскомъ свѣтѣ, вѣрь мнѣ! Припомни, какъ мы въ Москвѣ сходились и говорили съ тобой одно время... И совсѣмъ не хотѣлъ я сюда возвращаться теперь! И совсѣмъ, совсѣмъ не такъ думалъ съ тобой встрѣтиться!... Ну, да что!.. прощай, до свиданья! Не оставь тебя Богъ!

Онъ повернулся и пошелъ внизъ по лѣстницѣ.

— Левъ Николаевичъ! кривнулъ сверху Пароень, когда князь дошелъ до первой забѣжной площадки:—крестъ-отъ, что у солдата купилъ, при тебѣ?

— Да, на мнѣ.

И князь опять остановился.

— Покажь-ка сюда.

Опять новая странность! Онъ подумалъ, поднялся на верхъ и выставилъ ему на показъ свой крестъ, не снимая его съ шеи.

— Отдай мнѣ, сказалъ Рогожинъ.

— Зачѣмъ? Развѣ ты...

Князю бы не хотѣлось расставаться съ этимъ крестомъ.

— Носить буду, а свой тебѣ сниму, ты носи.

— Помѣняться крестами хочешь? Изволь, Пароень, коли такъ, я радъ; побратаемся!

Князь снялъ свой оловянный крестъ, Пароень свой золотой, и помѣнялись. Пароень молчалъ. Съ тяжелымъ удивленіемъ замѣтилъ князь, что прежняя недовѣрчивость, прежняя горькая и почти насмѣшливая улыбка все еще какъ-бы не оставляла лица его названнаго брата, по крайней мѣрѣ, мгновеніями сильно выказывалась. Молча взялъ, наконецъ, Рогожинъ руку князя и нѣкоторое время стоялъ, какъ-бы не рѣшаясь на что-то; наконецъ, вдругъ потянулъ его за собой, проговоривъ едва слышнымъ голосомъ: „пойдемъ“. Перешли черезъ площадку перваго этажа и позвонили у двери, противоположной той, изъ которой они вышли. Имъ отворили скоро. Старенькая женщина, вся сторбленная и въ черномъ, повязанная платочкомъ, молча и низко поклони-

лась Рогожину; тотъ что-то наскоро спросилъ ее, и не останавливаясь за отвѣтомъ, повелъ князя далѣе черезъ комнаты. Опять пошли темныя комнаты, какой-то необыкновенной, холодной чистоты, холодно и сурово меблированныя старинною мебелью въ бѣлыхъ, чистыхъ чехлахъ. Не доглядываясь, Рогожинъ прямо ввелъ князя въ одну небольшую комнату, похожую на гостиную, разгороженную лоснящеюся перегородкой, изъ краснаго дерева, съ двумя дверьми по бокамъ, за которою, вѣроятно, была спальня. Въ углу гостиной, у печки, въ креслахъ, сидѣла маленькая старушка, еще съ виду не то чтобъ очень старая, даже съ довольно здоровымъ, пріятнымъ и круглымъ лицомъ, но уже совершенно сѣдая и (съ перваго взгляда заключить было можно) впавшая въ совершенное дѣтство. Она была въ черномъ шерстяномъ платьѣ, съ чернымъ большимъ платкомъ на шеѣ, въ бѣломъ чистомъ чепцѣ съ черными лентами. Ноги ея упирались въ скамеечку. Подлѣ нея находилась другая чистенькая старушка, постарше ея, тоже въ траурѣ и тоже въ бѣломъ чепцѣ, должно быть, какая-нибудь приживалка, и молча вязала чулокъ. Обѣ онѣ, должно быть, все время молчали. Первая старушка, завидѣвъ Рогожина и князя, улыбнулась имъ и нѣсколько разъ ласково наклонила въ знакъ удовольствія голову.

— Матушка, сказалъ Рогожинъ, поцѣловавъ у нея руку, — вотъ мой большой другъ, князь Левъ Николаевичъ Мышкинъ; мы съ нимъ крестами помѣнялись; онъ мнѣ за роднаго брата въ Москвѣ одно время былъ, много для меня сдѣлалъ. Благослови его, матушка, какъ-бы ты роднаго сына благословила. Пстой, старушка, вотъ такъ, дай я сложу тебѣ руку...

Но старушка, прежде чѣмъ Паренъ успѣлъ взяться, подняла свою правую руку, сложила пальцы въ три перста и три раза набожно перекрестила князя. Затѣмъ, еще разъ ласково и нѣжно кивнула ему головой.

— Ну, пойдёмъ, Левъ Николаевичъ, сказалъ Паренъ, я только за этимъ тебя и приводилъ...

Когда опять вышли на лѣстницу, онъ прибавилъ:

— Вотъ она ничего вѣдь не понимаетъ, что говорятъ, и ничего не поняла моихъ словъ, а тебя благословила; значитъ, сама пожелала.... Ну, прощай, и мнѣ, и тебѣ пора.

И онъ отворилъ свою дверь.

— Да дай же я хоть обниму тебя на прощаньи, странный ты человекъ! вскричалъ князь, съ нѣжнымъ упрекомъ смотря на него, и хотѣлъ его обнять. Но Пароенъ едва только поднялъ свои руки, какъ тотчасъ же опять опустилъ ихъ. Онъ не рѣшался; онъ отвертывался, чтобы не глядѣть на князя. Онъ не хотѣлъ его обнимать.

— Небось! Я хоть и взялъ твой крестъ, а за часы не зарѣжу! невнятно пробормоталъ онъ, какъ-то странно вдругъ засмѣявшись. Но вдругъ все лице его преобразилось: онъ ужасно поблѣднѣлъ, губы его задрожали, глаза загорѣлись. Онъ поднялъ руки, крѣпко обнялъ князя, и задыхаясь, проговорилъ:

— Такъ бери же ее, коли судьба! Твоя! Уступаю!... Помни Рогожина!

И бросивъ князя, не глядя на него, поспѣшно вошелъ въ себѣ и захлопнулъ за собою дверь.

V.

Было уже поздно, почти половина третьяго, и Епанчина князь не засталъ дома. Оставивъ карточку, онъ рѣшился сходить въ гостинницу *Въсы* и спросить тамъ Колю; если же тамъ нѣтъ его, — оставить ему записку. Въ *Въсахъ* сказали ему, что Николай Ардалионовичъ „вышли еще по утра-сь, но уходя, предупредили, что если на случай придутъ кто ихъ спрашивать, то чтобъ извѣстить, что *они-сь* къ тремъ часамъ, ~~можетъ-быть~~, и придутъ-сь. Если же до половины четвертаго ихъ здѣсь не окажется, — значитъ въ Павловскъ съ поѣздомъ отпавились, на дачу къ генеральшѣ Епанчиной-сь, и ужь тамъ, значитъ, и отъушаютъ-сь“. Князь сълъ дожидаться и кетати спросилъ себѣ обѣдать.

Къ половинѣ четвертаго и даже къ четыремъ часамъ Коля не явился. Князь вышелъ и направился машинально куда

глаза глядятъ. Въ началѣ лѣта въ Петербургѣ случаются иногда прелестные дни,—свѣтлые, жаркіе, тихіе. Какъ нарочно, этотъ день былъ однимъ изъ такихъ рѣдкихъ дней. Нѣсколько времени князь бродилъ безъ цѣли. Городъ ему былъ мало знакомъ. Онъ останавливался иногда на перекресткахъ улицъ предъ иными домами, на площадяхъ, на мостахъ; однажды зашелъ отдохнуть въ одну кондитерскую. Иногда съ большимъ любопытствомъ начиналъ всматриваться въ прохожихъ; но чаще всего не замѣчалъ ни прохожихъ, ни гдѣ именно онъ идетъ. Онъ былъ въ мучительномъ напряженіи и безпокойствѣ и въ то же самое время чувствовалъ необыкновенную потребность уединенія. Ему хотѣлось быть одному и отдаться всему этому страдательному напряженію совершенно пассивно, не ища ни малѣйшаго выхода. Онъ съ отвращеніемъ не хотѣлъ разрѣшать нахлынувшихъ въ его душу и сердце вопросовъ. „Что же, развѣ я виноватъ во всемъ этомъ?“ бормоталъ онъ про себя, почти не сознавая своихъ словъ.

Къ шести часамъ онъ очутился на дебаркадерѣ Царско-сельской желѣзной дороги. Уединеніе скоро стало ему невыносимо; новый порывъ горячо охватилъ его сердце, и на мгновеніе яркимъ свѣтомъ озарился мракъ, въ которомъ тосковала душа его. Онъ взялъ билетъ въ Павловскъ и съ нетерпѣніемъ спѣшилъ уѣхать; но ужь конечно его что-то преслѣдовало, и это была дѣйствительность, а не фантазія, какъ, можетъ-быть, онъ склоненъ былъ думать. Почти уже сядя въ вагонъ, онъ вдругъ бросилъ только что взятый билетъ на полъ и вышелъ обратно изъ воксала смущенный и задумчивый. Нѣсколько времени спустя, на улицѣ, онъ вдругъ какъ бы что-то припомнилъ, какъ бы что-то внезапно сообразилъ, очень странное, что-то ужь долго его безпокоившее. Ему вдругъ пришлось сознательно поймать себя на одномъ занятіи, уже давно продолжавшемся, но котораго онъ все не замѣчалъ до самой этой минуты: вотъ уже нѣсколько часовъ, еще даже въ *Вѣсахъ*, кажется, даже и до *Вѣсовъ*, онъ, нѣтъ-нѣтъ, и вдругъ начиналъ какъ бы искать чего-то кругомъ себя. И забудеть, даже на долго,

на полчаса, и вдругъ опять оглянется съ безпокойствомъ и ищетъ кругомъ.

Но только что онъ замѣтилъ въ себѣ это болѣзненное и до сихъ поръ совершенно безсознательное движеніе, такъ давно уже овладѣвшее имъ, какъ вдругъ мелькнуло предъ нимъ и другое воспоминаніе, чрезвычайно заинтересовавшее его: ему вспомнилось, что въ ту минуту, когда онъ замѣтилъ что все ищетъ чего-то кругомъ себя, онъ стоялъ на тротуарѣ у окна одной лавки и съ большимъ любопытствомъ разглядывалъ товаръ, выставленный въ окнѣ. Ему захотѣлось теперь непременно провѣрить: дѣйствительно ли онъ стоялъ сейчасъ, можетъ-быть, всего пять минутъ назадъ, предъ обзоромъ этой лавки, не померещилось ли ему, не смѣшалъ ли онъ чего? Существуетъ ли въ самомъ дѣлѣ эта лавка и этотъ товаръ? Вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ себя сегодня въ особенно болѣзненномъ настроеніи, почти въ томъ же, какое бывало съ нимъ прежде при началѣ припадковъ его прежней болѣзни. Онъ зналъ, что въ такое предприпадочное время онъ бываетъ необыкновенно разсѣянъ и часто даже смѣшиваетъ предметы и лица, если глядитъ на нихъ безъ особаго, напряженнаго вниманія. Но была и особенная причина, почему ему ужь такъ очень захотѣлось провѣрить стоялъ ли онъ тогда передъ лавкой: въ числѣ вещей, разложенныхъ на-показъ въ окнѣ лавки, была одна вещь, на которую онъ смотрѣлъ и которую даже оцѣнилъ въ шестьдесятъ копѣекъ серебромъ, онъ помнилъ это, несмотря на всю свою разсѣянность и тревогу. Слѣдовательно, если эта лавка существуетъ, и вещь эта дѣйствительно выставлена въ числѣ товаровъ, то стало-быть собственно для этой вещи и останавливался. Значитъ, эта вещь заключала въ себѣ такой сильный для него интересъ, что привлекла его вниманіе даже въ то самое время, когда онъ былъ въ такомъ тяжеломъ смущеніи, только что выйдя изъ воксала желѣзной дороги. Онъ шелъ, почти въ тоскѣ смотря направо, и сердце его билось отъ безпокойнаго нетерпѣнія. Но, вотъ эта лавка, онъ нашелъ ее наконецъ! Онъ уже былъ въ пяти стахъ шагахъ отъ нея, когда взду-

малъ воротиться. Вотъ и этотъ предметъ въ шестьдесятъ копѣекъ; „конечно, въ шестьдесятъ копѣекъ, не стоитъ больше!“ подтвердилъ онъ теперь, и засмѣялся. Но онъ засмѣялся истерически; ему стало очень тяжело. Онъ ясно вспомнилъ теперь, что именно тутъ, стоя предъ этимъ обномъ, онъ вдругъ обернулся, точно давеча, когда поймалъ на себѣ глаза Рогожина. Увѣрившись, что онъ не ошибся (въ чемъ, впрочемъ, онъ и до повѣрки былъ совершенно увѣренъ), онъ бросилъ лавку и поскорѣе пошелъ отъ нея. Все это надо скорѣе обдумать, непременно; теперь ясно было, что ему не померещилось и въ воксалѣ, что съ нимъ случилось непременно что-то дѣйствительное и непременно связанное со всѣмъ этимъ прежнимъ его безпокойствомъ. Но какое-то внутреннее непобѣдимое отвращеніе опять пересидило: онъ не захотѣлъ ничего обдумывать, онъ не сталъ обдумывать; онъ задумался совсѣмъ о другомъ.

Онъ задумался между прочимъ о томъ, что въ эпилептическомъ состояніи его была одна степень почти предъ самымъ припадкомъ (если только припадокъ приходилъ наяву), когда вдругъ, среди грусти, душевнаго мрака, давленія, мгновеніями какъ бы воспламенялся его мозгъ, и съ необыкновеннымъ порывомъ напрягались разомъ всѣ жизненныя силы его. Ощущеніе жизни, самосознанія почти удесятрялось въ эти мгновенія, продолжавшіяся какъ молнія. Умъ, сердце озарялись необыкновеннымъ свѣтомъ; всѣ волненія, всѣ сомнѣнія его, всѣ безпокойства какъ бы умиротворялись разомъ, разрѣшались въ какое-то высшее спокойствіе, полное ясной, гармоничной радости и надежды, полное разума и окончательной причины. Но эти моменты, эти проблески были еще только предчувствіемъ той окончательной секунды (никогда не болѣе секунды), съ которой начинался самый припадокъ. Эта секунда была, конечно, невыносима. Раздумывая объ этомъ мгновеніи въ послѣдствіи, уже въ здоровомъ состояніи, онъ часто говорилъ самъ себѣ: что вѣдь всѣ эти молніи и проблески высшаго самоощущенія и самосознанія, а стало-быть и „высшаго бытія“, ни что иное какъ болѣзнь, какъ нарушеніе нормальнаго состоянія, а если

такъ, то это вовсе не высшее бытіе, а напротивъ, должно быть причислено къ самому низшему. И однакоже онъ все-таки дошелъ, наконецъ, до чрезвычайно парадоксальнаго вывода: „что же въ томъ, что это болѣзнь?“ рѣшилъ онъ наконецъ, „какое до того дѣло, что это напряженіе ненормальное, если самый результатъ, если минута ощущенія, припоминаемая и рассматриваемая уже въ здоровомъ состояніи, оказывается въ высшей степени гармоніей, красотой, даетъ неслыханное и негаданное дотолѣ чувство полноты, мѣры, примиренія и встревоженнаго молитвеннаго слитія съ самымъ высшимъ синтезомъ жизни?“ Эти туманныя выраженія казались ему самому очень понятными, хотя еще слишкомъ слабыми. Въ томъ же, что это дѣйствительно „красота и молитва“, что это дѣйствительно „высшій синтезъ жизни“, въ этомъ онъ сомнѣваться не могъ, да и сомнѣній не могъ допустить. Вѣдь не видѣнія же какія-нибудь снились ему въ этотъ моментъ, какъ отъ ханшиша, опиума или вина, унижающія разумъ и искажающія душу, ненормальныя и несуществующія? Объ этомъ онъ здраво могъ судить по окончаніи болѣзненнаго состоянія. Мгновенія эти были именно однимъ только необыкновеннымъ усиленіемъ самосознанія, — еслибы надо было выразить это состояніе однимъ словомъ, — самосознанія и въ то же время самоощущенія въ высшей степени непосредственнаго. Если въ ту секунду, то-есть въ самый послѣдній сознательный моментъ предъ припадкомъ, ему случалось уснѣвать ясно и сознательно сказать себѣ: „Да, за этотъ моментъ можно отдать всю жизнь!“ то конечно, этотъ моментъ самъ по себѣ и стоилъ всей жизни. Впрочемъ, за діалектическую часть своего вывода онъ не стоялъ: отупѣніе, душевный мракъ, идиотизмъ стояли предъ нимъ яркимъ послѣдствіемъ этихъ „высочайшихъ минутъ“. Серіозно, разумѣется, онъ не сталъ бы спорить. Въ выводѣ, то-есть въ его оцѣнкѣ этой минуты, безъ сомнѣнія, заключалась ошибка, но дѣйствительность ощущенія все-таки нѣсколько смущала его. Что же въ самомъ дѣлѣ дѣлать съ дѣйствительностью? Вѣдь это самое бывало же, вѣдь онъ самъ же уснѣвалъ сказать себѣ въ ту самую секунду, что

эта секунда, по безпредѣльному счастью, имъ вполне ощущаемому, пожалуй, и могла бы стоять всей жизни. „Въ этотъ моментъ, какъ говорилъ онъ однажды Рогожину, въ Москвѣ, во время ихъ тамошнихъ сходовъ, въ этотъ моментъ мнѣ какъ-то становится понятно необычайное слово о томъ, что *времени больше не будетъ*. Вѣроятно, прибавилъ онъ, улыбаясь, это та же самая секунда, въ которую не успѣлъ пролиться опрокинувшійся кувшинъ съ водой эпилептика Магомета, успѣвшаго однако въ ту самую секунду обозрѣть всѣ жилища Аллаховы“. Да, въ Москвѣ они часто сходились съ Рогожинымъ и говорили не объ одномъ этомъ. „Рогожинъ давеча сказалъ, что я былъ тогда ему братомъ; онъ это въ первый разъ сегодня сказалъ“, подумалъ князь про себя.

Онъ подумалъ объ этомъ, сидя на скамьѣ, подъ деревомъ, въ Лѣтнемъ саду. Было около семи часовъ. Садъ былъ пустъ; что-то мрачное заволкло на мгновеніе заходящее солнце. Было душно; похоже было на отдаленное предвѣщаніе грозы. Въ теперешнемъ его созерцательномъ состояніи была для него какая-то приманка. Онъ прилѣплялся воспоминаніями и умомъ къ каждому внѣшнему предмету, и ему это нравилось: ему все хотѣлось что-то забыть, настоящее, насущное, но при первомъ взглядѣ кругомъ себя онъ тотчасъ же опять узнавалъ свою мрачную мысль, мысль, отъ которой ему такъ хотѣлось отвязаться. Онъ было вспомнилъ, что давеча говорилъ съ половымъ въ трактирѣ за обѣдомъ, объ одномъ недавнемъ чрезвычайно странномъ убійствѣ, надѣлавшемъ шуму и разговоровъ. Но только что онъ вспомнилъ объ этомъ, съ нимъ вдругъ опять случилось что-то особенное.

Чрезвычайное, неотразимое желаніе, почти соблазнъ, вдругъ оцѣпенили всю его волю. Онъ всталъ со скамьи и пошелъ изъ сада прямо на Петербургскую сторону. Давеча, на набережной Невы, онъ попросилъ какого-то прохожаго, чтобы показалъ ему черезъ Неву Петербургскую сторону. Ему показали, но тогда онъ не пошелъ туда. Да и во всякомъ случаѣ нечего было сегодня ходить; онъ зналъ это. Адресъ онъ давно имѣлъ; онъ легко могъ отыскать домъ родствен-

ницы Лебедева; но онъ зналъ почти навѣрно, что не заста-
нетъ ея дома. „Непремѣнно уѣхала въ Павловскъ, иначе бы
Коля оставилъ что нибудь въ *Въсахъ*, по условію“. И такъ,
если онъ шель теперь, то ужь конечно не затѣмъ, чтобъ ее
видѣть. Другое, мрачное, мучительное любопытство соблаз-
няло его. Одна новая, внезапная идея пришла ему въ го-
лову....

Но для него ужь слишкомъ было довольно того, что онъ
пошелъ и зналъ куда идетъ: минутой спустя, онъ опять уже
шелъ, почти не замѣчая своей дороги. Обдумывать дальше
„внезапную свою идею“ ему тотчасъ же стало ужасно про-
тивно и почти невозможно. Онъ съ мучительно-напрягаемымъ
вниманіемъ всматривался во все, что попадалось ему на глаза,
смотрѣлъ на небо, на Неву. Онъ заговорилъ было со встрѣ-
тившимся маленькимъ ребенкомъ. Можетъ быть, и эпилеп-
тическое состояніе его все болѣе и болѣе усиливалось. Гроза,
кажется, дѣйствительно надвигалась, хотя и медленно. На-
чинался уже отдаленный громъ. Становилось очень душно...

Почему-то ему все припоминался теперь, какъ припоми-
нается иногда неотвязный и до глупости надоѣвшій музы-
кальный мотивъ, племянникъ Лебедева, котораго онъ давеча
видѣлъ. Странно то, что онъ все припоминался ему въ видѣ
того убійцы, о которомъ давеча упомянулъ самъ Лебедевъ,
рекомендуя ему племянника. Да, объ этомъ убійцѣ онъ чи-
талъ еще очень недавно. Много читалъ и слышалъ о та-
кихъ вещахъ съ тѣхъ поръ какъ въѣхалъ въ Россію; онъ
упорно слѣдилъ за всѣмъ этимъ. А давеча такъ даже слиш-
комъ заинтересовался въ разговорѣ съ половымъ, именно объ
этомъ же убійствѣ Жемариныхъ. Половой съ нимъ согла-
сился, онъ вспомнилъ это. Припомнилъ и полового; это былъ
не глухой парень, солидный и осторожный, а „впрочемъ,
вѣдь Богъ его знаетъ какой. Трудно въ новой землѣ но-
выхъ людей разгадывать“. Въ русскую душу, впрочемъ, онъ
начиналъ страстно вѣрить. О, много, много вынесъ онъ со-
всѣмъ для него новаго въ эти шесть мѣсяцевъ, и негадан-
наго, и неслыханнаго, и неожиданнаго! Но чужая душа по-
темки, и русская душа потемки; для многихъ потемки. Вотъ

онъ долго сходился съ Рогожинымъ, близко сходились, „братски“ сходились, — а знаетъ ли онъ Рогожина? А впрочемъ какой иногда тутъ, во всемъ этомъ, хаосъ, какой сумбуръ, какое безобразіе! И какой же однако гадкій и вседозвольный прыщикъ этотъ давешній племянникъ Лебедева? А впрочемъ что же я? (продолжалось мечтаться князю) развѣ онъ убилъ эти существа, этихъ шесть человѣкъ? Я какъ будто смѣшиваю.... какъ это странно! У меня голова что-то вкружится.... А какое симпатичное, какое милое лицо у старшей дочери Лебедева, вотъ у той, которая стояла съ ребенкомъ, какое невинное, какое почти дѣтское выраженіе и какой почти дѣтскій смѣхъ! Странно, что онъ почти забылъ это лицо и теперь только о немъ вспомнилъ. Лебедевъ, тонающій на нихъ ногами, вѣроятно, ихъ всѣхъ обожаетъ. Но что всего вѣрнѣе, какъ дважды два, это то, что Лебедевъ обожаетъ и своего племянника!

А впрочемъ, что же онъ взялся ихъ такъ окончательно судить, онъ, сегодня явившійся, что же это онъ произносить такіе приговоры? Да вотъ Лебедевъ же задалъ ему сегодня задачу: ну ожидалъ ли онъ такого Лебедева? Развѣ онъ зналъ такого Лебедева прежде? Лебедевъ и Дюбарри, — Господи! Впрочемъ, если Рогожинъ убьетъ, то по крайней мѣрѣ не такъ беспорядочно убьетъ. Хаоса этого не будетъ. По рисунку заказанный инструментъ и шесть человѣкъ, положенныхъ совершенно въ бреду! Развѣ у Рогожина по рисунку заказанный инструментъ.... у него.... но.... развѣ рѣшено, что Рогожинъ убьетъ?! вздрогнулъ вдругъ князь. „Не преступленіе ли, не низость ли съ моей стороны такъ цинически-отвервенно сдѣлать такое предположеніе!“ вскричалъ онъ, и краска стыда залила разомъ лицо его. Онъ былъ изумленъ, онъ стоялъ какъ вкопанный на дорогѣ. Онъ разомъ вспомнилъ и давешній Павловскій воксаль, и давешній Николаевскій воксаль, и вопросъ Рогожину прямо въ лицо о *глазахъ*, и крестъ Рогожина, который теперь на немъ, и благословеніе его матери, къ которой онъ же его самъ привелъ, и послѣднее судорожное объятіе, послѣднее отреченіе Рогожина, давеча, на лѣстницѣ, — и послѣ этого

всего поймать себя на непрерывномъ исканіи чего-то кругомъ себя, и эта лавка, и этотъ предметъ.... что за низость! И послѣ всего этого онъ идетъ теперь съ „особенною цѣлью“, съ особою „внезапною идеей!“ Отчаяніе и страданіе захватили всю его душу. Князь немедленно хотѣлъ поворотить назадъ къ себѣ, въ гостиницу; даже повернулся и пошелъ; но чрезъ минуту остановился, обдумалъ и воротился опять по прежней дорогѣ.

Да, онъ уже и былъ на Петербургской, онъ былъ близко отъ дома; вѣдь не съ прежнею же цѣлью теперь онъ идетъ туда, вѣдь не съ „особенною же идеей!“ И какъ оно могло быть! Да, болѣзнь его возвращается, это несомнѣнно; можетъ-быть, припадокъ съ нимъ будетъ непременно сегодня. Чрезъ припадокъ и весь этотъ мракъ, чрезъ припадокъ и „идея!“ Теперь мракъ разсѣянъ, демонъ прогнанъ, сомнѣній не существуетъ, въ его сердцѣ радость! И—онъ такъ давно не видалъ ея, ему надо ее увидѣть, и... да, онъ желалъ бы теперь встрѣтить Рогожина, онъ бы взялъ его за руку и они бы пошли вмѣстѣ... Сердце его чисто; развѣ онъ соперникъ Рогожину? Завтра онъ самъ пойдетъ и скажетъ Рогожину, что онъ ее видѣлъ; вѣдь летѣлъ же онъ сюда, какъ сказалъ давеча Рогожинъ, чтобы только ее увидеть! Можетъ-быть, онъ и застанетъ ее, вѣдь не навѣрно же она въ Павловскѣ!

Да, надо чтобы теперь все это было ясно поставлено, чтобы всѣ ясно читали другъ въ другѣ, чтобы не было этихъ мрачныхъ и страстныхъ отреченій, какъ давеча отрекался Рогожинъ, и пусть все это совершится свободно и... свѣтло. Развѣ неспособенъ къ свѣту Рогожинъ? Онъ говорить, что любить ее не такъ, что въ немъ нѣтъ состраданья, нѣтъ „никакой такой жалости“. Правда, онъ прибавилъ потомъ, что „твоя жалость, можетъ-быть, еще пуще моей любви“,—но онъ на себя клевететь. Гм, Рогожинъ за книгой,—развѣ ужъ это не „жалость“, не начало „жалости“? Развѣ ужъ одно присутствіе этой книги не доказываетъ, что онъ вполне сознаетъ свои отношенія къ ней? А рассказъ его давеча? Нѣтъ, это поглубже одной только страстности. И

развѣ одну только страстность внушаетъ ея лицо? Да и можетъ ли даже это лицо внушать теперь страсть? Оно внушаетъ страданіе, оно захватываетъ всю душу, оно... и жгучее, мучительное воспоминаніе прошло вдругъ по сердцу князя.

Да, мучительное. Онъ вспомнилъ, какъ еще недавно онъ мучился, когда въ первый разъ онъ сталъ замѣчать въ ней признаки безумія. Тогда онъ испыталъ почти отчаяніе. И какъ онъ могъ оставить ее, когда она бѣжала тогда отъ него къ Рогожину? Ему самому слѣдовало бы бѣжать за ней, а не ждать извѣстій. Но.... неужели Рогожинъ до сихъ поръ не замѣтилъ въ ней безумія? Гм.... Рогожинъ видитъ во всемъ другія причины, страстныя причины! И какая безумная ревность! Что онъ хотѣлъ сказать давешнимъ предположеніемъ своимъ? (Князь вдругъ покраснѣлъ, и что-то какъ будто дрогнуло въ его сердцѣ).

Къ чему, впрочемъ, и вспоминать про это? Тутъ безумство съ обѣихъ сторонъ. А ему, князю, любить страстно эту женщину — почти невысказано, почти было бы жестокостью, безчеловѣчностью. Да, да! Нѣтъ, Рогожинъ на себя клеветаетъ; у него огромное сердце, которое можетъ и страдать и сострадать. Когда онъ узнаетъ всю истину, и когда убѣдится, какое жалкое существо эта поврежденная, полуумная, — развѣ не проститъ онъ ей тогда все прежнее, всѣ мученія свои? Развѣ не станетъ ея слугой, братомъ, другомъ, провидѣніемъ? Состраданіе осмыслить и научить самого Рогожина. Состраданіе есть главнѣйшій и, можетъ-быть, единственный законъ бытія всего человѣчества. О, какъ онъ непростительно и безчестно виноватъ предъ Рогожинымъ! Нѣтъ, не „русская душа потемки“, а у него самого на душѣ потемки, если онъ могъ вообразить такой ужасъ. За нѣсколько горячихъ и сердечныхъ словъ въ Москвѣ Рогожинъ уже называетъ его своимъ братомъ, а онъ.... Но это болѣзнь и бредъ! Это все разрѣшится!.. Какъ мрачно сказалъ давеча Рогожинъ, что у него „пропадаетъ вѣра!“ Этотъ человѣкъ долженъ сильно страдать. Онъ говоритъ, что „любить смотрѣть на эту картину“; не любить, а, значитъ, ощущаетъ потребность. Рогожинъ не одна только страстная душа; это

все-таки боецъ: онъ хочетъ силой воротить свою потерянную вѣру. Ему она до мученія теперь нужна... Да! во что-нибудь вѣрить! въ кого-нибудь вѣрить! А какая однакоже странная эта картина Гольбейна... А, вотъ эта улица! Вотъ, должно-быть, и домъ, такъ и есть, № 16, „домъ коллежской секретарши Филисовой. Здѣсь!“ Князь позвонилъ и спросилъ Настасью Филипповну.

Сама хозяйка дома отвѣтила ему, что Настасья Филипповна еще съ утра уѣхала въ Павловскъ къ Дарьѣ Алексѣевнѣ „и даже можетъ произойти-съ, что останутся тамъ и нѣсколько дней“. Филисова была маленькая, востроглазая и востролицая женщина, лѣтъ сорока, и глядѣла лукаво и пристально. На вопросъ ея объ имени, — вопросъ, которому она какъ бы съ намѣреніемъ придавала оттѣнокъ таинственности, — князь сначала было не хотѣлъ отвѣтить; но тотчасъ же воротился и настойчиво попросилъ передать его имя Настасьѣ Филипповнѣ. Филисова приняла эту настойчивость съ усиленнымъ вниманіемъ и съ необыкновенно секретнымъ видомъ, которымъ видимо желала заявить, что: „не беспокойтесь, я поняла-съ“. Имя князя очевидно произвело на нее сильнѣйшее впечатлѣніе. Князь разсѣянно поглядѣлъ на нее, повернулся и пошелъ назадъ въ свою гостиницу. Но онъ вышелъ не съ тѣмъ уже видомъ, съ какимъ звонилъ къ Филисовой. Съ нимъ произошла опять, и какъ бы въ одно мгновеніе, необыкновенная перемѣна: онъ опять шелъ блѣдный, слабый, страдающій, взволнованный; колѣна его дрожали, и смутная, потерянная улыбка бродила на посинѣлыхъ губахъ его: „внезапная идея“ его вдругъ подтвердилась и оправдалась, и — онъ опять вѣрилъ своему демону!

Но подтвердилась ли? Но оправдалась ли? Почему съ нимъ опять эта дрожь, этотъ потъ холодный, этотъ мракъ и холодъ душевный? Потому ли, что опять онъ увидѣлъ сейчасъ эти *глаза*? Но вѣдь онъ и пошелъ же изъ Лѣтняго Сада единственно съ тѣмъ чтобъ ихъ увидать! Въ этомъ вѣдь и состояла его „внезапная идея“. Онъ настойчиво захотѣлъ увидать эти „давешніе глаза“, чтобъ окончательно убѣдиться, что онъ непременно встрѣтитъ ихъ *тамъ*, у это-

го дома. Это было судорожное желаніе его, и отчего же онъ такъ раздавленъ и пораженъ теперь тѣмъ, что ихъ въ самомъ дѣлѣ сейчасъ увидѣлъ? Точно не ожидалъ! Да, это были *тѣ самые* глаза (и въ томъ что *тѣ самые* нѣтъ уже никакого теперь сомнѣнія!), которые сверкнули на него утромъ, въ толпѣ, когда онъ выходилъ изъ вагона Николаевской желѣзной дороги; тѣ самые (совершенно тѣ самые!), взглядъ которыхъ онъ поймалъ потомъ давеча, у себя за плечами, садясь на стулъ у Рогожина. Рогожинъ давеча отрекся: онъ спросилъ съ искривленною, леденящею улыбкой: „чьи же были глаза-то?“ И князю ужасно захотѣлось, еще недавно, въ воксалѣ Царско-сельской дороги, — когда онъ садился въ вагонъ, чтобы ѣхать къ Аглаѣ, и вдругъ опять увидѣлъ эти глаза, уже въ третій разъ въ этотъ день, — подойти къ Рогожину и сказать ему „чьи это были глаза!“. Но онъ выбѣжалъ изъ воксала и очнулся только предъ лавкой ножевщика въ ту минуту, какъ стоялъ и оцѣнивалъ въ шестьдесятъ копѣекъ одинъ предметъ, съ оленьимъ черенкомъ. Странный и ужасный демонъ привязался къ нему окончательно и уже не хотѣлъ оставлять его болѣе. Этотъ демонъ шепнулъ ему въ Лѣтнемъ Саду, когда онъ сидѣлъ, забывшись, подъ липой, что если Рогожину такъ надо было слѣдить за нимъ съ самаго утра и ловить его на каждомъ шагу, то узнавъ, что онъ не поѣдетъ въ Павловскъ (что уже, конечно, было роковымъ для Рогожина свѣдѣніемъ), Рогожинъ непременно поѣдетъ *туда*, къ тому дому, на Петербургской, и будетъ непременно сторожить тамъ его, князя, давшаго ему еще утромъ честное слово, что „не увидитъ ея“, и что „не затѣмъ онъ въ Петербургъ пріѣхалъ“. И вотъ князь судорожно устремляется къ тому дому, и что же въ томъ, что дѣйствительно онъ тамъ встрѣчаетъ Рогожина? Онъ увидѣлъ только несчастнаго человѣка, душевное настроеніе котораго мрачно, но очень понятно. Этотъ несчастный человѣкъ даже и не скрывался теперь. Да, Рогожинъ давеча почему-то заперся и солгалъ, но въ Павловскѣ онъ стоялъ почти не скрываясь. Скорѣй даже онъ, князь, скрывался, а не Рогожинъ. А теперь, у дома, онъ стоялъ по

другой сторонѣ улицы, шагахъ въ пятидесяти наискось, на противоположномъ тротуарѣ, скрестивъ руки, и ждалъ. Тутъ уже онъ былъ совсѣмъ на виду и, кажется, нарочно хотѣлъ быть на виду. Онъ стоялъ какъ обличитель и какъ судья, а не какъ... А не какъ кто?

А почему же онъ, князь, не подошелъ теперь къ нему самъ и повернулъ отъ него, какъ бы ничего не замѣтивъ, хотя глаза ихъ и встрѣтились. (Да, глаза ихъ встрѣтились! и они посмотрѣли другъ на друга). Вѣдь онъ же самъ хотѣлъ давеча взять его за руку и пойти *туда* вмѣстѣ съ нимъ? Вѣдь онъ самъ же хотѣлъ завтра идти къ нему и сказать, что онъ былъ у нея? Вѣдь отрекся же онъ самъ отъ своего демона, еще идя туда, на половинѣ дороги, когда радость вдругъ наполняла его душу? Или въ самомъ дѣлѣ было что-то такое въ Рогожинѣ, то-есть въ цѣломъ *сегодняшнемъ* образѣ этого человѣка, во всей совокупности его словъ, движеній, поступковъ, взглядовъ, что могло оправдывать ужасныя предчувствія князя и возмущающія нашептыванія его демона? Нѣчто такое, что видится само собой, но что трудно анализировать и рассказать, невозможно оправдать достаточными причинами, но что однакоже производитъ, несмотря на всю эту трудность и невозможность, совершенно цѣльное и неотразимое впечатлѣніе, невольно переходящее въ полнѣйшее убѣжденіе?...

Убѣжденіе въ чемъ? (О, какъ мучила князя чудовищность, „унизительность“ этого убѣжденія, „этого низкаго предчувствія“, и какъ обвинялъ онъ себя самого!) Скажи же, если смѣешь, въ чемъ? говорилъ онъ непрерывно себѣ, съ упрекомъ и съ вызовомъ,—формулируй, осмѣлься выразить всю свою мысль, ясно, точно, безъ колебанія! О, я безчестенъ! повторялъ онъ съ негодованіемъ и съ краской въ лицѣ,—какими же глазами буду я смотрѣть теперь всю жизнь на этого человѣка! О, что за день! О Боже, какой кошмаръ!

Была минута, въ концѣ этого длиннаго и мучительнаго пути съ Петербургской стороны, когда вдругъ неотразимое желаніе захватило князя,—пойти сейчасъ къ Рогожину, дожидаться его, обнять его со стыдомъ, со слезами, связать

ему все и кончить все разомъ. Но онъ стоялъ уже у своей гостинницы... Какъ не понравились ему давеча эта гостинница, эти корридоры, весь этотъ домъ, его номеръ, не понравились съ перваго взгляду; онъ нѣсколько разъ въ этотъ день съ какимъ-то особеннымъ отвращеніемъ припоминалъ, что надо будетъ сюда воротиться... „Да что это я, какъ больная женщина, вѣрю сегодня во всякое предчувствіе!“ подумалъ онъ съ раздражительною насмѣшкой, останавливаясь въ воротахъ. Новый, нестерпимый приливъ стыда, почти отчаянія, приковалъ его на мѣстѣ, при самомъ входѣ въ ворота. Онъ остановился на минуту. Такъ иногда бываетъ съ людьми; нестерпимыя внезапныя воспоминанія, особенно сопряженныя со стыдомъ, обыкновенно останавливаютъ, на одну минуту, на мѣстѣ. „Да, я человѣкъ безъ сердца и трусъ!“ повторилъ онъ мрачно, и порывисто двинулся идти, но... опять остановился.

Въ этихъ воротахъ, и безъ того темныхъ, въ эту минуту было очень темно: надвинувшаяся грозовая туча поглотила вечерній свѣтъ, и въ то самое время какъ князь подходилъ въ дому, туча вдругъ разверзлась и пролилась. Въ то же время, когда онъ порывисто двинулся съ мѣста, послѣ мгновенной остановки, онъ находился въ самомъ началѣ воротъ, у самаго входа подъ ворота съ улицы. И вдругъ онъ увидѣлъ въ глубинѣ воротъ, въ полутемнотѣ, у самаго входа на лѣстницу, одного человѣка. Человѣкъ этотъ какъ будто чего то выжидалъ, но быстро промелькнулъ и исчезъ. Человѣка этого князь не могъ разглядѣть ясно и конечно никакъ бы не могъ сказать навѣрно: кто онъ таковъ? Къ тому же тутъ такъ много могло проходить людей; тутъ была гостинница, и непрерывно проходили и пробѣгали въ корридоры и обратно. Но онъ вдругъ почувствовалъ самое полное и неотразимое убѣжденіе, что онъ этого человѣка узналъ, и что этотъ человѣкъ непременно Рогожинъ. Мгновеніе спустя князь бросился велѣдъ за нимъ на лѣстницу. Сердце его замерло. „Сейчасъ все разрѣшится!“ съ страннымъ убѣжденіемъ проговорилъ онъ про себя.

Лѣстница, на которую князь взбѣжалъ изъ-подъ воротъ,

вела въ корридоры перваго и втораго этажей, по которымъ и были расположены номера гостиницы. Эта лѣстница, какъ во всѣхъ давно строенныхъ домахъ, была каменная, темная, узкая и вилась около толстаго каменнаго столба. На первой забѣжной площадкѣ, въ этомъ столбѣ оказалось углубленіе, въ родѣ ниши, не болѣе одного шага ширины и въ полшага глубины. Человѣкъ однакоже могъ бы тутъ помѣститься. Какъ ни было темно, но взбѣжавъ на площадку, князь тотчасъ же различилъ что тутъ, въ этой нишѣ, прячется зачѣмъ-то человѣкъ. Князю вдругъ захотѣлось пройти мимо и не глядѣть направо. Онъ ступилъ уже одинъ шагъ, но не выдержалъ и обернулся.

Два давешніе глаза, *тѣ же самые*, вдругъ встрѣтились съ его взглядомъ. Человѣкъ, таившійся въ нишѣ, тоже успѣлъ уже ступить изъ нея одинъ шагъ. Одну секунду оба стояли другъ передъ другомъ почти вплотъ. Вдругъ князь схватилъ его за плечи и повернулъ назадъ, къ лѣстницѣ, ближе къ свѣту: онъ яснѣе хотѣлъ видѣть лицо.

Глаза Рогожина засверкали, и бѣшеная улыбка искадила его лицо. Правая рука его поднялась, и что-то блестяло въ ней; князь не думалъ ее останавливать. Онъ помнилъ только, что, кажется, крикнулъ:

— Паренъ, не вѣрю!...

Затѣмъ вдругъ какъ бы что-то разверзлось предъ нимъ: необычайный *внутренній* свѣтъ озарилъ его душу. Это мгновеніе продолжалось, можетъ-быть, полсекунды; но онъ однакоже ясно и сознательно помнилъ начало, самый первый звукъ своего страшнаго вопля, который вырвался изъ груди его самъ собой и который никакою силой онъ не могъ бы остановить. Затѣмъ сознаніе его угасло мгновенно, и наступилъ полныи мракъ.

Съ нимъ случился припадокъ эпилепсiи, уже очень давно оставившей его. Извѣстно, что припадки эпилепсiи, собственно самая *падучая*, приходятъ мгновенно. Въ это мгновеніе вдругъ чрезвычайно искажается лицо, особенно взглядъ. Конвульсiи и судороги овладѣваютъ всѣмъ тѣломъ и всѣми чертами лица. Страшный, невообразимый и ни на что не по-

хожій вопль вырывается изъ груди; въ этомъ воплѣ вдругъ исчезаетъ какъ бы все человѣческое, и никакъ невозможно, по крайней мѣрѣ очень трудно, наблюдателю вообразить и допустить, что это кричитъ этотъ же самый человѣкъ. Представляется даже, что кричитъ какъ бы кто-то другой, находящійся внутри этого человѣка. Многіе по крайней мѣрѣ изъяснили такъ свое впечатлѣніе, на многихъ же видѣ человѣка въ падучей производятъ рѣшительный и невыносимый ужасъ, имѣющій въ себѣ даже нѣчто мистическое. Надо предположить, что такое впечатлѣніе внезапнаго ужаса, сопряженнаго со всѣми другими страшными впечатлѣніями той минуты,—вдругъ оцѣнили Рогожина на мѣстѣ и тѣмъ спасли князя отъ неизбежнаго удара ножомъ, на него уже нападавшаго. Затѣмъ, еще не успѣвъ догадаться о припадкѣ и увидѣвъ, что князь отшатнулся отъ него и вдругъ упалъ навзничь, прямо внизъ по лѣстницѣ, съ размаху ударившись затылкомъ о каменную ступень, Рогожинъ стремглавъ бросился внизъ, обѣжалъ лежавшаго, и почти безъ памяти выбѣжалъ изъ гостиницы.

Отъ конвульсій, біенія и судорогъ, тѣло больного спустилось по ступенькамъ, которыхъ было не болѣе пятнадцати, до самаго конца лѣстницы. Очень скоро, не болѣе какъ минутъ черезъ пять, замѣтили лежавшаго, и собралась толпа. Цѣлая лужица крови около головы вселяла недоумѣніе: самъ-ли человѣкъ расшибся или „былъ какой грѣхъ?“ Скоро однако-же нѣкоторые различили падучую; одинъ изъ номерныхъ призналъ въ князѣ давешняго постояльца. Смятеніе разрѣшилось наконецъ весьма счастливо по одному счастливому обстоятельству.

Коля Иволгинъ, обѣщавшійся быть къ четыремъ часамъ въ *Вьсахъ* и поѣхавшій вмѣсто того въ Павловскъ, по одному внезапному соображенію отказался „откушать“ у генеральши Епанчиной, а пріѣхавъ обратно въ Петербургъ и поспѣшилъ въ *Вьсы*, куда и явился около семи часовъ вечера. Узнавъ, по оставленной ему запискѣ, что князь въ городѣ, онъ устремился къ нему по сообщенному въ запискѣ адресу. Извѣстившись въ гостиницѣ, что князь вышелъ, онъ

спустился внизъ, въ буфетныя комнаты и сталъ дожидаться, кушая чай и слушая органъ. Случайно услышавъ разговоръ о приключившемся съ кѣмъ-то припадкѣ, онъ бросился на мѣсто, по вѣрному предчувствію, и узналъ князя. Тотчасъ же были приняты надлежащія мѣры. Князя перенесли въ его номеръ; онъ хотъ и очнулся, но въ полное сознаніе довольно долго не приходилъ. Докторъ, приглашенный для осмотра разбитой головы, далъ примочку и объявилъ, что опасности отъ ушибовъ нѣтъ ни малѣйшей. Когда же, уже чрезъ часъ, князь довольно хорошо сталъ понимать окружающее, Коля перевезъ его въ каретѣ изъ гостиницы къ Лебедеву. Лебедевъ принялъ больного съ необыкновеннымъ жаромъ и съ поклонами. Для него же ускорилъ и переѣздъ на дачу; на третій день всѣ уже были въ Павловскѣ.

VI.

Дача Лебедева была небольшая, но удобная и даже красивая. Часть ея, назначавшаяся въ наемъ, была особенно изукрашена. На террасѣ, довольно помѣстительной, при входѣ съ улицы въ комнаты, было наставлено нѣсколько померанцевыхъ, лимонныхъ и жасминныхъ деревьевъ, въ большихъ зеленыхъ деревянныхъ кадкахъ, что и составляло, по расчету Лебедева, самый обольщающій видъ. Нѣсколько изъ этихъ деревьевъ онъ прибрѣлъ вмѣстѣ съ дачей, и до того прельстился эффектомъ, который они производили на террасѣ, что рѣшился, благодаря случаю, прикупить для комплекта такихъ-же деревьевъ въ кадкахъ на аукціонѣ. Когда всѣ деревья были, наконецъ, свезены на дачу и разставлены, Лебедевъ нѣсколько разъ въ тотъ день сбѣгалъ по ступенькамъ террасы на улицу и съ улицы любовался на свое владѣніе, каждый разъ мысленно надбавляя сумму, которую предполагалъ запросить съ будущаго своего дачнаго жильца. Разслабленному, тоскующему и разбитому тѣломъ князю дача очень понравилась. Впрочемъ, въ день переѣзда въ Павловскъ, то есть на третій день послѣ припадка, князь уже имѣлъ по наружности видъ почти здороваго человѣка, хотя

внутренно чувствовалъ себя все еще неоправившимся. Онъ былъ радъ всѣмъ, кого видѣлъ кругомъ себя въ эти три дня, радъ Колѣ, почти отъ него не отходившему, радъ всему семейству Лебедева (безъ племянника, куда-то исчезнувшего), радъ самому Лебедеву; даже съ удовольствіемъ принялъ посѣтившаго его еще въ городѣ генерала Иволгина. Въ самый день переѣзда, состоявшагося уже къ вечеру, вокругъ него на террасѣ собралось довольно много гостей: сперва пришелъ Ганя, котораго князь едва узналъ, — такъ онъ за все это время перемѣнился и похудѣлъ. Затѣмъ, явились Варя и Птицынъ, тоже павловскіе дачники. Генералъ-же Иволгинъ находился у Лебедева на квартирѣ почти безсмѣнно, даже, кажется, вмѣстѣ съ нимъ переѣхалъ. Лебедевъ старался не пускать его къ князю и держать при себѣ; обращался онъ съ нимъ по-пріятельски; повидимому, они уже давно были знакомы. Князь замѣтилъ, что всѣ эти три дня они вступали иногда другъ съ другомъ въ длинные разговоры, нерѣдко кричали и спорили, даже, кажется, объ ученыхъ предметахъ, что, повидимому, доставляло удовольствіе Лебедеву. Подумать можно было, что онъ даже нуждался въ генералѣ. Но тѣ-же самыя предосторожности, какъ относительно князя, Лебедевъ сталъ соблюдать и относительно своего семейства съ самаго переѣзда на дачу: подъ предлогомъ, чтобы не беспокоить князя, онъ не пускалъ къ нему никого, топалъ ногами, бросался и гонялся за своими дочерьми, не исключая и Вѣры съ ребенкомъ, при первомъ подозрѣніи, что они идутъ на террасу, гдѣ находился князь, несмотря на всѣ просьбы князя не отгонять никого.

— Во-первыхъ, никакой не будетъ почтительности, если ихъ такъ распустишь; а во-вторыхъ, имъ даже и неприлично... объяснилъ онъ, наконецъ, на прямой вопросъ князя.

— Да почему-же? усовѣщевалъ князь: — право, вы меня всѣми этими наблюденіями и стороженіемъ только мучаете. Мнѣ одному скучно, я вамъ нѣсколько разъ говорилъ, а сами вы вашимъ непрерывнымъ маханіемъ рукъ и хожденіемъ на ципочкахъ еще больше тоску нагоняете.

Князь намекалъ на то, что Лебедевъ хоть и разгонялъ всѣхъ домашнихъ подъ видомъ спокойствія, необходимаго больному, но самъ входилъ къ князю во всѣ эти три дня чуть не поминутно, и каждый разъ сначала растворялъ дверь, просовывалъ голову, оглядывалъ комнату, точно увѣриться хотѣлъ, тутъ-ли? не убѣжалъ-ли? и потомъ уже на ципочкахъ, медленно крадущимися шагами, подходилъ къ креслу, такъ что иногда невзначай пугалъ своего жильца. Безпрерывно освѣдомлялся, не нужно-ли ему чего, и когда князь сталъ ему, наконецъ, замѣчать, чтобъ онъ оставилъ его въ покоѣ, послушно и безмолвно оборачивался, пробирался обратно на ципочкахъ къ двери и все время, пока шагалъ, махалъ руками, какъ-бы давая знать, что онъ только такъ, что онъ не промолвитъ ни слова и что вотъ онъ ужъ и вышелъ, и не придетъ, и однакожь чрезъ десять минутъ или, по крайней мѣрѣ, чрезъ четверть часа являлся опять. Коля, имѣвшій свободный входъ къ князю, возбуждалъ тѣмъ самымъ въ Лебедевѣ глубочайшее огорченіе и даже обидное негодованіе. Коля замѣтилъ, что Лебедевъ по получасу простаиваетъ у двери и подслушиваетъ что они говорятъ съ княземъ, о чемъ, разумѣется, и извѣстилъ князя.

— Вы точно меня себѣ присвоили, что держите подъ замкомъ, протестовалъ князь, — по крайней мѣрѣ, на дачѣ-то я хочу, чтобы было иначе, и будьте увѣрены, что буду принимать кого угодно и выходить куда угодно.

— Безъ самаго малѣйшаго сомнѣнія, замахалъ руками Лебедевъ.

Князь пристально оглядѣлъ его съ головы до ногъ.

— А что, Лукьянъ Тимоѣевичъ, вы свой шкапчикъ, который у васъ надъ кроватью въ головахъ висѣлъ, перевезли сюда?

— Нѣтъ, не перевезъ.

— Неужели тамъ оставили?

— Невозможно везти, выламывать изъ стѣны надо... Крѣпко, крѣпко.

— Да, можетъ, здѣсь точно такой-же есть?

— Даже лучше, даже лучше, съ тѣмъ и дачу купилъ.

— А-а. Это кого вы давеча ко мнѣ не пускали? Часъ назадъ.

— Это... это генерала-сь. Дѣйствительно не пускалъ, и ему къ вамъ не стать. Я, князь, человѣка этого глубоко уважаю; это... это великій человѣкъ-сь; вы не вѣрите? Ну, вотъ увидите, а все-таки... лучше-бы, сіятельнѣйшій князь, вамъ не принимать его у себя-сь.

— А почему-бы такъ, позвольте васъ спросить? И почему, Лебедевъ, вы стоите теперь на ципочкахъ, а подходите ко мнѣ всегда точно желаете секретъ на ухо сообщить.

— Низокъ, низокъ, чувствую, неожиданно отвѣчалъ Лебедевъ, съ чувствомъ постукивая себя въ грудь, — а генералъ для васъ не слишкомъ-ли будетъ гостепріименъ-сь?

— Слишкомъ будетъ гостепріименъ?

— Гостепріименъ-сь. Во-первыхъ, онъ ужь и жить у меня собирается; это-бы пусть-сь, да азартенъ, въ родню тотчасъ лѣзетъ. Мы съ нимъ родней уже нѣсколько разъ сосчитались, оказалось, что свояки. Вы тоже ему по матери племянникомъ двоюроднымъ оказываетесь, еще вчера мнѣ разъяснялъ. Если вы племянникъ, стало-быть, и мы съ вами, сіятельнѣйшій князь, родня. Это-бы ничего-сь, маленькая слабость, но сейчасъ увѣрялъ, что всю его жизнь, съ самаго прапорщичьяго чина и до самаго одиннадцатаго іюня прошлаго года у него каждый день меньше двухъ сотъ персонъ за столъ не садилось. Дошелъ, наконецъ, до того, что и не вставало, такъ что и обѣдали, и ужинали, и чай пили часовъ по пятнадцати въ сутки лѣтъ тридцать сряду безъ малѣйшаго перерыва, едва время было скатерть перемѣнить. Одинъ встаетъ, уходитъ, другой приходитъ, а въ табельные и царскіе дни и до трехъ сотъ человѣкъ доходило. А въ день тысячелѣтія Россіи такъ семьсотъ человекъ начель. Это вѣдь страсть-сь; этакія извѣстія — признакъ очень дурной-сь; этакихъ гостепріимцевъ и принимать даже у себя страшно, я и подумалъ: не слишкомъ-ли для насъ съ вами будетъ этакой гостепріименъ?

— Но вы, кажется, съ нимъ въ весьма хорошихъ отношеніяхъ?

— По-братски и принимаю за шутку; пусть мы свояки: мнѣ что, — больше чести. Я въ немъ даже и сквозь двухъ сотъ персонъ и тысячелѣтіе Россіи замѣчательнѣйшаго человека различаю. Искренно говорю-сь. Вы, князь, сейчасъ о секретахъ заговорили-сь, будто-бы, то есть, я приближаюсь точно секретъ сообщить желаю, а секретъ, какъ нарочно и есть: извѣстная особа сейчасъ дала знать, что желала-бы очень съ вами секретное свиданіе имѣть.

— Для чего-же секретное? Отнюдь. Я у ней буду самъ, хоть сегодня.

— Отнюдь, отнюдь нѣтъ, замахаль Лебедевъ, — и не того боится чего-бы вы думали. Кстати: извергъ ровно каждый день приходитъ о здоровьи вашемъ навѣдываться, извѣстно-ли вамъ?

— Вы что-то очень часто извергомъ его называете, это мнѣ очень подозрительно.

— Никакого подозрѣнія имѣть не можете, никакого, поскорѣе отклонилъ Лебедевъ, — я хотѣлъ только объяснить, что особа извѣстная не его, а совершенно другаго боится, совершенно другаго.

— Да чего-же, говорите скорѣй, допрашивалъ князь съ нетерпѣніемъ, смотря на таинственныя кривлянія Лебедева.

— Въ томъ и секретъ.

И Лебедевъ усмѣхнулся.

— Чей секретъ?

— Вашъ секретъ. Сами вы запретили мнѣ, сіятельнѣйшій князь, при васъ говорить... пробормоталъ Лебедевъ, и насладившись тѣмъ, что довелъ любопытство своего слушателя до болѣзненнаго нетерпѣнія, вдругъ заключилъ: — Аглаи Ивановны боится.

Князь поморщился и съ минуту помолчалъ.

— Ей-Богу, Лебедевъ, я брошу вашу дачу, сказалъ онъ вдругъ. — Гдѣ Гаврила Ардаліоновичъ и Птицыны? У васъ? Вы ихъ тоже къ себѣ переманили.

— Идутъ-сь, идутъ-сь. И даже генералъ вслѣдъ за нами. Всѣ двери отворю и дочерей созову всѣхъ, всѣхъ, сей-

часъ, сейчасъ, испуганно шепталъ Лебедевъ, махая руками и бидаясь отъ одной двери къ другой.

Въ эту минуту Коля появился на террасѣ, войдя съ улицы, и объявилъ, что вслѣдъ за нимъ идутъ гости, Лизавета Прокофьевна съ тремя дочерьми.

— Пускать или не пускать Птицыныхъ и Гаврилу Ардалионовича? Пускать или не пускать генерала? подскочилъ Лебедевъ, пораженный извѣстіемъ.

— Отчего-же нѣтъ? Всѣхъ, кому угодно! Увѣряю васъ, Лебедевъ, что вы что-то не такъ поняли въ моихъ отношеніяхъ въ самомъ началѣ; у васъ какая-то непрерывная ошибка. Я не имѣю ни малѣйшихъ причинъ отъ кого-нибудь таиться и прятаться, засмѣялся князь. Глядя на него, почелъ за долгъ засмѣяться и Лебедевъ. Лебедевъ, несмотря на свое чрезвычайное волненіе, былъ тоже видимо чрезвычайно доволенъ.

Извѣстіе, сообщенное Колей, было справедливо; онъ опередилъ Епанчиныхъ только нѣсколькими шагами, чтобъ ихъ возвѣстить, такъ что гости явились вдругъ съ обѣихъ сторонъ, съ террасы Епанчины, а изъ комнатъ — Птицыны, Ганя и генераль Иволгинъ.

Епанчины узнали о болѣзни князя и о томъ, что онъ въ Павловскѣ, только сейчасъ, отъ Коли, до того же времени генеральша была въ тяжеломъ недоумѣніи. Еще третьяго дня генераль сообщилъ своему семейству карточку князя; эта карточка возбудила въ Лизаветѣ Прокофьевнѣ непремѣнную увѣренность, что и самъ князь прибудетъ въ Павловскъ для свиданія съ ними немедленно вслѣдъ за этою карточкой. Напрасно дѣвицы увѣряли, что человекъ, не писавшій полгода, можетъ-быть, далеко не будетъ такъ торопливъ и теперь, и что, можетъ-быть, у него и безъ нихъ много хлопотъ въ Петербургѣ, — почему знать его дѣла? Генеральша рѣшительно осердилась на эти замѣчанія и готова была биться объ закладъ, что князь явится по крайней мѣрѣ на другой-же день, хотя „это уже будетъ и поздно“. На другой день она прождала цѣлое утро; ждали въ обѣду, къ вечеру, и когда уже совершенно смерелось, Лизаве-

та Прокофьевна разсердилась на все и перессорилась со всеми, разумѣется, въ мотивахъ ссоры ни слова не упоминая о князѣ. Ни слова о немъ не было упомянуто и во весь третій день. Когда у Аглаи сорвалось невзначай за обѣдомъ, что шамап сердится, потому что князь не ѣдетъ, на что генераль тотчасъ-же замѣтилъ, что „вѣдь онъ въ этомъ не виноватъ“, — Лизавѣта Прокофьевна встала и во гнѣвѣ вышла изъ-за стола. Наконецъ, въ вечеру явился Коля со всѣми извѣстіями и съ описаніемъ всѣхъ приключеній князя, какія онъ зналъ. Въ результатѣ Лизавѣта Прокофьевна торжествовала, но, во всякомъ случаѣ Колѣ крѣпко досталось: „То по цѣлымъ днямъ здѣсь вертится и не выживешь, а тутъ хоть-бы знать-то дать, если ужъ самъ не рассудилъ пожаловать“. Коля тотчасъ-же хотѣлъ было разсердиться за слово „не выживешь“, но отложилъ до другого раза, и еслибы только самое слово не было ужъ слишкомъ обидно, то пожалуй и совсѣмъ извинилъ-бы его: до того понравилось ему волненіе и безпокойство Лизавѣты Прокофьевны при извѣстіи о болѣзни князя. Она долго настаивала на необходимости немедленно отправить нарочнаго въ Петербургъ, чтобы поднять какую-то медицинскую знаменитость первой величины и примчать ее съ первымъ поѣздомъ. Но дочери отговорили; онѣ, впрочемъ, не захотѣли отстать отъ мамы, когда та мигомъ собралась, чтобы посѣтить больнаго.

— Онъ на смертномъ одрѣ, говорила, суетись, Лизавѣта Прокофьевна, — а мы тутъ будемъ еще церемоніи наблюдать? Другъ онъ нашего дома иль нѣтъ?

— Да и соваться, не спросясь броду, не слѣдуетъ, замѣтила было Аглая.

— Ну, такъ и не ходи, и хорошо даже сдѣлаешь: Евгений Павлычъ пріѣдетъ, некому будетъ принять.

Послѣ этихъ словъ Аглая, разумѣется, тотчасъ же отправилась вслѣдъ за всѣми, что, впрочемъ, намѣрена была и безъ этого сдѣлать. Князь Щ., сидѣвшій съ Аделаидой, по ея просьбѣ, немедленно согласился сопровождать дамъ. Онъ еще и прежде, въ началѣ своего знакомства съ Епанчинными, чрезвычайно заинтересовался, когда услышалъ отъ нихъ о

князь. Оказалось, что онъ съ нимъ былъ знакомъ, что они познакомились гдѣ-то недавно и недѣли двѣ жили вмѣстѣ въ какомъ-то городкѣ. Это было назадъ тому мѣсяца съ три. Князь Щ. даже много о князѣ рассказывалъ и вообще отзывался о немъ весьма симпатично, такъ что теперь съ искреннимъ удовольствіемъ шелъ навѣстить стараго знакомаго. Генерала Ивана Федоровича на этотъ разъ не было дома. Евгенийъ Павловичъ тоже еще не пріѣзжалъ.

До дачи Лебедева отъ Епанчиныхъ было не болѣе трехсотъ шаговъ. Первое непріятное впечатлѣніе Лизаветы Прокофьевны у князя—было застать кругомъ него цѣлую компанію гостей, не говоря уже о томъ, что въ этой компаніи были два-три лица ей рѣшительно ненавистныя; второе — удивленіе при видѣ совершенно на взглядъ здороваго, щеголевато одѣтаго и смѣющагося молодаго человѣка, ступившаго имъ на встрѣчу, вмѣсто умирающаго на смертномъ одрѣ, котораго она ожидала найти. Она даже остановилась въ недоумѣніи, въ чрезвычайному удовольствію Коли, который, конечно, могъ бы отлично объяснить, еще когда она и не трогалась съ своей дачи, что никто ровно не умираетъ, и никакого смертнаго одра нѣтъ, но не объяснилъ, лукаво предчувствуя будущій комическій гнѣвъ генеральши, когда она, по его расчетамъ, непременно разсердится за то, что застанетъ князя, своего искренняго друга, здоровымъ. Коля былъ даже такъ не деликатенъ, что вслухъ высказалъ свою догадку, чтобъ окончательно раздражить Лизавету Прокофьевну, съ которою постоянно и иногда очень злобно шкировался, несмотря на связывавшую ихъ дружбу.

— Подожди, любезный, не торопись, не испорти свое торжество! отвѣчала Лизавета Прокофьевна, усаживаясь въ подставленные ей княземъ кресла.

Лебедевъ, Птицынъ, генераль Иволгинъ бросились подавать стулья дѣвицамъ. Аглаѣ подалъ стулъ генераль. Лебедевъ подставилъ стулъ и князю Щ., причемъ даже въ сгибѣ своей поясницы успѣлъ изобразить необыкновенную почтительность. Варя, по обыкновенію, съ восторгомъ и шепотомъ здоровалась съ барышнями.

— Это правда, что я думала, князь, тебя чуть не въ постели застать, такъ со страху преувеличила, и, ни за что лгать не стану, досадно мнѣ стало сейчасъ ужасно на твое счастливое лицо, но божусь тебѣ, это всего минута, пока еще не успѣла размыслить. Я, какъ размыслю, всегда умнѣе поступаю и говорю; я думаю, и ты тоже. А по-настоящему, выздоровленію роднаго сына, еслибъ онъ былъ, была бы, можетъ-быть, меньша рада чѣмъ твоему; и если ты мнѣ въ этомъ не повѣришь, то срамъ тебѣ, а не мнѣ. А этотъ злобный мальчишка позволяетъ со мной и не такія шутки шутить. Ты, кажется, его протезируешь; такъ я предупреждаю тебя, что въ одно прѣкрасное утро, повѣрь мнѣ, откажу себѣ въ дальнѣйшемъ удовольствіи пользоваться честью его знакомства.

— Да чѣмъ же я виноватъ? кричалъ Коля:— да сколько бѣ я васъ ни увѣрялъ, что князь почти уже здоровъ, вы бы не захотѣли повѣрить, потому что представить его на смертномъ одрѣ было гораздо интереснѣе.

— Надолго ли къ намъ? обратилась къ князю Лизавета Прокофьевна.

— На все лѣто и, можетъ-быть, дольше.

— Ты вѣдь одинъ? Не женатъ?

— Нѣтъ, не женатъ, улыбнулся князь наивности пущеной шпильки.

— Улыбаться нечего; это бываетъ. Я про дачу: зачѣмъ не къ намъ переѣхалъ? У насъ цѣлый флигель пустой, впрочемъ, какъ хочешь. Это у него нанимаешь? У этого? прибавила она вполголоса, кивнувъ на Лебедева.— Что онъ все кривляется?

Въ эту минуту изъ комнатъ вышла на террасу Вѣра, по своему обыкновенію, съ ребенкомъ на рукахъ. Лебедевъ, извивавшійся около стульевъ и рѣшительно не знавшій куда дѣвать себя, но ужасно не хотѣвшій уйдти, вдругъ набросился на Вѣру, замахалъ на нее руками, гоня прочь съ террасы, и даже, забывшись, затопалъ ногами.

— Онъ сумасшедшій? прибавила вдругъ генеральша.

— Нѣтъ, онъ....

— Шьянь, можетъ-быть? Не красива же твоя компанія, отрѣзала она, захвативъ въ своемъ взглядѣ и остальныхъ гостей;—а впрочемъ, какая милая дѣвушка! Кто такая?

— Это Вѣра Лукьяновна, дочь этого Лебедева.

— А!... Очень милая. Я хочу съ ней познакомиться.

Но Лебедевъ, разслышавшій похвалы Лизаветы Прокофьевны, уже самъ тащилъ дочь, чтобы представить ее.

— Сироты, сироты! таялъ онъ, подходя:—и этотъ ребенокъ на рукахъ ея—сирота, сестра ея, дочь Любовь, и рождена въ незаконнѣйшемъ бракѣ отъ новопреставленной Елены, жены моей, умершей тому назадъ шесть недѣль, въ родахъ, по соизволенію Господню... да-съ... вмѣсто матери, хотя только сестра и не болѣе какъ сестра.... не болѣе, не болѣе....

— А ты, батюшка, не болѣе какъ дуракъ, извини меня. Ну, довольно, самъ понимаешь, я думаю, отрѣзала вдругъ Лизавета Прокофьевна въ чрезвычайномъ негодованіи.

— Истинная правда! почтительнѣйше и глубоко поклонился Лебедевъ.

— Послушайте, господинъ Лебедевъ, правду про васъ говорятъ, что вы Апокалипсисъ толкуете? спросила Аглая.

— Истинная правда.... пятнадцатый годъ.

— Я о васъ слышала. О васъ и въ газетахъ печатали, кажется?

— Нѣтъ, это о другомъ толкователѣ, о другомъ-съ, и тотъ померъ, а я за него остался, внѣ себя отъ радости проговорилъ Лебедевъ.

— Сдѣлайте одолженіе, растолкуйте мнѣ когда-нибудь на дняхъ, по сосѣдству. Я ничего не понимаю въ Апокалипсисѣ.

— Не могу не предупредить васъ, Аглая Ивановна, что все это съ его стороны одно шарлатанство, повѣрьте, быстро ввернулъ вдругъ генераль Иволгинъ, ждавшій точно на иглочкахъ и желавшій изо всѣхъ силъ какъ-нибудь начать разговоръ; онъ усѣлся рядомъ съ Аглаей Ивановной;— конечно, дача имѣетъ свои права, продолжалъ онъ, — и свои удовольствія, и пріемъ такого необычайнаго интруса

для толкованія Апокалипсиса есть затѣя какъ и другая, и даже затѣя замѣчательная по уму, но я.... Вы, кажется, смотрите на меня съ удивленіемъ? Генераль Иволгинъ, имѣю честь рекомендоваться. Я васъ на рукахъ носилъ, Аглая Ивановна.

— Очень рада. Мнѣ знакомы Варвара Ардалионовна и Нина Александровна, пробормотала Аглая, всѣми силами крѣпясь чтобы не расхохотаться.

Лизавета Прокофьевна вспыхнула. Что-то давно накопившееся въ ея душѣ вдругъ потребовало исхода. Она терпѣть не могла генерала Иволгина, съ которымъ когда-то была знакома, только очень давно.

— Лжешь, батюшка, по своему обыкновенію, никогда ты ея на рукахъ не носилъ, отрѣзала она ему въ негодованіи.

— Вы забыли, маман, ей-Богу носилъ, въ Твери, вдругъ подтвердила Аглая. — Мы тогда жили въ Твери. Мнѣ тогда лѣтъ шесть было, я помню. Онъ мнѣ стрѣлку и лукъ сдѣлалъ, и стрѣлять научилъ, и я одного голубя убила. Помните, мы съ вами голубя вмѣстѣ убили?

— А мнѣ тогда каску изъ картона принесъ и шнагу деревянную, и я помню! вскричала Аделаида.

— И я это помню, подтвердила Александра. — Вы еще тогда за раненаго голубя перессорились, и васъ по угламъ разставили; Аделаида такъ и стояла въ каскѣ и со шнагой.

Генераль, объявившій Аглаѣ, что онъ ее на рукахъ носилъ, сказалъ это такъ, чтобы только начать разговоръ, и единственно потому, что онъ почти всегда такъ начиналъ разговоръ со всѣми молодыми людьми, если находилъ нужнымъ съ ними познакомиться. Но на этотъ разъ случилось, какъ нарочно, что онъ сказалъ правду и, какъ нарочно, правду эту онъ и самъ забылъ. Такъ что, когда Аглая вдругъ подтвердила теперь, что она съ нимъ вдвоемъ застрѣлила голубя, память его разомъ освѣтилась, и онъ вспомнилъ обо всемъ объ этомъ самъ до послѣдней подробности, какъ нерѣдко воспоминается въ лѣтахъ преклонныхъ что-нибудь изъ далекаго прошлаго. Трудно передать, что въ этомъ воспо-

минаніи такъ сильно могло подѣйствовать на бѣднаго и, по обыкновенію, нѣскольکو хмѣльнаго генерала; но онъ былъ вдругъ необыкновенно растроганъ.

— Помню, все помню! вскричалъ онъ.— Я былъ тогда штабсъ-капитаномъ. Вы—такая крошка, хорошенькая. Нина Александровна.... Гаяя.... Я былъ у васъ.... принятъ. Иванъ Федоровичъ....

— И вотъ, видишь, до чего ты теперь дошелъ! подхватила генеральша.— Значить, все-таки не пропиль своихъ благородныхъ чувствъ, когда такъ подѣйствовало! А жену измучилъ. Чѣмъ бы дѣтей руководить, а ты въ долговомъ сидишь. Ступай, батюшка, отсюда, зайди куда-нибудь, стань за дверь въ уголокъ и поплачь, вспомни свою прежнюю невинность, авось Богъ проститъ. Поди-ка, поди, я тебѣ серьезно говорю. Ничего нѣтъ лучше для исправленія какъ прежнее съ раскаяніемъ вспомнить.

Но повторять о томъ что говорятъ серьезно, было нечего: генераль, какъ и всѣ постоянно хмѣльные люди, былъ очень чувствителенъ, и какъ всѣ слишкомъ упавшіе хмѣльные люди, не легко переносилъ воспоминанія изъ счастливаго прошлаго. Онъ всталъ и смиренно направился къ дверямъ, такъ что Лизаветѣ Прокофьевнѣ сейчасъ же и жалко стало его.

— Ардалионъ Александрычъ, батюшка! крикнула она ему вслѣдъ: —остановись на минутку; всѣ мы грѣшны; когда будешь чувствовать, что совѣсть тебя меньше укоряетъ, приходи ко мнѣ, посидимъ, поболтаемъ о прошломъ-то. Я вѣдь еще, можетъ, сама тебя въ пятьдесятъ разъ грѣшнѣе; ну, а теперь прощай, ступай, нечего тебѣ тутъ... испугалась она вдругъ, что онъ воротится.

— Вы бы пока не ходили за нимъ, остановилъ князь Колю, который побѣждалъ-было вслѣдъ за отцемъ.— А то черезъ минуту онъ подосадуетъ, и вся минута испортится.

— Это правда, не тронь его; черезъ полчаса поди, рѣшила Лизавета Прокофьевна.

— Вотъ что значитъ хоть разъ въ жизни правду сказать, до слезъ подѣйствовало! осмѣлился вклейтъ Лебедевъ.

— Ну ужь и ты-то, батюшка, должно-быть, хорошъ, коли правда то что я слышала, осадила его сейчасъ же Лизавета Прокофьевна.

Взаимное положеніе всѣхъ гостей, собравшихся у князя, мало-по-малу опредѣлилось. Князь, разумѣется, въ состояніи былъ оцѣнить и оцѣнилъ всю степень участія къ нему генеральши и ея дочерей и, конечно, сообщилъ имъ искренно, что и самъ онъ сегодня же, еще до посѣщенія ихъ, намѣренъ былъ непременно явиться къ нимъ, несмотря, ни на болѣзнь свою, ни на поздній часъ. Лизавета Прокофьевна, поглядывая на гостей его, отвѣтила, что это и сейчасъ можно исполнить. Птицынъ, человѣкъ вѣжливый и чрезвычайно уживчивый, очень скоро всталъ и отретировался во флигель къ Лебедеву, весьма желая увести съ собой и самого Лебедева. Тотъ обѣщалъ придти скоро; тѣмъ временемъ Варя разговорила съ дѣвцами и осталась. Она и Ганя были весьма рады отбытію генерала; самъ Ганя тоже скоро отправился вслѣдъ за Птицынымъ. Въ тѣ же нѣсколько минутъ, которыя онъ пробылъ на террасѣ при Епанчиныхъ, онъ держалъ себя скромно, съ достоинствомъ, и нисколько не потерялся отъ рѣшительныхъ взглядовъ Лизаветы Прокофьевны, два раза оглядѣвшей его съ головы до ногъ. Дѣйствительно, можно было подумать знавшимъ его прежде, что онъ очень измѣнился. Это очень понравилось Аглаѣ.

— Вѣдь это Гаврила Ардалионовичъ вышелъ? спросила она вдругъ, какъ любила иногда дѣлать, громко, рѣзко, прерывая своимъ вопросомъ разговоръ другихъ и ни къ кому лично не обращаясь.

— Онъ, отвѣтилъ князь.

— Едва узнала его. Онъ очень измѣнился и... гораздо къ лучшему.

— Я очень радъ за него, сказалъ князь.

— Онъ былъ очень боленъ, прибавила Варя съ радостнымъ соболѣзнованіемъ.

— Чѣмъ это измѣнился къ лучшему? въ гнѣвливомъ недоумѣніи, и чуть не перепугавшись, спросила Лизавета Про-

кофьевна:—откуда взяла? Ничего нѣтъ лучшаго. Что именно тебѣ кажется лучшаго?

— Лучше „рыцаря бѣднаго“ ничего нѣтъ лучшаго! провозгласилъ вдругъ Коля, стоявшій все время у стула Лизаветы Прокофьевны.

— Это я самъ тоже думаю, сказалъ князь Щ. и засмѣялся.

— Я совершенно того же мнѣнія, торжественно провозгласила Аделаида.

— Какого „рыцаря бѣднаго“? спрашивала генеральша, съ недоумѣніемъ и досадою оглядывая всѣхъ говорившихъ, но увидѣвъ что Аглая вспыхнула, съ сердцемъ прибавила:— Вздоръ какой-нибудь! Какой такой „рыцарь бѣдный“?

— Развѣ въ первый разъ мальчишкѣ этому, фавориту вашему, чужія слова коверкать! съ надменнымъ негодованіемъ отвѣтила Аглая.

Въ каждой гнѣвливой выходкѣ Аглаи (а она гнѣбалась очень часто), почти каждый разъ, несмотря на всю видимую ея серіозность и неумолимость, проглядывало столько еще чего-то дѣтскаго, нетерпѣливо школьнаго и плохо припрятаннаго, что не было возможности иногда, глядя на нее, не засмѣяться, къ чрезвычайной, впрочемъ, досадѣ Аглаи, не понимавшей чему смѣются и „какъ могутъ, какъ смѣются они смѣяться“. Засмѣялись и теперь сестры, князь Щ, и даже улыбнулся самъ князь Левъ Николаевичъ, тоже почему-то покраснѣвшій. Коля хохоталъ и торжествовалъ. Аглая разсердилась не на шутку и вдвое похорошѣла. Къ ней чрезвычайно пло ея смущеніе и тутъ же досада на самое себя за это смущеніе.

— Мало онъ вашихъ-то словъ перековеркалъ, прибавила она.

— Я на собственномъ вашемъ восклицаніи основываюсь! прокричалъ Коля. — Мѣсяць назадъ вы *Донъ-Кихота* перебирали и воскликнули эти слова, что нѣтъ лучше „рыцаря бѣднаго“. Не знаю, про кого вы тогда говорили: про Донъ-Кихота или про Евгенія Павлыча, или еще про одно лицо, но только про кого-то говорили, и разговоръ шелъ длинный...

— Ты, я вижу, ужь слишкомъ много позволяешь себѣ, мой милый, съ своими догадками, съ досадою остановила его Лизавета Прокофьевна.

— Да развѣ я одинъ? не умолкалъ Коля: — всѣ тогда говорили, да и теперь говорятъ; вотъ сейчасъ князь Щ. и Аделаида Ивановна и всѣ объявили, что стоятъ за „рыцаря бѣднаго“, стало-быть, „рыцарь-то бѣдный“ существуетъ и непременно есть, а по-моему, еслибы только не Аделаида Ивановна, такъ всѣ бы мы давно ужь знали кто такой „рыцарь бѣдный“.

— Я-то чѣмъ виновата, смѣялась Аделаида.

— Портретъ не хотѣли нарисовать — вотъ чѣмъ виноваты! Аглая Ивановна просила васъ тогда нарисовать портретъ „рыцаря бѣднаго“ и рассказала даже весь сюжетъ картины, который сама и сочинила, помните сюжетъ-то? Вы не хотѣли....

— Да какъ же бы я нарисовала, кого? По сюжету выходитъ, что этотъ „рыцарь бѣдный“

Съ лица стальной рѣшетки
Ни предъ кѣмъ не подымалъ.

Какое же тутъ лицо могло выйдти? Что нарисовать: рѣшетку? Анонимъ?

— Ничего не понимаю, какая тамъ рѣшетка! раздражалась генеральша, начинавшая очень хорошо понимать про себя, кто такой подразумѣвался подъ названіемъ (и, вѣроятно, давно уже условленнымъ) „рыцаря бѣднаго“. Но особенно взорвало ее, что князь Левъ Николаевичъ тоже смутился и наконецъ совсѣмъ сконфузился, какъ десятилѣтній мальчикъ. — Да что, кончится или нѣтъ эта глупость? Рас толкуютъ мнѣ или нѣтъ этого „рыцаря бѣднаго“? Секретъ что ли какой-нибудь такой ужасный, что и подступиться нельзя?

Но всѣ только продолжали смѣяться.

— Просто-за-просто, есть одно странное русское стихотвореніе, вступился наконецъ князь Щ., очевидно желая поскорѣе замять и переменить разговоръ: — про „рыцаря бѣднаго“, отрывокъ безъ начала и конца. Съ мѣсяцъ назадъ

какъ-то разъ смѣялись всѣ вмѣстѣ послѣ обѣда и искали, по обыкновенію, сюжета для будущей картины Аделаиды Ивановны. Вы знаете, что общая семейная задача давно уже въ томъ, чтобы сыскать сюжетъ для картины Аделаиды Ивановны. Тутъ и попали на „рыцаря бѣднаго“, кто первый, не помню....

— Аглая Ивановна! вскричалъ Коля.

— Можетъ-быть, согласенъ, только я не помню, продолжалъ князь Щ. — Одни надъ этимъ сюжетомъ смѣялись, другіе провозглашали, что ничего не можетъ быть и выше, но чтобъ изобразить „рыцаря бѣднаго“ во всякомъ случаѣ надо было лицо; стали перебирать лица всѣхъ знакомыхъ, ни одно не пригodiлось, на этомъ дѣлѣ и стало; вотъ и все; не понимаю, почему Николаю Ардалионовичу вздумалось все это припомнить и вывести? Что смѣшно было прежде и кстати, то совсѣмъ неинтересно теперь.

— Потому что новая глупость какая-нибудь подразумѣвается, язвительная и обидная, отрѣзала Лизавета Прокофьевна.

— Никакой нѣтъ глупости, кромѣ глубочайшаго уваженія, совершенно неожиданно важнымъ и серьезнымъ голосомъ вдругъ произнесла Аглая, успѣвшая совершенно поправиться и подавить свое прежнее смущеніе. Мало того, по нѣкоторымъ признакамъ можно было подумать, глядя на нее, что она сама теперь радуется, что шутка заходитъ все дальше и дальше, и весь этотъ переворотъ произошелъ въ ней именно въ то мгновеніе, когда слишкомъ явно замѣтно стало возраставшее все болѣе и болѣе и достигшее чрезвычайной степени смущеніе князя.

— То хохочутъ какъ угорѣлые, а тутъ вдругъ глубочайшее уваженіе явилось! Бѣшеные! Почему уваженіе? Говори сейчасъ, почему у тебя, ни съ того, ни съ сего, такъ вдругъ глубочайшее уваженіе явилось?

— Потому глубочайшее уваженіе, продолжала также серьезно и важно Аглая въ отвѣтъ почти на злобный вопросъ матери, — потому что въ стихахъ этихъ прямо изображенъ человекъ, способный имѣть идеаль, воторыхъ, разъ поста-

вивъ себѣ идеаль, повѣрить ему, а повѣривъ, слѣпо отдать ему всю свою жизнь. Это не всегда въ нашемъ вѣкѣ случается. Тамъ, въ стихахъ этихъ, не сказано въ чемъ собственно состоялъ идеаль „рыцаря бѣднаго“, но видно, что это былъ какой-то свѣтлый образъ, „образъ чистой красоты“, и влюбленный рыцарь, вмѣсто шарфа, даже четки себѣ повязалъ на шею. Правда, есть еще тамъ какой-то темный, недоговоренный девизъ, буквы А, Н, Б, которыя онъ на чертилъ на щитѣ своемъ....

— А, Н, Д, поправилъ Коля.

— А я говорю А, Н, Б и такъ хочу говорить, съ досадою перебила Аглая, — какъ бы то ни было, а ясное дѣло, что этому бѣдному рыцарю уже все равно стало: кто бы ни была и что бы ни сдѣлала его дама. Довольно того, что онъ ее выбралъ и повѣрилъ ей „чистой красотѣ“, а затѣмъ уже преклонился предъ нею на вѣки; въ томъ-то и заслуга, что еслибъ она потомъ хоть воровкой была, то онъ все-таки долженъ былъ ей вѣрить и за ея чистую красоту копыя ломать. Поэту хотѣлось, кажется, совокупить въ одинъ чрезвычайный образъ все огромное понятіе средневѣковой рыцарской платонической любви какаго-нибудь чистаго и высокаго рыцаря; разумѣется, все это идеаль. Въ „рыцарѣ же бѣдномъ“ это чувство дошло уже до послѣдней степени, до аскетизма; надо признаться, что способность къ такому чувству много обозначаетъ, и что такія чувства оставляютъ по себѣ черту глубокую и весьма съ одной стороны похвальную, не говоря уже о Донъ-Кихотѣ. „Рыцарь бѣдный“ тотъ же Донъ-Кихотъ, но только серьезный, а не комическій. Я сначала не понимала и смѣялась, а теперь люблю „рыцаря бѣднаго“, а главное, уважаю его подвиги.

Такъ кончила Аглая, и глядя на нее, даже трудно было повѣрить, серьезно она говоритъ или смѣется.

— Ну, дуракъ какой-нибудь, и онъ, и его подвиги! рѣшила генеральша. — Да и ты матушка завралась, цѣлая лекція; даже не годится, по-моему, съ твоей стороны. Во всякомъ случаѣ непозволительно. Какіе стихи? Прочти, вѣрно знаешь! Я непременно хочу знать эти стихи. Всю жизнь

терпѣть не могла стиховъ, точно предчувствовала. Ради Бога, князь, потерпи, намъ съ тобой, видно, вмѣстѣ терпѣть приходится, обратилась она къ князю Льву Николаевичу. Она была очень раздосадована.

Князь Левъ Николаевичъ хотѣлъ было что-то сказать, но ничего не могъ выговорить отъ продолжавшагося смущенія. Одна только Аглая, такъ много позволившая себѣ въ своей „лекціи“, не сконфузилась ни мало, даже какъ будто рада была. Она тотчасъ же встала, все попрежнему серьезно и важно, съ такимъ видомъ, какъ будто заранѣе къ тому готовилась и только ждала приглашенія, вышла на средину террасы и стала напротивъ князя, продолжавшаго сидѣть въ своихъ креслахъ. Всѣ съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотрѣли на нее, и почти всѣ, князь Щ., сестры, мать, съ неприятымъ чувствомъ смотрѣли на эту новую приготавливающуюся шалость, во всякомъ случаѣ нѣсколько далеко зашедшую. Но видно было, что Аглая нравилась именно вся эта аффектація, съ которою она начинала церемонію чтенія стиховъ. Лизавета Прокофьевна чуть было не прогнала ее на мѣсто, но въ ту самую минуту, какъ только было Аглая начала декламировать извѣстную балладу, два новые гостя, громко говоря, вступили съ улицы на террасу. Это были генераль Иванъ Федоровичъ Епанчинъ и вслѣдъ за нимъ одинъ молодой человѣкъ. Произошло маленькое волненіе.

VII.

Молодой человѣкъ, сопровождавшій генерала, былъ лѣтъ двадцати восьми, высокій, стройный, съ прекраснымъ и умнымъ лицомъ, съ блестящимъ, полнымъ остроумія и насмѣшки взглядомъ большихъ черныхъ глазъ. Аглая даже и не оглянулась на него и продолжала чтеніе стиховъ, съ аффектаціей продолжая смотрѣть на одного только князя и обращаясь только къ нему одному. Князю стало явно, что все это она дѣлаетъ съ какимъ-то особеннымъ расчетомъ. Но по крайней мѣрѣ новые гости нѣсколько поправили его неловкое положеніе. Завидѣвъ ихъ, онъ привсталъ,

любезно кивнулъ издали головой генералу, подалъ знакъ, чтобы не прерывали чтенія, а самъ успѣлъ отретироваться за кресла, гдѣ, облокотясь лѣвою рукой на спинку, продолжалъ слушать балладу уже, такъ-сказать, въ болѣе удобномъ и не въ такомъ „смѣшномъ“ положеніи, какъ сидя въ креслахъ. Съ своей стороны, Лизавета Прокофьевна повелительнымъ жестомъ махнула два раза входившимъ, чтобъ они остановились. Князь между прочимъ слишкомъ интересовался новымъ своимъ гостемъ, сопровождавшимъ генерала; онъ ясно угадалъ въ немъ Евгенія Павловича Радомскаго, о которомъ уже много слышалъ и не разъ думалъ. Его сбивало одно только штатское платье его; онъ слышалъ, что Евгеній Павловичъ военный. Насмѣшливая улыбка бродила на губахъ новаго гостя во все время чтенія стиховъ, какъ будто и онъ уже слышалъ кое-что про „рыцаря бѣднаго“.

„Можетъ-быть, самъ и выдумалъ“, подумалъ князь про себя.

Но совсѣмъ другое было съ Аглаей. Всю первоначальную аффектацію и напыщенность, съ которою она выступила читать, она прикрыла такою серіозностью и такимъ проникновеніемъ въ духъ и смыслъ поэтического произведенія, съ такимъ смысломъ произносила каждое слово стиховъ, съ такою вышею простотою проговаривала ихъ, что въ концѣ чтенія не только увлекла всеобщее вниманіе, но передачей высокаго духа баллады какъ бы и оправдала отчасти ту усиленную аффектированную важность, съ которою она такъ торжественно вышла на средину террасы. Въ этой важности можно было видѣть теперь только безграничность и, пожалуй, даже наивность ея уваженія къ тому, что она взяла на себя передать. Глаза ея блистали, и легкая, едва замѣтная судорога вдохновенія и восторга раза два прошла по ея прекрасному лицу. Она прочла:

Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
Молчаливый и простой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.

Онъ имѣлъ одно видѣнье;
 Непостижное ему
 И глубоко впечатлѣнье
 Въ сердце врѣзалось ему.

Съ той поры, сгорѣвъ душою,
 Онъ на женщинъ не смотрѣлъ,
 Онъ до гроба ни съ одною
 Молвить слова не хотѣлъ.

Онъ себѣ на шею четки
 вмѣсто шарфа навязалъ,
 И съ лица стальной рѣшетки
 Ни предъ кѣмъ не подымалъ.

Полонъ чистою любовью,
 Вѣренъ сладостной мечтѣ,
 А. М. Д. своею кровью
 Начерталъ онъ на щитѣ.

И въ пустыняхъ Палестины,
 Между тѣмъ какъ по скаламъ
 Мчались въ битву паладины
 Именуя громко дамъ,

Lumen coeli, sancta Rosa!
 Восклицалъ онъ, дивъ и рванъ,
 И какъ громъ его угроза
 Поражала мусульманъ.

Возвратясь въ свой замокъ дальній,
 Жилъ онъ, строго заключенъ,
 Все безмолвный, все печальный,
 Какъ безумецъ умеръ онъ.

Припоминая потомъ всю эту минуту, князь долго въ чрезвычайномъ смущеніи мучался однимъ неразрѣшимымъ для него вопросомъ: какъ можно было соединить такое истинное, прекрасное чувство съ такою явною и злобною насмѣшкой? Что была насмѣшка, въ томъ онъ не сомнѣвался; онъ ясно это понялъ и имѣлъ на то причины: во время чтенія Аглая позволила себѣ перемѣнить буквы А. Н. Д. въ буквы Н. Ф. Б. Что тутъ была не ошибка и не ослышка съ его стороны, — въ томъ онъ сомнѣваться не могъ (въ по-

слѣдствіи это было доказано). Во всякомъ случаѣ выходка Аглаи, — конечно, шутка, хоть слишкомъ рѣзкая и легкомысленная, — была преднамѣренная. О „рыцарѣ бѣдномъ“ всѣ говорили (и „смѣялись“) еще мѣсяць назадъ. А между тѣмъ, какъ ни припоминалъ потомъ князь, выходило, что Аглая произнесла эти буквы не только безъ всякаго вида шутки, или какой-нибудь усмѣшки, или даже какого-нибудь напирания на эти буквы, чтобы рельефнѣе выдать ихъ за-таенный смыслъ, но, напротивъ, съ такою неизмѣнною серьезностью, съ такою невинною и наивною простотою, что можно было подумать, что эти самыя буквы и были въ балладѣ и что такъ было въ книгѣ напечатано. Что-то тяжелое и непріятное какъ бы уязвило князя. Лизавета Прокофьевна, конечно, не поняла и не замѣтила ни подмѣны буквъ, ни намека. Генераль Иванъ Федоровичъ понялъ только, что декламировали стихи. Изъ остальныхъ слушателей очень многіе поняли и удивились и смѣлости выходки, и намѣренію, но смолчали и старались не показывать виду. Но Евгенийъ Павловичъ (князь даже объ закладъ готовъ былъ побиться) не только понялъ, но даже старался и видъ показать что понялъ: онъ слишкомъ насмѣшливо улыбнулся.

— Экая прелесть какая! воскликнула генеральша въ истинномъ упоеніи, только-что кончилось чтеніе: — чьи стихи?

— Пушкина, ташап, не стыдите насъ, это совѣстно! воскликнула Аделаида.

— Да съ вами и не такой еще душой сдѣлаешься! горько отозвалась Лизавета Прокофьевна: — Срамъ! Сейчасъ какъ придемъ, подайте мнѣ эти стихи Пушкина!

— Да у насъ, кажется, совсѣмъ нѣтъ Пушкина.

— Съ незапамятныхъ временъ, прибавила Александра, — два какіе-то растрепанные тома валяются.

— Тотчасъ же послать купить въ городъ, Федора или Алексѣя, съ первымъ поѣздомъ, — лучше Алексѣя. Аглая, поди сюда! Поцѣлуй меня, ты прекрасно прочла, но — если ты искренно прочла, прибавила она почти шепотомъ, — то я о тебѣ жалѣю; если ты въ насмѣшку ему прочла, то я твои чувства не одобряю, такъ что во всякомъ случаѣ луч-

ше бы было и совсѣмъ не читать. Понимаешь? Ступай, сударыня, я еще съ тобой поговорю, а мы тутъ засидѣлись.

Между тѣмъ князь здоровался съ генераломъ Иваномъ Ѳедоровичемъ, а генераль представлялъ ему Евгенія Павловича Радомскаго.

— На дорогѣ захватилъ, онъ только-что съ поѣздомъ; узналъ, что я сюда и всѣ наши тутъ....

— Узналъ, что и вы тутъ, перебилъ Евгеній Павловичъ, — и такъ какъ давно ужъ и непремѣнно предположилъ себѣ искать не только вашего знакомства, но и вашей дружбы то и не хотѣлъ терять времени. Вы нездоровы? Я сейчасъ только узналъ....

— Совсѣмъ здоровъ и очень радъ васъ узнать, много слышалъ и даже говорилъ о васъ съ княземъ Щ., отвѣтилъ Левъ Николаевичъ, подавая руку.

Взаимныя вѣжливости были произнесены, оба пожали другъ другу руку и пристально заглянули другъ другу въ глаза. Въ одинъ мигъ разговоръ сдѣлался общимъ. Князь замѣтилъ (а онъ замѣчалъ теперь все быстро и жадно и даже, можетъ, и то, чего совсѣмъ не было), что штатское платье Евгенія Павловича производило всеобщее и какое-то необыкновенно сильное удивленіе, до того что даже всѣ остальные впечатлѣнія на время забылись и изгладились. Можно было подумать, что въ этой перемѣнѣ костюма заключалось что-то особенно важное. Аделаида и Александра съ недоумѣніемъ спрашивали Евгенія Павловича. Князь Щ., его родственникъ, даже съ большимъ беспокойствомъ; генераль говорилъ почти съ волненіемъ. Одна Аглая любопытно, но совершенно спокойно поглядѣла съ минуту на Евгенія Павловича, какъ бы желая только сравнить, военное или штатское платье ему болѣе къ лицу, но чрезъ минуту отворотилась и уже не глядѣла на него болѣе. Лизавета Прокофьевна тоже ни о чемъ не захотѣла спрашивать, хотя, можетъ-быть, и она нѣсколько беспокоилась. Князю показалось, что Евгеній Павловичъ какъ будто у ней не въ милости.

— Удивилъ, изумилъ! твердилъ Иванъ Ѳедоровичъ въ

отвѣтъ на всѣ вопросы.—Я вѣрить не хотѣлъ, когда еще давеча его въ Петербургѣ встрѣтилъ. И зачѣмъ такъ вдругъ, вотъ задача? Самъ первымъ дѣломъ кричить, что не надо стулья ломать.

Изъ поднявшихся разговоровъ оказалось, что Евгеній Павловичъ возвѣщалъ объ этой отставкѣ уже давнымъ-давно; но каждый разъ говорилъ такъ не серьезно, что и повѣрить ему было нельзя. Да онъ и о серьезныхъ-то вещахъ говорилъ всегда съ такимъ шутливымъ видомъ, что никакъ его разобрать нельзя, особенно если самъ захочетъ чтобы не разобрали.

— Я вѣдь на время, на нѣсколько мѣсяцевъ, самое большее годъ въ отставку пробуду, смѣялся Радомскій.

— Да надобности нѣтъ никакой, сколько я по крайней мѣрѣ знаю ваши дѣла,—все еще горячился генералъ.

— А помѣстья объѣхать? Сами совѣтовали; а я и за границу къ тому же хочу....

Разговоръ, впрочемъ, скоро перемѣнился; но слишкомъ особенное и все еще продолжавшееся безпокойство все-таки выходило, по мнѣнію наблюдавшаго князя, изъ мѣрки, и что-то тутъ навѣрно было особенное.

— Значитъ, „бѣдный рыцарь“ опять на сценѣ? спросилъ было Евгеній Павловичъ, подходя къ Аглаѣ.

Къ изумленію князя, та оглядѣла его въ недоумѣніи и вопросительно, точно хотѣла дать ему знать, что и рѣчи между ними о „рыцарѣ бѣдномъ“ быть не могло, и что она даже не понимаетъ вопроса.

— Да поздно, поздно теперь въ городъ посылать за Пушкинымъ, поздно! спорилъ Коля съ Лизаветой Прокофьевной, выбиваясь изо всѣхъ силъ:—три тысячи разъ говорю вамъ поздно.

— Да, дѣйствительно, посылать теперь въ городъ поздно, подвернулся и тутъ Евгеній Павловичъ, поскорѣе оставляя Аглаю; — я думаю, что и лавки въ Петербургѣ заперты, девятый часъ, подтвердилъ онъ, вынимая часы.

— Столько ждали не хватились, можно до завтра перетерпѣть, ввернула Аделаида.

— Да и неприлично, прибавилъ Коля, — великосвѣтскимъ людямъ очень-то литературой интересоваться. Спросите у Евгенія Павлыча. Гораздо приличнѣе желтымъ шарабаномъ съ красными колесами.

— Опять вы изъ книжки, Коля, замѣтила Аделаида.

— Да онъ иначе и не говоритъ какъ изъ книжекъ, подхватилъ Евгеній Павловичъ, — цѣлыми фразами изъ критическихъ обзорѣній выражается. Я давно имѣю удовольствіе знать разговоръ Николая Ардаліоновича, но на этотъ разъ онъ говоритъ не изъ книжки. Николай Ардаліоновичъ явно намекаетъ на мой желтый шарабанъ съ красными колесами. Только я ужъ его промѣнялъ, вы опоздали.

Князь прислушивался къ тому что говорилъ Радомскій.... Ему показалось, что онъ держитъ себя прекрасно, скромно, весело, и особенно понравилось, что онъ съ такимъ совершеннымъ равенствомъ и по-дружески говоритъ съ задиравшимъ его Колей.

— Что это? обратилась Лизавета Прокофьевна къ Вѣрѣ, дочери Лебедева, которая стояла предъ ней съ нѣсколькими книгами въ рукахъ, большаго формата, превосходно переплетенными и почти новыми.

— Пушкинъ, сказала Вѣра. — Нашъ Пушкинъ. Папаша велѣлъ мнѣ вамъ поднести.

— Какъ такъ? Какъ это можно? удивилась Лизавета Прокофьевна.

— Не въ подарокъ, не въ подарокъ! Не посмѣлъ бы! выскочилъ изъ-за плеча дочери Лебедевъ: — за свою цѣну-съ. Это собственный, семейный, фамильный нашъ Пушкинъ, изданіе Анненкова, которое теперь и найти нельзя, — за свою цѣну-съ. Подношу съ благоговѣніемъ, желая продать и тѣмъ утолить благородное нетерпѣніе благороднѣйшихъ литературныхъ чувствъ вашего превосходительства.

— А, продаешь, такъ и спасибо. Своего не потеряешь, небось; только не кривляйся, пожалуста, батюшка. Слышала я о тебѣ, ты, говорятъ, преначитанный, когда-нибудь потолкуемъ; самъ что ли снесешь ко мнѣ?

— Съ благоговѣніемъ и.... почтительностью! кривлялся

необыкновенно довольный Лебедевъ, выхватывая книги у дочери.

— Ну мнѣ только не растеряй, снеси, хоть и безъ почтительности, но только съ уговоромъ, прибавила она, пристально его оглядывая, — до порога только и допущу, а принять сегодня тебя не намѣрена. Дочь Вѣру присылай хоть сейчасъ, мнѣ она очень нравится.

— Что же вы про тѣхъ-то не скажете? нетерпѣливо обратилась Вѣра къ отцу: — вѣдь они, коли такъ, сами войдутъ: шумѣть начали. Левъ Николаевичъ, — обратилась она къ князю, который взялъ уже свою шляпу, — тамъ къ вамъ давно уже какіе-то пришли, четыре человѣка, ждутъ у насъ и бранятся, да папаша къ вамъ не допускаетъ.

— Какіе гости? спросилъ князь.

— По дѣлу, говорятъ, только вѣдь они такіе, что не пустить ихъ теперь, такъ они и дорогой оставятъ. Лучше, Левъ Николаевичъ, пустить, а потомъ ужъ и съ плечъ ихъ долой. Ихъ тамъ Гаврила Ардаліоновичъ и Птицынъ уговариваютъ, не слушаются.

— Сынъ Павлицева! Сынъ Павлицева! Не стѣить, не стѣить! махалъ руками Лебедевъ: — Ихъ и слушать не стѣить-съ; и беспокоить вамъ себя, сіятельнѣйшій князь, для нихъ неприлично. Вотъ-съ. Не стѣять они того....

— Сынъ Павлицева! Боже мой! вскричалъ князь въ чрезвычайномъ смущеніи: -- я знаю... но вѣдь я... я поручилъ это дѣло Гаврилѣ Ардаліоновичу. Сейчасъ Гаврила Ардаліоновичъ мнѣ говорилъ...

Но Гаврила Ардаліоновичъ вышелъ уже изъ комнатъ на террасу; за нимъ слѣдовалъ Птицынъ. Въ ближайшей комнатѣ слышался шумъ и громкій голосъ генерала Иволгина, какъ бы желавшаго перекричать нѣсколько голосовъ. Коля тотчасъ же побѣжалъ на шумъ.

— Это очень интересно! замѣтилъ вслухъ Евгеній Павловичъ.

„Стало-быть, знаетъ дѣло“! подумалъ князь.

— Какой сынъ Павлицева? И... какой можетъ быть сынъ Павлицева? съ недоумѣніемъ спрашивалъ генералъ Иванъ

Федоровичъ, съ любопытствомъ оглядывая всѣ лица и съ удивленіемъ замѣчая, что эта новая исторія только ему одному неизвѣстна.

Въ самомъ дѣлѣ возбужденіе и ожиданіе было всеобщее. Князь глубоко удивился, что такое совершенно личное дѣло его уже успѣло такъ сильно всѣхъ здѣсь заинтересовать.

— Это будетъ очень хорошо, если вы сейчасъ же и сами это дѣло окончите, сказала Аглая, съ какою-то особенною серіозностію подходя къ князю, — а намъ всѣмъ позвольте быть вашими свидѣтелями. Васъ хотятъ замарать, князь, вамъ надо торжественно оправдать себя, и я заранѣе ужасно рада за васъ.

— Я тоже хочу, чтобы кончилась наконецъ эта гнусная претензія, вскричала генеральша, — хорошенько ихъ, князь, не щади! Мнѣ уши этимъ дѣломъ прожужжали, и я много крови изъ-за тебя испортила. Да и поглядѣть любопытно. Позови ихъ, а мы сядемъ. Аглая хорошо придумала. Вы объ этомъ что-нибудь слышали, князь? обратилась она къ князю Щ.

— Конечно, слышала, у васъ же. Но мнѣ особенно на этихъ молодыхъ людей поглядѣть хочется, отвѣтилъ князь Щ.

— Это самые и есть нигилисты, что ли?

— Нѣтъ-съ, они не то чтобы нигилисты, шагнулъ впередъ Лебедевъ, который тоже чуть не трясся отъ волненія, — это другіе-съ, особенные, мой племянникъ говорилъ, что они дальше нигилистовъ ушли-съ. Вы напрасно думаете ихъ вашимъ свидѣтельствомъ сконфузить, ваше превосходительство; они не сконфузятся-съ. Нигилисты все-таки иногда народъ свѣдущій, даже ученый, а эти — дальше пошли-съ, потому что прежде всего дѣловые-съ. Это собственно нѣкоторое послѣдствіе нигилизма, но не прямымъ путемъ, а по наслышкѣ и косвенно, и не въ статейкѣ какой-нибудь журнальной заявляютъ себя, а ужъ прямо на дѣлѣ-съ; не о безсмысленности напимѣръ какого-нибудь тамъ Пушкина дѣло идетъ, и не насчетъ напимѣръ необходимости распадѣнія на части Россіи; нѣтъ-съ, а теперь уже считается прямо за право, что если очень чего-нибудь

захочется, то ужъ ни предъ какими преградами не останавливаться, хотя бы пришлось укокошить при этомъ восемь персовъ-съ. Но, князь, я все-таки вамъ не совѣтовалъ бы....

Но князь уже шель отворять дверь гостямъ.

— Вы клевете, Лебедевъ, проговорилъ онъ, улыбаясь, — васъ очень огорчилъ вашъ племянникъ. Не вѣрьте ему, Лизавета Прокофьевна. Увѣряю васъ, что Горскіе и Даниловы только случаи, а эти только... ошибаются... Только мнѣ бы не хотѣлось здѣсь, при всѣхъ. Извините, Лизавета Прокофьевна, они войдутъ, я ихъ вамъ покажу, а потомъ уведу. Пожалуйста, господа!

Его скорѣе беспокоила другая мучительная для него мысль. Ему мерещилось: ужъ не подведено ли къмъ это дѣло теперь, именно къ этому часу и времени, заранѣе, именно въ этииъ свидѣтелямъ и, можетъ-быть, для ожидаемаго срама его, а не торжества? Но ему слишкомъ грустно было за свою „чудовищную и злобную мнительность“. Онъ умеръ бы кажется, еслибы кто-нибудь узналъ, что у него такая мысль на умѣ, и въ ту минуту какъ вошли его новые гости, онъ искренно готовъ былъ считать себя, изъ всѣхъ, которые были крутомъ его, послѣднимъ изъ послѣднихъ въ нравственномъ отношеніи.

Вошло пять человѣкъ, четыре человека новыхъ гостей и пятый вслѣдъ за ними генераль Иволгинъ, разгоряченный, въ волненіи и въ сильнѣйшемъ припадкѣ краснорѣчія. „Этотъ-то за меня непременно!“ съ улыбкой подумалъ князь. Коля проскользнулъ вмѣстѣ со всѣми: онъ горячо говорилъ съ Ипполитомъ, бывшимъ въ числѣ посѣтителей; Ипполитъ слушалъ и усмѣхался.

Князь разсадилъ гостей. Всѣ они были такой молоденькій, такой даже несовершеннолѣтній народъ, что можно было подивиться и случаю, и всей происшедшей отъ него церемоніи. Иванъ Ѳедоровичъ Епанчинъ, наприимѣръ, ничего не знавшій и не понимавшій въ этомъ „новомъ дѣлѣ“, даже вознегодовалъ, смотря на такую юность, и навѣрно какъ-нибудь протестовалъ бы, еслибы не остановила его странная

для него горячность его супруги къ партикулярнымъ интересамъ князя. Онъ, впрочемъ, остался отчасти изъ любопытства, отчасти по добротѣ сердца, надѣясь даже помочь и во всякомъ случаѣ пригодиться авторитетомъ; но поклонъ ему издали вошедшаго генерала Иволгина привелъ его снова въ негодованіе; онъ нахмурился и рѣшился упорно молчать.

Въ числѣ четырехъ молоденькихъ посѣтителей одинъ, впрочемъ, былъ лѣтъ тридцати, отставной „поручикъ изъ рогожинской компаніи, боксеръ и самъ дававшій по пятнадцати цѣлковыхъ просителямъ“. Угадывалось, что онъ сопровождаетъ остальныхъ для куража, въ качествѣ искренняго друга и, буде окажется надобность, для поддержки. Между остальными же первое мѣсто и первую роль занималъ тотъ, за которымъ числилось названіе „сына Павлищева“, хотъ онъ и рекомендовался Антипомъ Бурдовскимъ. Это былъ молодой человѣкъ, блѣдно и неряшливо одѣтый, въ сюртукѣ, съ засаленными до зервальнаго лоску рукавами, съ жирною, застегнутою до верху жилеткой, съ исчезнувшимъ куда-то бѣльемъ, съ чернымъ шелковымъ замасленнымъ до нельзя и скатаннымъ въ жгутъ шарфомъ, съ немытыми руками, съ чрезвычайно угреватымъ лицомъ, бѣлокурый и, если можно такъ выразиться, съ невинно-нахальнымъ взглядомъ. Онъ былъ не низкаго роста, худощавый, лѣтъ двадцати двухъ. Ни малѣйшей ироніи, ни малѣйшей рефлексіи не выражалось въ лицѣ его; напротивъ, полное, тупое упоеніе собственнымъ правомъ и въ то же время нѣчто доходившее до странной и непрерывной потребности быть и чувствовать себя постоянно обиженнымъ. Говорилъ онъ съ волненіемъ, торопясь и запинаясь, какъ будто не совсѣмъ выговаривая слова, точно былъ косноязычный или даже иностранецъ, хотя, впрочемъ, былъ происхожденія совершенно русскаго.

Сопровождалъ его, во первыхъ, извѣстный читателямъ племянникъ Лебедева, а вовторыхъ Ипполитъ. Ипполитъ былъ очень молодой человѣкъ, лѣтъ семнадцати, можетъ быть и восемнадцати, съ умнымъ, но постоянно раздраженнымъ выраженіемъ лица, на которомъ болѣзнь положила ужасные слѣды. Онъ былъ худъ какъ скелетъ, блѣдно-желтъ, глаза

его сверкали, и два красныя пятна горѣли на щекахъ. Онъ непрерывно кашлялъ; каждое слово его, почти каждое дыханіе сопровождалось хрипомъ. Видна была чахотка въ весьма сильной степени. Казалось, что ему оставалось жить не болѣе двухъ, трехъ недѣль. Онъ очень усталъ и прежде всѣхъ опустился на стулъ. Остальные при входѣ нѣсколько зацеремонились и чуть не сконфузились, смотрѣли однакоже важно и видимо боялись какъ-нибудь уронить достоинство, что странно не гармонировало съ ихъ репутаціей отрицателей всѣхъ бесполезныхъ свѣтскихъ мелочей, предразсудковъ и чуть ли не всего на свѣтѣ, кромѣ собственныхъ интересовъ.

— Антипъ Бурдовскій, торопясь и запинаясь провозгласилъ „сынъ Павлищева“.

— Владиміръ Докторенко, ясно, отчетливо и какъ бы даже хвалясь что онъ Докторенко, отрекомендовался племянникъ Лебедева.

— Келлеръ! пробормоталъ отставной поручикъ.

— Ипполитъ Терентьевъ, неожиданно, визгливымъ голосомъ провизжалъ послѣдній. Всѣ наконецъ разсѣлись въ рядъ на стульяхъ напротивъ князя, всѣ отрекомендовавшись, тотчасъ же нахмурились и для бодрости переложили изъ одной руки въ другую свои фуражки, всѣ приготовились говорить, и всѣ однакожь молчали, чего-то выжидая съ вызывающимъ видомъ, въ которомъ такъ и читалось: „нѣтъ, братъ, врешь, не надуешь!“ Чувствовалось, что стоитъ только кому-нибудь для начала произнести одно только первое слово, и тотчасъ же всѣ они заговорятъ вмѣстѣ, перегоняя и перебивая другъ друга.

VIII.

— Господа, я никого изъ васъ не ожидалъ, началъ князь, — самъ я до сего дня былъ боленъ, а дѣло ваше (обратился онъ къ Антипу Бурдовскому) я еще мѣсяць назадъ поручилъ Гаврилѣ Ардалионовичу Иволгину, о чемъ тогда же васъ и увѣдомилъ. Впрочемъ, я не удаляюсь отъ личнаго объясненія, только согласитесь, такой часъ... я пред-

лагаю пойти со мной въ другую комнату, если не надолго... Здѣсь теперь мои друзья и повѣрьте...

— Друзья... сколько угодно, но однако-же позвольте, перебилъ вдругъ весьма наставительнымъ тономъ, хотя все еще не возвышая очень голоса, племянникъ Лебедева, — позвольте-же и намъ заявить, что вы могли-бы съ нами поступить поучтивѣе, а не заставлятъ насъ два часа прождать въ вашей лакейской...

— И конечно... и я... и это по-княжески! И это... вы, стало-быть, генераль! И я вамъ не лакей! И я, я... забормоталъ вдругъ въ необыкновенномъ волненіи Антипъ Бурдовскій, съ дрожащими губами, съ разобиженнымъ дрожаньемъ въ голосѣ, съ брызгами, летѣвшими изо рта, точно весь лопнулъ или прорвался, но такъ вдругъ заторопился, что съ десяти словъ его ужъ и понять нельзя было.

— Это было по-княжески! прокричалъ визгливымъ, надтреснутымъ голосомъ Ипполитъ.

— Еслибъ это было со мной, проворчалъ боксеръ, — то есть, еслибъ это прямо ко мнѣ относилось, какъ къ благородному человѣку, то я бы на мѣстѣ Бурдовскаго... я...

— Господа, я всего съ минуту узналъ, что вы здѣсь, ей-Богу, повторилъ опять князь.

— Мы не боимся, князь, вашихъ друзей, кто-бы они ни были, потому что мы въ своемъ правѣ, заявилъ опять племянникъ Лебедева.

— Какое однакожь, позвольте васъ спросить, имѣли вы право, провизжалъ опять Ипполитъ, но уже чрезвычайно разгорячаясь, — выставлать дѣло Бурдовскаго на судъ вашихъ друзей? Да мы, можетъ, и не желаемъ суда вашихъ друзей; слишкомъ понятно, что можетъ значить судъ вашихъ друзей!..

— Но вѣдь если вы, наконецъ, господинъ Бурдовскій, не желаете здѣсь говорить, удалось наконецъ вклеить князю, чрезвычайно пораженному такимъ началомъ, — то говорю вамъ, пойдите сейчасъ въ другую комнату, а о васъ всѣхъ, повторяю вамъ, сію минуту только услышалъ...

— Но права не имѣете, права не имѣете, права не

имѣете!.. вашихъ друзей... Вотъ!.. залепеталъ вдругъ снова Бурдовскій, дико и опасно осматриваясь кругомъ и тѣмъ болѣе горячась, чѣмъ больше не довѣрялъ и дичился, — вы не имѣете права! — и, проговоривъ это, рѣзко остановился, точно оборвалъ, и безмолвно выпучивъ близорукіе, чрезвычайно выпуклые съ красными толстыми жилками глаза, вопросительно уставился на князя, наклонившись впередъ всѣмъ своимъ корпусомъ. На этотъ разъ князь до того удивился, что и самъ замолчалъ и тоже смотрѣлъ на него выпучивъ глаза и ни слова не говоря.

— Левъ Николаевичъ! позвала вдругъ Лизавета Прокофьевна: — вотъ почти это сейчасъ, сію-же минуту, это прямо до твоего дѣла касается.

Она торопливо протянула ему одну еженедѣльную газету изъ юмористическихъ и указала пальцемъ статью. Лебедевъ, когда еще входили гости, подскочилъ сбоку къ Лизаветѣ Прокофьевнѣ, за милостями которой ухаживалъ, и ни слова не говоря, вынувъ изъ боковаго своего кармана эту газету, подставилъ ей прямо на глаза, указывая отчеркнутый столбецъ. То, что уже успѣла прочесть Лизавета Прокофьевна, поразило и взволновало ее ужасно.

— Не лучше-ли, однако, не вслухъ, пролепеталъ князь, очень смущенный, — я-бы прочелъ одинъ... послѣ...

— Такъ почти-же лучше ты, читай сейчасъ, вслухъ! Вслухъ! обратилась Лизавета Прокофьевна къ Колю, съ нетерпѣніемъ выхвативъ изъ рукъ князя газету, до которой тотъ едва еще успѣлъ дотронуться: — всѣмъ вслухъ, чтобы каждому было слышно.

Лизавета Прокофьевна была дама горячая и увлекающаяся, такъ что вдругъ и разомъ, долго не думая, подымала иногда всѣ якоря и пускалась въ открытое море, не справляясь съ погодой. Иванъ Федоровичъ съ безнокойствомъ пошевелился. Но покамѣстъ всѣ въ первую минуту поневолѣ остановились и ждали въ недоумѣніи, Коля развернулъ газету и началъ вслухъ, съ показаннаго ему подскочившимъ Лебедевымъ мѣста:

„Пролетаріи и отпрыски, эпизодъ изъ дневныхъ и все-

дневныхъ грабежей! Прогрессъ! Реформа! Справедливость!“

„Странныя дѣла случаются на нашей, такъ-называемой святой Руси, въ нашъ вѣкъ реформъ и компанейскихъ инициативъ, вѣкъ національности и сотенъ милліоновъ, вывозимыхъ каждый годъ за границу, вѣкъ поощренія промышленности и паралича рабочихъ рукъ! и т. д. и т. д. всего не перечесть, господа, а потому прямо въ дѣлу. Случился странный анекдотъ съ однимъ изъ отпрысковъ миновавшаго помѣщичьяго нашего барства (*de profundis!*) изъ тѣхъ, впрочемъ, отпрысковъ, которыхъ еще дѣды проигрались окончательно на рулеткахъ, отцы принуждены были служить въ юнкерахъ и поручикахъ и по обыкновенію умирали подъ судомъ за какой-нибудь невинный прочетъ въ казенной суммѣ, а дѣти которыхъ, подобно герою нашего разсказа, или растутъ идіотами, или попадаютъ даже въ уголовныхъ дѣлахъ, за что, впрочемъ, въ видахъ назиданія и исправленія, оправдываются присяжными; или наконецъ кончаютъ тѣмъ, что отпускаютъ одинъ изъ тѣхъ анекдотовъ, которые дивятъ публику и позорятъ и безъ того уже довольно зазорное время наше. Нашъ отпрыскъ, назадъ тому съ полгода, обутый въ штиблеты по-иностранному и дрожа въ ничѣмъ не подбитой шинелишкѣ, воротился зимой въ Россію изъ Швейцаріи, гдѣ лѣчился отъ идіотизма (*sic!*). Надо признаться, что ему везло-таки счастье, такъ что онъ, ужъ и не говоря объ интересной болѣзни своей, отъ которой лѣчился въ Швейцаріи (ну можно ли лѣчиться отъ идіотизма, представьте себѣ это?!), могъ бы доказать собою вѣрность русской пословицы: „извѣстному разряду людей — счастье!“ Разсудите сами: оставшись еще груднымъ ребенкомъ по смерти отца, говорятъ, поручика, умершаго подъ судомъ за внезапное исчезновеніе въ картишкахъ всей ротной суммы, а можетъ-быть и за пересыпанную съ излишкомъ дачу розогъ подчиненному (старое-то время помните, господа!), нашъ баронъ взятъ былъ изъ милости на воспитаніе однимъ изъ очень богатыхъ русскихъ помѣщиковъ. Этотъ русскій помѣщикъ, — назовемъ его хоть П., владѣ-

тель въ прежнее золотое время четырехъ тысячъ крѣпостныхъ душъ (крѣпостныя души! понимаете ли вы, господа, такое выраженіе? Я не понимаю. Надо справляться съ толковымъ словаремъ: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“), былъ, повидимому, одинъ изъ тѣхъ русскихъ лежебокъ и тунеядцевъ, что проводили свою праздную жизнь за границей, лѣтомъ на водахъ, а зимой въ парижскомъ Шато-де-Флёрѣ, гдѣ и оставили въ свой вѣкъ необъятныя суммы. Можно было положительно сказать, что по крайней мѣрѣ одна треть obroka всего прежняго крѣпостнаго состоянія получалась содержателемъ парижскаго Шато-де-Флёра (то-то счастливый-то человѣкъ!). Какъ бы то ни было, а безпечный П. воспиталъ сиротку барченка по-княжески, нанималъ ему гувернеровъ и гувернантокъ (безъ сомнѣнія, хорошенькихъ), которыхъ кстати самъ привозилъ изъ Парижа. Но послѣдній въ родѣ барскій отпрыскъ былъ идіотъ. Шато-де-флёрскія гувернантки не помогли и до двадцати лѣтъ намъ воспитанникъ не научился даже говорить ни на какомъ языкѣ, не исключая и русскаго. Послѣднее, впрочемъ, простиительно. Наконецъ въ русскую крѣпостническую голову П. зашла фантазія, что идіота можно научить уму въ Швейцаріи, — фантазія, впрочемъ, логическая: тунеядецъ и пропріетеръ естественно могъ вообразить, что за деньги даже и умъ на рынокѣ можно купить, тѣмъ болѣе въ Швейцаріи. Прошло пять лѣтъ лѣченія въ Швейцаріи у извѣстнаго какого-то профессора, и денегъ истрачены были тысячи: идіотъ, разумѣется, умнымъ не сдѣлался, но на человѣка, говорятъ, все-таки сталъ походить, безъ сомнѣнія, съ грѣхомъ пополамъ. Вдругъ П. умираетъ скоропостижно. Завѣщанія, разумѣется, никакого, дѣла по обыкновенію въ безпорядкѣ, наследниковъ жадныхъ куча, и которымъ уже нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до послѣднихъ въ родѣ отпрысковъ, лѣчимыхъ изъ милости отъ родоваго идіотизма въ Швейцаріи. Отпрыскъ, хоть и идіотъ, а все-таки попробовалъ было надуть своего профессора и два года, говорятъ, успѣлъ пролѣчиться у него даромъ, скрывая отъ него смерть своего благодѣтеля. Но профессоръ былъ самъ шарлатанъ порядочный; испугавшись

наконецъ безденежья, а пуще всего аппетита своего двадцатипятилѣтняго тунсада, онъ обуль его въ свои старые штиблетишки, подарилъ ему свою истрепанную шинель и отправилъ его изъ милости, въ третьемъ классѣ, nach Russland, — съ плечъ долой изъ Швейцаріи. Казалось бы, счастье повернулось къ нашему герою задомъ. Не тутъ-то было-съ: фортуна, убивающая голодною смертію цѣлыя губерніи, проливаетъ всѣ свои дары разомъ на аристократика, какъ Крыловская *Туча*, пронесшаяся надъ изсохшимъ полемъ и разлившаяся надъ океаномъ. Почти въ самое то мгновеніе, какъ явился онъ изъ Швейцаріи въ Петербургъ, умираетъ въ Москвѣ одинъ изъ родственниковъ его матери (бывшей, разумѣется, изъ вупчихъ), старый бездѣтный бобыль, купецъ, бородачъ и раскольникъ, и оставляетъ нѣсколько милліоновъ наслѣдства, безспорнаго, круглаго, чистаго, наличнаго и (вотъ бы намъ съ вами, читатель!) все это нашему отпрыску, все это нашему барону, лѣчившемуся отъ идиотизма въ Швейцаріи! Ну, тутъ уже музыка заиграла не та. Около нашего барона въ штиблетахъ, пріударившаго было за одною извѣстною красавицей-содержанкой, собралась вдругъ цѣлая толпа друзей и пріятелей, нашлись даже родственники, а пуще всего цѣлыя толпы благородныхъ дѣвъ, алчущихъ и жаждущихъ законнаго брака, и чего же лучше: аристократъ, милліонеръ, идиотъ — всѣ качества разомъ, такого мужа и съ фонаремъ не отыщешь, и на заказъ не сдѣлаешь!...

— Это... это ужъ я не понимаю! вскричалъ Иванъ Федоровичъ въ высочайшей степени негодованія.

— Перестаньте, Коля! вскричалъ князь умоляющимъ голосомъ. Раздались восклицанія со всѣхъ сторонъ.

— Читать! Читать во что бы то ни стало! отрѣзала Лизавета Прокофьевна, видимо съ чрезвычайнымъ усиліемъ себя сдерживая. — Князь! если оставятъ читать — мы поссоримся.

Нечего было дѣлать, Коля, разгоряченный, красный, въ волненіи, взволнованнымъ голосомъ сталъ продолжать чтеніе:

„Но между тѣмъ какъ скороспѣлый милліонеръ нашъ находился, такъ-сказать, въ эмпиреяхъ, произошло совершенно постороннее обстоятельство. Въ одно прекрасное утро

является къ нему одинъ посѣтитель, съ спокойнымъ и строгимъ лицомъ, съ вѣжливою, но достойною и справедливою рѣчью, одѣтый скромно и благородно, съ видимымъ прогрессивнымъ оттѣнкомъ въ мысли, и въ двухъ словахъ объясняетъ причину своего визита: онъ — извѣстный адвокатъ: ему поручено одно дѣло однимъ молодымъ человѣкомъ; онъ является отъ его имени. Этотъ молодой человѣкъ есть ни болѣе ни менѣе какъ сынъ покойнаго П, хотя носить другое имя. Сладострастный П, обольстивъ въ своей молодости одну честную, бѣдную дѣвушку, изъ дворовыхъ, но европейски воспитанную (причемъ, разумѣется, примѣшались баронскія права миновавшаго крѣпостнаго состоянія), и замѣтивъ неминуемое, но ближайшее послѣдствіе своей связи, выдалъ ее поскорѣе замужъ за одного промышленяющаго и даже служащаго человѣка съ благороднымъ характеромъ, уже давно любившаго эту дѣвушку. Сначала онъ помогалъ новобрачнымъ; но скоро ему въ принятіи отъ него помощи было отказано благороднымъ характеромъ ея мужа. Прошло нѣсколько времени и П, мало-по-малу успѣлъ забыть и о дѣвушкѣ, и о прижитомъ съ нею сынѣ своемъ, а потомъ, какъ извѣстно, и умеръ безъ распоряженій. Между тѣмъ его сынъ, родившійся уже въ законномъ бракѣ, но возросшій подъ другою фамиліей и совершенно усыновленный благороднымъ характеромъ мужа его матери, тѣмъ не менѣе въ свое время умершимъ, остался совершенно при однихъ своихъ средствахъ и съ болѣзненною, страдающею, безъ ногъ, матерью въ одной изъ отдаленныхъ губерній; самъ же въ столицѣ добывалъ деньги ежедневнымъ благороднымъ трудомъ отъ купеческихъ уроковъ и тѣмъ содержалъ себя сначала въ гимназій, а потомъ слушателемъ полезныхъ ему лекцій, имѣя въ виду дальнѣйшую цѣль. Но много ли получишь отъ русскаго купца за уроки по гривеннику, да еще съ болѣзненною безъ ногъ матерью, которая наконецъ и своею смертію въ отдаленной губерніи совѣмъ почти не облегчила его? Теперь вопросъ: какъ по справедливости долженъ былъ разсудить нашъ отпрыскъ? Вы, конечно, думаете, читатель, что онъ сказалъ себѣ такъ: „Я всю жизнь мою

„пользовался всѣми дарами П.; на воспитаніе мое, на гувер-
 „нантокъ и на излѣченіе отъ идіотизма пошли десятки ты-
 „сячъ въ Швейцарію; и вотъ я теперь съ милліонами, а
 „благородный характеръ сына П., ни въ чемъ не виновна-
 „таго въ проступкахъ своего легкомысленнаго и позабыв-
 „шаго его отца, погибаетъ на урокахъ. Все то, что пошло
 „на меня, по справедливости, должно было пойти на него.
 „Эти громадныя суммы, на меня истраченныя, въ сущности
 „не мои. Это была только слѣпая ошибка фортуны; онѣ
 „слѣдовали сыну П. На него должны были быть употреб-
 „лены, а не на меня,—порожденіе фантастической прихоти
 „легкомысленнаго и забывчиваго П. Еслибъ я былъ вполнѣ
 „благороденъ, деликатенъ, справедливъ, то я долженъ бы
 „былъ отдать его сыну половину всего моего наслѣдства; но
 „такъ какъ я прежде всего человѣкъ разчетливый и слиш-
 „комъ хорошо понимаю, что это дѣло не юридическое, то
 „я половину моихъ милліоновъ не дамъ. Но по крайней
 „мѣрѣ ужъ слишкомъ низко и безстыдно (отпрыскъ забылъ,
 „что и не разчетливо) будетъ съ моей стороны, если я не
 „возвращу теперь тѣхъ десятковъ тысячъ, которые пошли
 „на мой идіотизмъ отъ П., его сыну. Тутъ одна только
 „совѣсть и справедливость? Ибо чтобы со мной было, если-
 „бы П. не взялъ меня на воспитаніе, а вмѣсто меня забо-
 „тился бы о своемъ сынѣ?“

„Но нѣтъ, господа! Наши отпрыски разсуждаютъ не такъ.
 Какъ ни представлялъ ему адвокатъ молодаго человѣка,
 взявшійся хлопотать за него единственно изъ дружбы и
 почти противъ его воли, почти насильно, какъ ни выстав-
 лялъ предъ нимъ обязанности чести, благородства, справед-
 ливости и даже простаго разчета, швейцарскій воспитанникъ
 остался непреклоненъ, и что жъ? Это все бы еще ничего,
 а вотъ что уже дѣйствительно непростительно и никакою
 интересною болѣзью неизвинимо: этотъ едва вышедшій изъ
 птиблетъ своего профессора милліонеръ не могъ даже и того
 смекнуть, что не милости и не вспоможенія просить отъ него
 благородный характеръ молодаго человѣка, убивающій себя
 на урокахъ, а своего права и своего долгаго, хотя бы и

не юридического, и даже не просить, а за него только друзья ходатайствуютъ. Съ величественнымъ видомъ и упоениемъ отъ полученной возможности безнаказанно давить людей своими милліонами, нашъ отпрыскъ вынимаетъ пятидесяти-рублевую бумажку и посылаетъ благородному молодому человѣку въ видѣ наглаго подаянія. Вы не вѣрите, господа? Вы возмущены, вы оскорблены, вы прорываетесь крикомъ негодованія; но онъ сдѣлалъ это однакоже! Разумѣется, деньги тотчасъ же были ему возвращены, такъ сказать, брошены обратно въ лицо. Чѣмъ же остается разрѣшить это дѣло! Дѣло не юридическое, остается одна только гласность! Мы передаемъ анекдотъ этотъ публикѣ, ручаясь за его достоверность. Говорятъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ юмористовъ нашихъ обмолвился при этомъ восхитительною эпитафией, достойною занять мѣсто не только въ губернскихъ, но и въ столичныхъ очеркахъ нашихъ нравовъ:

«Лева *) Шнейдера ** шинелью
 Пятилѣтіе игралъ
 И обычной канителью
 Время наполнялъ.
 Возвратясь въ штиблетахъ узкихъ,
 Милліонъ наслѣдства взялъ,
 Богу молится по русски
 А студентовъ обокралъ».

Когда Коля кончилъ, то передалъ поскорѣй газету князю, и ни слова не говоря, бросился въ уголь, плотно уткнулся въ него и закрылъ руками лицо. Ему было невыносимо стыдно, и его дѣтская, еще не успѣвшая привыкнуть къ грязи впечатлительность была возмущена даже сверхъ мѣры. Ему казалось, что произошло что-то необычайное, все разомъ разрушившее, и что чуть-ли ужъ и самъ онъ тому не причиной, ужъ тѣмъ однимъ, что вслухъ прочелъ это.

Но и всѣ, казалось, ощущали нѣчто въ этомъ же родѣ.

Дѣвицамъ было очень неловко и стыдно. Лизавета Прокофьевна сдерживала въ себѣ чрезвычайный гнѣвъ и тоже,

*) Уменьшительное имя отпрыска.

***) Имя швейцарскаго профессора.

можетъ-быть, горько раскаявалась, что ввязалась въ дѣло; теперь она молчала. Съ княземъ происходило то же, что часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ съ слишкомъ застѣнчивыми людьми: онъ до того застыдился чужаго поступка, до того ему стало стыдно за своихъ гостей, что въ первое мгновеніе онъ и поглядѣть на нихъ боялся. Птицынь, Варя, Ганя, даже Лебедевъ, — всѣ имѣли какъ-бы нѣсколько сконфуженный видъ. Страннѣе всего, что Ипполитъ и „сынъ Павлищева“ были тоже какъ-бы чѣмъ-то изумлены; племянникъ Лебедева былъ тоже видимо недоволенъ. Одинъ боксеръ сидѣлъ совершенно спокойный, покручивая усы, съ видомъ важнымъ и нѣсколько опустивъ глаза, но не отъ смущенія, а напротивъ, казалось, какъ-бы изъ благородной скромности и отъ слишкомъ очевиднаго торжества. По всему видно было, что статья ему чрезвычайно нравится.

— Это чортъ знаетъ что такое, проворчалъ вполголоса Иванъ Ѳедоровичъ, — точно пятьдесятъ лакеевъ вмѣстѣ собирались сочинять и сочинили.

— А па-азвольте спросить, милостивый государь, какъ можете вы оскорблять подобными предположеніями? заявилъ и весь затрепеталъ Ипполитъ.

— Это, это, это для благороднаго человѣка... согласитесь сами, генераль, если благородный человѣкъ, то это ужъ оскорбительно! проворчалъ боксеръ, тоже вдругъ съ чего-то встрепенувшись, покручивая усы и подергивая плечами и корпусомъ.

— Вопервыхъ, я вамъ не „милостивый государь“, а во-вторыхъ, я вамъ никакого объясненія давать не намѣренъ, рѣзко отвѣтилъ ужасно разгорячившійся Иванъ Ѳедоровичъ, всталъ съ мѣста, и не говоря ни слова, отошелъ къ выходу съ террасы и сталъ на верхней ступенькѣ, спиной къ публикѣ, — въ величайшемъ негодованіи на Лизавету Прокофьевну, даже и теперь не думавшую трогаться съ своего мѣста.

— Господа, господа, позвольте же наконецъ, господа, говорить, — въ тоскѣ и въ волненіи восклицалъ князь, — и сдѣлайте одолженіе, будемте говорить такъ, чтобы понимать

другъ друга. Я ничего, господа, насчетъ статьи, пускай, только вѣдь это, господа, все неправда, что въ статьѣ напечатано: я потому говорю, что вы сами это знаете; даже стыдно. Такъ что я рѣшительно удивляюсь, если это изъ васъ кто-нибудь написалъ.

— Я ничего до этой самой минуты не зналъ про эту статью, заявилъ Ипполитъ;— я не одобряю эту статью.

— Я хотя и зналъ что она написана, но... я тоже не совѣтовалъ бы печатать, потому что рано, прибавилъ племянникъ Лебедева.

— Я зналъ, но я имѣю право... я... забормоталъ „сынъ Павлищева“.

— Какъ! Вы сами все это сочинили? спросилъ князь, съ любопытствомъ смотря на Бурдовскаго:— да быть же не можетъ!

— Можно однакоже и не признавать вашего права къ подобнымъ вопросамъ, вступился племянникъ Лебедева.

— Я вѣдь только удивился, что г. Бурдовскому удалось... но... я хочу сказать, что если вы уже предали это дѣло гласности, то почему же вы давеча такъ обидились, когда я при друзьяхъ моихъ объ этомъ же дѣлѣ заговорилъ?

— Наконецъ-то! пробормотала въ негодованіи Лизавета Прокофьевна.

— И даже, князь, вы изволили позабыть, проскользнулъ вдругъ между стульями неутерпѣвшій Лебедевъ, чуть не въ лихорадкѣ,—изволили позабыть-съ, что одна только добрая воля ваша и безпримѣрная доброта вашего сердца была ихъ принять и прослушать, и что никакого они права не имѣютъ такъ требовать, тѣмъ болѣе, что вы дѣло это уже поручили Гаврилѣ Ардалионовичу, да и то тоже по чрезмѣрной добротѣ вашей такъ поступили, а что теперь, сіятельнѣйшій князь, оставаясь среди избранныхъ друзей вашихъ, вы не можете жертвовать такою компаніей для этихъ господъ-съ, и могли бы всѣхъ этихъ господъ, такъ сказать, сей же часъ проводить съ крыльца-съ, такъ что я, въ качествѣ хозяина дома, съ чрезвычайнымъ даже удовольствіемъ-съ...

— Совершенно справедливо! прогремѣлъ вдругъ изъ глубины комнаты генераль Иволгинъ.

— Довольно, Лебедевъ, довольно, довольно; — началъ было князь, но цѣлый взрывъ негодованія покрылъ его слова.

— Нѣтъ, извините, князь, извините, теперь ужь этого не довольно! почти перекричалъ всѣхъ племянникъ Лебедева:—теперь надо дѣло ясно и твердо постановить, потому что его видимо не понимаютъ. Тутъ юридическіе крючки замѣшались, и на основаніи этихъ крючковъ намъ угрожаютъ вытолкать насъ съ крыльца! Да неужели же, князь, вы почитаете насъ до такой уже степени дураками, что мы и сами не понимаемъ до какой степени наше дѣло не юридическое, и что если разбирать юридически, то мы и одного цѣлковаго съ васъ не имѣемъ права потребовать по закону? Но мы именно понимаемъ, что если тутъ нѣтъ права юридическаго, то за то есть право человѣческое, натуральное; право здраваго смысла и голосъ совѣсти, и пусть это право наше не записано ни въ какомъ гниломъ человѣческомъ кодексѣ, но благородный и честный человѣкъ, то-есть все равно что здравомыслящій человѣкъ, обязанъ оставаться благороднымъ и честнымъ человѣкомъ даже и въ тѣхъ пунктахъ, которые не записаны въ кодексахъ. Потому-то мы и вошли сюда, не боясь что насъ сбросятъ съ крыльца (какъ вы угрожали сейчасъ) за то только, что мы *не просимъ, а требуемъ*, и за неприличіе визита въ такой поздній часъ (хотя мы пришли и не въ поздній часъ, а вы же насъ въ лакейской прождать заставили), потому-то, говорю, и пришли, ничего не боясь, что предположили въ васъ именно человѣка съ здравымъ смысломъ, то-есть съ честью и совѣстью. Да, это правда, мы вошли не смиренно, не какъ прихлебатели и искатели ваши, а поднявъ голову, какъ свободные люди, и отнюдь не съ просьбой, а съ свободнымъ и гордымъ требованіемъ (слышите, не съ просьбой, а требованіемъ, зарубите себѣ это!). Мы съ достоинствомъ и прямо ставимъ предъ вами вопросъ: признаете ли вы себя въ дѣлѣ Бурдовскаго правымъ или неправымъ? Признаете ли вы себя благодѣтельствованнымъ и даже, можетъ-быть, спасеннымъ

отъ смерти Павлищевымъ? Если признаете (что очевидно), то намѣрены ли вы, или находите ли вы справедливымъ по совѣсти, въ свою очередь получивъ милліоны, вознаградить нуждающагося сына Павлищева, хотя бы онъ и носилъ имя Бурдовскаго? Да или нѣтъ? Если да, то-есть, другими словами, если въ васъ есть то, что вы называете на языкѣ вашемъ честью и совѣстью, и что мы точнѣе обозначаемъ названіемъ здраваго смысла, то удовлетворите насъ, и дѣло съ концомъ. Удовлетворите безъ просьбъ и безъ благодарностей съ нашей стороны, не ждите ихъ отъ насъ, потому что вы дѣлаете не для насъ, а для справедливости. Если же вы не захотите насъ удовлетворить, то-есть, отвѣтите: *нѣтъ*, то мы сейчасъ уходимъ, и дѣло прекращается; вамъ же въ глаза говоримъ, при всѣхъ вашихъ свидѣтеляхъ, что вы человекъ съ умомъ грубымъ и съ развитіемъ низкимъ; что называться впродъ человекомъ съ честью и совѣстью вы не смѣете и не имѣете права, что это право вы слишкомъ дешево хотите купить. Я кончилъ. Я постановилъ вопросъ. Гоните же теперь насъ съ крыльца, если смѣете. Вы можете это сдѣлать, вы въ силѣ. Но вспомните, что мы все-таки требуемъ, а не просимъ. Требуемъ, а не просимъ!...

Племянникъ Лебедева, очень разгорячившійся, остановился.

— Требуемъ, требуемъ, требуемъ, а не просимъ!.. залепеталъ Бурдовскій и покраснѣлъ какъ ракъ.

Послѣ словъ племянника Лебедева послѣдовало нѣкоторое всеобщее движеніе, и поднялся даже ропотъ, хотя во всемъ обществѣ всѣ видимо избѣгали вмѣшиваться въ дѣло, кромѣ развѣ одного только Лебедева, бывшаго точно въ лихорадкѣ. (Странное дѣло: Лебедевъ, очевидно, стоявшій за князя, какъ будто ощущалъ теперь нѣкоторое удовольствіе фамиліной гордости послѣ рѣчи своего племянника; по крайней мѣрѣ съ нѣкоторымъ особеннымъ видомъ довольства оглядѣлъ всю публику).

— По моему мнѣнію, началъ князь довольно тихо, — по моему мнѣнію, вы, господинъ Докторенко, во всемъ томъ, что сказали сейчасъ, на половину совершенно правы, даже я согласенъ, что на гораздо большую половину, и я бы со-

вершено былъ съ вами согласенъ, еслибы вы не пропустили чего-то въ вашихъ словахъ. Чтò именно вы тутъ пропустили, я не въ силахъ и не въ состояннн вамъ точно выразить, но для полной справедливости въ вашихъ словахъ, конечно, чего-то не достаетъ. Но обратимся лучше къ дѣлу, господа, скажите, для чего напечатали вы эту статью? Вѣдь тутъ что ни слово, то клевета; такъ что вы, господа, помоему сдѣлали низость.

— Позвольте!...

— Милостивый государь!...

— Это.... это.... это.... послышалось разомъ со стороны взволнованныхъ гостей.

— Насчетъ статьи, визгливо подхватилъ Ипполитъ, — насчетъ этой статьи я уже вамъ сказалъ, что я и другіе не одобряемъ ея! Написалъ ее вотъ онъ (онъ указалъ на рядомъ сидѣвшаго съ нимъ боксера), написалъ неприлично, согласенъ, написалъ безграмотно и слогомъ, которымъ пишутъ такіе же какъ и онъ отставные. Онъ глупъ и сверхъ того промышленникъ, я согласенъ, я это прямо ему и въ глаза каждый день говорю, но все-таки на половину онъ былъ въ своемъ правѣ: гласность есть законное право всякаго, а стало-быть и Бурдовскаго. За нелѣпости же свои пусть самъ отвѣчаетъ. Чтò же касается до того, что я отъ лица всѣхъ протестовалъ давеча насчетъ присутствія вашихъ друзей, то считаю нужнымъ вамъ, милостивые государи, объяснить, что я протестовалъ единственно чтобы заявить наше право, но что въ сущности мы даже желаемъ, чтобы были свидѣтели, и давеча, еще не входя сюда, мы всѣ четверо въ этомъ согласились. Кто бы ни были ваши свидѣтели, хотя бы и ваши друзья, но такъ какъ они не могутъ не согласиться съ правомъ Бурдовскаго (потому что оно очевидно, математическое), то даже еще и лучше, что эти свидѣтели—ваши друзья; еще очевиднѣе представится истина.

— Это правда, мы такъ согласились, подтвердилъ племянникъ Лебедева.

— Такъ изъ-за чего же давеча съ первыхъ словъ такой крикъ и шумъ вышелъ, если вы такъ и хотѣли! удивился князь.

— А насчетъ статьи, князь, ввернулъ боксеръ, ужасно желавшій вставить свое словцо и пріятно оживляясь (можно было подозрѣвать, что на него видимо и сильно дѣйствовало присутствіе дамъ),—насчетъ статьи, то признаюсь, что дѣйствительно авторъ я, хотя болѣзненный мой пріятель, которому я привыкъ прощать по его разслабленію, сейчасъ и раскритиковалъ ее. Но сочинялъ я и напечаталъ въ журналѣ искренняго друга, въ видѣ корреспонденціи. Одни только стихи дѣйствительно не мои, и дѣйствительно принадлежатъ перу извѣстнаго юмориста. Бурдовскому я только прочелъ, и то не все, и тотчасъ отъ него получилъ согласіе напечатать, но согласитесь, что я могъ печатать и безъ согласія. Гласность есть право всеобщее, благородное и благодѣтельное. Надѣюсь, что вы сами, князь, до того прогрессивны, что не станете этого отрицать...

— Ничего не стану отрицать, но согласитесь, что въ нашей статьѣ...

— Рѣзко, хотите сказать? Но вѣдь тутъ, такъ-сказать, польза обществу, согласитесь сами, и, наконецъ, возможно ли пропустить вызывающій случай? Тѣмъ хуже виновнымъ, но польза общества прежде всего. Что же касается до нѣкоторыхъ неточностей, такъ-сказать, гипербола, то согласитесь и въ томъ, что прежде всего инициатива важна, прежде всего цѣль и намѣреніе; важенъ благодѣтельный примѣръ, а уже потомъ будемъ разбирать частные случаи, и наконецъ, тутъ слогъ, тутъ, такъ-сказать, юмористическая задача, и, наконецъ—всѣ такъ пишутъ, согласитесь сами! Ха-ха!

— Да, совершенно ложная дорога! Увѣряю васъ, господа, вскричалъ князь,—вы напечатали статью въ томъ предположеніи, что я ни за что не соглашусь удовлетворить г. Бурдовскаго, а стало-быть, чтобы меня за это напугать и чѣмъ-нибудь отмстить. Но почему вы знали: я, можетъ-быть, и рѣшилъ удовлетворить Бурдовскаго? Я вамъ прямо, при всѣхъ теперь заявляю, что я удовлетворю...

— Вотъ, наконецъ, умное и благородное слово умнаго и благороднѣйшаго человѣка! провозгласилъ боксеръ.

— Господи! вырвалось у Лизаветы Прокофьевны.

— Это невыносимо! пробормоталъ генераль.

— Позвольте же, господа, позвольте, я изложу дѣло, умолялъ князь:—недѣль пять назадъ ко мнѣ явился въ З. уполномоченный и ходатай вашъ, господинъ Бурдовскій, Чебаровъ. Вы его ужь очень лестно описали, господинъ Келлеръ, въ вашей статьѣ, обратился князь, вдругъ засмѣявшись, къ боксеру;—но онъ мнѣ совсѣмъ не понравился. Я только понялъ съ перваго разу, что въ этомъ Чебаровѣ все главное дѣло и заключается, что, можетъ-быть, онъ-то и подучилъ васъ, господинъ Бурдовскій, воспользовавшись вашею простотой, начать это все, если говорить откровенно.

— Это вы не имѣете права... я.... не простой.... это.... залепеталъ въ волненіи Бурдовскій.

— Вы не имѣете никакого права дѣлать такія предположенія, назидательно вступился племянникъ Лебедева.

— Это въ высшей степени обидно! завизжалъ Ипполитъ:—предположеніе обидное, ложное и не идущее къ дѣлу!

— Виновать, господа, виновать, торопливо повинился князь:—пожалуйста, извините; это потому, что мнѣ подумалось, что не лучше ли намъ быть совершенно откровенными другъ съ другомъ, но ваша воля, какъ хотите. Я Чебарову сказалъ, что такъ какъ я не въ Петербургѣ, то немедленно уполномочиваю пріятеля повести это дѣло, а васъ, господинъ Бурдовскій, о томъ извѣщу. Я прямо вамъ скажу, господа, что мнѣ показалось это дѣло самымъ мошенническимъ, именно потому что тутъ Чебаровъ... Охъ, не обижайтесь, господа! Ради Бога не обижайтесь! испуганно вскричалъ князь, видя снова проявленіе обиднаго смятенія Бурдовскаго, волненіе и протестъ въ его друзьяхъ: это не можетъ до васъ относиться лично, если я говорю, что считалъ это дѣло мошенническимъ! Вѣдь я никого изъ васъ не зналъ тогда лично, и фамилій вашихъ не зналъ; я судилъ по одному Чебарову; я говорю вообще, потому что... еслибы вы знали только какъ меня ужасно обманывали съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ наслѣдство!

— Князь, вы ужасно наивны, насмѣшливо замѣтилъ племянникъ Лебедева.

— И при этомъ—князь и миллионеръ! При вашемъ, можете быть, и въ самомъ дѣлѣ добромъ и простоватомъ сердцѣ, вы все-таки не можете, конечно, избавиться отъ общаго закона, провозгласилъ Ипполитъ.

— Можетъ быть, очень можетъ быть, господа, торопился князь,—хоть я и не понимаю про какой вы общій законъ говорите; но я продолжаю, не обижайтесь только напрасно; влянусь, я не имѣю ни малѣйшаго желанія васъ обидѣть. И что это въ самомъ дѣлѣ, господа: ни одного-то слова нельзя сказать искренно, тотчасъ же вы обижаетесь! Но, во-первыхъ, меня ужасно поразило, что существуетъ „сынъ Павлицева“ и существуетъ въ такомъ ужасномъ положеніи, какъ объяснилъ мнѣ Чебаровъ. Павлицевъ, мой благодѣтель и другъ моего отца. (Ахъ, зачѣмъ вы такую неправду написали, господинъ Келлеръ, въ вашей статьѣ про моего отца? Никакой растраты ротной суммы и никакихъ обидъ подчиненнымъ не было—въ этомъ я положительно убѣжденъ, и какъ у васъ рука поднялась такую клевету написать?) А то, что вы написали про Павлицева, то ужъ совершенно невыносимо: вы называете этого благороднѣйшаго человѣка сладострастнымъ и легкомысленнымъ такъ смѣло, такъ положительно, какъ будто вы и въ самомъ дѣлѣ говорите правду, а между тѣмъ это былъ самый цѣломудренный человѣкъ, какіе были на свѣтѣ! Это былъ даже замѣчательный ученый; онъ былъ корреспондентомъ многихъ уважаемыхъ людей въ наукѣ и много денегъ въ помощь науки употребилъ. Что же касается до его сердца, до его добрыхъ дѣлъ, о, конечно, вы справедливо написали, что я тогда былъ почти идиотомъ и ничего не могъ понимать (хотя я по-русски все-таки говорилъ и могъ понимать), но вѣдь могу же я оцѣнить все что теперь припоминаю...

— Позвольте, визжалъ Ипполитъ,—не слишкомъ ли это будетъ чувствительно? Мы не дѣти. Вы хотѣли идти прямо къ дѣлу, десятый часъ, это вспомните.

— Извольте, извольте, господа, тотчасъ же согласился князь;— послѣ первой недовѣрчивости я рѣшилъ, что я могу ошибаться, и что Павлицевъ дѣйствительно могъ имѣть сына.

Но меня поразило ужасно, что этотъ сынъ такъ легко, то-есть, я хочу сказать, такъ публично выдаетъ секретъ своего рожденія и, главное, позорить свою мать. Потому что Чебаровъ уже и тогда пугалъ меня гласностію...

— Какая глупость! закричалъ племянникъ Лебедева.

— Вы не имѣете права.... не имѣете права! вскричалъ Бурдовскій.

— Сынъ не отвѣчаетъ за развратный поступокъ отца, а мать не виновата, съ жаромъ провизжалъ Инполитъ.

— Тѣмъ скорѣе, казалось бы, надо было шадить... робко проговорилъ князь.

— Вы, князь, не только наивны, но, можетъ-быть, еще и подальше пошли, злобно усмѣхнулся племянникъ Лебедева.

— И какое право имѣли вы!... завизжалъ самымъ неестественнымъ голосомъ Инполитъ.

— Никакого, никакого! поспѣшно перебилъ князь: — въ этомъ вы правы, признаюсь, но это было невольно, и я тотчасъ же сказалъ себѣ тогда же, что мои личные чувства не должны имѣть вліянія на дѣло, потому что если я самъ себя признаю уже обязаннымъ удовлетворить требованія господина Бурдовскаго, во имя чувствъ моихъ къ Павлищеву, то долженъ удовлетворить въ какомъ бы то ни было случаѣ, то-есть, уважалъ бы, или не уважалъ бы я господина Бурдовскаго. Я потому только, господа, началъ объ этомъ, что мнѣ все-таки показалось неестественнымъ, что сынъ такъ публично открываетъ секретъ своей матери... Однимъ словомъ, я, главное, поэтому и убѣдился, что Чебаровъ долженъ быть каналья и самъ напустилъ господина Бурдовскаго, обманомъ, на такое мошенничество.

— Но вѣдь это ужъ невыносимо! раздалось со стороны его гостей, изъ которыхъ нѣкоторые даже повскакали со стульевъ.

— Господа! Да я потому-то и рѣшилъ, что несчастный господинъ Бурдовскій долженъ быть человекъ простой, беззащитный, человекъ, легко подчиняющійся мошенникамъ, стало-быть, тѣмъ пуще я обязанъ былъ помочь ему, какъ „сыну Павлищева“, —вопервыхъ, противодѣйствіемъ господину Че-

барову, вовторыхъ, моею преданностью и дружбой, чтобъ его руководить, а въ третьихъ, назначилъ выдать ему десять тысячъ рублей, то-есть все, что, по расчету моему, могъ истратить на меня Павлищевъ деньгами...

— Какъ! Только десять тысячъ! закричалъ Ипполитъ.

— Ну, князь, вы очень не сильны въ ариѳметикѣ, или ужь очень сильны, хотъ и представляетесь простячкомъ, вскричалъ племянникъ Лебедева.

— Я на десять тысячъ несогласенъ, сказалъ Бурдовскій.

— Антипъ! Согласись! скорымъ и явственнымъ шепотомъ подсказалъ боксеръ, перегнувшись сзади чрезъ спинку стула Ипполита: согласишь, а потомъ послѣ увидимъ!

— Па-аслушайте, господинъ Мышкинъ, визжалъ Ипполитъ;—поймите, что мы не дураки, не пошлые дураки, какъ думаютъ, вѣроятно, о насъ всѣ ваши гости и эти дамы, которыя съ такимъ негодованіемъ на насъ усмѣхаются, и особенно этотъ великосвѣтскій господинъ (онъ указалъ на Евгенія Павловича), котораго я, разумѣется, не имѣю чести знать, но о которомъ, кажется, кое-что слышалъ...

— Позвольте, позвольте, господа, вы опять меня не поняли! въ волненіи обратился къ нимъ князь:—вопервыхъ, вы, господинъ Келлеръ, въ вашей статьѣ чрезвычайно не точно обозначили мое состояніе: никакихъ милліоновъ я не получалъ: у меня, можетъ-быть, только восьмая или десятая доля того, что вы у меня предполагаете; вовторыхъ, никакихъ десятковъ тысячъ на меня въ Швейцаріи истрачено не было: Шнейдеръ получалъ по шестисотъ рублей въ годъ, да и то всего только первые три года, а за хорошенькими гувернантками въ Парижъ Павлищевъ никогда не ѣздилъ; это опять клевета. По-моему, на меня далеко еще меньше десяти тысячъ всего истрачено, но я положилъ десять тысячъ, и, согласитесь сами, что, отдавая долгъ, я никакъ не могъ предлагать господину Бурдовскому болѣе, даже еслибъ я его ужасно любилъ, и не могъ уже по одному чувству деликатности, именно потому что отдавалъ ему долгъ, а не посылалъ ему подаяніе. Я не знаю, господа, какъ вы этого не понимаете! Но я все это хотѣлъ вознаградить потомъ

моею дружбой, моимъ дѣятельнымъ участіемъ въ судьбѣ несчастнаго господина Бурдовскаго, очевидно обманутаго, потому что не могъ же онъ самъ, безъ обмана, согласиться на такую низость, какъ на примѣръ сегодняшняя огласка въ этой статьѣ господина Келлера по его мать... Да что же вы, наконецъ, опять выходите изъ себя, господа! Вѣдь, наконецъ, мы совершенно не будемъ понимать другъ друга! Вѣдь вышло же на мое! Я теперь собственными глазами убѣдился, что моя догадка была справедлива, убѣждалъ разгоряченный князь, желая утишить волненіе и не замѣчая того, что только его увеличивалъ.

— Какъ? Въ чемъ убѣдились? приступали къ нему чуть не съ остервененіемъ.

— Да помилуйте, во первыхъ, я успѣлъ самъ отлично разглядѣть господина Бурдовскаго, я вѣдь вижу самъ теперь каковъ онъ... Это человѣкъ невинный, но котораго всѣ обманываютъ! Человѣкъ беззащитный... и потому-то я и долженъ его щадить, а во вторыхъ, Гаврила Ардаліоновичъ, — которому поручено было дѣло, и отъ котораго я давно не получалъ извѣстій, такъ какъ былъ въ дорогѣ и три дня потомъ боленъ въ Петербургѣ, — вдругъ теперь, всего часъ назадъ, при первомъ нашемъ свиданіи, сообщаетъ мнѣ, что намѣренія Чебарова онъ всѣ раскусилъ, имѣетъ доказательства, и что Чебаровъ именно тѣ, чѣмъ я его предположилъ. Я вѣдь знаю же, господа, что меня многіе считаютъ идиотомъ, и Чебаровъ, по репутаціи моей, что я деньги отдаю легко, думалъ очень легко меня обмануть, и именно рассчитывая на мои чувства къ Павлицеву. Но главное тѣ, да послушайте же, господа, послушайте! — главное тѣ, что теперь вдругъ оказывается, что господинъ Бурдовскій вовсе и не сынъ Павлицева! Сейчасъ Гаврила Ардаліоновичъ сообщилъ мнѣ это и увѣряетъ, что досталъ доказательства положительныя. Ну, какъ вамъ это покажется, вѣдь повѣрить невозможно послѣ всего того, что уже натворили! И слушайте: положительныя доказательства! Я еще не вѣрю, самъ не вѣрю, увѣряю васъ; я еще сомнѣваюсь, потому что Гаврила Ардаліоновичъ не успѣлъ еще сообщить мнѣ всѣхъ

подробностей, но что Чебаровъ каналья, то въ этомъ уже нѣтъ теперь никакого сомнѣнія! Онъ и несчастнаго господина Бурдовскаго, и васъ всѣхъ, господа, которые благородно пришли поддержать вашего друга (такъ какъ онъ въ поддержкѣ очевидно нуждается, вѣдь я понимаю же это!), онъ всѣхъ васъ надулъ и всѣхъ васъ запуталъ въ случай мошеннической, потому что вѣдь это въ сущности плутовство-мошенничество!

— Какъ мошенничество!... Какъ не „сынъ Павлищева?“... Какъ это можно!... раздавались восклицанія. Вся компанія Бурдовскаго была въ невыразимомъ смятеніи.

— Да разумѣется, мошенничество! Вѣдь если господинъ Бурдовскій окажется теперь не „сынъ Павлищева“, то вѣдь въ такомъ случаѣ требованіе господина Бурдовскаго выходитъ прямое мошенническое (то-есть, разумѣется, еслибъ онъ зналъ истину!), но вѣдь и въ томъ-то и дѣло, что его обманули, потому-то я и настаиваю чтобъ его оправдать; потому-то я и говорю, что онъ достоинъ сожалѣнія, по своей простотѣ, и не можетъ быть безъ поддержки; иначе вѣдь онъ тоже выйдетъ по этому дѣлу мошенникомъ. Да вѣдь я уже самъ убѣжденъ, что онъ ничего не понимаетъ! Я самъ тоже былъ въ такомъ положеніи до отъѣзда въ Швейцарію, тамъ же лепеталъ безсвязныя слова, — хочешь выразиться, и не можешь... Я это понимаю; я могу очень сочувствовать, потому что я самъ почти такой же, мнѣ позволительно говорить! И наконецъ я все-таки, — несмотря на то что уже нѣтъ теперь „сына Павлищева“, и что все это оказывается мистификаціей, — я все-таки не измѣняю своего рѣшенія и готовъ возвратитъ десять тысячъ, въ память Павлищева. Я вѣдь хотѣлъ же до господина Бурдовскаго эти десять тысячъ на школу употребить, въ память Павлищева, но вѣдь теперь это все равно будетъ, что на школу, что г-ну Бурдовскому, потому что господинъ Бурдовскій, если и не „сынъ Павлищева“, то вѣдь почти какъ „сынъ Павлищева“: потому что вѣдь его самого такъ злобно обманули; онъ самъ искренно считалъ себя сыномъ Павлищева! Выслушайте же, господа, Гаврилу Ардалионовича, кончимъ это, не сердитесь,

не волнуйтесь, садитесь! Гаврила Ардалионовичъ сейчасъ намъ все это объяснить, и я, признаюсь, чрезвычайно желаю самъ узнать всѣ подробности. Онъ говоритъ, что ѣздилъ даже въ Псковъ къ вашей матушкѣ, господинъ Бурдовскій, которая вовсе не умирала, какъ васъ заставили въ статьѣ написать... Садитесь, господа, садитесь!

Князь сѣлъ и успѣлъ опять посадить повскакавшую съ мѣста компанію господина Бурдовскаго. Въ послѣднія десять или двадцать минутъ онъ говорилъ, разгорячившись, громко, нетерпѣливою скороговоркой, увлекшись, стараясь всѣхъ переговорить, перекричать, и ужь конечно, пришлось ему потомъ горько раскаяться въ иныхъ вырвавшихся у него теперь словечкахъ и предположеніяхъ. Еслибы не разгорячили и не вывели его почти изъ себя,—не позволилъ бы онъ себѣ такъ обнаженно и торопливо высказать вслухъ инныя догадки свои и излишнія откровенности. Но только что сѣлъ онъ на мѣсто, какъ одно жгучее раскаяніе до боли пронзило его сердце: Кромѣ ужь того, что онъ „обидѣлъ“ Бурдовскаго, такъ гласно предположивъ и въ немъ ту же болѣзнь, отъ которой самъ лѣчился въ Швейцаріи,—кромѣ того, предложеніе десяти тысячъ, вмѣсто школы, было сдѣлано, по его мнѣнію, грубо и неосторожно, какъ подаваніе, и именно тѣмъ, что при людяхъ вслухъ было высказано. „Надо было бы переждать и предложить завтра наединѣ,—тотчасъ же подумалъ князь,—а теперь, пожалуй, ужь не поправишь! Да, я идіотъ, истинный идіотъ!“ рѣшилъ онъ про себя въ припадкѣ стыда и чрезвычайнаго огорченія.

Между тѣмъ Гаврила Ардалионовичъ, до сихъ поръ державшійся въ сторонѣ и молчавшій упорно, вышелъ по приглашенію князя впередъ, сталъ подлѣ него и спокойно и ясно принялся излагать отчетъ по порученію ему княземъ дѣлу. Всѣ разговоры умолкли мгновенно. Всѣ слушали съ чрезвычайнымъ любопытствомъ, особенно вся компанія Бурдовскаго.

IX.

— Вы не станете, конечно, отрицать, началъ Гаврила Ардаліоновичъ, прямо обращаясь къ слушавшему его изъ всѣхъ силъ Бурдовскому, выкатившему на него отъ удивленія глаза и очевидно бывшему въ сильномъ смятеніи, — вы не станете, да и не захотите, конечно, отрицать серьезно, что вы родились ровно два года спустя послѣ законнаго брака уважаемой матушки вашей съ коллежскимъ секретаремъ господиномъ Бурдовскимъ, отцомъ вашимъ. Время рожденія вашего слишкомъ легко доказать фактически, такъ что слишкомъ обидное для васъ и для матушки вашей искаженіе этого факта въ статьѣ господина Келлера объясняется одною только игривостью собственной фантазіи господина Келлера, полагавшаго усилить этимъ очевидность вашего права и тѣмъ помочь интересамъ вашимъ. Господинъ Келлеръ говоритъ, что предварительно читалъ вамъ статью, хоть и не всю... безъ всякаго сомнѣнія, онъ не дочиталъ вамъ до этого мѣста....

— Не дочиталъ, дѣйствительно, перервалъ боксеръ, — но всѣ факты сообщены были мнѣ компетентнымъ лицомъ, и я...

— Извините, господинъ Келлеръ, остановилъ его Гаврила Ардаліоновичъ, — позвольте мнѣ говорить. Увѣряю васъ, что до вашей статьи дойдетъ дѣло въ свою очередь, тогда вы и заявите ваше объясненіе, а теперь будемъ лучше продолжать по порядку. Совершенно случайно, при помощи сестры моей, Варвары Ардаліоновны Птицыной, я досталъ отъ короткой пріятельницы ея, Вѣры Алексѣевны Зубковой, помѣщицы и вдовы, одно письмо покойнаго Николая Алексѣевича Павлищева, писанное къ ней отъ него двадцать четыре года назадъ изъ-за границы. Сблизившись съ Вѣрой Алексѣевной, я, по ея указанію, обратился къ отставному полковнику Тимоѣю Ѳедоровичу Вязовкину, дальнему родственнику и большому въ свое время пріятелю съ господиномъ Павлищевымъ. Отъ него мнѣ удалось достать еще два письма Николая Андреевича, тоже писанныя изъ-за грани-

цы. По этимъ тремъ письмамъ, по числамъ и по фактамъ въ нихъ обозначеннымъ, доказывается математически, безо всякой возможности опроверженія и даже сомнѣнія, что Николай Андреевичъ выѣхалъ тогда за границу (гдѣ и пробылъ сряду три года) ровно за полтора года до вашего рожденія, господинъ Бурдовскій. Ваша матушка, какъ извѣстно вамъ, никогда изъ Россіи не выѣзжала... Въ настоящую минуту я не стану читать этихъ писемъ. Теперь уже поздно; я только заявляю, во всякомъ случаѣ, фактъ. Но если вамъ угодно, господинъ Бурдовскій, назначить хоть завтра же утромъ у меня свиданіе и привести вашихъ свидѣтелей (въ какомъ угодно числѣ) и экспертовъ для сличенія почерка, то для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что вамъ нельзя будетъ не убѣдиться въ очевидной истинѣ сообщеннаго мною факта. Если же такъ, то, разумѣется, все это дѣло падаетъ и само собою прекращается.

Опять послѣдовало всеобщее движеніе и глубокое волненіе. Самъ Бурдовскій вдругъ всталъ со стула.

— Если такъ, то я былъ обманутъ, обманутъ, но не Чебаровымъ, а давно, давно; не хочу экспертовъ, не хочу свиданія, я вѣрю, я отказываюсь... десять тысячъ не согласенъ... прощайте...

Онъ взялъ фуражку и отодвинулъ стулъ чтобъ уйти.

— Если можете, господинъ Бурдовскій, тихо и сладко остановилъ его Гаврила Ардалионовичъ, — то останьтесь еще минутъ хоть на пять. По этому дѣлу обнаруживается еще нѣсколько чрезвычайно важныхъ фактовъ, особенно для васъ, во всякомъ случаѣ, весьма любопытныхъ. По мнѣнію моему, вамъ нельзя не познакомиться съ ними, и самимъ вамъ, можетъ-быть, пріятнѣе станетъ, если дѣло будетъ совершенно разъяснено...

Бурдовскій усѣлся молча, немного откинувъ голову, и какъ бы въ сильной задумчивости. Усѣлся вслѣдъ за нимъ и племянникъ Лебедева, тоже вставшій было его сопровождать; тотъ хоть и не потерялъ головы и смѣлости, но видимо былъ озадаченъ сильно. Ипполитъ былъ нахмуренъ, грустенъ и какъ бы очень удивленъ. Въ эту минуту, впро-

чемъ, онъ до того сильно закашлялся, что даже замаралъ свой платокъ кровью. Боксеръ былъ чуть не въ испугѣ:

— Эхъ, Антипъ! крикнулъ онъ съ горечью.—Вѣдь говорилъ я тебѣ тогда... третьяго дня, что ты, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ не сынъ Павлищева!

Раздался сдержанный смѣхъ, двое-трое разсмѣялись громче другихъ.

— Фактъ, сію минуту сообщенный вами, господинъ Келлеръ, подхватилъ Гаврила Адраліоновичъ. — весьма драгоцененъ. Тѣмъ не менѣе, я имѣю полное право, по самымъ точнымъ даннымъ, утверждать, что господину Бурдовскому хотя, конечно, и была слишкомъ хорошо извѣстна эпоха его рожденія, но совершенно не было извѣстно обстоятельство этого пребыванія Павлищева за границей, гдѣ господинъ Павлищевъ провелъ большую часть жизни, возвращаясь въ Россію всегда на малые сроки. Кромѣ того, и самый этотъ фактъ тогдашняго отъѣзда весьма не замѣчателенъ самъ по себѣ, чтобъ о немъ помнить, послѣ двадцати слишкомъ лѣтъ, даже знавшимъ близко Павлищева, не говоря уже о господинѣ Бурдовскомъ, который тогда и не родился. Конечно, навести теперь справки оказалось не невозможнымъ; но я долженъ признаться, что справки, полученныя мною, достались мнѣ совершенно случайно и очень могли не достаться; такъ что для господина Бурдовскаго и даже Чебарова эти справки были дѣйствительно почти невозможны, еслибы даже имъ и вздумалось ихъ навести. Но вѣдь имъ могло и не вздуматься...

— Позвольте, господинъ Иволгинъ, раздражительно прервалъ его вдругъ Ипполитъ, — къ чему вся эта галиматья (извините меня)? Дѣло теперь объяснилось, главному факту мы соглашаемся вѣрить, зачѣмъ же тянуть далѣе тяжелую и обидную канцель? Вы, можетъ-быть, желаете похвалиться ловкостью вашихъ изысканій, выставить предъ нами и предъ княземъ какой вы хорошій слѣдователь, сыщикъ? Или ужъ не намѣрены ли предпринять извиненіе и оправданіе Бурдовскаго тѣмъ, что онъ ввязался въ дѣло по невѣдѣнію? Но это дерзко, милостивый государь! Въ оправданіяхъ

вашихъ и въ извиненіяхъ Бурдовскій не нуждается, было бы вамъ извѣстно! Ему обидно, ему и безъ того теперь тяжело, онъ въ неловкомъ положеніи, вы должны были угадать, понять это...

— Довольно, господинъ Терентьевъ, довольно, удалось перебить Гаврилъ Ардалионовичу, — успокойтесь, не раздражайте себя; вы, кажется, очень нездоровы? Я вамъ сочувствую. Въ такомъ случаѣ, если хотите, я кончилъ, то-есть принужденъ буду сообщить только вкратцѣ тѣ факты, которые, по моему убѣжденію, не лишнее было бы узнать во всей полнотѣ, прибавилъ онъ, замѣтивъ нѣкоторое всеобщее движеніе, похожее на нетерпѣніе. — Я желаю только сообщить, съ доказательствами, для свѣдѣнія всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ, что ваша матушка, господинъ Бурдовскій, потому единственно пользовалась расположеніемъ и заботливостью о ней Павлищева, что была родною сестрой той дворовой дѣвушки, въ которую Николай Алексѣевичъ Павлищевъ былъ влюбленъ въ самой первой своей молодости, но до того, что непременно бы женился на ней, еслибы она не умерла скоропостижно. Я имѣю доказательства, что этотъ семейный фактъ, совершенно точный и вѣрный, весьма малоцвѣтенъ, даже совсѣмъ забытъ. Далѣе я бы могъ объяснить, какъ ваша матушка еще десятилѣтнимъ ребенкомъ была взята господиномъ Павлищевымъ на воспитаніе вмѣсто родственницы, что ей отложено было значительное приданое, и что всѣ эти заботы породили чрезвычайно тревожные слухи между многочисленною родней Павлищева, думали даже, что онъ женится на своей воспитанницѣ, но кончилось тѣмъ, что она вышла по склонности (и это я точнѣйшимъ образомъ могъ бы доказать) за межеваго чиновника, господина Бурдовскаго, на двадцатомъ году своего возраста. Тутъ у меня собрано нѣсколько точнѣйшихъ фактовъ, для доказательства, какъ отецъ вашъ, господинъ Бурдовскій, совершенно не дѣловой человѣкъ, получивъ пятнадцать тысячъ въ приданое за вашею матушкой, бросилъ службу, вступилъ въ коммерческія предпріятія, былъ обманутъ, потерялъ капиталъ, не выдержалъ горя, сталъ пить, отчего

заболѣлъ и наконецъ преждевременно умеръ, на восьмомъ году послѣ брака съ вашею матушкой. Затѣмъ, по собственному свидѣтельству матушки вашей, она осталась въ нищетѣ и совсѣмъ погибла бы безъ постоянной и великодушной помощи Павлищева, выдававшего ей до шести сотъ рублей въ годъ вспоможенія. Затѣмъ есть безчисленные свидѣтельства, что васъ, ребенка, онъ полюбилъ чрезвычайно. По этимъ свидѣтельствамъ и опять-таки по подтвержденію матушки вашей выходитъ, что полюбилъ онъ васъ потому преимущественно, что вы имѣли въ дѣтствѣ видъ косоязычнаго, видъ калѣки, видъ жалкаго, несчастнаго ребенка (а у Павлищева, какъ я вывелъ по точнымъ доказательствамъ, была всю жизнь какая-то особая нѣжная склонность ко всему угнетенному и природой обиженному, особенно въ дѣтяхъ,—фактъ, по моему убѣжденію, чрезвычайно важный для нашего дѣла). Наконецъ, я могу похвалиться точнѣйшими изысканіями о томъ главномъ фактѣ, какъ эта чрезвычайная привязанность къ вамъ Павлищева (стараніями котораго вы поступили въ гимназію и учились подъ особымъ надзоромъ) породила, наконецъ, мало-по-малу, между родственниками и домашними Павлищева мысль, что вы сынъ его, и что вашъ отецъ былъ только обманутый мужъ. Но главное въ томъ, что мысль эта укрѣпилась до точнаго и всеобщаго убѣжденія только въ послѣдніе годы жизни Павлищева, когда всѣ испугались за завѣщаніе, и когда первоначальные факты были забыты, а справки невозможны. Безъ сомнѣнія, мысль эта дошла и до васъ, господинъ Бурдовскій, и завладѣла вами вполне. Ваша матушка, съ которою я имѣлъ честь познакомиться лично, хотъ и знала про всѣ эти слухи, но даже и до сихъ поръ не знаетъ (я тоже скрылъ отъ нея), что и вы, ея сынъ, находились подъ обаяніемъ этого слуха. Многоуважаемую матушку вашу, господинъ Бурдовскій, я засталъ въ Псковѣ въ болѣзняхъ и въ самой крайней бѣдности, въ которую впала она по смерти Павлищева. Она со слезами благодарности сообщила мнѣ, что только чрезъ васъ и чрезъ помощь вашу и живетъ на свѣтѣ; она много ожидаетъ отъ васъ въ будущемъ и горячо вѣритъ въ будущіе ваши успѣхи..

— Это, наконецъ, невыносимо! громко и нетерпѣливо заявилъ вдругъ племянникъ Лебедева.—Къ чему весь этотъ романъ?

— Омерзительно неприлично! сильно пошевелился Ипполитъ. Но Бурдовскій ничего не замѣтилъ и даже не шевельнулся.

— Къ чему? Зачѣмъ? лукаво удивился Гаврила Ардалионовичъ, ядовито готовясь изложить свое заключеніе. — Да во первыхъ, господинъ Бурдовскій теперь, можетъ-быть, вполне убѣжденъ, что господинъ Павлищевъ любилъ его изъ великодушія, а не какъ сына. Ужь одинъ этотъ фактъ необходимо было узнать господину Бурдовскому, подтвердившему и одобтившему господина Келлера давеча, послѣ чтенія статьи. Говорю такъ потому, что считаю васъ за благороднаго человѣка, господинъ Бурдовскій. Во вторыхъ, оказывается, что тутъ вовсе не было ни малѣйшаго воровства-мошенничества даже со стороны Чебарова; это важный пунктъ даже и для меня, потому что князь давеча, разгорячившись, упомянулъ, будто и я того же мнѣнія о воровствѣ-мошенничествѣ въ этомъ несчастномъ дѣлѣ. Тутъ, напротивъ, было полное убѣжденіе со всѣхъ сторонъ, и хотъ Чебаровъ, можетъ-быть, и дѣйствительно большой мошенникъ, но въ этомъ дѣлѣ онъ высказывается не болѣе какъ крючокъ, подьячій, промышленникъ. Онъ надѣялся нажить большія деньги какъ адвокатъ, и расчетъ его былъ не только тонкій и мастерской, но вѣрнѣйшій: онъ основывался на легкости, съ которою князь даетъ деньги, и на благодарно-почтительномъ чувствѣ его къ покойному Павлищеву; онъ основывался, наконецъ (что важнѣе всего), на извѣстныхъ рыцарскихъ взглядахъ князя насчетъ обязанностей чести и совѣсти. Что же касается собственно господина Бурдовскаго, то можно даже сказать, что онъ, благодаря нѣкоторымъ убѣжденіямъ своимъ, до того былъ настроенъ Чебаровымъ и окружающею его компаніей, что началъ дѣло почти совсѣмъ и не изъ интересу, а почти какъ служеніе истинѣ, прогрессу и человѣчеству. Теперь, послѣ сообщенныхъ фактовъ, всѣмъ, стало-быть, и ясно, что господинъ Бурдовскій

человѣкъ чистый, несмотря на всѣ видимости, и князь теперь скорѣе и охотнѣе давешняго можетъ предложить ему и свое дружеское содѣйствіе, и ту дѣятельную помощь, о которой онъ упоминалъ давеча, говоря о школахъ и о Павлицевѣ.

— Остановитесь, Гаврила Ардалионовичъ, остановитесь! крикнулъ князь въ настоящемъ испугѣ, но было уже поздно.

— Я сказалъ, я уже три раза говорилъ, раздражительно крикнулъ Бурдовскій, — что не хочу денегъ. Я не при- му... зачѣмъ... не хочу... вонъ!...

И онъ чуть не побѣжалъ съ террасы. Но племянникъ Лебедева схватилъ его за руку и что-то шепнулъ ему. Тотъ быстро воротился, и вынувъ изъ кармана не запечатанный письменный конвертъ большаго формата, бросилъ его на столикъ, стоявшій подлѣ князя.

— Вотъ деньги!... Вы не смѣли... не смѣли!... Деньги!...

— Двѣсти пятьдесятъ рублей, которые вы осмѣлились прислать ему въ видѣ подаянія чрезъ Чебарова, пояснилъ Докторенко.

— Въ статьѣ сказано пятьдесятъ! крикнулъ Коля.

— Я виноватъ! сказалъ князь, подходя къ Бурдовско- му: — я очень виноватъ передъ вами, Бурдовскій, но я не какъ подаяніе послалъ, повѣрьте. Я и теперь виноватъ.... я давеча виноватъ. (Князь былъ очень разстроенъ, имѣлъ видъ усталый и слабый, и слова его были несвязны). Я сказалъ о мошенничествѣ... но это не про васъ, я ошибся. Я сказалъ, что вы... такой же какъ я — больной. Но вы не такой же какъ я, вы... даете уроки, вы мать содержите. Я сказалъ, что вы ославили вашу мать, но вы ее любите; она сама говоритъ... я не зналъ... Гаврила Ардалионовичъ мнѣ давеча не договорилъ... я виноватъ. Я осмѣлился вамъ предложить десять тысячъ, но я виноватъ, я долженъ былъ сдѣлать это не такъ, а теперь... нельзя, потому что вы меня презираете...

— Да это сумасшедшій домъ! вскричала Лизавета Прокофьевна.

— Конечно домъ сумасшедшихъ! не вытерпѣла и рѣзко

проговорила Аглая, но слова ея пропали въ общемъ шумѣ; всѣ уже громко говорили, всѣ разсуждали, кто спорилъ, кто смѣялся. Иванъ Ѳедоровичъ Епанчинъ былъ въ послѣдней степени негодованія и, съ видомъ оскорбленнаго достоинства, поджидалъ Лизавету Прокофьевну. Племянникъ Лебедева ввернулъ послѣднее словечко:

— Да, князь, вамъ надо отдать справедливость, вы таки умѣете пользоваться вашею.... ну, болѣзнію (чтобы выразиться приличнѣе); вы въ такой ловкой формѣ сумѣли предложить вашу дружбу и деньги, что теперь благородному человѣку принять ихъ ни въ какомъ случаѣ невозможно. Это или ужь слишкомъ невинно, или ужь слишкомъ ловко.... вамъ, впрочемъ, извѣстнѣе.

— Позвольте, господа, вскричалъ Гаврила Ардаліоновичъ, развернувшій между тѣмъ пакетъ съ деньгами, — тутъ вовсе не двѣсти пятьдесятъ рублей, а всего только сто. Я для того, князь, чтобы не вышло какого недоумѣнія.

— Оставьте, оставьте, замахалъ руками князь Гаврилъ Ардаліоновичу.

— Нѣтъ, не „оставьте“! прицѣпился сейчасъ же племянникъ Лебедева. — Намъ оскорбительно ваше „оставьте“, князь. Мы не прячемся, мы заявляемъ открыто; да, тутъ только сто рублей, а не всѣ двѣсти пятьдесятъ, но развѣ это не все равно....

— Н-нѣтъ, не все равно, съ видомъ наивнаго недоумѣнія успѣлъ ввернуть Гаврила Ардаліоновичъ.

— Не перебивайте меня; мы не такіе дураки какъ вы думаете, господинъ адвокатъ, съ злобною досадою воскликнулъ племянникъ Лебедева, — разумѣется, сто рублей не двѣсти пятьдесятъ рублей, и не все равно, но важенъ принципъ; тутъ инициатива важна, а что недостаетъ ста пятидесяти рублей, это только частность. Важно то, что Бурдовскій не принимаетъ вашего подаянія, ваше сіятельство, что онъ бросаетъ его вамъ въ лицо, а въ этомъ смыслѣ все равно, что сто, что двѣсти пятьдесятъ. Бурдовскій не привялъ десяти тысячъ; вы видѣли; не принесъ бы и ста рублей, еслибы былъ безчестенъ! Эти сто пятьдесятъ рублей пошли въ рас-

ходъ Чебарову на его поѣздку къ князю. Смѣйтесь скорѣе надъ нашею неловкостію, надъ нашимъ неумѣньемъ вести дѣла: вы и безъ того насъ всѣми силами постарались сдѣлать смѣшными; но не смѣйте говорить, что мы безчестны. Эти сто пятьдесятъ рублей, милостивый государь, мы всѣ вмѣстѣ внесемъ князю; мы хоть по рублю будемъ возвращать и возвратимъ съ процентами. Бурдовскій бѣдень, у Бурдовскаго нѣтъ милліоновъ, а Чебаровъ послѣ поѣздки представилъ счетъ. Мы надѣялись выиграть.... Кто бы на его мѣстѣ поступилъ иначе?

— Какъ кто? воскликнулъ князь Щ.

— Я тутъ съ ума сойду! крикнула Лизавета Прокофьевна.

— Это напоминаетъ, засмѣялся Евгеній Павловичъ, долго стоявшій и наблюдавшій, — недавнюю знаменитую защиту адвоката, который, выставляя какъ извиненіе бѣдность своего кліента, убившаго разомъ шесть человѣкъ, чтобъ ограбить ихъ, вдругъ заключилъ въ этомъ родѣ: „естественно, говорить, что моему кліенту по бѣдности пришло въ голову совершить это убійство шести человѣкъ, да и кому же на его мѣстѣ не пришло бы это въ голову?“ Въ этомъ родѣ что-то, только очень забавное.

— Довольно! провозгласила вдругъ, чуть не дрожа отъ гнѣва, Лизавета Прокофьевна: — пора прервать эту галиматью!...

Она была въ ужаснѣйшемъ возбужденіи; она грозно закинула голову и съ надменнымъ, горячимъ и нетерпѣливымъ вызовомъ обвела своимъ сверкающимъ взглядомъ всю компанію, врядъ ли различая въ эту минуту друзей отъ враговъ. Это была та точка долго сдерживаемаго, но разразившагося, наконецъ, гнѣва, когда главнымъ побужденіемъ становится немедленный бой, необходимая потребность на кого-нибудь поскорѣе накинуться. Знавшіе Лизавету Прокофьевну тотчасъ почувствовали, что съ нею совершилось что-то особенное. Иванъ Ѳедоровичъ говорилъ на другой же день князю Щ., что „съ ней это бываетъ, но въ такой степени какъ вчера даже и съ нею рѣдко бываетъ, такъ года въ

три по одному разу, но ужь никакъ не чаще! Никакъ не чаще!“ прибавилъ онъ вразумительно.

— Довольно, Иванъ Ѳедоровичъ! Оставьте меня! восклицала Лизавета Прокофьевна: — чего вы мнѣ вашу руку теперь подставляете? Не умѣли давеча вывести; вы мужъ, вы глава семейства; вы должны были меня дуру за ухо вывести, если-бы я васъ не послушалась и не вышла. Хоть для дочерей-то позаботились бы! А теперь безъ васъ дорогу найдемъ, на цѣлый годъ стыда хватить.... Подождите, я еще князя хочу отблагодарить!... Спасибо, князь, за угощеніе! А я-то разсѣлась молодежь послушать.... Это низость, низость! Это хаосъ, безобразіе, этого во снѣ не увидишь! Да неужто ихъ много такихъ?... Молчи, Аглая! Молчи, Александра! Не ваше дѣло!... Не вертитесь подлѣ меня, Евгеній Павлычъ, надоѣли вы мнѣ!... Такъ ты, миленькій, у нихъ же и прощенія просишь, подхватила она опять обращаясь къ князю: — „виновать дескать, что осмѣлился вамъ капиталъ предложить“.... а ты чего, фанфаронишка, изволишь смѣяться! накинулась она вдругъ на племянника Лебедева, — „мы дескать отъ капитала отказываемся, мы требуемъ, а не просимъ!“ А точно того и не знаетъ, что этотъ идіотъ завтра же къ нимъ опять потащится свою дружбу и капиталы имъ предлагать! Вѣдь пойдешь? Пойдешь или нѣтъ?

— Пойду, — тихимъ и смиреннымъ голосомъ проговорилъ князь.

— Слышали! Такъ вѣдь на это-то ты и рассчитываешь, — обернулась она опять къ Докторенкѣ, — вѣдь ужь деньги теперь у тебя все равно что въ карманѣ лежатъ, вотъ ты и фанфаронишь, чтобы намъ пыли задать.... Нѣтъ, голубчикъ, другихъ дураковъ найди, а я васъ насквозь вижу.... всю игру вашу вижу!

— Лизавета Прокофьевна! воскликнулъ князь.

— Пойдемте отсюда, Лизавета Прокофьевна, слишкомъ пора, да и князя съ собой уведемъ, — какъ можно спокойнѣе и улыбаясь, проговорилъ князь Щ. Дѣвицы стояли въ сторонѣ, почти испуганныя, генералъ былъ положительно испуганъ; всѣ вообще были въ удивленіи. Нѣкоторые, подальше

стоявшіе, украдкой усмѣхались и перешептывались; лицо Лебедева изображало послѣднюю степень восторга.

— Безобразіе и хаосъ вездѣ, сударыня, найдешь, — проговорилъ, значительно впрочемъ озадаченный, племянникъ Лебедева.

— Да не такіе! Не такіе, батюшка, какъ теперь у васъ, не такіе! съ злорадствомъ, какъ бы въ истерикѣ, подхватила Лизавета Прокофьевна. — Да оставите ли вы меня, — закричала она на уговаривавшихъ ее; — нѣтъ, коли вы ужь даже сами, Евгеній Павлычъ, заявили сейчасъ, что даже самъ защитникъ на судѣ объявлялъ, что ничего нѣтъ естественнѣе какъ по бѣдности шесть человѣкъ укокошить, такъ ужь и впрямь послѣднія времена пришли. Этого я еще и не слыхивала. Теперь мнѣ все объяснилось! Да этотъ косноязычный, развѣ онъ не зарѣжетъ (она указала на Бурдовскаго, смотрѣвшаго на нее съ чрезвычайнымъ недоумѣніемъ)? Да побьюсь объ закладъ, что зарѣжетъ! Онъ денегъ твоихъ, десяти тысячъ, пожалуй, не возьметъ, пожалуй, и по совѣсти не возьметъ, а ночью придетъ и зарѣжетъ, да и вынетъ ихъ изъ шкатулки. По совѣсти вынетъ! Это у него не безчестно! Это „благороднаго отчаянія порывъ“, это „отрицаніе“, или тамъ чортъ знаетъ что.... Тьфу! все навыворотъ, всѣ кверху ногами пошли. Дѣвушка въ домѣ растеть, вдругъ среди улицы прыгъ на дрожки: „маменька, я на дняхъ за такого-то Карлыча или Иваныча замужъ вышла, прощайте!“ Такъ это и хорошо такъ по-вашему поступать? Уваженія достойно, естественно? Женскій вопросъ? Этотъ вотъ мальчишка (она указала на Колю), и тотъ ужь намедни спорилъ, что это-то и значитъ „женскій вопросъ“. Да пусть мать дура была, да ты все-таки будь съ ней человѣкъ!... Чего вы давеча задравши головы-то вошли? „Не смѣйте подступаться“: мы идемъ. „Намъ всѣ права подавай, а ты и зайкнись предъ нами не смѣй. Намъ всѣ почтенія отдавай, какихъ и не бываетъ-то даже, а тебя мы хуже чѣмъ послѣдняго лакея третировать будемъ!“ Истины ищутъ, на правѣ стоятъ, а сами какъ басурмане его въ статьѣ расклеветали. „Требуемъ, а не просимъ, и никакой благодар-

ности отъ насъ не услышите, потому что вы для удовлетворенія своей собственной совѣсти дѣлаете!“ Экая мораль: да вѣдь коли отъ тебя никакой благодарности не будетъ, такъ вѣдь и князь можетъ сказать тебѣ въ отвѣтъ, что онъ къ Павлицеву не чувствуетъ никакой благодарности, потому что и Павлицевъ дѣлалъ добро для удовлетворенія собственной совѣсти. А вѣдь ты только на эту благодарность его къ Павлицеву и рассчитывалъ: вѣдь не у тебя же онъ взаимы деньги бралъ, не тебѣ онъ долженъ, на что же ты рассчитывалъ какъ не на благодарность? Какъ же самъ-то отъ нея отказываешься? Сумасшедшіе! Дикимъ и безчеловѣчнымъ общество признаютъ, за то что оно позоритъ оболъщевную дѣвушку. Да вѣдь коли безчеловѣчнымъ общество признаешь, стало-быть признаешь, что этой дѣвушкѣ отъ этого общества больно. А коли больно, такъ какъ же ты самъ то ее въ газетахъ передъ этимъ же обществомъ выводишь и требуешь, чтобъ это ей было не больно? Сумасшедшіе! Тщеславные! Въ Бога не вѣруютъ, въ Христа не вѣруютъ! Да вѣдь васъ до того тщеславіе и гордость проѣли, что кончится тѣмъ что вы другъ друга переѣдите, это я вамъ предсказываю. И не сумбуръ это, и не хаосъ, и не безобразіе это? И послѣ этого этотъ срамникъ еще прощенія у нихъ же лѣзетъ просить! Да много ли васъ такихъ? Чего усмѣхаетесь: что я себя осрамила съ вами? Да вѣдь ужъ осрамила, ужъ нечего больше дѣлать!... А ты у меня не усмѣхайся, пачкунъ! (на-винулась она вдругъ на Ипполита:) самъ еле дышетъ, а другихъ развращаетъ. Ты у меня этого мальчишку развратилъ (она опять указала на Колю); онъ про тебя только и бредитъ, ты его атеизму учишь, ты въ Бога не вѣруешь, а тебя еще высѣчь можно, милостивый государь, да тѣфу съ вами!... Такъ пойдешь, князь Левъ Николаевичъ, къ нимъ завтра, пойдешь? спросила она опять князя, почти задыхаясь.

— Пойду.

— Знать же тебя не хочу послѣ этого!— Она было быстро повернулась уходить, но вдругъ опять воротилась.—И къ этому атеисту пойдешь? указала она на Ипполита.—Да чего ты

на меня усмѣхаешься, — какъ-то неестественно вскрикнула она и бросилась вдругъ къ Ипполиту, не вынеся его ѣдкой усмѣшки.

— Лизавета Прокофьевна! Лизавета Прокофьевна! Лизавета Прокофьевна! слышалось разомъ со всѣхъ сторонъ.

— Матап, это стыдно! громко вскричала Аглая.

— Не беспокойтесь, Аглая Ивановна, спокойно отвѣчалъ Ипполитъ, котораго подскочившая въ нему Лизавета Прокофьевна схватила и неизвѣстно зачѣмъ крѣпко держала за руку; она стояла предъ нимъ и какъ бы вшила въ него своимъ бѣшеннымъ взглядомъ; — не беспокойтесь, ваша матап разглядитъ, что нельзя бросаться на умирающаго человѣка.... я готовъ разъяснить почему я смѣялся.... очень буду радъ позволенію....

Тутъ онъ вдругъ ужасно закашлялся и цѣлую минуту не могъ унять кашель.

— Вѣдь ужъ умираетъ, а все ораторствуетъ! воскликнула Лизавета Прокофьевна, выпустивъ его руку и чуть не съ ужасомъ смотря какъ онъ вытиралъ кровь съ своихъ губъ, — да куда тебѣ говорить! Тебѣ просто идти ложиться надо....

— Такъ и будетъ, — тихо, хрипло и чуть не шепотомъ отвѣтилъ Ипполитъ, — я какъ ворочусь сегодня, тотчасъ и лягу.... чрезъ двѣ недѣли я, какъ мнѣ извѣстно, умру.... Мнѣ на прошлой недѣлѣ самъ Б-нъ объявилъ.... Такъ если позволите, я бы вамъ на прощаньи два слова сказалъ.

— Да ты съ ума сошелъ что ли? Вздоръ! Лѣчиться надо, какой теперь разговоръ! Ступай, ступай, ложись!... испуганно крикнула Лизавета Прокофьевна.

— Лягу, такъ вѣдь и не встану до самой смерти, улыбнулся Ипполитъ, — я и вчера уже хотѣлъ было такъ лечь, чтобъ ужъ и не вставать, до смерти, да рѣшилъ отложить до послѣ завтра, пока еще ноги носятъ.... чтобы вотъ съ ними сегодня сюда прійдти.... только усталъ ужъ очень....

— Да садись, садись, чего стоишь! Вотъ тебѣ стулъ, вскинулась Лизавета Прокофьевна и сама поставила ему стулъ.

— Благодарю васъ, тихо продолжалъ Ипполитъ, — а вы

садитесь напротивъ, вотъ и поговоримъ.... мы непременно поговоримъ, Лизавета Прокофьевна, теперь ужъ я на этомъ стою.... улыбнулся онъ ей опять.—Подумайте, что сегодня я въ послѣдній разъ и на воздухѣ, и съ людьми, а чрезъ двѣ недѣли навѣрно въ землѣ. Значить, это въ родѣ прощанія будетъ и съ людьми, и съ природой. Я хоть и не очень чувствителенъ, а, представьте себѣ, очень радъ, что это все здѣсь въ Павловскѣ приключилось: все-таки хоть на дерево въ листьяхъ посмотришь.

— Да какой теперь разговоръ, все больше и больше пугалась Лизавета Прокофьевна, — ты весь въ лихорадкѣ. Давеча визжалъ да пицалъ, а теперь чуть духъ переводишь, задохся!

— Сейчасъ отдохну. Зачѣмъ вы хотите отказать мнѣ въ послѣднемъ желаніи?.... А знаете ли, я давно уже мечталъ съ вами какъ-нибудь сойтись, Лизавета Прокофьевна; я о васъ много слышалъ.... отъ Коли; онъ вѣдь почти одинъ меня и не оставляетъ.... Вы оригинальная женщина, эксцентрическая женщина, я и самъ теперь видѣлъ.... знаете ли, что я васъ даже немножко любилъ.

— Господи, а я было, право, чуть его не ударила.

— Васъ удержала Аглая Ивановна; вѣдь я не ошибаюсь? Это вѣдь ваша дочь Аглая Ивановна? Она такъ хороша, что я давеча съ перваго взгляда угадалъ ее, хоть и никогда не видалъ. Дайте мнѣ хоть на красавицу-то въ послѣдній разъ въ жизни посмотрѣть, какою-то неловкою, кривою улыбкой улыбнулся Ипполитъ,—вотъ и князь тутъ, и супругъ вашъ, и вся компанія. Отчего вы мнѣ отказываете въ послѣднемъ желаніи?

— Стулъ! крикнула Лизавета Прокофьевна, но схватила сама и сѣла напротивъ Ипполита.—Коля, приказала она,—отправись съ нимъ немедленно, проводи его, а завтра я непременно сама....

— Если вы позволите, то я попросилъ бы у князя чашку чаю.... Я очень усталъ. Знаете что, Лизавета Прокофьевна, вы хотѣли, кажется, князя къ себѣ вести чай пить; останьтесь-ка здѣсь, проведемте время вмѣстѣ, а князь навѣрно

вамъ всѣмъ чаю дастъ. Простите, что я такъ распоряжаюсь.... Но вѣдь я знаю васъ, вы добрая, князь тоже.... мы всѣ до комизма предобрые люди....

Князь всполошился, Лебедевъ бросился со всѣхъ ногъ изъ комнаты, за нимъ побѣжала Вѣра.

— И правда, рѣзко рѣшила генеральша, — говори, только потише и не увлекайся. Разжалобилъ ты меня.... Князь! Ты не стоилъ бы, чтобъ я у тебя чай пила, да ужъ такъ и быть остаюсь, хотя ни у кого не прошу прощенья! Ни у кого! Вздоръ!... Впрочемъ, если я тебя разбранила, князь, то прости, — если, впрочемъ, хочешь. Я, впрочемъ, никого не задерживаю, обратилась она вдругъ съ видомъ необыкновеннаго гнѣва къ мужу и дочерямъ, какъ будто они-то и были въ чемъ-то ужасно предъ ней виноваты, а и одна домой сумѣю дойти....

Но ей не дали договорить. Всѣ подошли и окружили ее съ готовностью. Князь тотчасъ же сталъ всѣхъ упрашивать остаться пить чай и извинялся, что до сихъ поръ не догадался объ этомъ. Даже генераль былъ такъ любезенъ, что пробормоталъ что-то успокоительное и любезно спросилъ Лизавету Прокофьевну: „не свѣжо ли ей однакоже на террасѣ?“ Онъ даже чуть было не спросилъ Инколита: „давно ли онъ въ университетѣ?“, но не спросилъ. Евгений Павловичъ и князь Щ, стали вдругъ чрезвычайно любезными и веселыми, на лицахъ Аделаиды и Александры выразалось, сквозь продолжавшееся удивленіе, даже удовольствіе, однимъ словомъ, всѣ были видимо рады, что миновалъ кризисъ съ Лизаветой Прокофьевной. Одна Аглая была нахмурена и молча сѣла поодаль. Осталось и все остальное общество; никто не хотѣлъ уходить, даже генераль Иволгинъ, которому Лебедевъ, впрочемъ, что-то шепнулъ мимоходомъ, вѣроятно, не совсѣмъ пріятное, потому что генераль тотчасъ же стушевался куда-то въ уголь. Князь подходилъ съ приглашеніемъ и къ Бурдовскому съ компаніей, не обходя никого. Они пробормотали, съ натянутымъ видомъ, что подождутъ Инколита, и тотчасъ же удалились въ самый дальній уголь террасы, гдѣ и усѣлись опять всѣ рядомъ.

Вѣроятно, чай уже былъ давно приготовленъ у Лебедева для себя, потому что тотчасъ же и явился. Пробыло одиннадцать часовъ.

X.

Ипполитъ помочилъ свои губы въ чашкѣ чаю, поданной ему Вѣрой Лебедевой, поставилъ чашку на столикъ и вдругъ, точно законфузился, почти въ смущеніи осмотрѣлся кругомъ.

— Посмотрите, Лизавета Прокофьевна, эти чашки, какъ-то странно заторопился онъ: — эти фарфоровыя чашки и, кажется, превосходнаго фарфора, стоятъ у Лебедева всегда въ шифоньеркѣ подъ стекломъ, запертыя, никогда не подаются.... какъ водится, это въ приданое за женой его было... у нихъ такъ водится... и вотъ онъ ихъ намъ подалъ, въ честь васъ, разумѣется, до того обрадовался....

Онъ хотѣлъ было еще что-то прибавить, но не нашелся.

— Сконфузился таки, я такъ и ждалъ! шепнулъ вдругъ Евгений Павловичъ на ухо князю: — это вѣдь опасно, а? Вѣрнѣйшій признакъ, что теперь, со зла, такую какую-нибудь эксцентричность выкинетъ, что и Лизавета Прокофьевна, пожалуй, не усидитъ.

Князь вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Вы эксцентричности не боитесь? прибавилъ Евгений Павловичъ. — Вѣдь и я тоже, даже желаю; мнѣ собственно только чтобы наша милая Лизавета Прокофьевна была наказана, и непременно сегодня же, сейчасъ же; безъ того и уходить не хочу. У васъ, кажется, лихорадка.

— Послѣ, не мѣшайте. Да, я нездоровъ, разсѣянно и даже нетерпѣливо отвѣтилъ князь. Онъ услышалъ свое имя, Ипполитъ говорилъ про него.

— Вы не вѣрите? истерически смѣялся Ипполитъ: — такъ и должно быть, а князь такъ съ перваго разу повѣритъ и нисколько не удивится.

— Слышишь, князь? обернулась къ нему Лизавета Прокофьевна: — слышишь?

Кругомъ смѣялись. Лебедевъ суетливо выставлялся впередъ и вертѣлся предъ самою Лизаветой Прокофьевной.

— Онъ говоритъ, что этотъ вотъ кривляка, твой-то хозяинъ.... тому господину статью поправлялъ, вотъ что давеча на твой счетъ прочитали.

Князь съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Лебедева.

— Что жь ты молчишь? даже топнула ногой Лизавета Прокофьевна.

— Что же, пробормоталъ князь, продолжая разсматривать Лебедева, — я ужь вижу, что онъ поправлялъ.

— Правда? быстро обернулась Лизавета Прокофьевна къ Лебедеву.

— Истинная правда, ваше превосходительство! твердо и непоколебимо отвѣтилъ Лебедевъ, приложивъ руку къ сердцу.

— Точно хвалится! чуть не привскочила она на стулъ.

— Низокъ, низокъ! забормоталъ Лебедевъ, начиная ударять себя въ грудь и все ниже и ниже наклоняя голову.

— Да что мнѣ въ томъ, что ты низокъ! Онъ думаетъ, что скажетъ: низокъ, такъ и вывернется. И не стыдно тебѣ, князь, съ такими людишками водиться, еще разъ говорю? — Никогда не прощу тебѣ!

— Меня простить князь! съ убѣжденіемъ и умиленіемъ проговорилъ Лебедевъ.

— Единственно изъ благородства, громко и звонко заговорилъ вдругъ подскочившій Келлеръ, обращаясь прямо къ Лизаветѣ Прокофьевнѣ, — единственно изъ благородства, сударыня, и чтобы не выдать скомпрометтированнаго пріятеля, я давеча утаилъ о поправкахъ, несмотря на то что онъ же насъ съ лѣстницы спустить предлагалъ, какъ сами изволили слышать. Для восстановленія истины признаюсь, что я дѣйствительно обратился къ нему, за шесть цѣлковыхъ, но отнюдь не для слога, а собственно для узнанія фактовъ, мнѣ большею частью неизвѣстныхъ, какъ къ компетентному лицу. Насчетъ штиблетовъ, насчетъ аппетита у швейцарскаго профессора, насчетъ пятидесяти рублей вмѣсто двухсотъ пятидесяти, однимъ словомъ, вся эта группировка, все это принадлежитъ ему за шесть цѣлковыхъ, но слогъ не поправляли.

— Я долженъ замѣтить, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ и какимъ-то ползучимъ голосомъ перебилъ его Лебедевъ, при распространявшемся все болѣе и болѣе смѣхѣ, — что я поправлялъ одну только первую половину статьи, но такъ какъ въ срединѣ мы не сошлись и за одну мысль поссорились, то я вторую половину ужь и не поправлялъ-съ, такъ что все что тамъ безграмотно (а тамъ безграмотно!), такъ ужь это мнѣ не приписывать-съ....

— Вотъ онъ о чемъ хлопочетъ! вскричала Лизавета Прокофьевна.

— Позвольте спросить, обратился Евгеній Павловичъ къ Келлеру, — когда поправляли статью?

— Вчера утромъ, отрапортовалъ Келлеръ, — мы имѣли свиданіе съ обѣщаніемъ честнаго слова сохранить секретъ съ обѣихъ сторонъ.

— Это когда онъ ползалъ-то передъ тобой и увѣрялъ тебя въ преданности! Ну, людишки! Не надо мнѣ твоего Пушкина, и чтобы дочь твоя ко мнѣ не являлась!

Лизавета Прокофьевна хотѣла было встать, но вдругъ раздражительно обратилась къ смѣющемуся Ипполиту:

— Что жь ты, милый, на смѣхъ что ли вздумалъ меня здѣсь выставять!

— Сохрани Господи, криво улыбался Ипполитъ, — но меня больше всего поражаетъ чрезвычайная эксцентричность ваша, Лизавета Прокофьевна; я, признаюсь, нарочно подвелъ про Лебедева, я зналъ какъ на васъ подѣйствуетъ, на васъ одну, потому что князь дѣйствительно простить и ужь навѣрно простилъ.... даже, можетъ, извиненіе въ умѣ подыскалъ, вѣдь такъ, князь, не правда ли?

Онъ задыхался, странное волненіе его возрастало съ каждымъ словомъ.

— Ну?... гнѣвно проговорила Лизавета Прокофьевна, удивляясь его тону: — ну?

— Про васъ я уже много слышалъ, въ этомъ же родѣ.... съ большею радостію.... чрезвычайно научился васъ уважать, продолжалъ Ипполитъ.

Онъ говорилъ одно, но такъ, какъ будто бы этими са-

мыми словами хотѣлъ сказать совсѣмъ другое. Говорилъ съ отгѣнкомъ насмѣшки и въ то же время волновался несоразмѣрно, мнительно оглядывался, видимо путался и терялся на каждомъ словѣ, такъ что все это, вмѣстѣ съ его чахоточнымъ видомъ и съ страннымъ, сверкающимъ, и какъ-будто изстуженнымъ взглядомъ, невольно продолжало привлекать къ нему вниманіе.

— Я бы удивился, совсѣмъ, впрочемъ, не зная свѣта (я сознаюсь въ этомъ), тому, что вы не только сами остались въ обществѣ давешней нашей компаніи, для васъ неприличной, но и оставили этихъ... дѣвицъ, выслушивать дѣло скандальное, хотя онѣ уже все прочли въ романахъ. Я, можетъ-быть, впрочемъ, не знаю.... потому что сбиваюсь, но во всякомъ случаѣ кто кромѣ васъ могъ остаться.... по просьбѣ мальчика (ну да, мальчика, я опять сознаюсь) провести съ нимъ вечеръ и принять.... во всемъ участіе и.... съ тѣмъ.... что на другой день стыдно.... (я, впрочемъ, согласенъ, что не такъ выражаюсь), я все это чрезвычайно хвалю и глубоко уважаю, хотя уже по лицу одному его превосходительства вашего супруга видно какъ все это для него не принято.... Хи-хи! захихикалъ онъ, совсѣмъ спутавшись, и вдругъ такъ закашлялся, что минуты двѣ не могъ продолжать.

— Даже задохся! холодно и рѣзко произнесла Лизавета Прокофьевна, съ строгимъ любопытствомъ разсматривая его:— ну, милый мальчикъ, довольно съ тобою. Пора!

— Позвольте же и мнѣ, милостивый государь, съ своей стороны вамъ замѣтить, раздражительно вдругъ заговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ, потерявшій послѣднее терпѣніе, — что жена моя здѣсь у князя Льва Николаевича, нашего общаго друга и сосѣда, и что во всякомъ случаѣ не вамъ, молодой человѣкъ, судить о поступкахъ Лизаветы Прокофьевны, равно какъ выражаться вслухъ и въ глаза о томъ, что написано на моемъ лицѣ. Да-съ. И если жена моя здѣсь осталась, продолжалъ онъ, раздражаясь почти съ каждымъ словомъ все болѣе и болѣе, — то скорѣе, сударь, отъ удивленія и отъ понятнаго всѣмъ современнаго любопытства по-

смотрѣть странныхъ молодыхъ людей. Я и самъ остался, какъ останавливаюсь иногда на улицѣ, когда вижу что-нибудь, на что можно взглянуть какъ.... какъ.... какъ....

— Какъ на рѣдкость, подсказалъ Евгеній Павловичъ.

— Превосходно и вѣрно, обрадовался его превосходительство, немного запутавшійся въ сравненіи, — именно какъ на рѣдкость. Но во всякомъ случаѣ мнѣ всего удивительнѣе и даже огорчительнѣе, если только можно такъ выразиться грамматически, что вы, молодой человекъ, и того даже не умѣли понять, что Лизавета Прокофьевна теперь осталась съ вами, потому что вы больны, — если вы только въ самомъ дѣлѣ умираете, — такъ сказать изъ состраданія, изъ-за вашихъ жалкихъ словъ, сударь, и что никакая грязь ни въ какомъ случаѣ не можетъ пристать къ ея имени, качествамъ и значенію.... Лизавета Прокофьевна! заключилъ покраснѣвшійся генераль: — если хочешь идти, то простимся съ нашимъ добрымъ княземъ и....

— Благодарю васъ за урокъ, генераль, серьезно и неожиданно прервалъ Ипполитъ, задумчиво смотря на него.

— Пойдемте, ташан, долго ли еще будетъ!... нетерпѣливо и гнѣвно произнесла Аглая, вставая со стула.

— Еще двѣ минуты, милый Иванъ Федоровичъ, если позволишь, съ достоинствомъ обернулась къ своему супругу Лизавета Прокофьевна, — мнѣ кажется, онъ весь въ лихорадкѣ и просто бредитъ; я въ этомъ убѣждена по его глазамъ; его такъ оставить нельзя. Левъ Николаевичъ! могъ бы онъ у тебя ночевать, чтобъ его въ Петербургъ не тащить сегодня? *Сher grince*, вы скучаете? съ чего-то обратилась она вдругъ къ князю Щ. — Поди сюда Александра, поправь себѣ волосы другъ мой.

Она поправила ей волосы, которые нечего было поправлять, и поцѣловала ее; затѣмъ только и звала.

— Я васъ считалъ способною къ развитію.... опять заговорилъ Ипполитъ, выходя изъ своей задумчивости.... — Да! вотъ что я хотѣлъ сказать, обрадовался онъ какъ бы вдругъ вспомнивъ: вотъ Бурдовскій искренно хочетъ защитить свою мать, не правда ли? А выходитъ, что онъ же ее срамитъ.

Вотъ князь хочетъ помочь Бурдовскому, отъ чистаго сердца предлагаетъ ему свою нѣжную дружбу и капиталъ, и можетъ-быть, одинъ изъ всѣхъ васъ не чувствуетъ къ нему отвращенія, и вотъ они-то и стоятъ другъ предъ другомъ какъ настоящіе враги.... Ха-ха-ха! Вы ненавидите всѣ Бурдовскаго за то, что онъ, по-вашему, некрасиво и неизящно относится къ своей матери, вѣдь такъ? такъ? такъ? Вѣдь вы ужасно всѣ любите красоту и изящество формъ, за нихъ только и стоите, не правда ли? (Я давно подозрѣвалъ, что только за нихъ!) Ну, такъ знайте же, что ни одинъ изъ васъ, можетъ, не любилъ такъ свою мать какъ Бурдовскій! Вы, князь, я знаю, послали потихоньку денегъ, съ Ганечкой, матери Бурдовскаго, и вотъ объ закладъ же побьюсь (хи-хи-хи, истерически хохоталъ онъ), объ закладъ побьюсь, что Бурдовскій же и обвинитъ васъ теперь въ неделикатности формъ и въ неуваженіи къ его матери, ей Богу такъ, ха-ха-ха!

Тутъ онъ опять задохся и закашлялся.

— Ну, все? Все теперь, все сказалъ? Ну, и иди теперь спать, у тебя лихорадка, нетерпѣливо перебила Лизавета Прокофьевна, не сводившая съ него своего беспокойнаго взгляда.—Ахъ, Господи! Да онъ и еще говорить!

— Вы, кажется, смѣтесъ? Что вы все надо мною смѣтесъ? Я замѣтилъ, что вы все надо мною смѣтесъ? безпокойно и раздражительно обратился онъ вдругъ къ Евгенію Павловичу; тотъ дѣйствительно смѣялся.

— Я только хотѣлъ спросить васъ, господинъ.... Ипполитъ.... извините, я забылъ вашу фамилію.

— Господинъ Терентьевъ, сказалъ князь.

— Да, Терентьевъ, благодарю васъ, князь, давеча говорили, но у меня вылетѣло.... я хотѣлъ васъ спросить, господинъ Терентьевъ, правду ли я слышалъ, что вы того мнѣнія, что стоитъ вамъ только четверть часа въ окошко съ народомъ поговорить, и онъ тотчасъ же съ вами во всемъ согласится и тотчасъ же за вами поидетъ?

— Очень можетъ быть что говорилъ.... отвѣтилъ Ипполитъ, какъ бы что-то припоминая: — непременно говорилъ!

прибавилъ онъ вдругъ, опять оживляясь и твердо посмотрѣвъ на Евгенія Павловича:—что жь изъ этого?

— Ничего ровно; я только къ свѣдѣнiю, чтобы дополнить.

Евгеній Павловичъ замолчалъ, но Ипполитъ все еще смотрѣлъ на него въ нетерпѣливомъ ожиданiи.

— Ну, что жь, кончилъ что ли? обратилась къ Евгенiю Павловичу Лизавета Прокофьевна;—кончай спорѣй, батюшка, ему спать пора. Или не умѣешь? (Она была въ ужасной досадѣ).

— Я, пожалуй, и очень не прочь прибавить, улыбаясь продолжалъ Евгеній Павловичъ,—что все, что я выслушалъ отъ вашихъ товарищей, господинъ Терентьевъ, и все что вы изложили сейчасъ, и съ такимъ несомнѣннымъ талантомъ, сводится, по моему мнѣнiю, къ теорiи восторжествованiя права, прежде всего и мимо всего, и даже съ исключенiемъ всего прочаго, и даже, можетъ-быть, прежде изслѣдованiя въ чемъ и право-то состоитъ? Можетъ-быть, я ошибаюсь?

— Конечно ошибаетесь, я даже васъ не понимаю..... дальше?

Въ углу тоже раздался ропотъ. Племянникъ Лебедева что-то пробормоталъ вполголоса.

— Да почти ничего дальше, продолжалъ Евгеній Павловичъ,—я только хотѣлъ замѣтить, что отъ этого дѣло можетъ прямо перескочить на право силы, то-есть на право единичнаго кулака и личнаго захотѣнiя, какъ, впрочемъ, и очень часто кончалось на свѣтѣ. Остановился же Прудонъ на правѣ силы. Въ американскую войну многiе самые передовые либералы объявили себя въ пользу плантаторовъ, въ томъ смыслѣ, что негры суть негры, ниже бѣлаго племени, а стало-быть, право силы за бѣлыми...

— Ну?

— То-есть, стало-быть, вы не отрицаете права силы?

— Дальше?

— Вы-таки консеквентны; я хотѣлъ только замѣтить, что отъ права силы до права тигровъ и крокодиловъ и даже до Данилова и Горскаго недалеко.

— Не знаю; дальше?

Ипполитъ едва слушалъ Евгенія Павловича, которому если и говорилъ *ну и дальше*, то, казалось, больше по старой усвоенной привычкѣ въ разговорахъ, а не отъ вниманія и любопытства.

— Да ничего дальше... все.

— Я, впрочемъ, на васъ не сержусь, совершенно неожиданно заключилъ вдругъ Ипполитъ, и едва ли вполнѣ сознавая, протянулъ руку, даже съ улыбкой. Евгеній Павловичъ удивился сначала, но съ самымъ серьезнымъ видомъ прикоснулся къ протянутой ему рукѣ, точно какъ бы принимая прощеніе.

— Не могу не прибавить, сказалъ онъ тѣмъ же двусмысленно почтительнымъ тономъ, — моей вамъ благодарности за вниманіе, съ которымъ вы меня допустили говорить, потому что, по моимъ многочисленнымъ наблюденіямъ, никогда нашъ либераль не въ состояніи позволить имѣть кому-нибудь свое особое убѣжденіе и не отвѣтитъ тотчасъ же своему оппоненту ругательствомъ, или даже чѣмъ-нибудь хуже...

— Это вы совершенно вѣрно, замѣтилъ генераль Иванъ Федоровичъ, и заложивъ руки за спину, съ скучнѣйшимъ видомъ отретировался къ выходу съ террасы, гдѣ съ досады и зѣвнулъ.

— Ну, довольно съ тебя, батюшка, вдругъ объявила Евгенію Павловичу Лизавета Прокофьевна, — надоѣли вы мнѣ...

— Пора, озабоченно и чуть не съ испугомъ поднялся вдругъ Ипполитъ, въ замѣшательствѣ смотря кругомъ; — я васъ задержалъ; я хотѣлъ вамъ все сказать... я думалъ, что всѣ... въ послѣдній разъ... это была фантазія...

Видно было, что онъ оживлялся порывами, изъ настоящаго почти бреда выходилъ вдругъ, на нѣсколько мгновений, съ полнымъ сознаниемъ вдругъ припоминалъ и говорилъ, большею частью отрывками, давно уже, можетъ-быть, надуманными и заученными, въ долгіе, скучные часы болѣзни, на кровати, въ уединеніи, въ бессонницу.

— Ну, прощайте! рѣзко проговорилъ онъ вдругъ. — Вы

думаете, мнѣ легко сказать вамъ: прощайте? Ха-ха! досадливо усмѣхнулся онъ самъ на свой *неловкій* вопросъ и вдругъ, точно разозлясь, что ему все не удастся сказать что хочется, громко и раздражительно проговорилъ:—Ваше превосходительство! Имѣю честь просить васъ ко мнѣ на погребеніе, если только удостоите такой чести и... всѣхъ, господа, вслѣдъ за генераломъ!...

Онъ опять засмѣялся; но это былъ уже смѣхъ безумнаго. Лизавета Прокофьевна испуганно двинулась къ нему и схватила его за руку. Онъ смотрѣлъ на нее пристально, съ тѣмъ же смѣхомъ, но который уже не продолжался, а какъ бы остановился и застылъ на его лицѣ.

— Знаете ли, что я пріѣхалъ сюда для того, чтобы видѣть деревья? Вотъ эти... (онъ указалъ на деревья парка) это не смѣшно, а? Вѣдь тутъ ничего нѣтъ смѣшнаго? серьезно спросилъ онъ Лизавету Прокофьевну и вдругъ задумался; потомъ чрезъ мгновеніе поднялъ голову и любознательно сталъ искать глазами въ толпѣ. Онъ искалъ Евгенія Павловича, который стоялъ очень недалеко, направо, на томъ же самомъ мѣстѣ какъ и прежде, — но онъ уже забылъ и искалъ кругомъ:—А, вы не ушли! нашелъ онъ его наконецъ:—вы давеча все смѣялись, что я въ окно хотѣлъ говорить четверть часа... А знаете, что мнѣ не восемнадцать лѣтъ: я столько пролежалъ на этой подушкѣ, и столько просмотрѣлъ въ это окно, и столько продумалъ.... обо всѣхъ... что... У мертваго лѣтъ не бываетъ, вы знаете. Я еще на прошлой недѣлѣ это подумалъ, когда ночью проснулся... А знаете чего вы боитесь больше всего? Вы искренности нашей боитесь больше всего, хоть и презираете насъ! Я это тоже, тогда же, на подушкѣ подумалъ ночью... Вы думаете, что я надъ вами смѣяться хотѣлъ давеча, Лизавета Прокофьевна? Нѣтъ, я не смѣялся надъ вами, я только похвалить хотѣлъ... Коля говорилъ, что васъ князь ребенкомъ назвалъ... это хорошо... Да, что бишь я.... еще что-то хотѣлъ...

Онъ закрылъ руками лицо и задумался.

— Вотъ что: когда вы давеча прощались, я вдругъ по-

думалъ: вотъ эти люди, и никогда уже ихъ больше не будетъ, и никогда! И деревья тоже, — одна кирпичная стѣна будетъ, красная, Мейерова дома... напротивъ въ окно у меня... ну, и скажи имъ про все это... попробуй-ка, скажи; вотъ красавица... вѣдь ты мертвый, отрекомендуйся мертвецомъ, скажи, что „мертвому можно все говорить...“ и что княгиня Марья Алексѣвна не забранить, ха-ха!... Вы не смѣетесь? обвелъ онъ всѣхъ кругомъ недовѣрчиво. — А знаете, на подушкѣ мнѣ много мыслей приходило... знаете, я увѣрился, что природа очень насмѣшлива... Вы давеча сказали, что я атеистъ, а знаете, что эта природа... Зачѣмъ вы опять смѣетесь? Вы ужасно жестоки! съ грустнымъ негодованіемъ произнесъ онъ вдругъ, оглядывая всѣхъ: — я не развращалъ Колю, закончилъ онъ совершенно другимъ тономъ, серіознымъ и убѣжденнымъ, какъ бы вдругъ тоже вспомнивъ.

— Никто, никто надъ тобой здѣсь не смѣется, успокойся! почти мучилась Лизавета Прокофьевна: — завтра докторъ новый пріѣдетъ; тотъ ошибся; да садись, на ногахъ не стоишь! Бредишь.. Ахъ, что теперь съ нимъ дѣлать! хлопотала она усаживая его въ кресла. Слезинка блеснула на ея щекѣ.

Ишполить остановился почти пораженный, поднялъ руку, боязливо протянулъ ее и дотронулся да этой слезинки. Онъ улыбнулся какою-то дѣтскою улыбкой.

— Я... васъ... заговорилъ онъ радостно, — вы не знаете какъ я васъ... мнѣ онъ въ такомъ восторгѣ всегда о васъ говорилъ, вотъ онъ, Коля... я восторгъ его люблю. Я его не развращалъ! Я только его и оставляю... я всѣхъ хотѣлъ оставить, всѣхъ, — но ихъ не было никого, никого не было... Я хотѣлъ быть дѣятелемъ, я имѣлъ право... О, какъ я много хотѣлъ! Я ничего теперь не хочу, ничего не хочу хотѣть, я далъ себѣ такое слово, чтобъ уже ничего не хотѣть; пусть, пусть безъ меня ищутъ истины! Да, природа насмѣшлива! Зачѣмъ она, подхватилъ онъ вдругъ съ жаромъ, — зачѣмъ она создаетъ самыя лучшія существа съ тѣмъ, чтобы потомъ насмѣяться надъ ними? Сдѣлала же она

такъ, что единственное существо, которое признали на землѣ совершенствомъ... сдѣлала же она такъ, что показавъ его людямъ, ему же и предназначила сказать то, изъ-за чего пролилось столько крови, что еслибъ пролилась она вся разомъ, то люди бы захлебнулись навѣрно! О, хорошо, что я умираю! Я бы тоже, пожалуй, сказалъ какую-нибудь ужасную ложь, природа бы такъ подвела!... Я не развращалъ никого... Я хотѣлъ жить для счастья всѣхъ людей, для открытія и для возвѣщенія истины... Я смотрѣлъ въ окно на Мейерову стѣну и думалъ только четверть часа говорить и всѣхъ, всѣхъ убѣдить, а разъ-то въ жизни, сошелся... съ вами, если не съ людьми! и что же вотъ вышло? Ничего! Вышло, что вы меня презираете! Стало-быть не нуженъ, стало-быть дуракъ, стало-быть пора! И никакого-то воспоминанія не сумѣлъ оставить! Ни звука, ни слѣда, ни одного дѣла, не распространилъ ни одного убѣжденія!... Не смѣйтесь надъ глупцомъ! Забудьте! Забудьте все... забудьте пожалуйста, не будьте такъ жестоки! Знаете ли вы, что еслибы не подвернулась эта чахотка, я бы самъ убилъ себя...

Онъ, кажется, еще много хотѣлъ сказать, но не договорилъ, бросился въ кресла, закрылъ лицо руками и заплакалъ какъ маленькое дитя.

— Ну, теперь что съ нимъ прикажете дѣлать? воскликнула Лизавета Прокофьевна, подскочила къ нему, схватила его голову и крѣпко-на-крѣпко прижала къ своей груди. Онъ рыдалъ конвульсивно. — Ну-ну-ну! ну, не плачь же, ну, довольно, ты добрый мальчикъ, тебя Богъ проститъ, по невѣжеству твоему; ну, довольно, будь мужественъ... Къ тому же и стыдно тебѣ будетъ...

— У меня тамъ, говорилъ Иншолитъ, силась приподнять свою голову, — у меня братъ и сестры, дѣти, маленькія, бѣдныя, невинныя... Она развратитъ ихъ! Вы — святая, вы... сами ребенокъ, — спасите ихъ! Вырвите ихъ отъ этой... она... стыдъ... О, помогите имъ, помогите, вамъ Богъ воздастъ за это сторицею, ради Бога, ради Христа!...

— Говорите же наконецъ, Иванъ Ѳедоровичъ, что те-

перь дѣлать! раздражительно крикнула Лизавета Прокофьевна:—сдѣлайте одолженіе, прервите ваше величавое молчаніе! Если вы не рѣшите, то было бы вамъ извѣстно, что я здѣсь сама ночевать остаюсь; довольно вы меня подъ вашимъ самовластьемъ тиранили!

Лизавета Прокофьевна спрашивала съ энтузіазмомъ и съ гнѣвомъ и ожидала немедленнаго отвѣта. Но въ подобныхъ случаяхъ большею частію присутствующіе, если ихъ даже и много, отвѣчаютъ молчаніемъ, пассивнымъ любопытствомъ, не желая ничего на себя принимать, и выражаютъ свои мысли уже долго спустя. Въ числѣ присутствующихъ здѣсь были и такіе, которые готовы были просидѣть тутъ хоть до утра, не вымолвивъ ни слова, на примѣръ, Варвара Ардалионовна, сидѣвшая весь вечеръ поодаль, молчавшая и все время слушавшая съ необыкновеннымъ любопытствомъ, имѣвшая, можетъ-быть, на то и свои причины.

— Мое мнѣніе, другъ мой, высказался генераль, — что тутъ нужна теперь, такъ-сказать, скорѣе сидѣлка чѣмъ наше волненіе, и, пожалуй, благонадежный, трезвый человѣкъ на ночь. Во всякомъ случаѣ спросить князя и... немедленно дать покой. А завтра можно и опять принять участіе.

— Сейчасъ двѣнадцать часовъ, мы ѣдемъ. Ѣдетъ онъ съ нами или остается у васъ? раздражительно и сердито обратился Докторенко къ князю.

— Если хотите — останьтесь и вы при немъ, сказалъ князь, мѣсто будетъ.

— Ваше превосходительство, неожиданно и восторженно подскочилъ къ генералу господинъ Келлеръ, — если требуется удовлетворительный человѣкъ на ночь, я готовъ жертвовать для друга... это такая душа! Я давно уже считаю его великимъ, ваше превосходительство. Я, конечно, моимъ образованіемъ манкировалъ, но если онъ критикуетъ, то вѣдь это перлы, перлы сыплются, ваше превосходительство!....

Генераль съ отчаяніемъ отвернулся.

— Я очень радъ, если онъ останется, конечно, ему трудно ѣхать, объявлялъ князь на раздражительные вопросы Лизаветы Прокофьевны.

— Да ты спишь что ли? Если не хочешь, батюшка, такъ вѣдь я его къ себѣ переведу! Господи, да онъ и самъ чуть на ногахъ стоитъ! Да ты боленъ что ли?

Давеча Лизавета Прокофьевна, не найдя князя на смертномъ одрѣ, дѣйствительно сильно преувеличила удовлетворительность состоянія его здоровья, судя по наружному виду, но недавняя болѣзнь, тяжелыя воспоминаія ее сопровождавшія, усталость отъ хлопотливаго вечера, случай съ „сыномъ Павлицева“, теперешній случай съ Ипполитомъ, — все это раздражило больную впечатлительность князя дѣйствительно почти до лихорадочнаго состоянія. Но кромѣ того, въ глазахъ его теперь была еще и какая-то другая забота, даже боязнь; онъ опасливо глядѣлъ на Ипполита, какъ бы ожидая отъ него еще чего-то.

Вдругъ Ипполитъ поднялся, ужасно блѣдный и съ видомъ страшнаго, доходившаго до отчаянія стыда на искаженномъ своемъ лицѣ. Это выражалось преимущественно въ его взглядѣ, ненавистно и боязливо глянувшемъ на собраніе и въ потерянной, искривленной и ползучей усмѣшкѣ на вздрагивавшихъ губахъ. Глаза онъ тотчасъ же опустилъ и побрелъ, пошатываясь и все также улыбаясь, къ Бурдовскому и Докторенку, которые стояли у выхода съ террасы: онъ уѣзжалъ съ ними.

— Ну, вотъ этого я и боялся! воскликнулъ князь. — Такъ и должно было быть!

Ипполитъ быстро обернулся къ нему съ самою бѣшеною злобой, и каждая черточка на лицѣ его, казалось, трепетала и говорила:

— А, вы этого и боялись! „Такъ и должно было быть“, по-вашему? Такъ знайте же, что если я кого-нибудь здѣсь ненавижу, — завопилъ онъ съ хрипомъ, съ визгомъ, съ брызгами изо рта — (я васъ всѣхъ, всѣхъ ненавижу!), но васъ, васъ, іезуитская, паточная душонка, идіотъ, миллионеръ-благодѣтель, васъ болѣе всѣхъ и всего на свѣтѣ! Я васъ давно понялъ и ненавидѣлъ, когда еще слышалъ о васъ, я васъ ненавидѣлъ всею ненавистью души... Это вы теперь все подвели! Это вы меня довели до припадка! Вы уми-

рающаго довели до стыда, вы, вы, вы виноваты въ подломъ моемъ малодушіи! Я убилъ бы васъ, еслибъ остался жить! Не надо мнѣ вашихъ благодарній, ни отъ кого не приму, слышите, ни отъ кого, ничего! Я въ бреду былъ, и вы не смѣете торжествовать!... Проклинаю всѣхъ васъ разъ навсегда!

Тутъ онъ совсѣмъ ужь задохся.

— Слезъ своихъ застыдился! прошепталъ Лебедевъ Лизаветѣ Прокофьевнѣ: — „такъ и должно было быть!“ Ай да князь! Насквозь прочиталъ...

Но Лизавета Прокофьевна не удостоила взглянуть на него. Она стояла гордо, выпрямившись, закинувъ голову и съ презрительнымъ любопытствомъ разсматривала „этихъ людшекъ“. Когда Ипполитъ кончилъ, генераль вскинулъ было плечами; она гнѣвно оглядѣла его съ ногъ до головы, какъ бы спрашивая отчета въ его движеніи, и тотчасъ оборотилась къ князю.

— Спасибо вамъ, князь, эксцентрическій другъ нашего дома, за пріятный вечеръ, который вы намъ всѣмъ доставили. Небось, ваше сердце радуется теперь, что удалось вамъ и насъ прицѣпить къ вашимъ дурачествамъ... Довольно, милый другъ дома, спасибо, что хоть себя-то дали наконецъ разглядѣть хорошенько!...

Она съ негодованіемъ стала оправдять свою мантилью, выжидая, когда „тѣ“ отправятся. Къ „тѣмъ“ въ эту минуту подкатили извозничьи дрожки, за которыми еще четверть часа назадъ Докторенко распорядился послать сына Лебедева, гимназиста. Генераль тотчасъ же вслѣдъ за супругой ввернулъ и свое словцо:

— Дѣйствительно, князь, я даже не ожидалъ.... послѣ всего, послѣ всѣхъ дружественныхъ сношеній... и наконецъ Лизавета Прокофьевна...

— Ну какъ, ну какъ это можно! воскликнула Аделаида, быстро подошла къ князю и подала ему руку.

Князь съ потеряннымъ видомъ улыбнулся ей. Вдругъ горячій, скорый шепотъ какъ бы ожегъ его ухо.

— Если вы не бросите сейчасъ же этихъ мерзкихъ лю-

дей, то я всю жизнь, всю жизнь буду васъ одного ненави-
дѣть! прошептала Аглая; она была какъ бы въ изступленіи,
но она отвернулась, прежде чѣмъ князь успѣлъ на нее взгля-
нуть. Впрочемъ, ему уже нечего и некого было бросать: боль-
наго Ипполита тѣмъ временемъ успѣли кое-какъ усадить на
извозчика, и дрожки отъѣхали.

— Что, жь, долго будетъ это продолжаться, Иванъ Фе-
доровичъ? Какъ по-вашему? Долго я буду терпѣть отъ этихъ
злобныхъ мальчишекъ?

— Да я, другъ мой... я, разумѣется, готовъ и... князь...
Иванъ Федоровичъ протянулъ однакоже князю руку, но
не успѣлъ пожать и побѣжалъ за Лизаветой Прокофьевной;
которая съ шумомъ и гнѣвомъ сходила съ террасы. Аде-
лайда, женихъ ея и Александра искренно и ласково прости-
лись съ княземъ. Евгенийъ Павловичъ былъ въ томъ же числѣ,
и одинъ онъ былъ веселъ.

— По-моему сбылось! Только жаль, что и вы, бѣднень-
кій, тутъ пострадали, прошепталъ онъ съ самою милою ус-
мѣшкой.

Аглая ушла не простившись.

Но приключенія этого вечера тѣмъ еще не кончились; Ли-
заветѣ Прокофьевнѣ пришлось вынести еще одну весьма не-
ожиданную встрѣчу.

Она не успѣла еще сойти съ лѣстницы на дорогу (оги-
бающую кругомъ паркъ), какъ вдругъ блестящій экипажъ,
коляска, запряженная двумя бѣлыми конями, промчалась
мимо дачи князя. Въ коляскѣ сидѣли двѣ великолѣпныя
барыни. Но, проѣхавъ не болѣе десяти шаговъ мимо, ко-
ляска вдругъ остановилась; одна изъ дамъ быстро оберну-
лась, точно внезапно усмотрѣвъ какого-то необходимаго ей
знакомаго.

— Евгенийъ Павлычъ! Это ты? крикнулъ вдругъ звонкій,
прекрасный голосъ, отъ котораго вздрогнулъ князь и, мо-
жетъ-быть, еще кто-нибудь:— ну, какъ я рада, что, нако-
нецъ, разыскала! Я послала къ тебѣ въ городъ нарочнаго;
двухъ! Цѣлый день тебя ищутъ!

Евгений Павловичъ стоялъ на ступенькахъ лѣстницы какъ

пораженный громомъ. Лизавета Прокофьевна тоже стала на мѣстѣ, но не въ ужасѣ и оцѣпенѣніи, какъ Евгеній Павловичъ: она посмотрѣла на дерзкую такъ же гордо и съ такимъ же холоднымъ презрѣніемъ, какъ пять минутъ назадъ на „людишекъ“, и тотчасъ же перевела свой пристальный взглядъ на Евгенія Павловича.

— Новость! продолжалъ звонкій голосъ:— за Купферовы векселя не бойся; Рогожинъ скупилъ за тридцать, я уговорила. Можешь быть спокоенъ хоть мѣсяца три еще. А съ Бискупомъ и со всею этою дрянью навѣрно сладимся, по знакомству! Ну, такъ вотъ, все, значитъ, благополучно. Будь весель. До завтра!

Коляска тронулась и быстро исчезла.

— Это помѣшанная! крикнулъ, наконецъ, Евгеній Павловичъ, покраснѣвъ отъ негодованія и въ недоумѣніи оглядываясь кругомъ:— я знать не знаю что она говорила! Какіе векселя? Кто она такая?

Лизавета Прокофьевна продолжала глядѣть на него еще секунды двѣ; наконецъ быстро и круто направилась къ своей дачѣ, а за нею всѣ. Ровно черезъ минуту на террасу къ князю явился обратно Евгеній Павловичъ въ чрезвычайномъ волненіи.

— Князь, по правдѣ, вы не знаете что это значитъ?

— Ничего не знаю, отвѣтилъ князь, бывшій и самъ въ чрезвычайномъ и болѣзненномъ напряженіи.

— Нѣтъ?

— Нѣтъ.

— И я не знаю, засмѣялся вдругъ Евгеній Павловичъ.— Ей Богу, никакихъ сношеній по этимъ векселямъ не имѣлъ, ну, вѣрите честному слову!... Да что съ вами, вы въ обморокъ падаете?

— О, нѣтъ, нѣтъ, увѣряю васъ, нѣтъ...

XI.

Только на третій день Еланчины вполнѣ умилоствивились. Князь хоть и обвинилъ себя во многомъ, по обыкновенію, и искренно ожидалъ наказанія, но все-таки у него было сна-

чала полное внутреннее убѣжденіе, что Лизавета Прокофьевна не могла на него разсердиться серьезно, а разсердилась больше на себя самое. Такимъ образомъ такой долгій срокъ вражды поставилъ его къ третьему дню въ самый мрачный тупикъ. Поставили и другія обстоятельства, но одно изъ нихъ преимущественно. Всѣ три дня оно разросталось прогрессивно въ мнительности князя (а князь съ недавняго времени винилъ себя въ двухъ крайностяхъ: въ необычной „безмысленной и назойливой“ своей довѣрчивости и въ то же время въ „мрачной, низкой“ мнительности). Однимъ словомъ, въ концѣ третьяго дня приключеніе съ эксцентрическою дамой, разговаривавшею изъ своей коляски съ Евгеніемъ Павловичемъ, приняло въ умѣ его устрашающіе и загадочные размѣры. Сущность загадки, кромѣ другихъ сторонъ дѣла, состояла для князя въ скорбномъ вопросѣ: онъ ли именно виноватъ и въ этой новой „чудовищности“, или только... Но онъ не договаривалъ кто еще. Что же касается до буквъ Н. Ф. Б., то, на его взглядъ, тутъ была одна только невинная шалость, самая даже дѣтская шалость, такъ что и задумываться объ этомъ сколько-нибудь было бы совѣстно и даже въ одномъ отношеніи почти безчестно.

Впрочемъ, въ первый же день послѣ безобразнаго „вечера“, въ беспорядкахъ котораго онъ былъ такою главною „причиной“, князь имѣлъ поутру удовольствіе принимать у себя князя Щ. съ Аделаидой: „они зашли *главное* съ тѣмъ, чтобъ узнать о его здоровьѣ“, зашли съ прогулки, вдвоемъ. Аделаида замѣтила сейчасъ въ паркѣ одно дерево, чудесное старое дерево, развѣсистое, съ длинными, искривленными сучьями, все въ молодой зелени, съ дупломъ и трещиной; она непремѣнно, непремѣнно положила срисовать его! Такъ что почти объ этомъ только говорила цѣлые полчаса своего визита. Князь Щ. былъ любезенъ и милъ по обыкновенію, спрашивалъ князя о прежнемъ, припоминалъ обстоятельства ихъ перваго знакомства, такъ что о вчерашнемъ почти ничего не было сказано. Наконецъ Аделаида не выдержала, и усмѣхнувшись, призналась, что они зашли *incognito*; но тѣмъ

однакоже признанія и кончились, хотя изъ этого *incognito* уже можно было усмотрѣть, что родители, то-есть, главное, Лизавета Прокофьевна, находятся въ какомъ-то особенномъ нерасположеніи. Но ни о ней, ни объ Аглаѣ, ни даже объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Аделаида и князь Щ. не вымолвили въ свое посѣщеніе ни единого слова. Уходя опять гулять, съ собою князя не пригласили. О томъ же чтобы звать къ себѣ и намека не было; на этотъ счетъ проскочило даже одно очень характерное словцо у Аделаиды: рассказывая объ одной своей акварельной работѣ, она вдругъ очень пожелала показать ее: „Какъ бы это сдѣлать поскорѣе? Пойдите! Я вамъ или съ Колей сегодня пришло, если зайдеть, или завтра сама опять, какъ гулять съ княземъ пойдемъ, занесу“, заключила она, наконецъ, свое недоумѣніе, обрадовавшись, что такъ ловко и для всѣхъ удобно удалось ей разрѣшить эту задачу.

Наконецъ, уже почти простившись, князь Щ. точно вдругъ вспомнилъ:

— Ахъ да, спросилъ онъ, — не знаете ли хоть вы, милый Левъ Николаевичъ, что это была за особа, что кричала вчера Евгенію Павлычу изъ коляски?

— Это была Настасья Филипповна, сказалъ князь, — развѣ вы еще не узнали, что это она? А съ нею не знаю кто былъ.

— Знаю, слышалъ! подхватилъ князь Щ. — Но что означалъ этотъ крикъ? Это тавая, признаюсь, для меня загадка... для меня и для другихъ.

Князь Щ. говорилъ съ чрезвычайнымъ и видимымъ изумленіемъ.

— Она говорила о какихъ-то векселяхъ Евгенія Павловича, очень просто отвѣчалъ князь, — которые попались отъ какого-то ростовщика къ Рогожину, по ея просьбѣ, и что Рогожинъ подождетъ на Евгеніи Павлычѣ.

— Слышалъ, слышалъ, дорогой мой князь, да вѣдь этого быть не могло! Никакихъ векселей у Евгенія Павлыча тутъ и быть не могло! При такомъ состояніи... Правда, ему случалось, по вѣтренности, прежде, и даже я его выручалъ...

Но при такомъ состояніи давать векселя ростовщику и о нихъ беспокоиться — невозможно. И не можетъ онъ быть на *ты* и въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ съ Настасьей Филипповной, — вотъ въ чемъ главная задача. Онъ клянется что ничего не понимаетъ, и я ему вполне вѣрю. Но дѣло въ томъ, милый князь, что я хотѣлъ спросить васъ, не знаете ли вы-то чего? То-есть, не дошелъ ли хоть до васъ какимъ-нибудь чудомъ слухъ?

— Нѣтъ, ничего не знаю, и увѣряю васъ, что я въ этомъ нисколько не участвовалъ.

— Ахъ, какой же вы, князь, стали! Я васъ просто не узнаю сегодня. Развѣ я могъ предположить васъ въ такомъ дѣлѣ участникомъ?... Ну, да вы сегодня разстроены.

Онъ обнялъ и поцѣловалъ его.

— То-есть, въ какомъ же „такое“ дѣлѣ участникомъ? Я не вижу никакого „такого“ дѣла.

— Безъ сомнѣнія, эта особа желала какъ-нибудь и въ чемъ-нибудь помѣшать Евгенію Павлычу, придавъ ему въ глазахъ свидѣтелей качества, которыхъ онъ не имѣетъ и не можетъ имѣть, отвѣтилъ князь Щ. довольно сухо.

Князь Левъ Николаевичъ смутился, но однакоже пристально и вопросительно продолжалъ смотрѣть на князя; но тотъ замолчалъ.

— А не просто векселя? Не буквально ли такъ какъ вчера? пробормоталъ наконецъ князь въ какомъ-то нетерпѣніи.

— Да говорю же вамъ, судите сами, что можетъ быть тутъ общаго между Евгеніемъ Павлычемъ и... ею и вдобавокъ съ Рогожинымъ? Повторяю вамъ, состояніе огромное, что мнѣ совершенно извѣстно; другое состояніе, котораго онъ ждетъ отъ дяди. Просто, Настасья Филипповна...

Князь Щ. вдругъ опять замолчалъ, очевидно потому, что ему не хотѣлось продолжать князю о Настасьѣ Филипповнѣ.

— Стало-быть, во всякомъ случаѣ, она ему знакома? спросилъ вдругъ князь Левъ Николаевичъ, помолчавъ съ минуту.

— Это-то, кажется, было; вѣтренникъ! Но, впрочемъ, если было, то ужь очень давно, еще прежде, то-есть года два-три. Вѣдь онъ еще съ Тощимъ былъ знакомъ. Теперь же быть ничего не могло въ этомъ родѣ, на *ты* они не могли быть никогда! Сами знаете, что и ея все здѣсь не было; нигдѣ не было. Многие еще и не знаютъ, что она опять появилась. Экипажъ я замѣтилъ дня три, не больше.

— Великолѣпный экипажъ! сказала Аделаида.

— Да, экипажъ великолѣпный.

Оба удалились впрочемъ въ самомъ дружескомъ, въ самомъ братскомъ, можно сказать, расположеніи къ князю Льву Николаевичу.

А для нашего героя это посѣщеніе заключало въ себѣ нѣчто даже капитальное. Положимъ, онъ и самъ много подозревалъ, съ самой вчерашней ночи (а можетъ, и раньше), но до самаго ихъ визита онъ не рѣшался оправдать свои опасенія вполне. Теперь же становилось ясно: князь Щ., конечно, толковалъ событіе ошибочно, но все же бродилъ кругомъ истины, все-таки понялъ же тутъ—*интригу*. (Впрочемъ, онъ, можетъ-быть, и совершенно вѣрно про себя поимаетъ,—подумалъ князь,—а только не хочетъ высказаться

потому нарочно толкуетъ ошибочно). Яснѣе всего было то, что въ нему теперь заходили (и именно князь Щ.) въ надеждѣ какихъ-нибудь разъясненій; если такъ, то его прямо считаютъ участникомъ въ интригѣ. Кромѣ того, если это все такъ и въ самомъ дѣлѣ важно, то стало-быть у *ней* какая то ужасная цѣль, какая же цѣль? Ужасъ! „Да и какъ *ее* остановишь? Остановить *ее* нѣтъ никакой возможности, когда она убѣждена въ своей цѣли!“ Это уже князь зналъ по опыту. „Сумасшедшая. Сумасшедшая.“

Но слишкомъ, слишкомъ много собралось въ это утро и другихъ неразрѣшимыхъ обстоятельствъ, и все къ одному времени, и все требовало разрѣшенія немедленно, такъ что князь былъ очень грустенъ. Его развлекла немного Вѣра Лебедева, которая пришла къ нему съ Любочкой, и смѣясь, что-то долго рассказывала. За нею послѣдовала и сестра ея, раскрывавшая ротъ, за ними гимназистъ, сынъ Лебедева,

который увѣрялъ, что „Звѣзда Полярная“, въ Апокалипсисѣ, павшая на землю на источники водъ, есть, по толкованію его отца, сѣть желѣзныхъ дорогъ, раскинувшаяся по Европѣ. Князь не повѣрилъ, что Лебедевъ такъ толкуетъ, рѣшено было справиться у него самого при первомъ удобномъ случаѣ. Отъ Вѣры Лебедевой князь узналъ, что Келлеръ прикочевалъ къ нимъ еще со вчерашняго дня и, по всѣмъ признакамъ, долго отъ нихъ не отстанетъ, потому что нашелъ компанію и дружески сошелся съ генераломъ Иволгинымъ; впрочемъ, онъ объявилъ, что остается у нихъ единственно чтобъ укомплектовать свое образованіе. Вообще дѣти Лебедева все болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ начинали князю нравиться. Коли цѣлый день не было: онъ спозаранку отправился въ Петербургъ. (Лебедевъ тоже уѣхалъ чѣмъ свѣтъ по какимъ-то своимъ дѣлишкамъ). Но князь ждалъ съ нетерпѣніемъ посѣщенія Гаврилы Ардаліоновича, который непременно долженъ былъ сегодня же зайти къ нему.

Онъ пожаловалъ въ седьмомъ часу пополудни, тотчасъ послѣ обѣда. Съ перваго взгляда на него, князю подумалось, что по крайней мѣрѣ этотъ господинъ долженъ знать всю подноготную безошибочно, — да и какъ не знать, имѣя такихъ помощниковъ какъ Варвара Ардаліоновна и супругъ ея? Но съ Ганей у князя были отношенія все какія-то особенныя. Князь, напримѣръ, довѣрилъ ему вести дѣло Бурдовскаго и особенно просилъ его объ этомъ; но несмотря на эту довѣренность и на кое-что бывшее прежде, между обоими постоянно оставались нѣкоторые пункты, о которыхъ какъ бы рѣшено было взаимно ничего не говорить. Князю казалось иногда, что Ганя, можетъ-быть, и желалъ съ своей стороны самой полной и дружеской искренности; теперь, напримѣръ, чуть только онъ вошелъ, князю тотчасъ же показалось, что Ганя въ высшей степени убѣжденъ, что въ эту самую минуту настала пора разбить между ними ледъ на всѣхъ пунктахъ. (Гаврила Ардаліоновичъ однакоже торопился; его ждала у Лебедева сестра; оба они спѣшили по какому-то дѣлу).

Но если Ганя и въ самомъ дѣлѣ ждалъ цѣлаго ряда не-

терпѣливыхъ вопросовъ, невольныхъ сообщеній, дружескихъ изліяній, то онъ, конечно, очень ошибся. Во всѣ двадцать минутъ его посѣщенія князь былъ даже очень задумчивъ, почти разсѣянъ. Ожидаемыхъ вопросовъ или, лучше сказать, одного главнаго вопроса, котораго ждалъ Ганя, быть не могло. Тогда и Ганя рѣшился говорить съ большою выдержкой. Онъ не умоляя рассказывалъ всѣ двадцать минутъ, смѣялся, велъ самую легкую, милую и быструю болтовню, но до главнаго не коснулся.

Ганя рассказалъ между прочимъ, что Настасья Филипповна всего только дня четыре здѣсь въ Павловскѣ и уже обращаетъ на себя общее вниманіе. Живетъ она гдѣ-то въ какой-то Матросской улицѣ, въ небольшомъ, неуклюжемъ домикѣ, у Дарьи Алексѣевны, а экипажъ ея чуть не первый въ Павловскѣ. Вокругъ нея уже собралась цѣлая толпа старыхъ и молодыхъ искателей; коляску сопровождаютъ иногда верховые. Настасья Филипповна, какъ и прежде, очень разборчива, допускаетъ къ себѣ по выбору. А всетаки около нея цѣлая команда образовалась, есть кому стать за нее въ случаѣ нужды. Одинъ формальный женихъ, изъ дачниковъ, уже поссорился изъ-за нея съ своею невѣстой; одинъ старичокъ-генералъ почти проклиналъ своего сына. Она часто беретъ съ собой кататься одну прелестную дѣвочку, только что шестнадцати лѣтъ, дальнюю родственницу Дарьи Алексѣевны; эта дѣвочка хорошо поетъ, — такъ что по вечерамъ ихъ домикъ обращаетъ на себя вниманіе. Настасья Филипповна, впрочемъ, держитъ себя чрезвычайно порядочно, одѣвается не пышно, но съ необыкновеннымъ вкусомъ, и всѣ дамы ея „вкусу, красотѣ и экипажу завидуютъ“.

— Вчерашній эксцентрическій случай, промолвился Ганя, конечно, преднамѣренный, и конечно, не долженъ идти въ счетъ. Чтобы придраться къ ней въ чемъ-нибудь надо подыскаться нарочно или оклеветать, что, впрочемъ, не замедлить, заключилъ Ганя, ожидавшій, что князь непременно тутъ спроситъ: „почему онъ называетъ вчерашній случай случаемъ преднамѣреннымъ? И почему не замедлить?“ Но князь не спросилъ этого.

Насчетъ Евгенія Павловича Ганя распространился опять-таки самъ, безъ особыхъ разспросовъ, что было очень странно, потому что онъ ввернулъ его въ разговоръ безо всякаго повода. По мнѣнію Гаврилы Ардаліоновича, Евгеній Павловичъ не зналъ Настасьи Филипповны, онъ ее и теперь тоже чуть-чуть только знаетъ и именно потому, что дня четыре назадъ былъ ей вѣзмъ-то представленъ на прогулкѣ, и врядъ ли былъ хоть разъ у нея въ домѣ, вмѣстѣ съ прочими. Насчетъ векселей тоже быть могло (это Ганя знаетъ даже навѣрно); у Евгенія Павловича состояніе, конечно, большое, но „нѣкоторыя дѣла по имѣнію дѣйствительно находятся въ нѣкоторомъ безпорядкѣ“. На этой любопытной матеріи Ганя вдругъ оборвалъ. Насчетъ вчерашней выходки Настасьи Филипповны онъ не сказалъ ни единого слова, кромѣ сказаннаго вскользь выше. Наконецъ за Ганей зашла Варвара Ардаліоновна, пробыла минутку, объявила (тоже не прошенная), что Евгеній Павловичъ сегодня, а можетъ и завтра, пробудетъ въ Петербургѣ, что и мужъ ея (Иванъ Петровичъ Птицынъ) тоже въ Петербургѣ и чуть ли тоже не по дѣламъ Евгенія Павловича, что тамъ дѣйствительно что-то вышло. Уходя, она прибавила, что Лизавета Прокофьевна сегодня въ адскомъ расположеніи духа, но что всего страннѣе, что Аглая перессорилась со всѣмъ семействомъ, не только съ отцомъ и матерью, но даже съ обѣими сестрами, и „что это совсѣмъ не хорошо“. Сообщивъ какъ бы вскользь это послѣднее (для князя чрезвычайно многозначительное) извѣстіе, братецъ и сестрица удалились. О дѣлѣ съ „сыномъ Павлицева“ Ганечка тоже не упомянулъ ни слова, можетъ-быть, отъ ложной скромности, можетъ-быть, „щадя чувства князя“, но князь все таки еще разъ поблагодарилъ его за старательное окончаніе дѣла.

Князь очень былъ радъ что его оставили наконецъ одного; онъ сошелъ съ терассы, перѣшелъ чрезъ дорогу и вошелъ въ паркъ; ему хотѣлось обдумать и разрѣшить одинъ шагъ. Но этотъ „шагъ“ былъ не изъ тѣхъ, которые обдумываются, а изъ тѣхъ, которые именно не обдумываются, а на которые просто рѣшаются: ему ужасно вдругъ захотѣлось оста-

вить все это здѣсь, а самому уѣхать назадъ откуда пріѣхалъ, куда-нибудь подальше, въ глушь, уѣхать сейчасъ же и даже ни съ кѣмъ не простившись. Онъ предчувствовалъ, что если только останется здѣсь хоть еще на нѣсколько дней, то непременно втянется въ этотъ міръ безвозвратно, и этотъ же міръ и выпадетъ ему впредь на долю. Но онъ не разсуждалъ и десяти минутъ и тотчасъ рѣшилъ, что бѣжать „невозможно“, что это будетъ почти малодушіе, что предъ нимъ стоятъ такія задачи, что не разрѣшить или по крайней мѣрѣ не употребить всѣхъ силъ къ разрѣшенію ихъ онъ не имѣетъ теперь никакого даже и права. Въ такихъ мысляхъ воротился онъ домой и врядъ ли и четверть часа гулялъ. Онъ былъ вполнѣ несчастенъ въ эту минуту.

Лебедева все еще не было дома, такъ что подъ вечеръ къ князю успѣлъ ворваться Келлеръ, не хмѣльной, но съ изліянiями и признанiями. Онъ прямо объявилъ, что пришелъ разсказать князю всю жизнь и что для того и остался въ Павловскѣ. Выгнать его не было ни малѣйшей возможности: не пошелъ бы ни за что. Келлеръ приготовился было говорить очень долго и очень нескладно, но вдругъ почти съ первыхъ словъ перескочилъ къ заключенію и объявилъ, что онъ до того было потерялъ „всякій призракъ нравственности“ (единственно отъ безвѣрія во Всевышняго), что даже воровалъ. — „Можете себѣ это представить!“

— Послушайте, Келлеръ, я бы на вашемъ мѣстѣ лучше не признавался въ этомъ безъ особой нужды, началъ было князь, — а впрочемъ, вѣдь вы можете-быть, нарочно на себя наговариваете?

— Вамъ, единственно вамъ одному, и единственно для того чтобы помочь своему развитію! Больше никому; умру и подъ саваномъ унесу мою тайну! Но, князь, еслибы вы знали, еслибы вы только знали какъ трудно въ нашъ вѣкъ достать денегъ! Гдѣ же ихъ взять, позвольте васъ спросить послѣ этого? Одинъ отвѣтъ: „неси золото и брилліанты, подъ нихъ и дадимъ“, то-есть именно то, чего у меня нѣтъ, можете вы себѣ это представить? Я наконецъ разсердился, постоялъ, постоялъ. „А подъ изумруды, говорю, дадите?“ —

„И подъ изумруды, говоритъ, дамъ“. — „Ну и отлично,“ говорю, — надѣлъ шляпу и вышелъ; чортъ съ вами, подлецы вы такіе! Ей Богу!

— А у васъ развѣ были изумруды?

— Какіе у меня изумруды! О, князь, какъ вы еще свѣтло и невинно, даже, можно сказать, пастушески смотрите на жизнь!

Князю стало, наконецъ, не то чтобы жалко, а такъ какъ бы совѣстно. У него даже мелькнула мысль: „Нельзя ли что-нибудь сдѣлать изъ этого человѣка чѣмъ-нибудь хорошимъ вліяніемъ? Собственное свое вліяніе онъ считалъ по нѣкоторымъ причинамъ весьма негоднымъ, — не изъ самоумаленія, а по нѣкоторому особому взгляду на вещи. Мало-помалу они разговорились, и до того, что и разойдтись не хотѣлось. Келлеръ съ необыкновенною готовностью признавался въ такихъ дѣлахъ, что возможности не было представить себѣ, какъ это можно про такія дѣла рассказывать. Приступая къ каждому разсказу, онъ увѣрялъ положительно, что кается и внутренно „полонъ слезъ“, а между тѣмъ разсказывалъ такъ, какъ будто гордился поступкомъ, и въ то же время до того иногда смѣшно, что онъ и князь хохотали, наконецъ, какъ сумасшедшіе.

— Главное то, что въ васъ какая-то дѣтская довѣрчивость и необычайная правдивость, сказалъ, наконецъ, князь; знаете ли, что ужъ этимъ однимъ вы очень выкупаете?

— Благороденъ, благороденъ, рыцарски благороденъ! подтвердилъ въ умиленіи Келлеръ: — но знаете, князь, все только въ мечтахъ и, такъ-сказать, въ куражѣ, на дѣлѣ же никогда не выходитъ! А почему такъ? И понять не могу.

— Не отчаивайтесь. Теперь утвердительно можно сказать, что вы мнѣ всю подноготную вашу представили; по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, что къ тому, что вы разсказали, теперь больше вѣдь ужъ ничего прибавить нельзя, вѣдь такъ?

— Нельзя?! съ какимъ-то сожалѣніемъ воскликнулъ Келлеръ: — о, князь, до какой степени вы еще, такъ-сказать, по швейцарски понимаете человѣка.

— Неужели еще можно прибавить? съ робкимъ удивленіемъ выговорилъ князь:—такъ чего же вы отъ меня ожидали, Келлеръ, скажите пожалуйста, и зачѣмъ пришли съ вашею исповѣдью?

— Отъ васъ? Чего ждалъ? Вопервыхъ, на одно ваше простодушіе посмотрѣть пріятно; съ вами посидѣть и поговорить пріятно; я, по крайней мѣрѣ, знаю, что предо мной добродѣтельнѣйшее лицо, а вовторыхъ... вовторыхъ...

Онъ замялся.

— Можетъ-быть, денегъ хотѣли занять? подсказалъ князь очень серьезно и просто, даже какъ бы нѣсколько робко.

Келлера такъ и дернуло; онъ быстро, съ прежнимъ удивленіемъ, взглянулъ князю прямо въ глаза и крѣпко стукнулъ кулакомъ объ столъ.

— Ну, вотъ этимъ-то вы и сбиваете человѣка съ послѣдняго панталыку! Да помилуйте, князь: то ужъ такое простодушіе, такая невинность, какихъ и въ золотомъ вѣкѣ не слыхано, и вдругъ въ то же время насквозь человѣка пронзаете, какъ стрѣла, такою глубочайшею психологіей наблюденія. Но позвольте, князь, это требуетъ разьясненія, потому что я... я просто сбить! Разумѣется, въ концѣ концовъ моя цѣль была занять денегъ, но вы меня о деньгахъ спросили такъ, какъ будто не находите въ этомъ предосудительнаго, какъ будто такъ и быть должно?

— Да... отъ васъ такъ и быть должно.

— И не возмущены?

— Да... чѣмъ же?

— Послушайте, князь, я остался здѣсь со вчерашняго вечера, вопервыхъ, изъ особеннаго уваженія къ французскому архіепископу Бурдалу (у Лебедева до трехъ часовъ откупоривали), а вовторыхъ, и главное (и вотъ всѣми крестами крещусь, что говорю правду истинную!), потому остался, что хотѣлъ, такъ-сказать, сообщивъ вамъ мою полную, сердечную исповѣдь, тѣмъ самымъ способствовать собственному развитію; съ этою мыслію и заснулъ въ четвертомъ часу, обливаясь слезами. Вѣрите ли вы теперь благороднѣйшему лицу: въ тотъ самый моментъ какъ я засыпалъ, искренно

полный внутренних и, такъ-сказать, внешнихъ слезъ (потому что, наконецъ, я рыдалъ, я это помню!), пришла мнѣ одна адская мысль: „А что, не занять ли у него въ концѣ концовъ, послѣ исповѣди-то, денегъ?“ Такимъ образомъ, я исповѣдь приготовилъ, такъ-сказать, какъ бы какой-нибудь „фенезерфъ подь слезами“, съ тѣмъ, чтобъ этими же слезами дорогу смягчить и чтобы вы, разластившись, мнѣ сто пятьдесятъ рубликовъ отсчитали. Не низко это по-вашему?

— Да вѣдь это жь навѣрно не правда, а просто одно съ другимъ сошлось. Двѣ мысли вмѣстѣ сошлись, это очень часто случается. Со мной непрерывно. Я, впрочемъ, думаю, что это не хорошо, и знаете, Келлеръ, я въ этомъ всего больше укоряю себя. Вы мнѣ точно меня самого теперь рассказали. Мнѣ даже случалось иногда думать, продолжалъ князь очень серьезно, истинно и глубоко заинтересованный, — что и всѣ люди такъ, такъ что я началъ было и одобрять себя, потому что съ этими *двойными* мыслями ужасно трудно бороться; я испыталъ. Богъ знаетъ какъ они приходятъ и зарождаются. Но вотъ вы же называете это прямо низостью! Теперь и я опять начну этихъ мыслей бояться. Во всякомъ случаѣ, я вамъ не судья. Но все-таки, по-моему, нельзя назвать это прямо низостью, какъ вы думаете? Вы схитрили, чтобы чрезъ слезы деньги выманить, но вѣдь сами же вы клянетесь, что исповѣдь ваша имѣла и другую цѣль, благородную, а не одну денежную; что же касается до денегъ, то вѣдь онѣ вамъ на кутежъ нужны, такъ ли? А это ужь послѣ такой исповѣди, разумѣется, малодушіе. Но какъ тоже и отъ кутежа отстать въ одну минуту? Вѣдь это невозможно. Что же дѣлать? Лучше всего на собственную совѣсть вашу оставить, какъ вы думаете?

Князь съ чрезвычайнымъ любопытствомъ глядѣлъ на Келлера. Вопросъ о двойныхъ мысляхъ видимо и давно уже занималъ его.

— Ну, почему васъ послѣ этого называютъ идиотомъ, не понимаю! вскричалъ Келлеръ.

Князь слегка покраснѣлъ.

— Проповѣдникъ Бурдалу такъ тотъ не пощадилъ бы

человѣка, а вы пощадили человѣка и разсудили меня по-человѣчески! Въ наказаніе себѣ и чтобы показать что я тронуть, не хочу ста пятидесяти рублей, дайте мнѣ только двадцать пять рублей, и довольно! Вотъ все что мнѣ надо, по крайней мѣрѣ, на двѣ недѣли. Раньше двухъ недѣль за деньгами не приду. Хотѣлъ Агашку побаловать, да не стоить она того. О, милый князь, благослови васъ Господь!

Вошелъ, наконецъ, Лебедевъ, только что воротившійся, и замѣтивъ двадцатипятирублевую въ рукахъ Келлера, поморщился. Но Келлеръ, очутившійся при деньгахъ, уже спѣшилъ вонъ и немедленно ступевался. Лебедевъ тотчасъ же началъ на него наговаривать.

— Вы несправедливы, онъ дѣйствительно искренно раскаивался, замѣтилъ, наконецъ, князь.

— Да вѣдь что въ раскаяніи-то! Точь-въ-точь какъ и я вчера: „низокъ, низокъ“, а вѣдь одни только слова-съ!

— Такъ у васъ только одни слова были? А я было думалъ....

— Ну, вотъ вамъ, одному только вамъ объявлю истину, потому что вы проницаете человѣка: и слова, и дѣло, и ложь, и правда—все у меня вмѣстѣ и совершенно искренно. Правда и дѣло состоитъ у меня въ истинномъ раскаяніи, вѣрьте, не вѣрьте, вотъ поклянусь, а слова и ложь состоятъ въ адской (и всегда присущей) мысли, какъ бы и тутъ уловить человѣка, какъ бы и чрезъ слезы раскаянія выиграть! Ей Богу такъ! Другому не сказалъ бы—засмѣется, или плюнетъ; но вы, князь, вы разсудите по-человѣчески.

— Ну вотъ, точь-въ-точь и онъ говорилъ мнѣ сейчасъ, вскричалъ князь,—и оба вы точно хвалитесь! Вы даже меня удивляете, только онъ искреннѣе вашего, а вы въ рѣшительное ремесло обратили. Ну, довольно, не морщитесь, Лебедевъ, и не прикладывайте руки къ сердцу. Не скажите ли вы мнѣ чего-нибудь? Вы даромъ не зайдете...

Лебедевъ закривлялся и закоробился.

— Я васъ цѣлый день поджидалъ, чтобы задать вамъ одинъ вопросъ; отвѣтите хоть разъ въ жизни правду съ.

перваго слова: участвовали вы сколько-нибудь въ этой вчерашней коляскѣ или нѣтъ?

Лебедевъ опять закривлялся, началъ хихикать, потиралъ руки, даже, наконецъ, разчихался, но все еще не рѣшался что-нибудь выговорить.

— Я вижу что участвовали.

— Но косвенно, единственно только косвенно! Истинную правду говорю! Тѣмъ только и участвовалъ, что далъ своевременно знать извѣстной особѣ, что собралась у меня такая компанія, и что присутствуютъ нѣкоторыя лица.

— Я знаю, что вы вашего сына *туда* посылали, онъ мнѣ самъ давеча говорилъ, но что жь это за интрига такая! воскликнулъ князь въ нетерпѣніи.

— Не моя интрига, не моя, отмахивался Лебедевъ, — тутъ другіе, другіе, и скорѣе, такъ сказать, фантазія чѣмъ интрига.

— Да въ чемъ же дѣло, разъясните, ради Христа? Неужели вы не понимаете, что это прямо до меня касается? Вѣдь тутъ чернятъ Евгенія Павловича.

— Князь! Сіятельнѣйшій князь! закоробился опять Лебедевъ: — вѣдь вы не позволяете говорить всю правду; я вѣдь уже вамъ начиналъ о правдѣ; не разъ; вы не позволили продолжать...

Князь помолчалъ и подумалъ.

— Ну, хорошо; говорите правду, тяжело проговорилъ онъ, видимо послѣ большой борьбы.

— Аглая Ивановна... тотчасъ же началъ Лебедевъ.

— Молчите, молчите, неистово закричалъ князь, весь покраснѣвъ отъ негодованія, а можетъ-быть, и отъ стыда. — Быть этого не можетъ, все это вздоръ! Все это вы сами выдумали, или такіе же сумасшедшіе. И чтобъ я никогда не слыхалъ отъ васъ этого болѣе!

Поздно вечеромъ, часу уже въ одиннадцатомъ, явился Коля съ цѣлымъ коробомъ извѣстій. Извѣстія его были двоякія: петербургскія и павловскія. Онъ на-скоро рассказалъ главныя изъ петербургскихъ (преимущественно объ Ипполитѣ и о вчерашней исторіи), съ тѣмъ чтобъ опять перейти къ нимъ

потомъ, и поскорѣе перешелъ въ павловскимъ. Три часа тому назадъ воротился онъ изъ Петербурга, и не заходя къ князю, прямо отправился къ Епанчинимъ. „Тамъ ужасъ что такое!“ Разумѣется, на первомъ планѣ коляска, но навѣрно тутъ что-то такое и еще случилось, что-то такое имъ съ княземъ неизвѣстное. „Я, разумѣется, не шпионилъ и допрашивать никого не хотѣлъ; впрочемъ, приняли меня хорошо, такъ хорошо, что я даже не ожидалъ, но о васъ, князь, ни слова!“ Главнѣе и занимательнѣе всего то, что Аглая поссорилась давеча съ своими за Ганю. Въ какихъ подробностяхъ состояло дѣло—неизвѣстно, но только за Ганю (вообразите себѣ это!) и даже ужасно ссорятся, стало быть что-то важное. Генераль пріѣхалъ поздно, пріѣхалъ нахмуренный, пріѣхалъ съ Евгеніемъ Павловичемъ, котораго превосходно приняли, а самъ Евгеній Павловичъ удивительно веселъ и милъ. Самое же капитальное извѣстіе въ томъ, что Лизавета Прокофьевна, безо всякаго шума, позвала къ себѣ Варвару Ардалионовну, сидѣвшую у дѣвицъ, и разъ навсегда выгнала ее изъ дому, самымъ учтивѣйшимъ, впрочемъ, образомъ,—„отъ самой Вари слышалъ“. Но когда Варя вышла отъ Лизаветы Прокофьевны и простилась съ дѣвицами, то тѣ и не знали, что ей отказано отъ дому разъ навсегда, и что она въ послѣдній разъ съ ними прощается.

— Но Варвара Ардалионовна была у меня въ семь часовъ? спросилъ удивленный князь.

— А выгнали ее въ восьмомъ или въ осемь. Мнѣ очень жаль Варю. жаль Ганю... у нихъ, безъ сомнѣнія, вѣчныя интриги, безъ этого имъ невозможно. И никогда-то я не могъ знать, что они замышляютъ, и не хочу узнавать. Но увѣряю васъ, милый, добрый мой князь, что въ Ганѣ есть сердце. Это человѣкъ во многихъ отношеніяхъ, конечно, погибшій, но во многихъ отношеніяхъ въ немъ есть такія черты, которыя стоитъ поискать чтобы найти, и я никогда не прощу себѣ, что прежде не понималъ его... Не знаю продолжать ли мнѣ теперь послѣ исторіи съ Варей. Правда, я поставилъ себя съ перваго начала совершенно независимо и отдѣльно, но все-таки надо обдумать.

— Вы напрасно слишком жалѣете брата, замѣтилъ ему князь;—если ужъ до того дошло дѣло, стало-быть, Гаврила Ардалионовичъ опасенъ въ глазахъ Лизаветы Прокофьевны, а стало-быть, извѣстныя надежды его утверждаются.

— Какъ, какія надежды! въ изумленіи вскричалъ Коля:—ужъ не думаете ли вы, что Аглая... этого быть не можетъ! Князь промолчалъ.

— Вы ужасный скептикъ, князь, минуты чрезъ двѣ прибавилъ Коля,—я замѣчаю, что съ нѣкотораго времени вы становитесь чрезвычайный скептикъ; вы начинаете ничему не вѣрить и все предполагать... а правильно я употребилъ въ этомъ случаѣ слово „скептикъ“?

— Я думаю, что правильно, хотя, впрочемъ, навѣрно и самъ не знаю.

— Но я самъ отъ слова „скептикъ“ отказываюсь, а нашелъ новое объясненіе, закричалъ вдругъ Коля,—вы не скептикъ, а ревнивецъ! Вы адски ревнуете Ганю къ извѣстной гордой дѣвицѣ!

Сказавъ это, Коля вскочилъ и расхохотался такъ, какъ, можетъ-быть, никогда ему не удавалось смѣяться. Увидавъ, что князь весь покраснѣлъ, Коля еще пуще захохоталъ; ему ужасно понравилась мысль, что князь ревнуетъ къ Аглаѣ, но онъ умолкъ тотчасъ же, замѣтивъ, что тотъ искренно огорчился. Затѣмъ они очень серьезно и озабоченно проговорили еще часъ или полтора.

На другой день князь по одному неотлагаемому дѣлу цѣлое утро пробылъ въ Петербургѣ. Возвращаясь въ Павловскъ уже въ пятомъ часу пополудни, онъ сошелся въ воксалѣ желѣзной дороги съ Иваномъ Федоровичемъ. Тотъ быстро схватилъ его за руку, осмотрѣлся кругомъ, какъ бы въ испугѣ, и потащилъ князя съ собой въ вагонъ перваго класса, чтобъ ѣхать вмѣстѣ. Онъ сгоралъ желаніемъ переговорить о чемъ-то важномъ.

— Впервыхъ, милый князь, на меня не сердись, и если было что съ моей стороны—позабудь. Я бы самъ еще вчера къ тебѣ зашелъ, но не зналъ какъ на этотъ счетъ Лизавета Прокофьевна.... Дома у меня.... просто адъ, загадочный

сфинксъ поселился, а я хожу, ничего не понимаю. А что до тебя, то, по-моему, ты меньше всѣхъ насъ виноватъ, хотя, конечно, чрезъ тебя много вышло. Видишь, князь, быть филантропомъ пріятно, но не очень. Самъ, можетъ, уже вкусилъ плоды. Я, конечно, люблю доброту и уважаю Лизавету Прокофьевну, но...

Генераль долго еще продолжалъ въ' этомъ родѣ, но слова его были удивительно безсвязны. Видно было, что онъ потрясенъ и смущенъ чрезвычайно чѣмъ-то до крайности ему непонятнымъ.

— Для меня нѣтъ сомнѣнія, что ты тутъ не причемъ, высказался наконецъ онъ яснѣе, — но не посѣщай насъ нѣкоторое время, прошу тебя дружески, впредь до переменъ вѣтра. — Что же касается до Евгенія Павлыча, — вскричалъ онъ съ необыкновеннымъ жаромъ, — то все это бессмысленная клевета, клевета изъ клеветъ! Это наговоръ, тутъ интрига, желаніе все разрушить и насъ поссорить. Видишь, князь, говорю тебѣ на ухо: между нами и Евгеніемъ Павлычемъ не сказано еще ни одного слова, понимаешь? Мы не связаны ни чѣмъ, — но это слово можетъ быть сказано, и даже скоро, и даже, можетъ-быть, очень скоро! Такъ вотъ чтобы повредить! А зачѣмъ, почему — не понимаю! Женщина удивительная, женщина эксцентрическая, до того ея боюсь, что едва сплю. И какой экипажъ, бѣлые кони, вѣдь это шикъ, вѣдь это именно то, что называется по-французски шикъ! Кто это ей? Ей Богу согрѣшилъ, подумалъ третьяго дня на Евгенія Павлыча. Но оказывается, что и быть не можетъ, а если быть не можетъ, то для чего она хочетъ тутъ разстроить? Вотъ, вотъ задача! Чтобы сохранить при себѣ Евгенія Павлыча? Но повторяю тебѣ, и вотъ тебѣ крестъ, что онъ съ ней незнакомъ, и что векселя эти — выдумка! И съ такою наглостью ему ты кричишь чрезъ улицу! Чистѣйшій заговоръ! Ясное дѣло, что надо отвергнуть съ презрѣніемъ, а къ Евгенію Павлычу удвоить уваженіе. Такъ я и Лизаветѣ Прокофьевнѣ высказалъ. Теперь скажу тебѣ самую интимную мысль: я упорно убѣжденъ, что она это изъ личнаго мщенія ко мнѣ, помнишь, за през-

нее, хотя я никогда и ни въ чемъ предъ нею виновать не былъ. Краснѣю отъ одного воспоминанія. Теперь, вотъ, она опять появилась, я думалъ, исчезла совсѣмъ. Гдѣ же этотъ Рогожинъ сидитъ, скажите пожалуйста? Я думалъ, она давно уже госпожа Рогожина.

Однимъ словомъ, человекъ былъ сильно сбить съ толку. Весь почти часъ пути онъ говорилъ одинъ, задавалъ вопросы, самъ разрѣшалъ ихъ, пожималъ руку князя и по крайней мѣрѣ въ томъ одномъ убѣдилъ князя, что его онъ и не думаетъ подозрѣвать въ чемъ-нибудь. Это было для князя важно. Кончилъ онъ разговоромъ о родномъ дядѣ Евгеніи Павлыча, начальникѣ какой-то канцеляріи въ Петербургѣ— „на видномъ мѣстѣ, семидесяти лѣтъ, виверъ, гастрономъ и вообще повадливый старикашка... Ха! ха! Я знаю, что онъ слышалъ про Настасью Филипповну и даже добивался. Заѣзжалъ къ нему давеча; не принимаетъ, не здоровъ, но богатъ, богатъ, имѣетъ значеніе и... дай ему Богъ много лѣтъ здравствовать, но опять таки Евгенію Павлычу все достанется... Да, да... а я все-таки боюсь! Не понимаю чего, а боюсь. Въ воздухѣ какъ будто что-то носится, какъ будто летучая мышь, бѣда летаетъ, и боюсь, боюсь!...“

И наконецъ только на третій день, какъ мы уже написали выше, послѣдовало формальное примиреніе Епанчиныхъ съ княземъ Львомъ Николаевичемъ.

XII.

Было семь часовъ пополудни; князь собирался идти въ паркъ. Вдругъ Лизавета Прокофьевна одна вошла къ нему на террасу.

— *Вопервыкъ*, и не смѣй думать, начала она,— что я пришла къ тебѣ прощенія просить. Вздоръ! Ты кругомъ виновать.

Князь молчалъ.

— Виновать или нѣтъ?

— Столько же, сколько и вы. Впрочемъ ни я, ни вы, мы оба ни въ чемъ не виноваты умышленно. Я третьяго

дня себя виноватымъ считалъ, а теперь разсудилъ, что это не такъ.

— Такъ вотъ ты какъ! Ну, хорошо; слушай же и садись, потому что я стоять не намѣрена.

Оба сѣли.

— *Вовторыхъ*: ни слова о злобныхъ мальчишкахъ! Я просижу и проговорю съ тобой десять минутъ; я пришла къ тебѣ справку сдѣлать (а ты думалъ и Богъ знаетъ что?), и если ты хоть однимъ словомъ заикнешься про дерзкихъ мальчишекъ, я встаю и ухожу, и уже совсѣмъ съ тобой разрываю.

— Хорошо, отвѣтилъ князь.

— Позволь тебя спросить; изволилъ ты прислать, мѣсяца два или два съ половиной тому, около Святой, къ Аглаѣ письмо?

— Пи—писалъ.

— Съ какою же цѣлью? Что было въ письмѣ? Покажи письмо!

Глаза Лизаветы Прокофьевны горѣли, она чуть не дрожала отъ нетерпѣнія.

— У меня нѣтъ письма, удивился и оробѣлъ князь ужасно,—если есть и цѣло еще, то у Аглаи Ивановны.

— Не финти! О чемъ писалъ?

— Я не финчу и ничего не боюсь. Я не вижу никакой причины почему мнѣ не писать...

— Молчи! Потомъ будешь говорить. Что было въ письмѣ? Почему покраснѣлъ?

Князь подумалъ.

— Я не знаю вашихъ мыслей, Лизавета Прокофьевна. Вижу только, что письмо это вамъ очень не нравится. Согласитесь, что я могъ бы отказаться отвѣчать на такой вопросъ; но чтобы показать вамъ, что я не боюсь за письмо, и не сожалѣю, что написалъ, и отнюдь не краснѣю за него (князь покраснѣлъ еще чуть не вдвое болѣе), я вамъ прочту это письмо, потому что, кажется, помню его наизусть.

Сказавъ это, князь прочелъ это письмо почти слово-въ-слово какъ оно было.

— Экая галиматья! Что же этотъ вздоръ можетъ означать по-твоему? рѣзко спросила Лизавета Прокофьевна, выслушавъ письмо съ необыкновеннымъ вниманіемъ.

— Самъ не знаю вполнѣ; знаю, что чувство мое было искреннее. Тамъ у меня бывали минуты полной жизни и чрезвычайныхъ надеждъ.

— Какихъ надеждъ?

— Трудно объяснить, только не тѣхъ, про какія вы теперь, можетъ-быть, думаете, — надеждъ... ну, однимъ словомъ, надеждъ будущаго и радости о томъ, что, можетъ-быть, я тамъ не чужой, не иностранецъ. Мнѣ очень вдругъ на родинѣ понравилось. Въ одно солнечное утро я взялъ перо и написалъ къ ней письмо; почему къ ней — не знаю. Иногда вѣдь хочется друга подлѣ; и мнѣ видно друга захотѣлось.... помолчавъ, прибавилъ князь.

— Влюбленъ ты что ли?

— Н-нѣтъ. Я... я какъ сестрѣ писалъ; я и подписался братомъ.

— Гмъ; нарочно; понимаю.

— Мнѣ очень тяжело отвѣчать вамъ на эти вопросы, Лизавета Прокофьевна.

— Знаю, что тяжело, да мнѣ-то дѣла нѣтъ никакого до того, что тебѣ тяжело. Слушай, отвѣчай мнѣ правду какъ предъ Богомъ: лжешь ты мнѣ или не лжешь?

— Не лгу.

— Вѣрно говоришь, что не влюбленъ?

— Кажется совершенно вѣрно.

— Ишь ты, „кажется“! Мальчишка передавалъ?

— Я просилъ Николая Ардаліоновича...

— Мальчишка! Мальчишка! съ азартомъ перебила Лизавета Прокофьевна: — я знать не знаю какой такой Николай Ардаліоновичъ! Мальчишка?

— Николай Ардаліоновичъ...

— Мальчишка, говорю тебѣ!

— Нѣтъ не мальчишка, а Николай Ардаліоновичъ, твердо, хотя и довольно тихо, отвѣтилъ, наконецъ, князь.

— Ну, хорошо, голубчикъ, хорошо! Это тебѣ я причту. Минутку она пересиливала свое волненіе и отдыхала.

— А что такое: „Рыцарь бѣдный“?

— Совсѣмъ не знаю; это безъ меня; шутка какая-нибудь.

— Пріятно вдругъ узнать! Только неужели же она могла заинтересоваться тобой? Сама же тебя „уродикомъ“ и „идіотомъ“ называла.

— Вы бы могли мнѣ это и не пересказывать, укоризненно, чуть не шепотомъ замѣтилъ князь.

— Не сердись. Дѣвка самовластная, сумасшедшая, избалованная, — полюбить, такъ непременно бранить вслухъ будетъ и въ глаза издѣваться; я точно такая же была. Только, пожалуйста, не торжествуй, голубчикъ, не твоя; вѣрить тому не хочу, и никогда не будетъ! Говорю для того, чтобы ты теперь же и мѣры принялъ. Слушай, поклянись, что ты не женатъ на *этой*.

— Лизавета Прокофьевна, что вы, помилуйте? — чуть не привскочилъ князь отъ изумленія.

— Да вѣдь чуть было не женился?

— Чуть было не женился, прошепталъ князь и поникъ головой.

— Что жь, въ нее что ли влюбленъ, коли такъ? Теперь для *нея* пріѣхалъ? Для *этой*.

— Я пріѣхалъ не для того чтобы жениться, отвѣтилъ князь.

— Есть у тебя что-нибудь святое на свѣтѣ?

— Есть.

— Поклянись, что не для того чтобы жениться на *той*.

— Клянусь чѣмъ хотите!

— Вѣрю; поцѣлуй меня. Наконецъ-то я вздохнула свободно; но знай: не любить тебя Аглая, мѣры прими, и не бывать ей за тобою пока я на свѣтѣ живу! Слышалъ?

— Слышалъ.

Князь до того краснѣлъ, что не могъ прямо глядѣть на Лизавету Прокофьевну.

— Заруби же. Я тебя какъ Провидѣніе ждала (не стойлъ ты того!), я подушку мою слезами по ночамъ обливала, не по тебѣ, голубчикъ, не безпокойся, у меня свое

другое горе, вѣчное и всегда одно и то же. Но вотъ зачѣмъ я съ такимъ нетерпѣніемъ ждала тебя: я все еще вѣрю, что самъ Богъ тебя мнѣ какъ друга и какъ роднаго брата прислалъ. Нѣтъ при мнѣ никого, кромѣ старухи Бѣлоконской, да и та улетѣла, да вдобавокъ глупа какъ баранъ стала отъ старости. Теперь отвѣчай просто *да* или *нѣтъ*; знаешь ты зачѣмъ *она* третьяго дня изъ коляски кричала?

— Честное слово, что я тутъ не участвовалъ и ничего не знаю!

— Довольно, вѣрю. Теперь и у меня другія мысли объ этомъ, но еще вчера, утромъ, во всемъ винила Евгенія Павлыча. Цѣлыя сутки третьяго дня и вчера утромъ. Теперь, конечно, не могу не согласиться съ ними: до очевидности, что надъ нимъ тутъ, какъ надъ дуракомъ, насмѣялись, почему-то, зачѣмъ-то, для чего-то (ужь одно это подозрительно! да и неблаговидно!)—но не бывать Аглаѣ за нимъ, говорю тебѣ это! Пусть онъ хорошій человѣкъ, а такъ оно будетъ. Я и прежде колебалась, а теперь ужь навѣрно рѣшила: „Положите сперва меня въ гробъ и закопайте въ землю, тогда выдавайте дочь“, вотъ что я Ивану Федоровичу сегодня отчеканила. Видишь что я тебѣ довѣряю, видишь?

— Вижу и понимаю.

Лизавета Прокофьевна пронзительно всматривалась въ князя; можетъ-быть, ей очень хотѣлось узнать, какое впечатлѣніе производитъ на него извѣстіе о Евгеніи Павлычѣ.

— О Гаврилѣ Иволгинѣ ничего не знаешь?

— То-есть... много знаю.

— Зналъ или нѣтъ, что онъ въ сношеніяхъ съ Аглаей?

— Совсѣмъ не зналъ, удивился и даже вздрогнулъ князь:— какъ, вы говорите, Гаврила Ардалионовичъ въ сношеніяхъ съ Аглаей Ивановной? Быть не можетъ!

— Недавно очень. Тутъ сестра всю зиму ему дорогу протачивала, какъ крыса работала.

— Я не вѣрю, твердо повторилъ князь послѣ нѣкотораго размышленія и волненія. — Еслибъ это было, я бы зналъ навѣрно.

— Небось, онъ бы самъ пришелъ, да на груди твоей признался въ слезахъ! Эхъ ты простофиля, простофиля! Всѣ-то тебя обманываютъ какъ... какъ... И не стыдно тебѣ ему довѣряться? Неужели ты не видишь, что онъ тебя кругомъ облапошилъ?

— Я хорошо знаю, что онъ меня иногда обманываетъ, неохотно произнесъ князь вполголоса, — и онъ знаетъ, что я это знаю... прибавилъ онъ и не договорилъ.

— Знать и довѣряться! Этого не доставало! Впрочемъ, отъ тебя такъ и быть должно. И я-то чему удивляюсь. Господи! Да былъ ли когда другой такой человѣкъ! Тьфу! А знаешь, что этотъ Ганька или эта Варька ее въ сношенія съ Настасьей Филипповной поставили?

— Кого? воскликнулъ князь.

— Аглаю.

— Не вѣрю! Быть того не можетъ! Съ какою же цѣлью?

Онъ вскочилъ со стула.

— И я не вѣрю, хоть есть улики. Дѣвка своевольная, дѣвка фантастическая, дѣвка сумасшедшая! Дѣвка злая, злая, злая! Тысячу лѣтъ буду утверждать, что злая! Всѣ онъ теперь у меня такія, даже эта мокрая курица, Александра, но эта ужъ изъ рукъ вонъ выскочила. Но тоже не вѣрю! Можетъ-быть, потому что не хочу вѣрить, прибавила она какъ будто про себя.—Почему ты не приходилъ? вдругъ обернулась она опять къ князю.—Всѣ три дня почему не приходилъ? нетерпѣливо крикнула ему она другой разъ.

Князь началъ было рассказывать свои причины, но она опять перебила.

— Всѣ-то тебя какъ дурака считаютъ и обманываютъ! Ты вчера въ городъ ѣздилъ; объ закладъ побьюсь, на колѣняхъ стоялъ, десять тысячъ просилъ принять этого поддѣла!

— Совсѣмъ нѣтъ и не думалъ. Даже и не видалъ его и, кромѣ того, онъ не подлець. Я отъ него письмо получилъ.

— Покажи письмо!

Князь досталъ изъ портфеля записку и подалъ Лизаветѣ Прокофьевнѣ. Въ запискѣ было:

«Милостивый государь, я вѣроятно, не имѣю ни малѣйшаго права, въ глазахъ людей, имѣть самолюбіе. По людскому мнѣнію, я слишкомъ ничтоженъ для этого. Но это въ глазахъ людей, а не въ вашихъ. Я слишкомъ убѣдился, что вы милостивый государь, можетъ-быть, лучше другихъ. Я не согласенъ съ Докторенкой и расхожусь съ нимъ въ этомъ убѣжденіи. Я отъ васъ никогда не возьму ни копейки, но вы помогли моей матери, и за это я обязанъ быть вамъ благодаренъ, хотя и чрезъ слабость. Во всякомъ случаѣ я смотрю на васъ иначе и почелъ нужнымъ васъ извѣстить. А затѣмъ полагаю, что между нами не можетъ быть болѣе никакихъ сношеній. Антипъ Бурдовскій».

«P. S Недостающая до двухъ сотъ рублей сумма будетъ вамъ въ теченіи времени вѣрно выплачена».

— Экая безтолочь! заключила Лизавета Прокофьевна, бросая назадъ записку: — не стоило и читать. Чего ты ухмыляешься?

— Согласитесь, что и вамъ пріятно было прочесть.

— Какъ! Эту проѣденную тщеславіемъ галиматью! Да развѣ ты не видишь, что они всѣ съ ума спятили отъ гордости и тщеславія?

— Да, но все-таки онъ повинился, порвалъ съ Докторенкой, и чѣмъ онъ даже тщеславище, тѣмъ дороже это стоило его тщеславію. О, какой же вы маленькій ребенокъ, Лизавета Прокофьевна!

— Что ты отъ меня пощечину что-ли получить наконецъ намѣренъ?

— Нѣтъ, совсѣмъ не намѣренъ. А потому что вы рады запискѣ, а скрываете это. Чего вы стыдитесь чувствъ вашихъ? Вѣдь это у васъ во всемъ.

— Шагу теперь не смѣй ступить ко мнѣ, вскочила Лизавета Прокофьевна, поблѣднѣвъ отъ гнѣва, чтобъ и духу твоего у меня теперь съ этой поры не было никогда!

— А чрезъ три дня сами придете и позовете къ себѣ... Ну какъ вамъ не стыдно? Это ваши лучшія чувства, чего вы стыдитесь ихъ? Вѣдь только сами себя мучаете.

— Умру не позову никогда! Имя твое позабуду! Позабыла!!

Она бросилась вонь отъ князя.

— Мнѣ и безъ васъ уже запрещено ходить къ вамъ, крикнулъ князь ей вслѣдъ.

— Что-о? Кто тебѣ запретилъ?

Она мигомъ обернулась, точно ее укололи иголкой. Князь заколебался было отвѣтить; онъ почувствовалъ, что нечаянно, но сильно проговорился.

— Кто запрещалъ тебѣ? неистово крикнула Лизавета Прокофьевна.

— Аглая Ивановна запрещаетъ...

— Когда? Да го-во-ри же!!!

— Давеча утромъ прислала, чтобъ я никогда не смѣлъ къ вамъ ходить.

Лизавета Прокофьевна стояла какъ остоленѣлая, но она соображала.

— Что прислала? Кого прислала? Черезъ мальчишку? На словахъ? воскликнула она вдругъ опять.

— Я записку получилъ, сказалъ князь.

— Гдѣ? Давай! Сейчасъ!

Князь подумалъ съ минуту, однакоже вынулъ изъ жилетнаго кармана небрежный клочокъ бумаги, на которомъ было написано:

«Князь Левъ Николаевичъ! Если, послѣ всего что было, вы намѣрены удивить меня посѣщеніемъ нашей дачи, то меня, будьте увѣрены, не найдете въ числѣ обрадованныхъ. Аглая Епанчина».

Лизавета Прокофьевна обдумывала съ минуту; потомъ вдругъ бросилась къ князю, схватила его за руки и потащила за собой.

— Сейчасъ! Иди! Нарочно сейчасъ, сію минуту! вскричала она въ припадкѣ необычайнаго волненія и нетерпѣнія.

— Но вѣдь вы меня подвергаете....

— Чему? Невинный простофиля! Точно даже и не мужчина! Ну, теперь я сама все увижу, своими глазами....

— Да шляпу-то по крайней мѣрѣ захватить дайте...

— Вотъ твоя мерзкая шляпенка, идемъ! Фасону даже не умѣлъ со вкусомъ выбрать!.. Это она.... это она послѣдавешняго.... это съ горячки, бормотала Лизавета Прокофьевна, таща за собою князя и ни на минуту не выпуская его руки, — давеча я за тебя заступилась, сказала вслухъ, что дуракъ, потому что не идешь.... иначе не написала бы такую безтолковую записку! Неприличную записку! Неприличную благородной, воспитанной, умной, умной дѣвушкѣ!... Гм, продолжала она, — ужь конечно самой досадно было, что ты не идешь, только не рассчитала, что такъ къ идиоту писать нельзя, потому что буквально приметъ, какъ и вышло. Ты чего подслушиваешь? крикнула она, спохватившись, что проговорила: — Ей шута надо такого какъ ты, давно не видала, вотъ она зятѣмъ тебя проситъ! И я рада, рада, что она теперь тебя на зубокъ подыметъ! Того ты и стоишь. А она умѣетъ, о, какъ она умѣетъ!...

